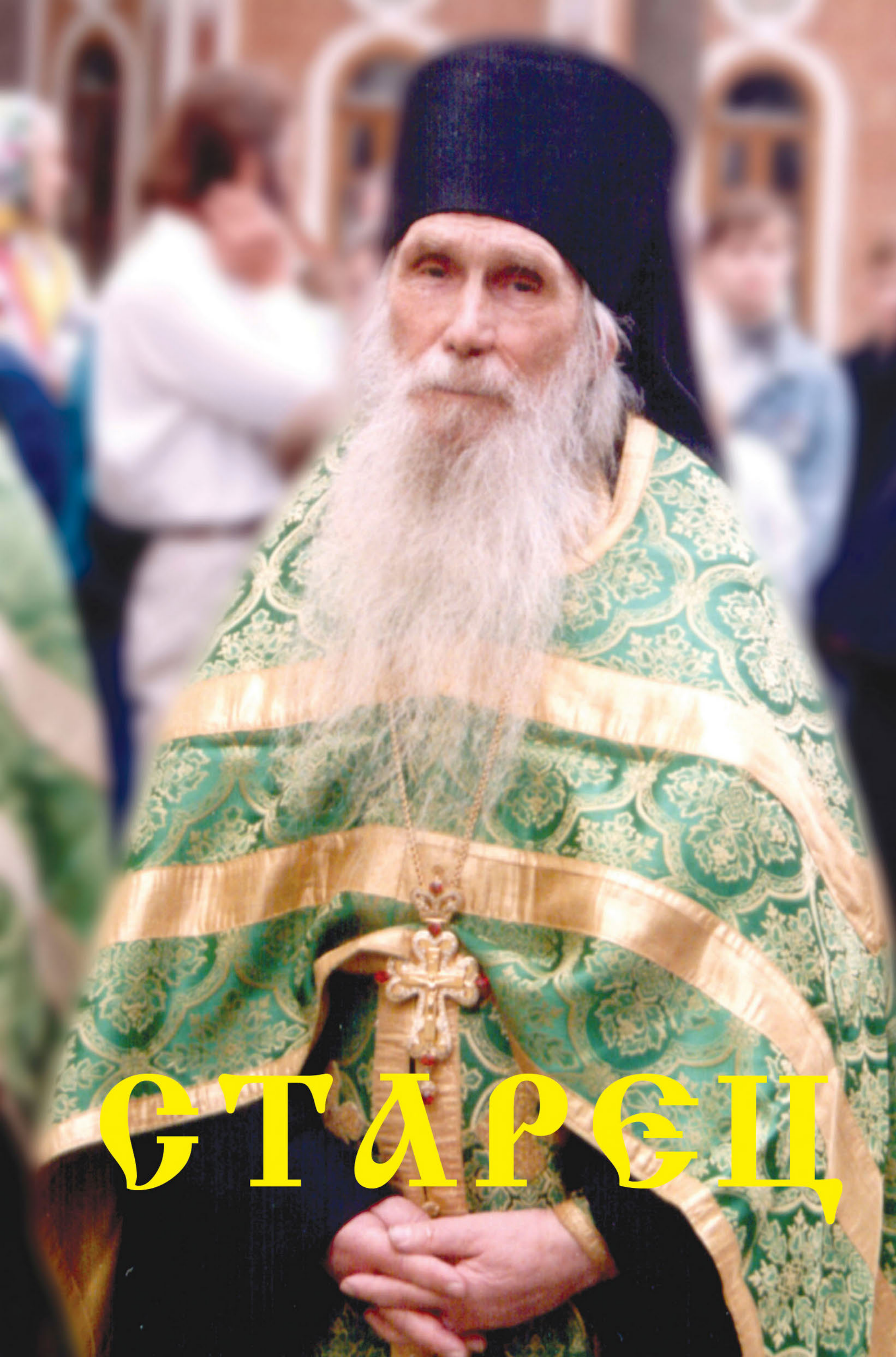

СТАРЕЦ

СТАРЕЦ

архимандрит Кирилл (Павлов)

УДК 23/27
ББК 86.375
С 49

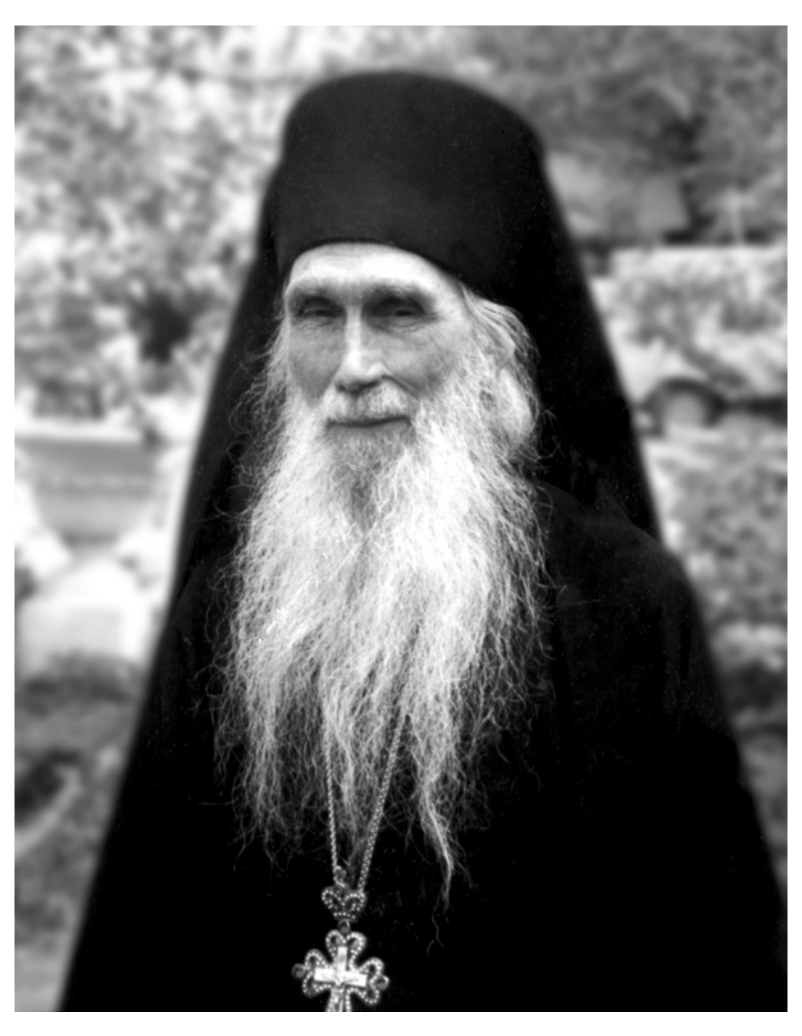
Запись, составление, редакция и оформление — **священник Виктор Кузнецов** — член Союза писателей России, лауреат Имперской премии СП России. М. 2012. — 432 с.: илл.

В настоящем издании представлено текстовое изложение бесед, рассказов знающих, окормляющихся у известного всем, одного из старейших и почтеннейших, духовника трёх наших Патриархов — **архимандрита Кирилла (Павлова)**. Здесь собраны откровенные повествования духовных чад старца, и тех, кто имел встречи и беседы с ним. Они составлены на основании живых свидетельств, непосредственных впечатлений, отражающих непростую жизнь нашей Церкви за полувековой период. На данный момент это первое и наиболее полное повествование о глубоко почитаемом многими православными людьми старце — братском духовнике Троице-Сергиевой Лавры.

*Издание осуществлено благодаря помощи благочестивых **Владимира, Павла, Михаила и Наталии**.*

Да воздаст им Господь *«за временная — вечным, за земная —небесным»*.

ISBN 978-5-9903278-7-5



«Что же мы воздадим **Господеви о всех яже воздаде** *(Пс. 115, 3) нам? За бесконечную Его к нам любовь не иным чем можем мы воздать Ему, как искренней, вседушевной любовью к Нему. Другого ничего от нас и не требует Господь наш:* **возлюбиши Господа Бога Твоего всем сердцем твоим, и всею душею твоею, и всею мыслию Твоею: сия есть первая и большая заповедь** *(Мф. 22, 37, 38)*, **сие сотвори и жив будеши»** *(Лк. 10, 28)*.

Архимандрит Кирилл (Павлов)

АРХИМАНДРИТУ КИРИЛЛУ ОТ ДУХОВНЫХ ЧАД

Дорогой отец Кирилл,
Наш любимый человек,
Господь чудо сотворил –
Ради нас продлил твой век.

От обители вдали
Ты смертельно заболел.
Видно, силы подвели
Или так Господь велел.

Горевали по тебе,
Когда крепко занемог,
Кто в соборе, кто в избе, -
Все молились, кто как мог.

Ожидали с юга весть
Каждый день и каждый час,
Трудно горе перенесть,
Когда был вдали от нас.

Был критический момент,
Видел смерти ты порог,
Медицинский инструмент
Уж помочь тебе не мог.

Но Господь нас пожалел,
Тебя чудом исцелил.
Возвратиться к нам велел,
Жизнь твою еще продлил.

Благодарные сердца
Слава Богу воздают,
Что дождались все отца,
Снова есть у них приют.

Игумен Виссарион (Остапенко).

ЛЮБВЕОБИЛЬНЫЙ АРХИМАНДРИТ

Рука Господня подарила
Нашей обители святой
Смиренного отца Кирилла
С душою кроткой и простой.

Всегда отзывчивый и чуткий,
Готов с любовью всем помочь,
Он зря не тратит ни минутки,
В трудах духовных день и ночь.

К нему душа всегда влечется,
Отрадно видеть его лик,
О каждом брате он печется
Как монастырский духовник.

С любовью братия приходит,
Когда случается нужда.
Для всех он мудрости находит,
Утешит каждого всегда.

Его все люди уважают,
Спешат воздать ему поклон,
Старушки часто окружают,
Когда идет по Лавре он.

Он славы мира избегает –
Себя готовит в мир иной,
Всегда убогим помогает,
Идя дорогой неземной.

Подобно солнышку нас греет
Своею лаской, добротой,
Себя нисколько не жалеет...
Дай Бог венец ему златой!

Игумен Виссарион (Остапенко).

«Из рассказа старицы Обители Евдокии Ефремовны:

— Раз была я в келии у Батюшки Серафима и к концу беседы он прибавил: «Еще скажу, радость моя, я вас духовно породил, и во всех телесных нуждах не оставлю. **Не убойся, говори моё, и как у Угодников Божиих Антония и Феодосия и Сергия Радонежскаго чудотворцев были помощники, списали их житие, не умолчали благодати их, так и ты моё спиши не умолчи моей благодати ради меня убогаго Серафима; придёт время, вас по мне взыщут и будут спрашивать, не умолчите, говорите!»**

(из кн. «Преп. Серафим Саровский и Дивеевская обитель», 2011 г.)

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Уже неоспоримая аксиома, что «белые платочки» спасли Церковь в России. Смею утверждать, что и ныне главным образом ими Она держится сегодня. Они-то своими сокровенными рассказами как драгоценным бисером, наполнили эту копилку поучительных уроков, советов, поучений почитаемого нами Батюшки — архимандрита Кирилла (Павлова) — духовника Троице-Сергиевой Лавры...

Особенно остро необходимость в духовном руководстве, разъяснении происходящей смуты встали перед нами в течении последних трёх десятилетий. Времени всеобщей растерянности, развала и хаоса. Только его, архимандрита Кирилла, мудрые советы и точные определения совершающегося, его ненавязчивые подсказки, молитвы, спасли нас от многих бед, уберегли от многих ошибок и драм. Опытный поводырь, проводник через опасные и гибельные хляби этого мира, он и сейчас покрывает нас своим состраданием и молитвами. Помолимся же и мы о его здравии и долголетии.

Священник Виктор Кузнецов

Примечание:

Сборник собирался нелегко. Были трудности не только организационного, производственного порядка, но и «идеологические». Признаемся, тянуло на компромисс с духом века сего. Мы постарались не поддаться сему. Преподносим всё, как есть. Всё что поведали нам от чистого сердца люди о своём Духовнике.

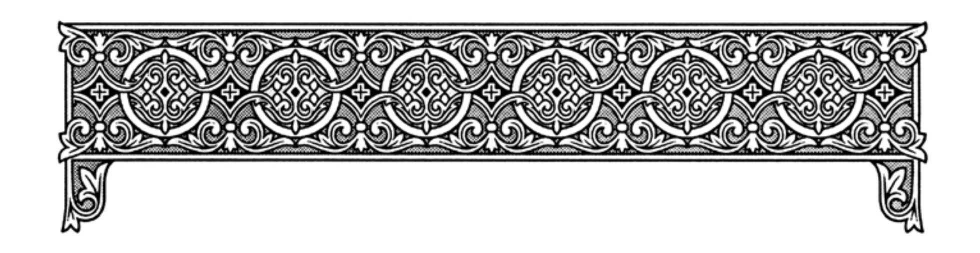
Задавались отцу Кириллу и трудные, острые вопросы, волнующие многих. Батюшка не уклонялся от них *(как увы сейчас делают многие)***.** Давал определённые, твёрдые и честные ответы, объяснения. Скрыть, умолчать это – безчестно не только по отношению к глубоко нами почитаемому Старцу, но и ко всем верующим, желающим и ищущим пути спасения.

Есть, и будут «ревнители», «особо выдающиеся чада», которые, чтобы принизить важность приведённых здесь свидетельств, начнут важничая ворчать, что то или другое, де, неверно изложено. В отличии от таких «специалистов», или ничего не делающих и завиствующих делам других, или сознательных, подсадных лиц при каждом значительном и честном человеке, мы, трудившиеся над этим сборником, можем сказать, что знаем Батюшку более их, основным, главным – единым с ним духом. Верим словам простых людей, которым не для чего «наворачивать» что-либо. Излагаем это, как есть на самом деле.

Некоторые пожелали сохранить тайну авторства своих рассказов об отце Кирилле, что и соблюдено здесь. Все рассказы записаны на аудиоплёнку, имеют документальное подтверждение. Авторская лексика по возможности сохранена.

(Трудники сего издания)

Из-за христианских убеждений в тексте вместо большевистской приставки «бес» используется дореволюционное, правильное — «без».



«Если мы желаем себе добра, если мы ищем себе спасения, то надо, прежде всего, быть истинным последователем Христовым. А для этого нужно исполнять Его заповеди. А чтобы заповеди исполнять, надо знать Христово учение, то есть Евангельское учение, и быть верным, постоянным, достойным учеником Христовым. Надо иметь постоянную жажду искания правды Божией. Если мы так постоянно, настойчиво будем стремиться ко Христу, искать оправдания у Него, творить Его волю, это именно нас и поставит в число Его учеников, в число Его избранников. Стать же учеником Христовым, значит возложить на себя большую ответственность, серьёзно и тщательно относиться ко всей своей жизни, к каждому своему поступку. **Царство Небесное,** ***– говорит Господь, –*** **силою берется, и употребляющие усилие восхищают его».** *(Мф. 11, 12)*.

Архимандрит Кирилл (Павлов)

<u>Протоиерей Георгий и мат. София (Коноваловы):</u>

Отец Георгий: – В архимандрите Кирилле, несмотря на то, что он всегда ведёт себя просто и доступно, не изображая из себя важную персону, чувствуется действительно настоящий старец. Отец Кирилл всегда ласково встречает. Когда его ни встретишь, особенно когда учились в Академии, всегда заставали его на ранней службе, и всегда он с улыбкой уже у мощей Преподобного Сергия Радонежского.

Как-то я по обычаю пришёл к мощам преподобного Сергия Радонежского и встретил там отца Кирилла. Спросил его: «Батюшка, когда к вам можно попасть?». Он сказал, что можно прийти в 8 часов утра. Народу у него было всегда очень много. Несмотря на это, в указанное время он меня радушно принял и много уделил мне своего времени, долго со мной беседовал. Так я первый раз попал в его келью. Эта встреча отложилась у меня на всю жизнь. С тех пор я часто приходил к нему, исповедовался, получал ответы на свои недоуменные вопросы.

После окончания Духовной Академии я был рукоположен и направлен служить в церковь, находящуюся рядом с Лаврой, в честь пророка Илии. С тех пор Батюшка всегда полушутливо называл меня «Ильинский» батюшка и посылал иногда ко мне людей на разные требы. Говорил: «Идите к батюшке из Ильинки».

Какие об отце Кирилле приятные воспоминания! Он не только братский духовник, но общий, всех людей, кто подходит к нему, ищет его. К нему всегда так много народа на исповедь, что подойти практически невозможно. Всегда я старался тоже не выделяться, стоял к нему со всеми вместе. Даже по выражению лица его было видно, что тем, кто был расстроен чем-либо, он что-то особенное, тёплое говорит и ободряет.

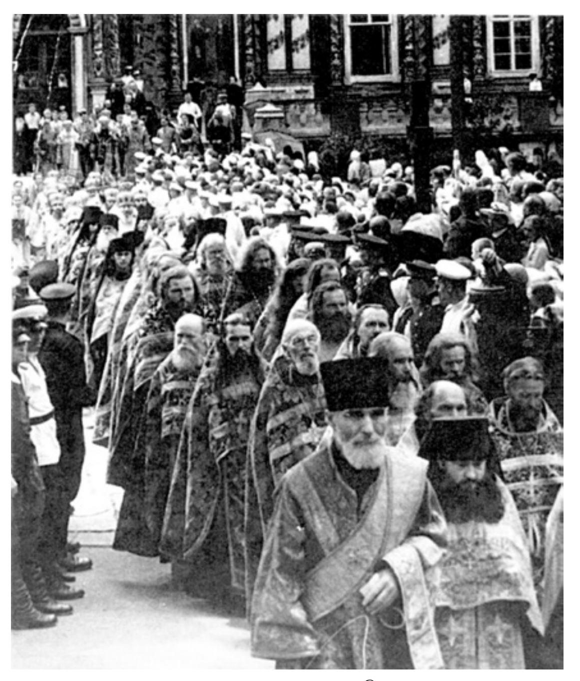
Трудность поначалу у меня была после Академии, когда меня в Ильинку послали. Там все священники были пожилые, опытные, по 20-26 лет отслужили. Я же был молодой, сразу после Семинарии и Академии. Иногда у нас, среди служащих, были несогласия. Они исходили из давней, устоявшейся практики, а я исходил из того, что изучил. Мне было трудно. Мне говорили: «Делай, как мы». Иногда это расходилось с учениями святых отцов. Надо ещё не забывать, что Церковь наша прошла тяжёлый путь не только гонений и притеснений от властей, но и десятилетиями насаждаемого обновленчества. Некоторые «подарочки» остались, прилипла та или иная накипь и к особенностям служения. Расстроенный несогласиями, я ходил за разрешением их к отцу Кириллу. Он терпеливо разбирался,

уточнял и всегда говорил, как надо делать, находил нужные формы обращения и слова. Отец Кирилл мой духовник.

Одна знакомая знакомых с тяжёлой болезнью попала в Химкинскую больницу. Её мать узнала, что в этой больнице лежит и отец Кирилл, но не знала, как попасть к нему. В палату никого не пускали. Вдруг он сам вышел и повернулся лицом к ней, как бы приглашая к беседе, будто её поджидал. Расстроенная мать больной бросилась к нему и рассказала о своей беде. Отец Кирилл прошёл с ней в палату болящей дочери. Ласково поговорил с ними двумя, посоветовал пособоровать и причастить больную. После молитвенной паузы откровенно, но честно, мягко, успокаивающе сказал умирающей: «Доченька, тебе очень хорошо там будет». Мать и дочь поняли, про что он сказал, и были по началу в шоке. Потому что болезнь, хоть и нелегко протекала, но была неопасной, так врачи утверждали. Поражённая услышанным, мать спросила отца Кирилла: «Как быть?!» Ведь если дочь её умирает!.. Тогда останется на её немощных, старческих руках маленькая внучка... Отец Кирилл нашёл нужные для неё слова поддержки и утешения. Он же и попросил меня как можно скорее пособоровать больную. На следующий день я прибыл туда, исповедовал, соборовал, причастил. Видя эту больную, и я, грешный, не обнаружил в ней никаких грозных предзнаменований. Удивился тому, что отец Кирилл так торопил меня. С виду она была похожа на благополучную женщину, выглядевшую намного лучше, чем другие её соседки по палате. Через два дня она неожиданно для всех умерла. Вот как он узнал, что ей остались последние дни жизни? И ещё, как он почувствовал, что ему надо выйти из палаты, он нужен, необходим той матери и её умирающей дочери?

Когда отца Кирилла увезли в Переделкино, мы уже очень редко встречались. Далеко, много служб и треб. Да и у меня самого уже немощей, болезней – целый короб... В последний раз, когда меня возили к Батюшке в Переделкино, он уже был очень больной, но всегда меня узнавал. «А, батюшка из Ильинки!»

– опять улыбаясь поприветствовал он меня.



Крестный ход в Троице-Сергиевой Лавре. 1962 г.

Матушка София: – Мы сами-то местные, посадские. В Лавру часто ходим. Исповедовались, причащались, когда ещё в школе учились. Для окормления мы поступили к архимандриту Тихону (Агрикову).

В Лавре, как и сейчас, много было священников, и мы потянулись к батюшкам пожилым. Отец Кирилл был тогда для нас «молодой». Но и тогда он был каким-то необыкновенным. К нему уже тогда было очень много народа. А детей в основном принимал о. Тихон. Так мы и попали к нему.

Через какое-то время я стала работать в библиотеке Лавры. По большим праздникам, на Пасху и Рождество, отец Кирилл нас всех, работников библиотеки, поздравлял. Заведующий библиотеки о. Феофилакт (сейчас архиерей) и мы ходили к Батюшке. Мы славили Христа, он дарил нам гостинцы и по одному цветочку. Под благословение всегда подходили к нему. Никогда не было заметно, что он болеет, тщательно он скрывает свои недуги. Всегда улыбается и смотрит, как кто вокруг себя чувствует.

Последняя встреча у меня была с о. Кириллом, когда он шёл из Академии, а я туда входила. Смотрю – большая группа людей стоит, отец Кирилл всех благословляет. Тут же я к нему

пробралась и говорю: «Батюшка, помолитесь об о. Георгии с Ильинской церкви». А он мне в ответ: «Ильинском? Бог его да благословит» и осенил меня крестным знамением. Тогда он уже уезжал надолго, в Переделкино. Навсегда я запомнила его лицо – и на этот раз доброе и ласковое. Отец Георгий действительно после благословения Батюшкой быстро поправился.

«Кроткие силою доброй воли своей, своим дивным терпением укрощают праведный гнев свой, успокаивают невольное раздражение и всегда остаются в пределах самообладания, никогда не выходят из себя».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Владимир Романович Бульчук:

– Когда я поступил в семинарию, первым делом встретился с архимандритом Кириллом. Но до этого я приезжал сюда в 50-м году (я не знал ещё ничего, и знакомых никого не было) и встретился тогда с о. Доримедонтом. Он был игуменом в то время, потом стал архимандритом. Всю жизнь он был с Патриархом Алексием I. В дни ленинградской блокады Патриарх был митрополитом и отец Доримедонт был там с ним. Когда в 1946 году открыли Троице-Сергиеву Лавру, митрополит Алексий приехал в Москву, и его избрали на Патриаршество. Архимандрита Доримедонта он поставил казначеем Лавры. Когда я встретил отца Доримедонта, он мне сказал:

– Ой, деточка, ты у меня ещё долго-долго будешь здесь, и мои косточки соберёшь.

– Батюшка, как так? – изумился я такой неожиданной теме нашего разговора.

– Да, да, да, – утвердительно настаивал он.

Я у него два месяца жил и уехал, а когда я приехал в 1952 году в Семинарию (я уже учился в Минской Жировицкой семинарии, а сюда каждое лето приезжал, руководил хором, пел

здесь), мне сказали, что, о. Доримедонт умер, а казначейство передал архимандриту Кириллу (тогда он был ещё игуменом). И вот я познакомился с о. Кириллом, сказал ему: «Батюшка, Вы будете моим духовником?» Он согласился на это и стал моим духовником.

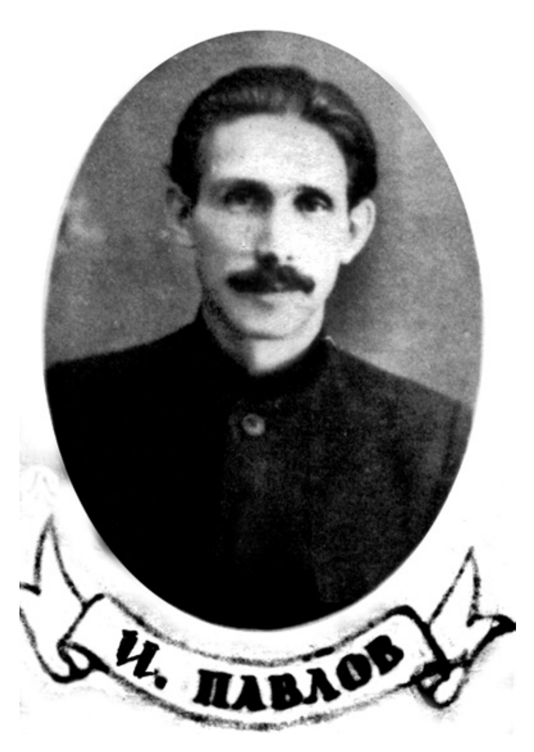


Фото со стенда выпускников Академии. 1954 г.

Вы спросите: почему я попросился именно к нему? Ведь много же есть пожилых и очень мудрых священников, почему я к отцу Кириллу потянулся? Чем он отличается от других старцев? На это трудно и одновременно легко ответить. Вот как. Это надо почувствовать, это всё под духом, это чувствовать надо. Передать можно, конечно, кое-что словами, описывать, но это не суть. Надо быть рядом с таким человеком и чувствовать благодать, исходящую от него.

В 1956 году я поступил в Духовную Академию Лавры на стационарное обучение. Сначала перешёл заканчивать Семинарию сюда, в Сергиеву Лавру, но в 1956 году я уже определённо поступил в Духовную Академию и стал у отца Кирилла на послушании.

Каждый год отец Кирилл ездил в пасхальный период в село Маково (в этом селе он родился). Там у него похоронены родители, а теперь похоронены брат и сестры.

Для нас это было великим праздником. Первым делом мы, конечно, совершали монашеское правило. В то время я руководил хором, но без Батюшки ничего не делал, всё под его руководством.

Отец Кирилл для меня – самый близкий, дорогой для меня человек. И не только для меня, потому что тысячи людей его навещали, знают его. Каждый день он принимал с семи утра после братского молебна и до двенадцати, а в двенадцать мы ходили к нему в келью, читали правило. После правила оставалось у нас 10 минут перед обедом, и он нам обязательно что-нибудь историческое рассказывал: или из истории России, или из жизни древних патриархов, или ещё чего-нибудь. Для нас это было поучительно.

Жизнь отца Кирилла складывалась нелегко. Прежде всего, надо упомянуть, что он до своего монашества вёл борьбу с видимыми врагами. Он ведь воевал, защищал Россию, нашу Родину. Во время войны он прошёл смертоносное горнило Сталинграда. Впоследствии, когда он принял монашество, он стал защитником наших душ. Злых духов отгоняет от нас. Исповедует, наставляет нас. Он человек очень добрый и очень сильный.

С 1955 года я знаком с отцом Кириллом и никогда не видел, чтобы он где-то раздражался или чтобы зло в нём было. Он всегда с ласковой улыбочкой, всегда с добрым отношением. Наставления такие даёт, которые, сразу чувствуется, обязательно должны исполниться. Так и есть.

Когда к нему подходили, просили у него милостыню, он отдавал всё. Во времена коммунистов было очень трудно в Церкви. Несмотря на всё это, он раздавал иногда милостыню даже из монастырской кассы, будучи казначеем. Однажды он раздал все деньги – в кассе Лавры на то время не осталось денег. Что делать? Отец Кирилл взмолился: «Преподобный Сергий, помоги нам. Завтра отдавать за воду, за свет, за аренду Лавры». Вдвоём с келейником о. Тимофеем они всю ночь молились преподобному Сергию Радонежскому. И вы представьте себе, рано утром приехал архиерей из далёкой епархии и дал большую сумму денег. Отец Кирилл не только уплатил все долги, деньги ещё остались. Батюшка давал возможность жить людям, которые не имели ничего.

У нас в Сергиевом Посаде, в то время в Загорске, находились старые монахини Новодевичьего монастыря, Батюшка и им помогал. Помогал материально, и продуктами, и одеждой. Таким образом, содержал их. Отец Кирилл очень любвеобильный. Каждый день до тысячи человек принимал! Несмотря на то, что с семи утра был на ногах, но весь день, каждую минуту свободную от служб и послушаний он принимал людей, беседовал с ними, исповедовал, наставления давал, и люди возвращались после него, окрылённые духом Божьим. Приходили некоторые раздражённые, другие плакали, а уходили от него с радостью. И это при том, что всегда их очень много было, большой массой они собирались к нему. Он всех жалел, а себя не жалел. Ради людей изводил, просто изматывал себя ежедневно.

С 1961 года моя супруга перепечатывала на машинке Батюшкины письма, его поздравления с праздниками архиереям, священникам, мирянам. Всех он поздравлял, духовных сыновей, дочерей и незнаемых. До пяти тысяч писем подписывал я конверты писем отца Кирилла, которые супруга моя печатала. Как-то раз спрашиваю: «Батюшка, вы помните всех?». Он скромно промолчал. Никогда он себя не выставлял на похвальбу, никогда не любил, когда его хвалили. Никогда не дожидался, чтоб его благодарили за его благодеяния, а когда слу-

Архимандрит Кирилл получает благословление у Патрирха Пимена. 1975 г.

чалось такое, то слушал молча, но чтобы не обидеть человека, слегка улыбался.

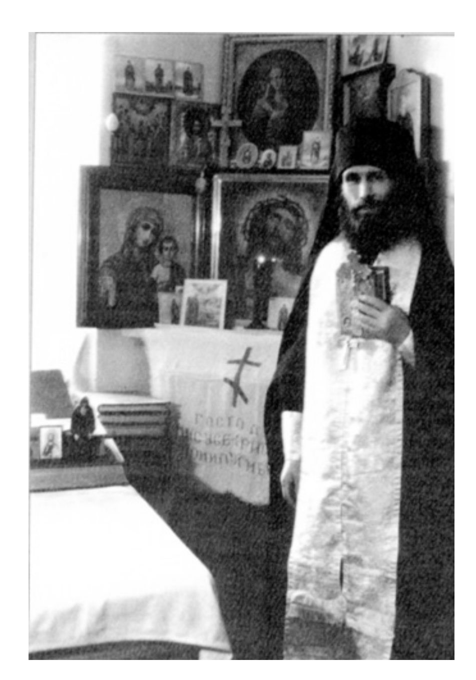
Печатали мы как-то письмо во Владивосток. Я не разобрал почерк и говорю: «Петя и жена его Аня». «И дочка Нюра», – уточнил отец Кирилл. Значит, он всех знал, помнил. Он не только наставлял в письмах своих, а он помнил, знал, и за всех молился. Богу возносил свои молитвы!..

Враг, конечно, не спит, и отца Кирилла хотели власти выселить отсюда, из Лавры, но Патриарх Алексий I защитил его. Впоследствии те начали восставать против Батюшки опять, хотели отправить его отсюда под красивым предлогом на Афон. Конечно, братия очень скорбела. В Великий Четверг он уже собрался уезжать, и кто-то сказал Патриарху Пимену, что отца Кирилла высылают. Патриарх недоуменно спросил: «А как же будет Лавра?». Тут же Патриарх Пимен написал указ о том, чтобы оставить при Лавре духовником и казначеем архимандрита Кирилла. И все насельники Лавры возрадовались. Всё возвратилось на круги своя.

Батюшка наш добрейший. Где я только не был с ним: объехали почти всю Россию. Везде то панихиды совершали, то беседы он проводил, то на требы ездили с ним. Всё это время отец Кирилл, несмотря на большую усталость, тяжёлые нагрузки,

болезни, всегда доброжелателен со всеми и нас даже поддерживает, всех утешает.

Обязан Батюшке я и благополучием своей семьи.

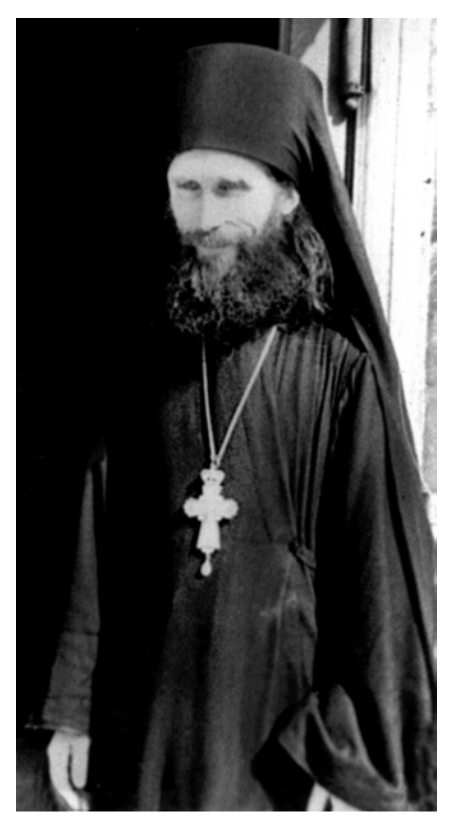


1957 г.

Женился я в 1961 году. Мы жили вначале на казённой квартире. Потом, по молитвам Батюшки, нам неожиданно дают квартиру от государства, небольшую, но совсем близко, через дорогу от Лавры. Жили мы там 15 лет, у нас уже появились дети, было три сына и дочка. Всё хоть немного устроилось. Но враг не дремлет. Особенно по отношению к нам – идущим путём спасения. Вот и у нас возникли большие скорби – из-за неустройств в основном. У меня возникли в то время острые проблемы с женой. Она даже хотела детей увезти. Промыслом Божиим попал я в это время на Афон в Грецию. Мне старцы там сказали: «Молись, и слава Богу! Теперь ты наш, монахом будешь». Помню, я тогда на них за такие слова как-то обиделся. Возвращаюсь в Сергиев Посад. Прихожу к отцу Кириллу. Пересказываю ему проблему свою и то, что мне сказали по этому поводу афонские старцы. Вот так и так... Батюшка долго молчал, отошёл к молитвенному уголку. Стою спокойно, жду. Уверен, что тут получу разрешение своих скорбей. Благодать, какая от него исходит, не опишешь словами, это надо быть рядом с ним! Батюшка возвращается ко мне и говорит: «Молись, только молись за них, и не лезь пока туда, а то их обозлишь». И он был абсолютно прав. Хорошо, что я тогда не поверил и не послушался афонцев. Не порвал слабые тогда нити своей семьи. Прошло немного време-

ни моего послушания словам отца Кирилла – они сами, жена и дети, ко мне приехали.

Опять же, по молитвам Батюшки, нам вдруг предлагают другую квартиру, бывшую коммуналку. Рядом, тоже близко от Лавры. Эта квартира была большая, но очень запущена, там жило три хозяина, только одна комната была подходящей для жилья. Отец Кирилл по моей просьбе приехал, посмотрел, уверенно сказал: «Соглашайся, бери. Всё будет хорошо». Стал я оформлять документы. Пошёл, а там ни в какую: «пусть вам квартиру Лавра даёт. Меняйтесь и живите там, в Лавре». Собрав документы, я пошёл к Батюшке. Отец Кирилл просмотрел документы, перекрестил их и говорит: «Иди смело». У меня сын как раз в это время пришёл из армии, старшина роты был, верующий очень парень. И вот что получилось. Пошёл сын к председателю исполкома и говорит:



1962 г.

– Вот документы. Всё в порядке. Почему нам не дают?

– А кто не даёт? – спрашивает вдруг предисполкома.

– Администрация той организации, которой принадлежит эта квартира.

– Почему?

– Мы не знаем.

Чиновник посмотрел и вдруг пишет: «Немедленно поменять». Говорит сыну: «Идите в обменное бюро, чтоб вам немедленно дали ордер на обмен».

Сын берёт бумаги, идёт в указанное учреждение. Там говорят: «Через две недели

придёте». Подкрепляемый молитвой и благословением отца Кирилла, сын смело возвращается к председателю исполкома и говорит: «Вы сказали, чтоб мне сразу дали ордер, а там не дают, говорят, приходите через две недели».

– Как через две недели?

Председатель исполкома набирает телефон и спрашивает: «Вы хотите работать?». Те сразу: «Да, мы сейчас же дадим. Пусть приходят».

Тут же дали обменный ордер. К Рождеству мы въехали в новую квартиру и до сих пор живём. Безусловно, мы обязаны этой квартирой только отцу Кириллу. И это не только у нас, у многих были такие случаи.

Бывало, конечно, что отца Кирилла обижали и клеветали на него. А он с любовью относился к тем людям, которые зло ему делали. Молился за них, и молитва помогала во всех его бедах и скорбях.

Так, к примеру, у отца Кирилла произошла большая неприятность, одна из многих. За его доброту и помощь нуждающимся людям у него отобрали должность казначея. Тогдашний наместник Лавры в резкой форме потребовал у отца Кирилла все ключи, будто бы в связи с тем, что отец Кирилл уже старый и слабый. Давайте, мол, мы снимем с вас эту должность. Братия, конечно, не довольна была, потому что они любили Батюшку, он часто выручал и помогал и братии, родителям их и всем нуждающимся. Отец Кирилл, конечно же, согласился, потому что он никогда не нарушал послушания. После него поставили архимандрита Исайю, потом других... Но никто уже не рисковал так, как отец Кирилл, помогая людям, попавшим в трудную, денежную или вещевую ситуацию.

Одна женщина хотела сделать аборт.

– Я ещё не замужем и для меня это будет великим позором, – говорила она отцу Кириллу.

Он участливо её убеждал:

Никоновский придел Троицкого собора Лавры. Духовник братии архимандрит Кирилл дает наставления новопостриженным.

– Подумай. Ты что, убийцей хочешь быть? Хочешь убить ребёнка? Он тебя ещё будет кормить, этот ребёнок. Иди, родишь и воспитывай.

Она призадумалась и пошла обнадёженная, довольная всем. Родила, вышла замуж. Хорошо жили втроём, но немного. Муж умер, а сын действительно кормил её до последних дней. Он женился, создал тоже хорошую, православную семью. Вот такие небольшие случаи, но жизненные показывают, как далеко провидел Батюшка, всех нас поддерживает и сейчас.

Некоторые из братии ходили к отцу Кириллу, жаловались на трудности. Один пожаловался, что ему тяжело нести послушания. Батюшка ласково утешил и его: «Ты не безпокойся, всё будет хорошо, ты молись больше. Матерь Божия любит монахов. Монахи – это же ученики Её. Тебе станет легко, и ты будешь радоваться».

Действительно, начал тот монах молиться, начал посещать чаще храм, и уныние прошло у него. Всё у него нормализовалось. Рукоположили его во иеродиакона, потом в иеромона-

ха, а потом стал игуменом, затем архимандритом, а сейчас уже архиерей. Он, приезжая сюда, встречает меня, вспоминает и говорит: «Вот молитва Батюшки, вот его участие, доброта-то!..».

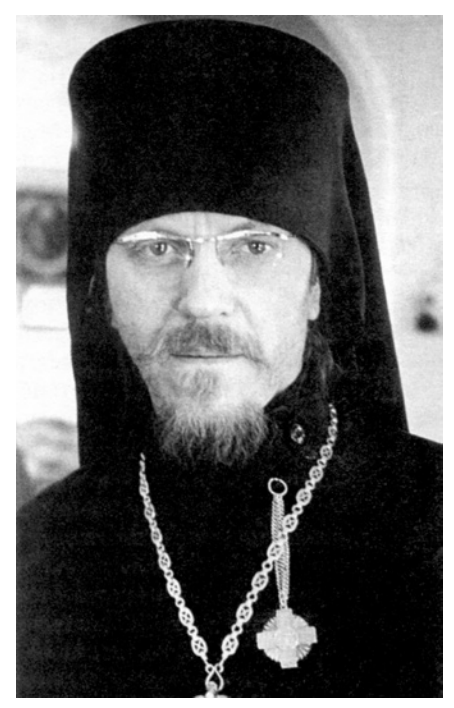
Жизнь у отца Кирилла многогранная, любвеобильная. Он любит всех людей, любит животных. У него всегда под окном кельи, и сейчас – кормушка для птиц. Бывало, и несколько кормушек висело. Батюшка покупал для птиц семечки и кормил их всегда, сколько он жил в Лавре. На улице, когда шёл, всегда голуби его окружали, знали, что он будет их кормить. Как пословицу, он говорил при этом: «Блажен, яже и скоты милует». Не только людей кормит Батюшка духовно и материально, а кормил даже птиц и животных.

Появилась мышка в его келье, а у него кошка была. Батюшка исповедует кого-нибудь, а она подлезет к нему под мантию, спрячется в засаду на мышь. Отец Кирилл шутливо ей приговаривает: «Ты смотри, не подслушивай, что я тут исповедую, а то ты разгласишь всем. Нарушишь тайну исповеди». Переживал Батюшка, как бы кошка не сцапала ту мышку. Кто-то посоветовал отцу Кириллу, соорудил мышеловку из проволоки. Мышка туда залезла, а вылезти не может. Он взял эту мышеловку, вынес на улицу, открыл мышеловку, выпустил мышку, мышка побежала. Даже за мышку он переживал, жалел, понимаете?

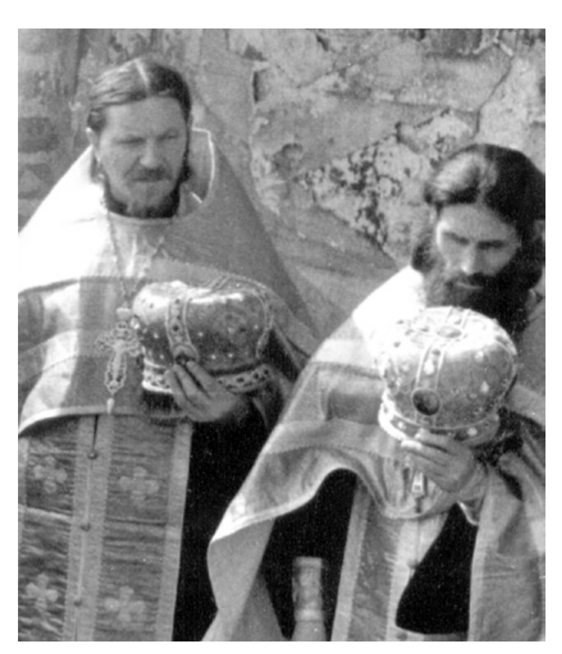
Это вот такой человек, который любит по-настоящему, духовно нас всех, и мир, и человечество. Так что можно сказать про Батюшку только одно – удивление и восхищение. От него исходит благодать, как от святынь.

В Лавре учились три друга, архимандрита: Тихон (Агриков), Фёдор (Андрюшенко) и Кирилл (Павлов). Они вместе окончили Семинарию, затем Академию. Они дружили между собой. Отец Тихон исповедовал народ, как и отец Кирилл, но на него, за его смелые наставления семинаристам, враг напустил сильные и наглые нападения – примерно двадцать пять женщин не давали ему нигде прохода. Одни из них считали, что радость ему доставляли своими притязаниями, думали так: «Мы же любим, почитаем его!». Бес, конечно же, разжигал и направлял. Как же вы любите, спрашивается, когда вы постоянно ему нигде проходу не даёте. Мешаете в службах, молитвах, везде? Другие делали это по заданию властей. Одна потом призналась, что им, организаторам преследований архимандрита Тихона, за это большие деньги платили. Донимали они его, хлеще чем «иоанниты» Иоанна Кронштадтского.

Это было примерно в 1966-1967 годах. Однажды о. Тихон служил в Академии. Они прибежали в храм, человек шесть, вскочили в алтарь, разбили окна, и одна из них побежала за ним. (Отец Тихон отслужил Литургию и ушёл. На втором этаже ушёл к инспектору, будущему архиепископу Рязанскому Симону, у которого он жил в келье, чтобы на улицу не выходить). Та бесноватая побежала туда и стучится в дверь, её никто не пускает, она говорит, что сейчас спрыгнет, свалится со второго этажа и скажет, что это отец Тихон её толкнул. И вот представляете, я был в то время воспитателем в Семинарии, ко мне бегут и кричат: «Владимир Романович, вон она, хулиганка. Вскрыла себе вены». Она идёт к нам, у неё кровь льётся. Отец Тихон с семинаристами привели её ко мне в комнату. Мы перевязали жгутом, я вызвал милицию. Милиция пришла: «Ну, мы знаем, всё понятно». Вызвали скорую помощь, и ей зашили, всё сделали нормально. Но этим всё не закончилось. Впоследствии, когда в воскресенье мы шли с Панагией в трапезную, она же, та бесовка сверху, со второго этажа прыгнула на отца Тихона, но не попала, а упала на асфальт, разбилась и умерла. После этого о. Тихона всё же лишили Лавры, выдворили власти. Упекли его далеко, в Закарпатье. Но и туда, наряду с добрыми людьми, чадами архимандрита Тихона, ездили и эти чумовые. Не все, конечно, но преследовали некоторые и там. Теперь его уже нет, он умер. Архимандрит Тихон (Агриков)



Архимандрит Тихон (Агриков). 1965 г.



Архимандрит Тихон (Агриков) и архимандрит Кирилл (Павлов). 1967 г.

был большой друг отца Кирилла. Оба фронтовики.

Враг наслал злобных клеветников. Возле о. Тихона появились эксцентричные особы, которые преследовали его. Как на праведного Иоанна Кронштадтского бросались женщины, и их называли «иоаннитками», так и отцу Тихону Господь попустил похожее испытание. Батюшку оскорбляли, даже кусались, старались сорвать монашескую одежду, бросались перед ним на землю и хватали за ноги. Студенты и братия пытались защитить старца, отбивали его. Днём ему нельзя было спокойно пройти по монастырю – только рано утром или поздно вечером. Невозможно стало исповедовать. Трудно было даже служить. Хулиганки били стекла в храме. Сторожа не могли с ними справиться. Они переодевались в мужскую одежду и пробирались даже в алтарь...

Отец Тихон вынужден был жить в семинарском корпусе. Но, несмотря на то, что стояли вахтеры и дежурные семинаристы, преследователи проникали и туда. Дело дошло до того, что они стали бить стекла в корпусе, и отец Тихон старался уже никуда не выходить из монастыря. «Нападающие», их было человек двадцать, за определенную плату работали от органов. Когда их отправляли за хулиганство в милицию, они тут же оказывались на свободе – их выпускали. Одна из них спустя много лет призналась, что получала за свои выходки

деньги от органов власти. Некоторые из них имели какое-то повреждение духовное.

В конце концов архимандрита Тихона постигла та же участь, что и первых лаврских старцев, за которыми шло много народа. Тогда еще хорошо помнили схиигумена Савву, которого перевели в Псково-Печерский монастырь, отца Михея и отца Никона, которых отправили в Одессу, – подальше от столицы.

1960-е годы были очень трудными. Киево-Печерская Лавра была уже закрыта. Милиция терзала Почаевский монастырь. Постоянно ожидали закрытия и Троице-Сергиевой обители. Власти обсуждали возможность перевода Лавры в другой город. Братия утешали друг друга: «Хотя бы еще один день прожить в монастыре, а там пойдем куда-нибудь страдать». Ухудшилось снабжение, резко повысили тарифы на электричество, начались перебои с водоснабжением. Милиция следила и за братией, и за богомольцами, особенно за молодыми парнями и девушками, приезжавшими в монастырь. Священникам не разрешали встречаться, беседовать с народом вне храмов. Каждый новый человек, приехавший в Лавру помолиться или поработать, был на учете. С послушников силой снимали подрясники, запрещали ночевать в обители. Иногда забирали в отделение, издевались, запугивали, изматывали многочасовыми допросами. Трудно было поступить в монастырь, а те, которые уже подвизались в нем, терпели множество скорбей.

Шел 1968 год. Широким фронтом наступал экуменизм. В «ЖМП» публиковали статьи митрополита Никодима Ротова. Семинаристы просили батюшку разъяснить церковную политику, задавали вопросы, а он отвечал: «Вот вы, студенты, не знаете всех тонкостей, а что же говорить о мирских людях? « Икономия», «акривия»... Могут ли они знать, что под этим понимать? Знаете, какое предательство Церкви здесь, в этих словах?! Изменение полностью устава, изменение всего!..» Вскоре отца Тихона из академии удалили. **Блажени изгнаны правды ради** *(Мф. 5,10)*.

Архимандрит Тихон (справа) с братией Лавры, перед изгнанием. 1968 г.

Наместник Лавры позвонил в милицию, попросил убрать возмутительниц спокойствия. А там отвечают: «Пока вы не уберете Агрикова, мы не можем их убрать».

Все, что происходило со старцем, не могло бесследно пройти для Лавры и Академии, потерявших в его лице образец духовности, любви, смирения и христианской простоты. Он оставил монастырь в расцвете духовных и телесных сил.

Прощаясь с Лаврой, о. Тихон очень скорбел о студентах, говорил: «Очень мне жалко ребятишек, очень жалко. Их будут совсем по-другому учить, когда я уйду. Не то им будут читать». И не мог сдержать слёз».

(Из кн. «Архимандрит Тихон (Агриков). Жизнеописание. Изд. Свято-Троицкая Сергиева Лавра 2010 г. стр. 39-46)

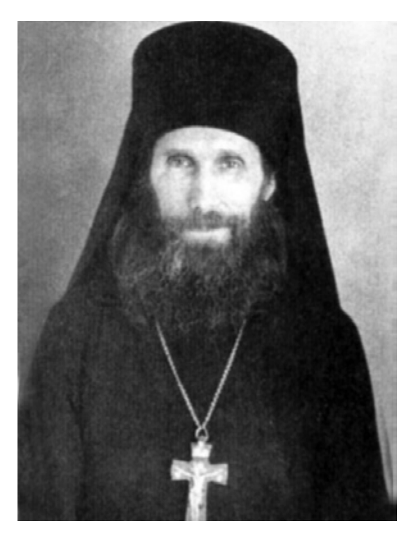
Отец Кирилл очень скорбел о нём, и ещё когда отец Тихон был здесь, в Лавре, утешал его: «Отец Тихон, не переживай. Христос больше нас скорбел и больше нас понёс мучений. Ты ревностно исповедуешь Господа, от этого ты должен радоваться, что за свои добрые дела, за исповедание Спасителя нашего ты несёшь такие нападения».

По многим болезням своим поехал как-то о. Кирилл на юг подлечиться, а получилось наоборот, он там очень сильно за-

болел. Оттуда его привезли еле-еле живого, он уже по существу при смерти был. У него непроходимость желудка образовалась. Думали, что это рак. Но ничего подобного, рака никакого, к счастью, не оказалось. Просто обострение его фронтовых болезней. Что бы он ни съел, выбрасывалось обратно. В Москве сделали ему операцию. Операция была тяжелой. Но Батюшка после этого ожил, поправился. Господь по молитвам всех нас, чад духовных, воскресил его. После этого мы ходили с отцом Кириллом освящать эту больницу, освятили все палаты. Главврач потом говорил: «До вашей молитвы у меня очень много умирало больных, а теперь намного меньше». В этой больнице, на Яузе, около тысячи двухсот больных. После того, как мы освятили, там действительно, значительно уменьшилась смертность. Один-два человека только умирали за два-три месяца. Эти чудесные изменения произошли, конечно же, по молитвам Батюшки и по молитвам всех верующих его духовных чад.

Как-то раз служил отец Кирилл в Трапезной церкви. Во время малого входа, как обычно, я ходил петь в Алтаре «Слава: и ныне». Когда я вошёл, то вижу: Батюшка, как и положено, стоит на Горнем месте, по краям архимандриты, игумены, иеромонахи. И вдруг летит огромный камень через Царские врата в сторону отца Кирилла. Господь его сохранил, камень попал в икону Воскресения Христова на Горнем месте (она была написана на стекле, как бы витраж). Икона разбилась вся в дребезги. Ну, что, милиция взяла ту, которая бросила камень, сказали, что она ненормальная, она больная мол, и всё. А если бы попала?..

Кроме постоянных болей от многих болезней, подорванного на фронте здоровья, у Батюшки, была ещё постоянная, непреходящая, духовная внутренняя боль, в связи с тем, что многие приходящие к нему жаловались на свою жизнь, и он их скорби брал на себя. Отец Кирилл не относится к этому легко, отстранённо, а переживает, скорбит за людей, часто молится



1962 г.

за них и по ночам. Но никогда и вида не показывает, что он скорбит и изматывает себя. Как-то Батюшка в очередной раз сильно заболел. Келейник потом рассказывал, что он все те ночи не спал, катался от болей по полу, а придёшь утром, спросишь: «Батюшка, как вы себя чувствуете?», ответ один: «Лучше всех!» – а на самом деле он при этом изо всех сил сдерживается, чтобы не подать обратного вида, что он тяжко страдает и не спал всю ночь от болей. Он никогда-никогда не жалуется на свои болезни, на свои невзгоды.

Однажды мы поехали в его родное село Маково, Михайловского района Рязанской области. Там его родина, родные, друзья, с которыми он в школу ходил, которым он помогает. На Крещение там развалилась колокольня, вся рухнула, но рухнула тогда, когда народ ушёл из храма. Батюшка изыскал средства, помог восстановить колокольню и храм. Там тоже всегда его поминают о здравии. Этот храм никогда не закрывался, это в 12-ти км от Михайлова. Некоторые жители его родного села сейчас очень больны, есть и парализованные, нуждающиеся, и Батюшка добывал и передавал им деньги, помогал, как мог, чтобы их содержать.

Там, в селе Маково, отец Кирилл как-то мне говорит: «Поедем, навестим болящего Николая». Он давал ему деньги, возможность выживать. Поехали, а того уже нет в живых. Когда в последнее время мы ездили, там уже только две женщины были, а в начале наших поездок, лет сорок назад, там много людей жило. Были и две монахини, Павла и Михаила. Эти две сестры жили при храме, прислуживали, пели на кли-

росе. Они тоже умерли, и мы ходили на кладбище, поминали, панихиду служили с Батюшкой не только на могилках его родителей, братьев и сестры, но и многих других. Отец Кирилл говорил тогда: «Умерли мои родные, друзья, умерли мои все. И мне пора тоже...». Он не боится смерти.

Праздничные даты отца Кирилла мы праздновали очень скудно, потому что он не любил этого. Батюшка при этом всегда говорил: «Зачем разглашать такое, что я праздную. Недостоин я этого всего. Это милость Божья, а не моё. Моих заслуг здесь нет». Но не очень давний юбилей его всё же вышел за рамки умолчания. Президент В. Путин прислал красивую телеграмму отцу Кириллу, поздравил его. Все товарищи его поздравили, даже Тулеев, который инославный, и то – поздравил отца Кирилла с Днём Победы и радовался что «в честь Вас назван этот дом». Батюшка на это улыбается и всё. Есть даже лента в кино про то, как он воевал, как защищал Сталинград. Батюшка скромничает. «Всё, – говорит, – по воле Божией совершалось». Батюшке дали орден Героя России.

Сейчас отец Кирилл в немощи, тяжёлой болезни. Когда приезжаем, видим, как ему тяжело, невозможно разговаривать, глаза закрыты. Но он как-то узнаёт, и один раз сказал мне шёпотом:

– Володя, ты приехал?

– Батюшка, я плохо слышу, – ответил я ему.

– И я плохо слышу, – признался он мне. Потом продолжил расспрашивать. – Ну, как там Коля, как Сережа, как Оля, как Илюша (всех моих детей перечислил!).

Это года три назад было. Благословил меня:

– Ну, с Богом.

Сейчас ему похуже. Так вот лежит, представляете, и всё безропотно переносит. Только губы слегка шевелятся. Видно, что он непрестанно молитвы читает про себя.

Раньше, когда Батюшка был в большей силе, он не раз говорил: «Господи, как мне в Лавру хочется! Как бы мне в дом мой,

в Лавру возвратиться?..». Ему не разрешают. Говорят, что там, в Переделкино, он под наблюдением врачей. Патриарх Алексий II приезжая туда, каждый раз к нему, совершенно слабенькому, за советом приходил. Спрашивал о трудных вопросах, как поступить, так или иначе? Отец Кирилл, по-простому, не чванясь, как и с нами, смиренно давал советы Патриарху.

У отца Кирилла есть давняя прихожанка Мария Федоровна, тоже преклонных лет. Она всегда называет его «Батюньчик». «Батюньчик приехал!». Мы на день Ангела к ней ездили и на кладбище ходили к её родителям. И она всё «Батюньчик, Батюньчик». Сейчас ей уже 85 лет, она совсем старенькая и уже совсем-совсем немощная, но она мне часто звонит и спрашивает: «Как там наш Батюньчик?». Она ездит к нему и сейчас в Переделкино, радуется: «Хоть на него посмотрю. Хоть за его ручку подержусь». Вот какова любовь к Батюшке простых людей.

Очень нам не хватает Батюшки нашего. Братия очень тоскует по нему. Во-первых, мы все очень любим своего братско-

го духовника, архимандрита Кирилла. Мы все помним наши Правила, которые мы читали у него. Около двадцати лет, как и многие из братии, я ходил в келию к Батюшке, где мы читали и обсуждали Писание. После Литургии мы приходили к нему на Правило. Для нас это было великое благо, когда Батюшка приглашал нас к себе.

Мне сейчас уже 77-ой год, я, можно сказать прожил жизнь, но как! В Лавре! И с 18-ти лет жил под руководством отца Кирилла! Доволен я и благодарю Бога, что Батюшка меня никогда не оставлял, наставления давал, и мои дети, три сына и дочка, все – верующие, исповедовались у отца Кирилла и причащались. Ни один из них не курит, не пьёт, и все ведут христианский образ жизни. Это осуществилось только по наставлениям и молитвам Батюшки. Очень я доволен. Дай, Господи, ему доброго здоровья.

В последний наш приезд, келейница, которая за отцом Кириллом ухаживает, говорит: «Батюшка, братия уже уезжают». Он с трудом приподнял руку и стал нас крестить. Мы посчитали – 27 крестных знамений, до изнеможения. Вот какова любовь его к братии, чадам своим!.. Он не видел нас, только слышал, но духом точно прознал, что нас, братии, приехало именно 27 человек. Мы уехали с великой радостью.

Сейчас он тяжело болеет. Мы молимся за него все, как можем. Господь его посетил за наши грехи, потому что он всегда говорил так: «Вы спасаетесь, а я обязан брать ваши грехи на себя. Как и Пастырь наш, Господь нёс на раменах овечек Своих. Грехи эти тяготят меня, но я буду нести, как и Он. Молиться, чтобы Господь дал нам возможность пройти все испытания и войти в Царствие Небесное».

Отец Кирилл, конечно же, защитник наш от видимых и невидимых врагов наших. Все знают, что он отважно воевал на фронте, не прячась ни за кого, а впоследствии, когда он принял монашество, он стал защитником наших душ. Злых духов отгоняет от нас. И теперь, в болезни, он не оставляет нас своей молитвой защищающей.

Сказать, конечно, много можно о Батюшке, но в связи с тем, что он хотя уже и слабеньким стал, но думает о нас всех, переживает за нас и молится за нас. Помогает через него Господь нам всем, кто молитвенно обращается к Батюшке.

«Господь сказал:* Аз есмь путь и истина и жизнь** *(Ин. 14,6)*. ***Люди, изнывающие под бременем неправды и беззакония, – так говорит Спаситель в Евангелии, обращаясь ко всему человеческому роду, – жизнь, которую вы себе избрали, она не может дать вам счастья. Зло порождает лишь зло, а истина и счастье – высшие блага – есть добро, которое рождается исключительно только любовью и добром. Если вы хотите обрести его, если вы тяготитесь существующим в мире злом, то придите ко Мне, научитесь от Меня. Слова Мои прольют целебный бальзам на ваши измученные, больные души. Я покажу вам путь и дам покой вашей душе. Беззаветно предайтесь Моему учению и идите по тропе, которую Я положил перед вами, И вы увидите, что иго Мое воистину благо и бремя Мое легко есть. После долгой тёмной ночи с Моим пришествием в мир наступил светлый тихий день. Царствие Божие приблизилось. Оно возле вас, оно около вас, только нужно, чтобы оно проникло, захватило сердце ваше, источник всякой разумной нравственной деятельности, начало жизни человека. Очистите в своём сердце место для Бога. Дайте в вашей жизни простор добру и истине и освободитесь от гнетущих вас лжи, насилия и грубого себялюбия *(см. Мф. 11, 28-30)***»**.

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Монахиня Мария (Фролова):

– Это было давно 55 лет назад. У меня умер муж, я осталась вдовой в 29 лет. Пошла в храм, не в Лавру, а рядом есть Ильинская церковь. Там познакомилась с отцом Зиновием.

Духовной близости у нас не возникло. Я усердно помолилась, чтобы Господь мне послал духовника, которому я могла бы доверяться.

Через какое-то время еду в автобусе, и рядом одна женщина с Лавры. У нас завязался разговор, и я спросила у неё про старца. Она ответила, что знает архимандрита Кирилла (Павлова). Он – прозорливый.

– Поговори, может он меня примет? Если что надо сшить, помочь в чём... – попросила я.

– Хорошо.

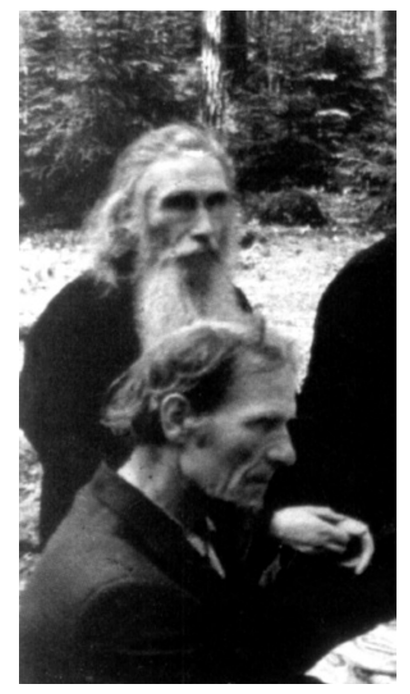
Она поговорила, и ей было сказано:

– Пускай приедет.

Милостью Божией мне довелось попасть к отцу Кириллу. Приехала я в Лавру и разговариваю с ним:

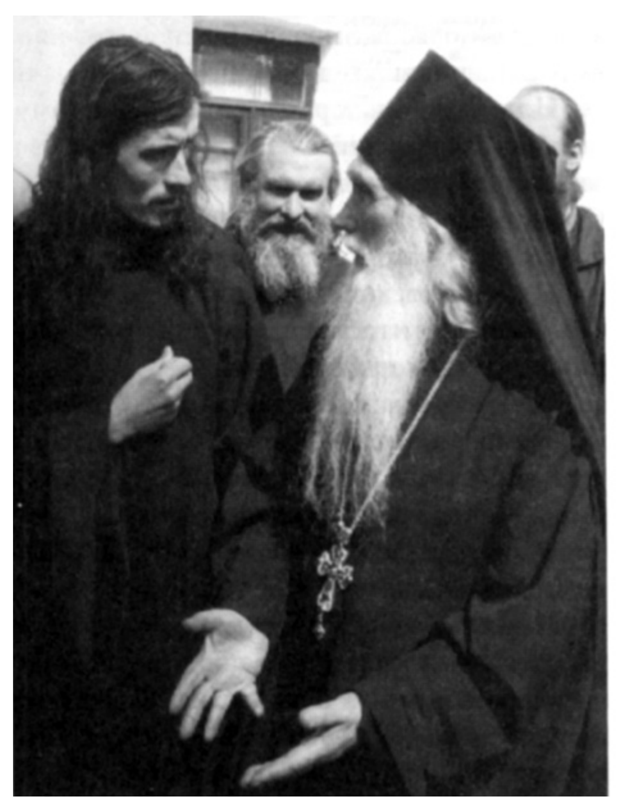
– Батюшка мне бы старца какого-нибудь, я очень грешная.

– И Апостолы были грешными, но трудом над собой возвысились.



Исповедовалась у него, и с этого дня стала к нему ходить. 47 лет как я у него. Прилепилась к нему, кажется, и трактором не оттащишь меня от него, от Батюшки. Самый дорогой для меня человек. Им только и спасаюсь.

Жила одна с дочерью. Пригласила как-то Батюшку к себе, в квартиру. Ему здесь понравилось, что всё очень просто. И стал он к нам иногда заезжать с другими батюшками. Иногда они в лес ходили. То на кладбище я его попрошу сходить в день смерти моей мамы пойти помолиться. То другие люди его о чём-либо по-



просят. Он никому и ни в чём не отказывал. Очень простой он в обращении, но такой тонкий, догадливый! Таких я батюшек сейчас не нахожу.

Один священник был поставлен служить у нас в храме. Он не окончил ничего, в храм сам недавно стал ходить, смущался, неуверенный в себе ещё был. И вот, может быть, я влезла не в своё дело, отвезла этого священника к отцу Кириллу. Они поговорили, и Батюшка его поддержал, укрепил, так сказал: «Священником будешь». Отец Кирилл взялся его сам подготовить. Учил его всему – как служить, как исповедовать. Как сделать так, чтобы человек не боялся. Мы люди все разные, грешные, многие не могут сказать про грех от стыда или ещё от чего. Батюшка его наставлял: «Ты должен так к человеку подойти, чтобы не испугать его. Попроще будь. Когда кто тебе скажет свой грех, ты научись, как бы его тут же и забыл, не помнишь. И какой бы грех ни был, ни в коем случае не пугай человека. Вид держи такой, мол, всякое бывает». Очень хороший священник потом из того батюшки получился.

Однажды я приехала к отцу Кириллу в Переделкино. Приехала на исповедь. Грех был большой. Он не совершённый был грех, но в помыслах. Никак не могла сказать про него,

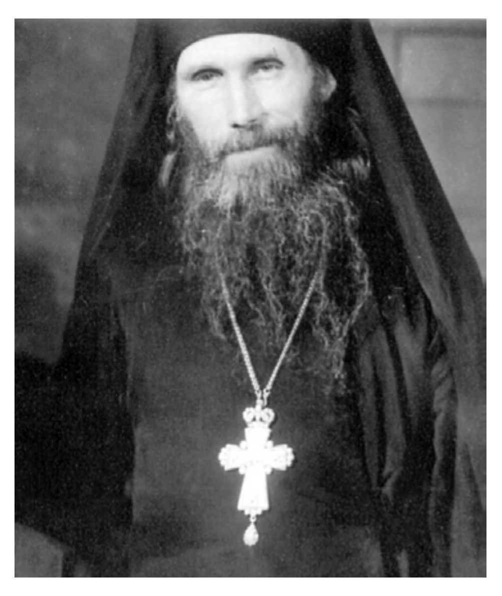
стыдно! Заплакала я и говорю: «Батюшка, я не могу сказать, стыдно, что мне делать?» Он на меня так поглядел, поглядел, и потом вдруг я ему сразу в двух словах сказала, у меня это как будто вылетело. В этот день он меня принял лучше даже, чем раньше, когда я приезжала с «маленькими» грехами. Он одарил меня подарками, главное же – дал мне всё своё внимание. Дал маслице, иконки... Уехала я оттуда с такой лёгкостью, мне стало легко, хорошо. Другому священнику, я думаю, и не сказала бы ни за что, не смогла бы раскрыть свой грех. А вот Батюшка одним взглядом, духом своим вытащил из меня тяжёлое, трудное признание. Не ругал меня. Вида даже, что рассержен, неприятно ему, не показал, чего я так боялась. Вот какой наш Батюшка! Таких батюшек сейчас, наверное, уже и не сыщешь.

Сейчас по старости, по немощи исповедуюсь и причащаюсь на дому. Ноги никак не слушаются. Даже с палочкой не могу. Здешний священник ко мне приходит. А с отцом Кириллом разговариваю, как будто он меня видит и слышит. Что нужно, прошу, и он мне помогает, утешает в скорбях. С Батюшкой мы в общении 48 лет, уже почти полвека.

После первой встречи, когда я ещё металась между священниками, отец Кирилл мне сказал: «Выбирай: или ты ко мне, или к отцу Зиновию ходишь. Только чтобы у тебя один был священник». Ну, конечно, эта первая встреча всё и решила.

Безмерно благодарю Бога, что я такая грешная, а Господь дал мне такого высочайшего духовника. Не достойна я его, никаким образом. Он такой... всепроникающий, всё в тебе видит и в любой момент легко приводит всё в порядок и понимание. Не могу всё это выразить, какой он необыкновенный и замечательный.

Перед постригом как он за меня молился! У меня температура, заболела, сон накануне приснился, что змея обвила меня, не даёт дышать, это так враг пугал, чтобы не пошла на постриг. Но Батюшкиными молитвами всё победили.



Сильно я тогда заболела, с температурой лежу и говорю отцу Кириллу: «Меня не надо со всеми вместе. Лучше после, вот выздоровею». А Батюшка мне говорит: «Ну-ка давай вставай, вставай!» И постриг был в тот день со всеми вместе.

К постригу я не была готова, как должно. Как я мучилась от этого! Тут же обострились проблемы с дочерью. Перед постригом моим вела себя не очень хорошо. Но отец Кирилл к нам стал ездить. Она не угомонилась. Он опять ездит и ездит. И тут она успокоилась. Крутило её очень. А потом она к нему сама стала ездить в Лавру на исповедь и за советами.

Монашеский путь очень трудный. Особенно если есть дети. Враг на них обрушивается, через них мстит. Начало шестидесятых годов. Самое сильное хрущёвское беснование на Церковь. В нашем городе никогда никто в храм не ходил, никого не было верующих. На меня все пальцем указывали, говорили: «Вон, богомольная идёт! Опиум народа». Боялась я всех, но с Божией помощью всё обошлось. Пережили мы это время. А сейчас я соседям полюбилась. Теперь гораздо легче стало.

Что я могу рассказать о Батюшке? Он очень, очень хороший, умный, находчивый. Он не различает, не делит людей, кто какого достатка, для него все равны. Вот садимся мы обедать, а он всегда спрашивает: «А бабушка голодной не осталась?» Выйдет обязательно к ней, к маме моей. Побеседует с ней. К нищим с любовью всегда относится. Он духом прозревает так, что видит грехи людские и видит пути их исправления. Наставляет человека так, чтобы тот смог их исправить.

Тем, кто из мирских монахинь, отец Кирилл очень много внимания уделяет. Удивляешься его терпению к нам. Чего только, какие капризы наши Батюшка ни выдерживал, терпит, не оставляет своих духовных чад. До конца борется за каждого. «Маша, не безпокойся и не волнуйся, я тебя никогда не оставлю», писал он мне на открытке. Он со многими духовными чадами вёл переписку. Всех жалеет и утешает. За всех молится.

Игумен Киприан:

(Из интервью, не вошедшего в журнальный вариант):

– Об архимандрите Кирилле (Павлове) мне приходилось много слышать и даже его видеть в Троице-Сергиевой Лавре. Как-то далеко не сразу удалось попасть к нему на исповедь, в его келейку. Повезло, и я первый раз к Батюшке попал ещё будучи научным сотрудником. Тогда у нас состоялась довольно подробная, содержательная беседа. Батюшка привлёк меня своей кротостью, смирением, в то же время силой духа, силой своей молитвы, как он направляет и как это исполняется.

Отец Кирилл практически с первого раза определил мне весь жизненный путь, он поставил главным принципом для меня – ты должен служить в церкви, используя свой опыт и знания. Послужить для церковного образования. Такая была установ-

ка у отца Кирилла, так он относился ко многим. Находясь в лоне Церкви, человек не должен менять своей направленности, своей деятельности, своего опыта и служить для нашего Отечества, нашего общества, спасаться именно в том звании и призвании, в каком ты находишься. Как ты был определён до этого в мирском состоянии.

Расспросил он тогда подробно меня, кто я, а тогда я был кандидатом педагогических наук, трудился в Академии наук, и у меня были вопросы, связанные с диссертацией – писать докторскую или не писать. У меня уже была определённая область исследования, был преподаватель. Возник вопрос, продолжать мне своё светское послушание или нет? Хотелось бы служить в церкви, но в качестве кого? Он определил, что мне следует заниматься преподавательской деятельностью и организацией церковного образования. Тем самым спасаться самому и спасать других. Тогда же Батюшка пошутил, что не усижу в келье, я – человек деятельный. Он говорил мне: действуй! Но сколько я ни пытался тогда, оставаясь мирянином, изменить свой образ жизни, удаляться, уединяться, это никак не получалось.

Постоянно я к нему притекал, и как какая-то ситуация, тут же думаю, как бы Батюшка поступил в этом случае, как бы он благословил действовать? Всегда вспоминаю его образ, его действия, его подход к разрешению жизненных ситуаций по Евангелию.

К примеру, как-то ко мне пришёл человек на исповедь, который совершил убийство. Пришёл в шоковом состоянии, поскольку он это сделал по неосторожности, нечаянно. Ехал на машине, и было столкновение, в котором погиб человек. Он мучился виной. У него была очень тяжёлая ситуация, он не знал что делать и как быть. Зашёл тогда я в Алтарь и подумал, как бы отец Кирилл поступил, как бы он решил эту проблему. Я взывал к Батюшке! Как здесь быть? С одной стороны, человек страдает. С другой – совершён тяжкий грех. И у меня возникло не совсем традиционное решение, чтобы он успоко-

ился – надо его пособоровать. По таким поводам не принято соборовать, но я чувствовал, что именно это надо сейчас сделать. Ничего не мог объяснить себе, почему я так решил. Молитвенное обращение к отцу Кириллу подсказало мне такой ход действий. Пришедший с радостью согласился. После этого он пришёл в ровное состояние, и это ему помогло разрешить много других скопившихся проблем. Постоянно, при всех случаях, при разрешении разных сложных ситуаций я постоянно обращаюсь к своему духовнику.

При малейшей возможности, я старался служить с отцом Кириллом в Переделкино. Каждая встреча с ним была для меня решением каких-то больших и маленьких проблем, своих и чужих. Могу сказать, что без его благословения ни за какое дело я не брался! Было легко жить, потому что если Батюшка благословлял, то летишь от него, как на крыльях. Если не было благословения, – ничего не делалось. Знаешь, что всё будет впустую.

Один мужчина очень хотел стать священником. К тому времени он уже был алтарником. Настоятель храма и епископ – все были за то, чтобы он принял священнический сан. Дело осталось за небольшим – благословиться на это у моего духовника. Мы поехали с этим алтарником к отцу Кириллу, но Батюшка категорически запретил ему принимать священнический сан из-за препятствий, которые он усмотрел в намеча-

емом ставленнике. После этого алтарник, конечно же, очень огорчился, но, несмотря на то, что все остальные активно уговаривали его поступить по-своему, он убоялся нарушать указание Батюшки. Надо сказать, что далось ему послушание перед отцом Кириллом нелегко. Его ломало, к тому же он настойчивый человек. Два раза он приезжал к отцу Кириллу. Хотел в монашество постричься, чтобы через это принять сан. Отец Кирилл, невзирая на то, кто и как это расценит, был непреклонен и это ему не благословил. И по сей день тот мужчина является алтарником. Надо слушаться! С другой стороны, удивляет – какова твёрдость Батюшки. Вот как надо стоять за чистоту в Церкви!

Пока такие, как архимандрит Кирилл, живы и молятся, они являются удерживающими, и Россия ещё жива.

Продолжение разговора в журнальном изложении: ж. «Покров» №3 за 2011 г.

Пасхальная радость встреч

«Читаешь ли ты Евангелие каждый день?» – такой вопрос задавал старец Кирилл (Павлов), духовник Троице-Сергиевой Лавры, каждому приходящему к нему. «Нет? Значит, ты не христианин».

Архимандрит Кирилл (Павлов) – продолжатель великих русских старцев. Его духовный опыт, смирение, кротость позволяют ему окормлять епископов, священников, монахов, отшельников и множество простых мирян. Духовными чадами архимандрита Кирилла были также Патриархи Пимен и Алексий П.

Своих духовных чад отец Кирилл всегда встречает с великой радостью, как преподобный Серафим Саровский. Он не повторял слов: «Радость моя! Христос Воскресе!», но пасхальная радость при встрече с ним всегда ощущается, он и сам её выражает

какими-нибудь ласковыми словами, подбадриваниями, объятиями, своим неизменным вниманием к тем трудностям, которые каждый из нас преодолевал.

Каждое лето отец Кирилл ездил в Крым в район Судака подлечить свои легкие, застуженные в сугробах Сталинграда во время Великой Отечественной войны. Иначе он очень страдал: кашель было невозможно остановить ничем. А пару месяцев в Судаке его восстанавливали. По его возвращении для всех монашествующих в Троице-Сергиевой Лавре наступал великий праздник. Братия радовалась встрече с Батюшкой: все давно у него не исповедовались, у всех накопились вопросы... А Батюшка всегда устраивал нам двойной праздник, привозя с собой крымские дары: яблоки, груши, мандарины, южный лук. Несколько дней у отца Кирилла происходила раздача даров, никто не выходил из его келии с пустыми руками. И на все праздники Батюшка раздаёт сладости, шоколадки, конфеты. Многие его духовные чада растягивали угощение на долгое время, употребляя утром после святой воды и просфоры как вещественное благословение отца Кирилла.

А теперь на заслуженный отдых

С архимандритом Кириллом (Павловым) мы знакомы почти 30 лет. По многим спорным вопросам, раздирающим церковное общество, люди притекали к Батюшке, для них его слова

были настолько авторитетны, что не требовалось дожидаться соборных постановлений. Однако отец Кирилл никогда не противопоставлял свое мнение общецерковному. Ум старца, как у многих святых отцов, плавал в Евангелии. Практически все его ответы на наши вопросы были не его собственными измышлениями, а прямыми цитатами из Евангелия. Слово Божие в жизни тех, кто следовал советам старца с доверием и послушанием, всегда приносило плод. В этом и совершалась сила Божия: всегда исполняя заповеди сам, он мог показать другим, как исполнить Евангелие в каждом конкретном случае.

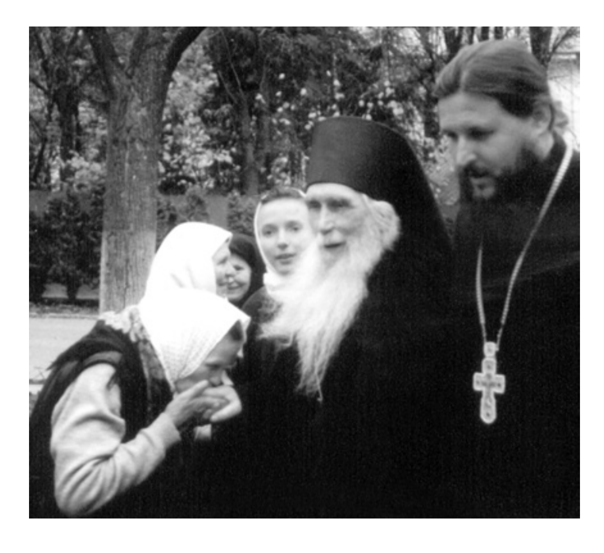
Сам Батюшка очень любит Священное Писание. На протяжении долгих лет архимандрит Кирилл является духовником Свято Троице-Сергиевой Лавры. После обеденной трапезы к нему в келью каждый раз набивалось множество монахов. Он открывал Евангелие, читал главу, закрывал и – без всяких трактовок и наставлений говорил: «А теперь все на заслуженный отдых!» Известно, что монахи собираются на братский молебен к пяти утра и днём, перед вечерним богослужением, могут немного отдохнуть.

Батюшка часто говорит Евангельскими словами. Например, мог идти по братскому корпусу и, увидев одного из монахов, обратиться к нему: **«Симоне Ионин! Любишь ли ты Меня?»** *(Ин.21:15-17)* – и так до трёх раз.

«Ловушка»

Лет 20 отец Кирилл принимал в так называемой «посылочной». Это две малюсенькие комнатки под Трапезным храмом преподобного Сергия. В одной сидел ожидавший народ, а во второй – Батюшка исповедовал и беседовал. Иногда ждать в проходной комнатке приходилось долго, с раннего утра до самого вечера, но если вы попали в неё, Батюшку вы уже точно увидите. Отец Кирилл сам выходил в эту комнатку, оглядывал всех, кого-то выбирал, кому пораньше надо было поисповедоваться. Иногда Батюшке было тяжело, у него прихва-

тывало сердце, и он виновато улыбался и разводил руками: «Перетрудился, не рассчитал...», – и ему помогали дойти до кельи.



Своих духовных чад Батюшка всегда встречает с великой радостью, как преподобный Серафим Саровский. Он не повторял слов: «Радость моя! Христос Воскресе!», но пасхальная радость при встрече с ним всегда ощущалась, он и сам её выражал какими-нибудь ласковыми словами, подбадриваниями, объятиями, своим неизменным вниманием к тем трудностям, которые каждый из нас преодолевал.

У Батюшки была своеобразная «ловушка» для духовных чад. Когда мы спрашивали его благословения на выбор того или иного решения, он всегда спрашивал: «А ты сам как думаешь?» И когда человек излагал своё желание, Батюшка, как правило, благословлял: «Так и поступай». Подобно Амвросию Оптинскому, говорившему своим чадам: «Я человек слабый: если вы меня начнёте уговаривать, я соглашусь», – отец Кирилл также никогда не ломал свободной воли человека. Я, признаться, не сразу разгадал эту «ловушку», но потом всегда сразу спрашивал: «Батюшка, как вы благословите». Он задумывался и давал свой совет. Часто на сложные вопросы отец Кирилл отвечал не сразу: «Надо помолиться», – говорил он. Или предлагал: «Давай подождём до такого-то срока, а потом решим». Сам кроткий облик отца Кирилла, тихий голос, согревающая любовь оказывают на людей сильнейшее воздействие. Перед нашей встречей я обыкновенно готовил целый список

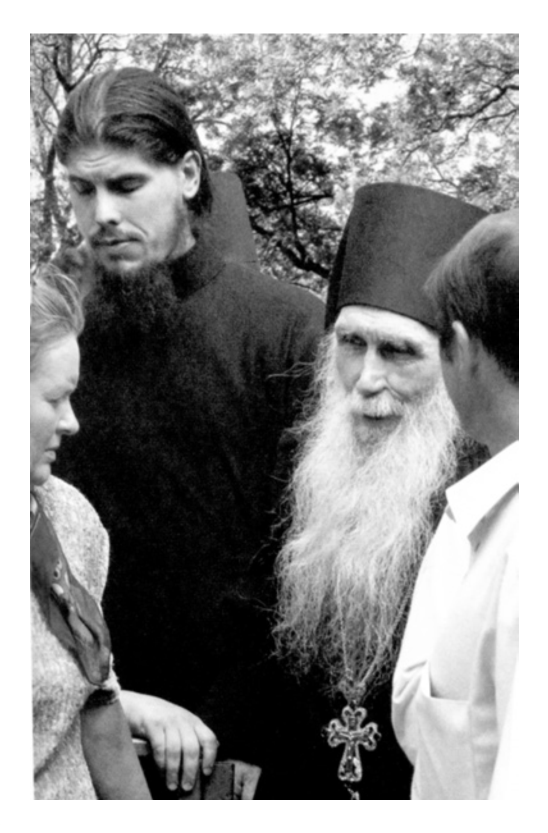
вопросов, но рядом с ним многие вопросы сами по себе разрешались, и необходимости что-либо спрашивать уже не было.

Всё будет хорошо

Помню, как я передал просьбу отцу Кириллу о благословении на постриг моей болящей супруги. Он, как всегда, очень внимательно выслушал и сказал: «Что ж, это дело хорошее. Только вам нужно принять монашество одновременно обоим». Для меня это было большой неожиданностью: в то время все мои мысли были о том, как помочь близкому человеку, а сам подвизаться монашеским подвигом я до этого никогда не предполагал. Но возражать не решился, поскольку Батюшка сказал твёрдо, при этом уверенно добавив: «Всё будет хорошо». Опасная болезнь супруги времени на раздумье не оставляла. Во исполнение благословения мы подали прошения Патриарху Алексию II и через неделю приняли постриг.

У новопостриженной опухоль головного мозга, которую отказались оперировать все известные специалисты, через несколько дней сама вытекла через нос, и прикованная к постели монахиня встала. Прошло уже более 17 лет. Теперь уже схимонахиня Параскева сделала более полусотни Господских и Богородичных плащаниц, расшитых драгоценными камнями, по благословению отца Кирилла. А я стал монахом Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

Скрепляющая печать



Мы знаем, что молитва отца Кирилла обладает огромной действенной силой. Однажды я привёл к нему одного высокопоставленного чиновника. Будучи яркой масштабной личностью, тот имел слабость к выпивке. Когда мы зашли в келию, Батюшка нас радостно встретил, надел свою келейную полумантию, епитрахиль, поручи и сказал: «Давайте помолимся». Молитвы перед исповедью Батюшка читал по множеству раз в день – всякий раз, когда кто-нибудь приходил и его надо было поисповедовать. Когда старец начал молиться, повернувшись к нам спиной, этот респектабельный человек вдруг вздрогнул, его прошибла дрожь, и он впервые в жизни испытал глубочайшее раскаяние и великий стыд. Исповедовавшись со слезами на коленях, он с неожиданным смирением принял от отца Кирилла епитимью: «Больше не пить ни капли». К своему великому удивлению, он эту епитимью исполнил: и больше ни соблазны, ни собственная многолетняя тяга к спиртному не могли пересилить запрет старца. Батюшка сказал прямо: «Если ты вернёшься к своей привычке, то сопьёшься, и никакой пользы ни Отечеству, ни семье, ни себе самому не принесёшь. Столь многим одаренный ты станешь мерзостью пред Богом».

Отец Кирилл умеет доходчиво объяснить и крепко помолиться. Для многих его слова и молитва являются скрепляющей печатью, после чего и жизнь у них менялась.

По вере вашей

Батюшка избегает встреч с теми, кто ему не до конца доверял. Если чувствует, что человек сомневается, – не принимает. Не могу припомнить ни одного случая, чтобы старец на кого-нибудь повысил голос. Когда ему пытались что-то навязать, с чем он был не согласен, он просто замолкал и сидел молча или под каким-нибудь предлогом удалялся. Отец Кирилл обычно отказывал в духовном руководстве тем, кто, испрашивая совета, брал благословение, но поступал по-своему. Ничего хорошего в жизни таких людей и не случалось. У Батюшки любимые чада – самые послушные, испытавшие силу его молитв на себе. **«По вере вашей да будет вам»** ***(Мф. 9:29)*****.**

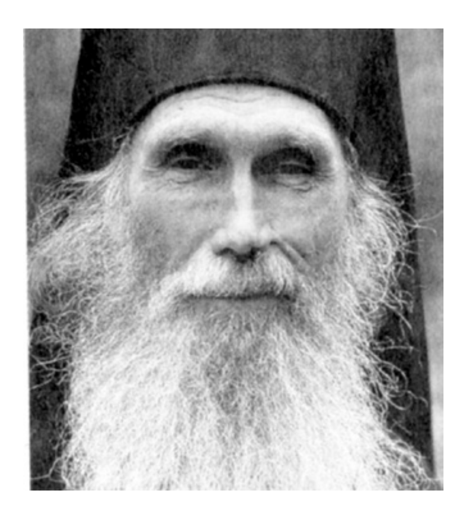
Как я стал редактором

Однажды я был на одной образовательной выставке и меня поразила газета «1 сентября», в дополнение к которой еженедельно выходит несколько десятков специализированных приложений. Тут же ко мне подошёл некий представительный человек, который оказался генеральным директором Издательского дома. Мы разговорились. Он внимательно выслушал мою искреннюю похвалу и удивлённо, с большим энтузиазмом отнесся к критике. Я ему сказал, что у него не хватает одного приложения. Он не мог мне поверить, но на всякий случай уточнил: «Какого?»

– Что делают школьник и учитель в воскресный день? – спросил я.

– Отдыхают.

– На самом деле Господь заповедал человеку отдать седьмой день Богу. И надо ещё знать, как это сделать.



Так возникла идея издания приложения «Воскресная школа». Директор издательства тут же предложил мне быть её главным редактором.

С этим человеком мы виделись впервые в жизни. Журналистикой я никогда не занимался. Сказал ему, что мне надо подумать, и поехал к отцу Кириллу с полной уверенностью, что мне этим заниматься не полезно. Когда изложил ему историю этого фантастического предложения от человека, которого не знаю и который меня не знает, отец Кирилл тем не менее твердо благословил меня быть главным редактором, а на возражения, что это не моя специальность, заметил: «Ты был учителем и директором школы. У тебя получится. Остаётся только собрать команду пишущих людей». И вот уже около 14 лет, несмотря на все искушения и перипетии, выходит в свет это издание, которое из газеты превратилось в журнал и сменило название – журнал называется «Покров». Сколько я ни пытался уйти в сторону, уступив место главного редактора кому-то другому, мне ни разу это не удалось. Долгие годы у этого издания не было ни одного благотворителя. К моему удивлению, всякий раз из совершенно невероятных источников появлялись средства и ровно столько, сколько было необходимо, достаточно для печати. Это всегда воспринималось как чудо, и иначе объяснить как силой Батюшкиного благословения невозможно.

Отец Кирилл очень любит наше издание. Сам читал и раздавал своим многочисленным чадам. По великим праздникам мы ездили к старцу всем составом редакции. Отец Кирилл нам постоянно рекомендовал писать про святых и обязательно публиковать молитвы. Надо сказать, что на всё множество цер-

ковных дел, которые мне пришлось начинать и вести – благословил отец Кирилл. Значение, которое эти дела со временем приобрели, также объясняю только силой его благословения и молитвы.

Архимандрит Кирилл сослуживает Патриарху Алексию II.

Разговор с Патриархом

При создании Православного Свято-Тихоновского богословского института (ПСТБИ, ныне – ПСТГУ) – приходилось преодолевать массу проблем. Его долгое время не признавали церковные власти. О деятельности института ходило много слухов, в которых людям со стороны отделить правду от клеветы, наверно, действительно было сложно. Тогда наш ректор протоиерей Владимир Воробьев попросил организовать ему встречу с отцом Кириллом, который один мог разрешить ставшие одолевать его сомнения. По благословению Батюшки я присутствовал на этой встрече. Старец несколько часов очень внимательно слушал рассказ отца Владимира о создании и развитии ПСТБИ (ПСТГУ), задавал вопросы, и когда эта беседа закончилась, благословил продолжать дело. Отец Кирилл сам переговорил с Патриархом Алексием II, и вскоре после этой беседы

отношение к институту поменялось. Отец Кирилл буквально спас институт, по его молитвам и после его ходатайства работать стало легко и просто.

Непреклонная келейница

К отцу Кириллу в Патриаршей резиденции в Переделкино попасть практически невозможно. Надо договариваться с келейницами, с которыми у отца Кирилла были трогательные отношения. Как-то Батюшка благословил приехать к нему с одним очень важным человеком, которому нужен был совет, но по каким-то причинам в дороге этому человеку пришлось задержаться. Я прошёл к отцу Кириллу один, поисповедовался, и как раз подъехал этот человек. Надо было испросить разрешения келейницы, которая одна могла сказать охране на воротах, чтобы его пропустили. Но она наотрез отказалась: «Батюшку утомили, сегодня он уже никого принимать не будет». У отца Кирилла потрясающая память: он на неделю вперёд помнил, во сколько и кто к нему должен приехать. Но я ни разу не видел, чтобы он что-то записывал. Зная, что встреча назначена на сегодня, Батюшка стал упрашивать свою келейницу. Она только и твердила: «Вы устали». «Это последний человек», – продолжал просить отец Кирилл, но она была непреклонна. Батюшка понимал, что человек ехал издалека и нуждается в помощи, но никак не мог уговорить келейницу пропустить. В конечном итоге Батюшка развёл руками: «Видишь, ничего у нас не получается», – сказал он мне. С ним невозможно было создать какой-либо конфликт. Как только ситуация становилась неразрешимой, он уступал. Может быть, дело страдало, но мир сохранялся.

Один на один с Богом

На Бого-служениях от-ца Кирилла в Переделкино мне посчастливилось сослуживать ему за воскресной Литургией.

При служении Батюшка всегда сосредоточен, не любит отвлекаться ни на какие разговоры. Сколько бы ни было сослужащих в Алтаре, отец Кирилл один на один предстоял пред Богом, беседовал с Ним словами Литургии. Многие из проповедей отца Кирилла записаны и изданы, они всегда отличались простотой, точностью формулировок, исходили из его огромного молитвенного и духовного опыта. У него одно исключительное правило: ещё во время служб в Лавре, когда в Троицком соборе проповедь за Литургией говорил отец Исаия или кто-нибудь другой из монахов, отец Кирилл всегда выходил из алтаря, стоял и вместе с паствой смиренно слушал слова с амвона. Это удивительное проявление смирения я не встречал больше нигде.

В Писании сказано: ***«Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь»*** *(2 Фес 7)*. Таким одним из последних, удерживающих современный мир от бед, является архимандрит Кирилл (Павлов).

Просим молитв о болящем архимандрите Кирилле.

Игумен Сергий (Амуницын):

– Мы познакомились с архимандритом Кириллом (Павловым) в Троице-Сергиевой Лавре. Это был 1983 год.

Приехал я на праздник преподобного Сергия Радонежского. Про старца уже слышал давно. Искал я тогда духовника, с которым мог бы всем делиться. Пришёл к братской проходной, встал там. Не был я ещё священником, был обычным юношей. Меня почему-то пропустили, несмотря на то, что был будний день. Было тепло. В посылочной дверь открыта. Постучался, мне открыли, вошёл. Там народу оказалось немного, было 3-4 человека.

Отец Кирилл принял всех женщин, которые там сидели. А потом говорит:

– Молодой человек, вы что-то хотели?

– Да, Батюшка, хотел побеседовать.

– Пожалуйста, проходите, – сказал отец Кирилл. И мы в течение получаса разговаривали. На разные темы был разговор.

Батюшка спросил, с кем я живу, какая моя семья. В конце беседы я попросил: «Батюшка не оставьте меня без внимания, без духовного направления». Отец Кирилл ответил: «Приходи, когда тебе будет нужно».

Эта беседа оставила глубокий след в моей душе. Мне, недостойному выпала возможность увидеть пред собой духоносного старца, молитвенника, который многим даёт

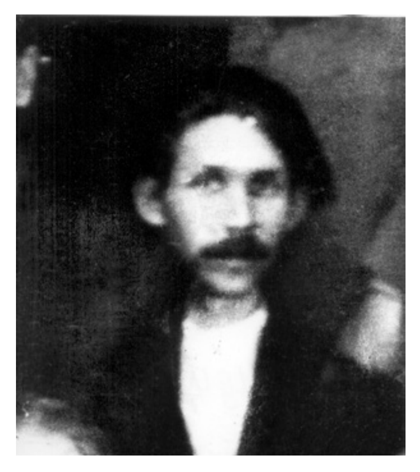
полезные советы, назидания, наставления. Он подарил мне Евангелие. Тогда его достать было трудно, так же как и молитвослов, календарь на 1984 г. Эти книги появились у меня благодаря Батюшке. Он дал мне и другие духовные книги, в которых были ориентиры для меня на то время.

Во второй приезд я с отцом Кириллом не смог встретиться, потому что он не принимал людей. Болел, находился на лечении.

Приехал я в другой раз, перед Постом причащаться в Успенский Собор. Прихожу, а там очередь большая, все к отцу Кириллу причащаться. Тоже встал, а у самого мысль: «Батюшка узнает меня или нет? Всё-таки много времени прошло, назовёт он моё имя или нет?». Подхожу. Руки сложил, отец Кирилл и говорит: «Причащается раб Божий Сергий». Не забыл меня Батюшка за полгода! Среди стольких людей запомнить каждого было невозможно. Вот какой отец Кирилл, память у него особая, тоже духовная.

Для меня наша с ним встреча имеет очень назидательное значение. Через беседы с отцом Кириллом открывалось многое. В нём я видел перед собой пастыря, который был милостив, кроток, долготерпелив, милосерден, внимателен, сострадателен к страданию человека. Получал и я много полезного в этих беседах. Были такие особые благодатные моменты, было видно, что старец молится даже во время беседы, хотя и был всегда внимателен, особенно во время исповеди. Он видит душу человека, понимает, старается прежде всего дать правильное направление в жизни человеку и особенно молится, помогая встать нуждающемуся на тот путь, по которому он должен идти. Многим Батюшка дал дорогу в жизнь, потому что к нему приходили и молодые люди, которые получали благословение на монашество, на священство, дьяконское служение. Старец окормляет и согревает нас своей молитвой, любовью. Он – сама любовь. Проповедует о любви, наставляет всех по-евангельски: ***«Любите друг друга, не воздавайте злом за зло, в терпении вашем стяжите души ваши»***. Даёт нам наставления соглас-

но Евангельскому учению и учению Апостольскому. Это для нас всегда очень важно, потому что мы все приходим к нему из мира, сильно уставшие, измученные разными жизненными искушениями. Отец Кирилл всегда нас поднимает над бытом и дрязгами, назидает. Уходя от него, мы чувствуем на душе всегда большую духовную радость и утешение.



Бывший фронтовик Иван Павлов при поступлении в Семинарию. 1946 г.

Регулярно я старался приезжать в Лавру и встречаться с Батюшкой. Через какое-то время отец Кирилл благословил меня поступить в Семинарию.

Через два-три года, когда мы, семинаристы, по немощи своей стали жаловаться при отце Кирилле на свои неудобства, он засмеялся и сказал, что мы не знаем по существу, что такое – неудобства. Рассказал, что когда они после войны стали обживать только что отданную им Лавру, то жили в колокольне. Ветер там гулял такой, что постоянно раскачивались лампады. Пламя в них зажечь было невозможно. Оно гасло тут же. И при всём этом они были необыкновенно счастливы. Потому что всё-таки не совсем «на улице». Можно было молиться. Главное же, они – в Лавре!

А ещё отец Кирилл вспоминал, как зимой 42-го года он с однополчанами два месяца в Сталинграде пробыл в открытом поле. Вкопаться нельзя было. Два метра снега. Вкапывались лишь на метр, так и мёрзли, закутавшись в свои шинели, благо, что были у них трофейные, немецкие шинели, более тёплые. Еду подвозили только ночью, остывшую, мёрзлую. Как выжили?.. Чудом Божиим!

Конец восьмидесятых-девяностые – это было особенно трудное время, которое определяло много возможных размыш-

лений. Батюшка был тогда в полной силе, имел возможность принимать много людей. Народу у него собиралось немало. Особенно братия Лавры любила посещать его келью, когда было время для молитвенного правила, тогда вся келья была переполнена монашеской братией. Все читали каноны, акафисты Спасителю, Божьей Матери. А затем Батюшка сам читал кафизму из Псалтири и две главы Апостола и Евангелия. Вот такое было правило.

Батюшка всегда занят с народом, у него для отдыха времени было очень мало. Людей принимал в любую возможную минуту. Люди его всегда ждали. Если не внизу, то наверху, в храме, а после службы опять принимал людей. Ложился всегда спать поздно, за полночь или часа в два ночи, и рано утром вставал, до служб шёл принимать людей.

Многих он духовно окормляет, и среди них есть те, кто теперь стали очень известными людьми. У него исповедовались митрополиты, архиепископы, епископы, архимандриты, игумены, иеромонахи, протоиереи, дьяконы... все стремились попасть на исповедь к нему. Миряне тоже имели возможность беседовать с отцом Кириллом. Кроме того, у него была огромная переписка с многими людьми. Письма его были очень необходимы. Он получал не только поздравления, но получал особые серьёзные письма, на которые отвечал собственноручно. У него было больше двухсот писем в день, Батюшка при малейшей минуте свободного времени и в отпуске, на лечении, старался ответить лично, дать наставление, совет. Отец Кирилл не упускает малейшей возможности преподать полезное и утешительное людям.

Много благого сделал отец Кирилл и для братии, для Лавры.

Он более пятидесяти лет является насельником Троице-Сергиевой лавры. Естественно, что Лавра чрезвычайно дорога отцу Кириллу. Она восстанавливалась, приукрашалась на его глазах. Он принял монашеский постриг 24 августа 1954 года. Совершил его постриг в монашество наместник

Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Пимен (Извеков), будущий Патриарх Московский и Всея Руси. С того времени отец Кирилл стал служить у мощей преподобного Сергия Радонежского, которого горячо любит, которому молится, прося у него заступления и помощи.

Служба Патриарха Пимена. Архимандрит Кирилл слева от него. 1971 г.

Жизнь в Лавре была не благостненькая, а порой очень бурная. Много забот и хлопот. Народ тогда, после войны, потянулся к Вере. Лаврские храмы были переполнены. Отец Кирилл начинал послушание в Троицком Соборе – пономарём, зажигал лампадки, носил мешки с огарками, трудился во многих тяжёлых послушаниях. Так, постепенно произрастая, сподобился стать архимандритом и духовником Троице-Сергиевой Лавры. Это очень большая ответственность, потому что братия, семинаристы, учащиеся Духовной Академии шли на исповедь, за наставлениями к нему. Это очень тяжёлый и ответственный крест, но Господь дал старцу силы.

Отец Кирилл принимал много людей, исповедовал часто в «посылочной». Приезжали к нему люди из разных мест. Редкий случай, когда в посылочной было народу немного. А наверху, у кельи уже ждала другая масса жаждущих – братия, приехавшие издалека священники. И так постоянно. Батюшка старался всех принять, за всех помолиться, всех духовно уте-

шить. Всегда угощал чем-нибудь. Конфетами, фруктами разными. Куда ездил лечиться, отовсюду всегда привозил фрукты, орехи, лук... Всё обязательно раздавал всем, угощал. Радостно было получать от старца подарок.

Сейчас мы особенно часто вспоминаем дорогого нам отца Кирилла, молимся постоянно Господу Спасителю нашему, который является Врачом душ и телес человеческих, жизней наших, чтобы Он исцелил дорогого нашего Батюшку, отца Кирилла.

Слава Богу, Батюшка живёт с нами вот уже более 90 лет. Ради нас немощных Господь посылает милость – старец страдает, болеет, но Божьей милостью жив, с нами, терпеливо исполняет Волю Божию. Мы молимся о старце, чтобы Господь дал ему силы, терпение в несении его телесной немощи и болезни. Надеемся, что Господь милостью Своею, видя великое терпение старца, восставит его, даст ещё принимать людей и давать нам добрые духовные советы для врачевания наших страждущих душ.

Дай Бог нашему Батюшке, архимандриту Кириллу (Павлову) здравия, благополучия, спасения и многая, многая лета!

«Заботы века сего затмевают самую существенную заботу и цель нашей жизни – озарение души светом Христовым, её спасение и уготование к Вечному Царству.

Будем трезвиться, чтобы войти в Небесный чертог и сподобиться от Господа вечных благ».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

<u>Протоиерей Борис и матушка Вера (Дёмушкины):</u>

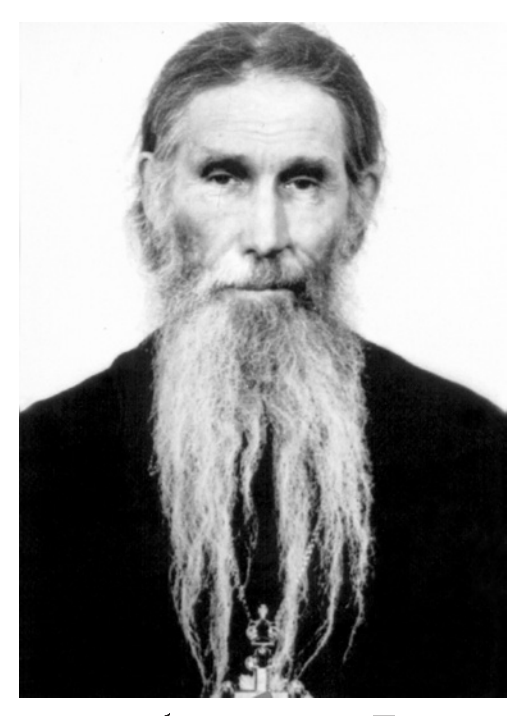
Отец Борис: – В моей жизни вначале было как у всех: 10 лет рабочего стажа, учился в вечернем ВУЗе. И 10 лет общался со средой мира. Попал в бригаду, где люди относились к работе ответственно, были хорошие отношения. Не было только понимания, разделения с ними их материалистического сознания. Но в душе они Бога чувствовали, держали. Мне же требовалось большее, в духовном становлении и в рабочей среде, везде я искал истину.

Друг пригласил меня поехать с ним в Московскую Духовную Семинарию. Он туда поступал. Тогда, в 1964 году, мало было людей, которые бы шли туда учиться. Кроме того, кто-то не проходил по причинам мирского жития, кого-то задерживали по профсоюзной, комсомольской, партийной линии. Когда друг пригласил меня в Семинарию, я посмотрел, послушал и понял, что именно здесь надо искать то, что я ищу. Мне тогда всё там понравилось.

На следующий год в 1965 году, я тоже поступил в духовную Семинарию Троице-Сергиевой Лавры. Мало ещё чего понимал и церковности крепкой не имел, но когда поступил в Семинарию, на первом же году обучения всё встало на свои места.

При учении в Семинарии, во время Рождественского и Великого поста, были особые, расширенные исповеди, и из числа насельников Лавры нам присылались духовники. Мне было тогда 28 лет. Исповедь проходила каждую неделю. Исповедовали многие иеромонахи. Не знаешь, к кому идти.

Подошёл я к одному, потом к другому, а затем и к архимандриту Кириллу. Он с удовольствием принял меня, был благо-



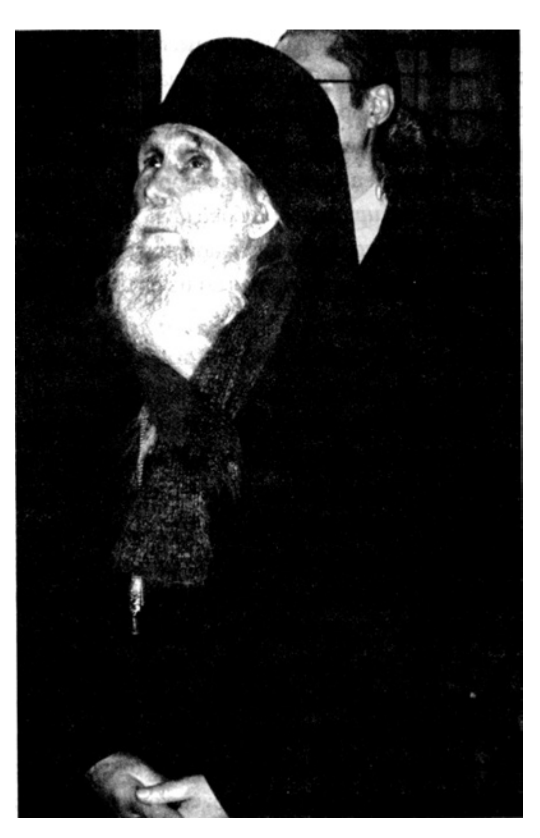
расположен. После чего я решил остановить своё внимание только на отце Кирилле. В нём обнаружилась наибольшая доступность, простота, родство и единство с моей душой. Почувствовал, что этот человек мне очень сроднен и поможет в духовном становлении. Во время учёбы в Семинарии ходил именно к нему. Старался у него исповедоваться и руководствоваться его наставлениями.

Индивидуально, сам по себе, когда надо было, приходил на беседы к нему. Получал ответы на те вопросы, которые меня волновали и безпокоили. Все важные вопросы в своей жизни: брак, рукоположение в дьякона, переход на приходское служение – всё с ним обговаривал.

Он не предлагал и не подталкивал меня к монашеству. Отец Кирилл всегда смотрел, на что человек способен, изучал его намерения, к чему больше тот предрасположен. Направлял к главному – устремлению на благочестие. Волю же человеку, как Сам Господь, оставлял свободной.

Когда я сказал о том, что в Воронежской области познакомился с благочестивой девушкой и мы пожелали составить семью, Батюшка сказал, чтобы показал ему. Вера часто бывала в Москве, в Лавре, и когда она приехала, я подвёл её к Батюшке. Отец Кирилл вдруг неожиданно заулыбался и сказал: «Эта девица мне знакома». Мы обвенчались, но и после этого все моменты своей жизни, которые являлись важными, я старался разрешать с помощью Батюшки.

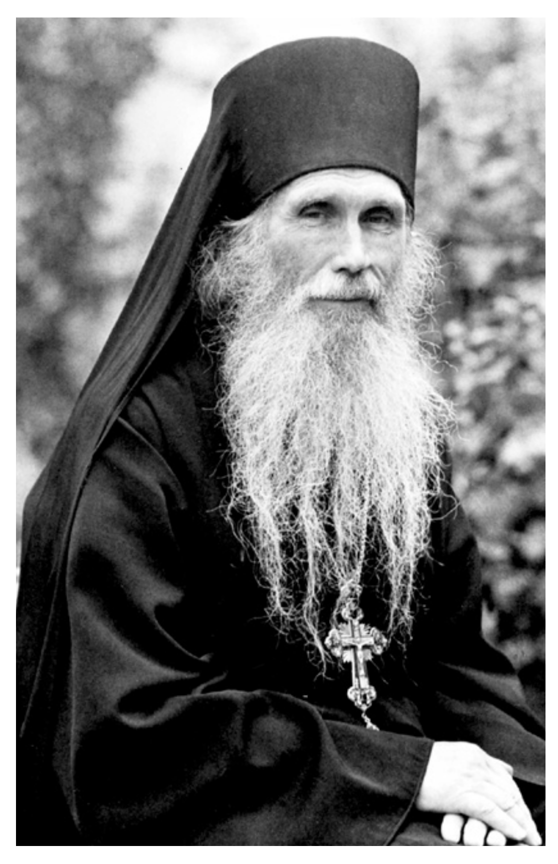
В 1970 году меня выдвинули ставленником в дьякона. Вызвали перед этим в Патриархию. Перед тем как быть рукоположенным, мне нужно было провести генеральную исповедь. Совершил я её тоже перед отцом Кириллом.



«Держите ум горе».

Эта исповедь мне запомнилась. Тем, что я вступаю в первую степень церковного служения, где должен нести большую ответственность за свои деяния и служения ближнему. Она отличалась и тем, что отец Кирилл настолько перекопал меня! Делал же он это, как всегда, мягко, ненавязчиво. Не «допрашивал», а задавал наводящие вопросы и подсказывал, какие могут быть огрехи, сумел задеть сокровенные вещи, забытые грехи. Помог выявить в прошлом, с детского возраста и до настоящего времени, недочёты, от которых надо освободиться. В то же время не вытягивал душу, когда задавал вопросы, а так спрашивал, что грехи как бы сами собой выявлялись.

Из всех отец Кирилл никого особо не выделял, готов был всегда общаться с каждым. Более близкие отношения у нас с ним начались после рукоположения меня в дьякона, моего брака, и потом – во время приходского служения.



После рукоположения меня пригласили служить в Москву. Не успел я окончить, полгода учёбы оставалось в Семинарии. Прослужил диаконом в Москве полтора года, в церкви мученика Иоанна-воина.

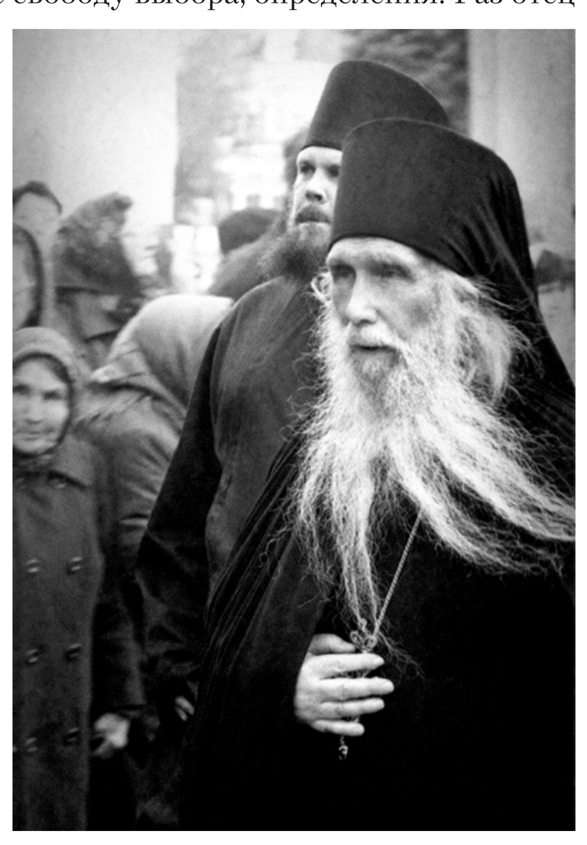
Вскоре неожиданно меня опять приглашают в Патриархию. Еду к отцу Кириллу за советом. Батюшка понял, в чём состоит вызов, благословил на рукоположение в священство.

В церкви «Всех Святых» на Соколе Патриарх Пимен рукоположил меня в священника, перед началом Петровского поста, а уже после этого поста я был отправлен в храм иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» на Калитниковском кладбище на приходское служение.

Лет пять-шесть прошли тихо, мирно и спокойно. Наладился я немного говорить нужное, близкое людям, на проповедях. Настоятель, бывший обновленец, начал делать мне замечания, чтобы я не проповедовал. Говорил, что люди устают и им этого ничего не нужно. Поехал я тогда к отцу Кириллу. Он по этому поводу сказал: «Как служишь, так и служи». Через год из-за нагнетающейся обстановки, по совету отца Кирилла, я начал подумывать о приходе в селе. Отец Кирилл – сильный, он может быть всегда ровным, без возмущений всё принимает, всех выслушивает. Никогда голос не повысит, тон не под-

нимет. Он всегда ровно и приятственно ко всем относится. У меня такого не получалось.

Возникла на приходе новая коллизия – противостояние настоятеля и старосты. Как тут быть? Обе стороны к себе тянут. Обоих по существу райком и КГБ проверили, утвердили. Стал я перед выбором. Что делать?.. Поехал опять к отцу Кириллу и по этому вопросу. Спрашиваю: «Батюшка, какую мне сторону принимать?». Отец Кирилл ответил мне очень мудро: «Нужно защищать истину, и всё. Где она – ты определяйся сам». Был удивлён, растерян поначалу я от его ответа. Стал думать: «Истина где?.. В Боге! Если человек, который себя к Богу направляет, то надо и защищать того человека. Неважно, кто он и от кого прислан». Важно ещё то, что Батюшка своим ответом оставлял мне свободу выбора, определения. Раз отец Кирилл сказал истину защищать, то я и стал сочувствовать, в чём-то помогать тому из двоих, кто в стоял данный момент на позиции пользы для Церкви. Тем самым я уравновешивал и поддерживал, как мог, мир на приходе. Но долго так длиться не могло.



Вскоре вызывает меня благочинный и спрашивает:

– Что у вас там такое?

– Трудности приходские.

– Какие претензии у настоятеля?

– Он говорит, что проповеди читать не надо. Этого делать не надо, то не надо...

– Почему? Ты всё делаешь правильно, у тебя нет никаких нарицаний.

Тогда я ему предложил:

– Чтобы не было больше интриг, ненужных волнений, переведите меня с этого прихода. Я бы ушёл в деревню служить.

И меня переводят на приход в Московскую область.

Перед этим я у отца Кирилла был и покаялся:

– Батюшка, не могу перенести интриги, или ругаюсь, или в смуте нахожусь, всё во мне кипит порой. Какое служение, когда ругаешься? Хочу уйти в деревню и молиться Богу, больше мне ничего не надо.

Батюшка одобрил это пожелание. Он сказал:

– Если тебе так лучше, конечно, иди, молись. С Богом! Если тебе совсем невмоготу, лучше отойти от греха подальше.

Отец Кирилл благословил переход.

Направили меня в село Строкино, храм великомученика Никиты. Поехал я к отцу Кириллу за благословением. Он одобрил мой выбор.

Приехал я на назначенный мне приход. Там пустырь, сторожка на курьих ножках, в дождик там не проехать, не пройти. 19 лет я там всё-таки прослужил. Всё это время к отцу Кириллу ездил на исповедь и за советами. Встречались когда в келье, когда в посылочной. И в Переделкино к нему приезжал. Первый раз отец Кирилл был там в 1988 году. Патриарх Пимен привозил в Переделкино его как своего духовника. Очень он уважал Батюшку и слушался во многом, следовал его советам.

Стоишь у высоких зелёных ворот, ждёшь, люди отовсюду приезжают: с Дальнего Востока, с Мурманска с важными вопросами верующие, и вдруг видишь, приезжают по звонку – сытые, разодетые вылезают, входят к о. Кириллу. А выходят совершенно никакие, у них нет того, что они побывали у

старца, очистились, – безразличные. Удивляешься, как же о. Кирилл принимает таких, почему не отказывается, не прогоняет. Поражаешься, как он терпит праздношатающихся, тратит на них своё время. Некоторые из них долго иной раз его донимают, а он никого не гонит, всех принимает. Поучительна его ровность со всеми, даже с такими. Ведь и в Евангелии Господь говорит: **«Никого не иждену вон».** Так вот, по Евангелию ведёт себя и живёт отец Кирилл.

Отец Кирилл уезжал иногда по болезни в Железноводск, на Кавказ. Он начал туда ездить с 1973-74 годов.

В 1975 году я испросил благословения у Батюшки, можно ли приехать туда и нам с матушкой. Он ответил: «Пожалуйста, приезжайте». Так просто пригласил он нас туда, где подлечивал свои больные лёгкие и желудок. Мы с матушкой приехали и поселились там на время, недалеко от него.

С утра, если у отца Кирилла не было никаких поездок, распорядок был такой: чтение утрени, полунощницы, утренних молитв, кафизм, священного Писания, Апостол, Евангелие, затем – завтрак. Потом – беседы, прогулка на Железную гору.

Батюшка по жаре, в подряснике, иногда в плаще, поднимался на гору, стараясь не отставать от всех. Хотя ему это было нелегко, очень трудно доставалось. Физически он был ещё способен выносить такие нагрузки, хотя ему тогда уже было около шестидесяти лет.

Потом читали мы Жития или поучения святых. Во время бесед Батюшка нам примеры рассказывал из жизни старых монахов, делился опытом становления церковной жизни Лавры. Потом был обед, немного – отдых, свободное время, и снова мы продолжали чтение и обсуждение прочитанного. Всё в зависимости от его состояния.

Все субботы и воскресения мы всегда, неотложно ходили в храм. Если праздник какой, мы тоже в церкви, днём читаем акафисты дома. В будни вечером – ужин, после чего вечернее правило, каноны Ангелу Хранителю, Пресвятой Богородице.

Батюшку опекали, поддерживали порядок монахиня Таисия и Люба. Там, в Железноводске, за главного организатора собравшейся вокруг отца Кирилла временной общины был

Леонтий Федорович — помощник о. Кирилла.

Леонтий Фёдорович – отставной полковник. Замечательный человек! Всегда в поездках он сопровождал Батюшку, был как послушник. Был ещё Юра Базыкин, у него была машина «Москвич» и он часто возил нас куда-нибудь.

Поначалу за повара был инок Иоанн, а после, через 2-3 года, когда он уже не смог, его заменили. Немощный, больной инок Лавры скончался в 1984 году. Он с отцом Кириллом ездил 4-5 лет. Мы с Батюшкой ездили 6-7 лет, а потом уже его перевели на лечение в Одессу и с начала 1980-х годов врачи прописали отцу Кириллу в Крым ездить. Туда, в Крым, мы уже к нему не ездили.

Матушка Вера: – Стала я ездить в Лавру, когда мне было 12 лет, даже не помню, в каком это было году. Наверное, в 1962-м.

Ещё дома, идём мы с мамой из церкви, а женщина одна рассказывает: «Обязательно надо поехать в Троице-Сергиеву Лавру, там такая красота! Там такая исповедь, такие монахи, такое пение, такие храмы!..». Когда я закончила школу, то на каникулах с тёткой и поехала. Потом стала ездить каждые каникулы, летом и зимой. Очень любила службу, пение, да и всю монастырскую жизнь. Многих монахов знала, но с отцом Кириллом не была знакома.

Архимандрита Кирилла увидела первый раз, когда он исповедовал в Трапезном храме, народу было много после Всенощной. Мне он запомнился. В нём была обстоятельность, размеренность, уравновешенность. От него исходил не только покой, но и правильность суждений, уверенность, что так надо поступать, а не по-другому. Батюшка мне сразу приглянулся, он тогда был уже игумен. Вот тогда и он запомнил меня. В это же время меня познакомили с семинаристом, будущим о. Борисом и моим мужем. Его родственники у нас в Воронеже были, и он туда приезжал.

Как-то в Лавре зашла я на проходную. Там стояли девушки, ждали отца Кирилла. Это его первые чада Тамара из

Переславля Залесского, Валентина и другие. Батюшка вышел, дал им открытки, фотографированные на Рождество, и мне дал, хотя он меня ещё не знал. Под благословение я потом всегда подходила к нему.

В 1969 году по распределению я уехала работать в город Котовск Тамбовской области. Мой будущий муж заканчивал учиться в Семинарии. Ходил он на исповедь к архимандриту Кириллу.

Когда мы пришли с о. Борисом к нему, он, видимо, рассказывал Батюшке обо мне. Батюшка радостно сказал: «А, это вот какая Вера! Эту Веру я знаю. Она часто в Лавру приезжает». Он расспрашивал меня, какая у меня профессия, кто мои родители, где я живу. И когда услышал про Котовск, весь встрепенулся, оживился: «Город тебе понравился? А в тамошней бане ты была?». Я не была и обещала сходить. «Обязательно сходи. Баня замечательная, царская ещё, и устроена хорошо, и просторная, и жар там особенный». И рассказал про войну, о том, что принимал участие в обороне и взятии Сталинграда. Бои были тяжёлые. Отступили на левый берег Волги, и два месяца пришлось провести в снежных окопах. Мороз – 30 градусов, одежда плохая: телогрейка, да шинель, простудился там весь. Нельзя было не только костёр зажечь, спичку не разрешалось. Еду в окопы привозили, но пока довезут, она уже холодная. Думал тогда Иван Павлов, что если и выживет, то уже

никогда не согреется. Но вот взят Сталинград, начальство даёт победителям две недели отпуска. Их отвезли на Тамбовщину. И вот котовская баня! Баня так баня! Запомнилась она Батюшке на всю жизнь. С тех пор, встречая меня, всегда спрашивал или вспоминал эту баню. И я думала о Батюшке, проходя мимо этой бани. У нас с Батюшкой был такой разговор, слыша который, другие не понимали, о чём это мы говорим. Батюшка как бы вводил и меня в свою жизнь, не отмежевывался, а принимал, и так это ободряло, становилось легко.

Шла весна 1943 года. До Тамбова тридцать километров. В начале Великого поста попал здесь Батюшка в храм, где был на каноне Андрея Критского. Вот была радость! Тамбовский владыка Иоанн (он впоследствии станет митрополитом Псковским и Порховским, а перед этим будет в 1946 году открывать Лавру) сказал очень хорошую проповедь, которая ободряла и вселяла силы и уверенность в грядущих победах. В храм многие солдаты ездили.

Отец Кирилл благословил нас на венчание, потому что знал, что я тоже человек церковный. Поэтому сразу, без долгих расспросов – благословил. И после этого я совсем перешла окормляться к нему, духовнику моего мужа. Потом у нас дети родились, и о. Борис один ездил, без меня к Батюшке, я – уже реже.

Рождество 1973-74 года. Холодно на улице. Мы с подругой Галей Перегудовой идём по Лавре. Отец Кирилл увидел нас и говорит: «Идите на проходную в «посылочную», я туда приду». В крошечной «посылочной», сплошь увешанной иконами, тепло. Стоит стол с подарками, аналой с крестом и Евангелием накрыт епитрахилью: Батюшка всегда готов при-

нять исповедь. Сколько здесь у этого аналоя пролито слёз, сколько людей ушли отсюда обновлёнными, очищенными, наставленными на путь истинный. И никого Батюшка не оставляет: всех, кто просил, вразумлял, подсказывал и за всех молится. Но в тот день в «посылочной» стоял ещё табурет с дешёвеньким проигрывателем и пластинкой на нём. Батюшка зашёл и говорит: вышли пластинки с записями Козловского. Одна – с Рожденственскими колядками. Включил. И звучание божественных песнопений заполнило «посылочную». Батюшка нас баловал, пригласил и сам радовался, что нам хорошо, слушал с нами, не ушёл. Сидит о. Кирилл на стульчике. Слушаем. И ничего нам не хочется, никуда нам не надо идти. Все мысли и желания прекратились. Просто блаженство. Остановись, мгновение, и пусть будет это состояние вечно. Какое утешение! Спасибо тебе, Батюшка. Прошло минут сорок. И мы замечаем, что Батюшка, сидя, задремал. Галя сидит рядом с проигрывателем, а я у двери. Сейчас закончит петь Козловский. Я показываю Гале, мол, поставь сначала. Пусть Батюшка поспит. Бедненький, так ото всех нас устаёт. Нет ему времени отдохнуть по-нормальному. Да и нам хорошо, продлится наше чудное мгновение. Прошло ещё сорок минут. Закончилась пластинка, и отец Кирилл очнулся: «Послушали? Вот хорошо, и я отдохнул с вами».

Вышли мы с Галей на улицу. Что это было с нами? Где мы были? Мы ни о чём с Батюшкой не говорили, он нам ничего не рассказывал, мало этого, он спал. Но радость, мир, покой переполняли наши сердца. Вот так и праведники будут наслаждаться в Царствии небесном. И нам отец Кирилл здесь, на земле дал возможность ощутить это неземное чудо.

(Смеётся). Ездила как-то жаловаться на о. Бориса, и Батюшка меня поддержал: «Я ему скажу». (Снова посмеивается). Но, наверное, мужу ничего не сказал. Батюшка в этих вопросах был очень мудрый.

После того, как отец Кирилл нас приветил, взял нас в поездку, сказал нам: «Приезжайте обязательно», мы поехали. Это была первая наша поездка на Кавказ, в Железноводск.

Помню там такой случай. Мы рано утром встали, отец Кирилл нам говорил ещё с вечера: «Утром пойдём на Железную гору, не с той цивилизованной стороны, а прямо, где круче». Там вверх подниматься ещё труднее, и вниз тоже идти трудно, осыпается камень всё время под ногами. Отец Кирилл в сапогах, жара невозможная была, в плаще коричневом, в подряснике. А мы все легко одеты, рубашки да платья ситцевые. Батюшка впереди всех идёт. Подаёт нам всем, молодым, пример. Поднялись мы на гору. Просто сил никаких нет. Отец Кирилл всем советует: «Берите с собой палки-посохи». Я говорю: «Батюшка, неужели также в Царствие небесное трудно забираться?». Он усмехнулся, отвечает: «Слов нет, ещё в тысячу раз труднее».

Отец Кирилл никогда не давал себе послабление, даже если это касалось здоровья. Другим разрешал после 12 ночи кушать, если язва болит, просто как лекарство принять, немного. Себе – нет. Не полагается – значит, не полагается. Всегда большое монашеское правило вычитывал, каноны, при любых обстоятельствах.

Как-то пожилой уже, в возрасте инок Иоанн (Иван Михайлович), он был поваром, занимался своим делом, а я стою сзади всех. Выходит отец Кирилл и просит: «Попить что-нибудь.

Леонтий Федорович, инок Иоанн совершенствуются в церковном чтении.

Не могу, пить хочу». Ни воды нет, ничего. И стоит арбуз. У меня мысль появилась – вырезать кусочек арбуза и подать ему. Он съел эту часть арбуза и говорит: «Как же это ты догадалась так быстро напоить меня?». Всегда благодарил, отмечал сделанное кем-либо добро, даже небольшое, мелкое.

В эту поездку был с нами о. Рафаил (Берестов), тогда он был молоденький, шустрый такой, и Батюшка занимался с ним, как с ребёнком, ловит его, шутит с ним, тот потом заберётся на чердак и сидит там.

Один раз мы с о. Борисом приходим, Батюшка в это время собрал всех в саду вокруг себя, и все слушают, что читается. Я спрашиваю: «Что, Батюшка, читаете?». Он отвечает: «Мы читаем про любовь». Что же это, как, «про любовь» – и все слушают?! А это произведение, которое читали, называлось «Инок». Сюжет незамысловатый, но поучительный и жизненный. Откуда отец Кирилл его добыл, не знаю. Мы эту поэму не раз перечитывали, разбирали, комментировали. Конечно же, про любовь духовную, недаром же «Инок» называется. Сюжет такой. Молодая пара, но жена изменила, ушла к другому. Их

дети, оставшиеся с мужем, умирают, остаётся мужчина один. Потом уходит в монахи и живёт в монастыре. И вот его посылают с монастырскими сборами к людям. Он, остановившись в одной семье, услышал, что дети увидели за селом человека, который замерзает на дороге и его надо спасать. Монах идёт туда и приносит на себе бездомного. Отогрели его, отходили. И оказалось, что это тот самый любовник, который отнял его жену. Монах, уже тогда был архимандрит, растрогал своего обидчика так, что тот искренне перед смертью покаялся. После этого монах велит съездить в женский монастырь и привезти оттуда бывшую жену, виновницу беды. Проститься с виновником её падения. Попала же она в женский монастырь таким образом... Когда тот соблазнитель оставил её, она хотела вернуться к своему мужу, а никого уже нет, ни детей, ни свекрови, ни мужа. Она начала его искать – нигде нет. Тогда стала искать по монастырям. Решила во что бы то ни стало даже и оттуда, из монастыря, вытащить его снова в мир, к семейным утехам. Нашла тот монастырь. Его нашла. Стоит там, в церкви, а монах (это был он, бывший её муж, она узнала его), читает Канон покаянный Господу. Да так читал проникновенно, так молился, что у неё как бы пелена с сердца спала, и она ужаснулась, что же она замыслила?! Безобразия, какие творит! Пошла она к игумену и рассказала, кто она, что она. И он устроил её в женский монастырь.

Мы эту поэму потом часто между собой перечитывали.

Запомнилось ещё вот что. У матушки Таисии Житинёвой из Переславля-Залесского есть фотография, где отец Кирилл стоит с мужчиной. Это тамошний, железноводский блаженный. Батюшка так умилительно к нему прильнул. Нам было немного странно, что он сам старец, мы его чтим, а тут всего лишь молодой человек, и отец Кирилл его так почтительно, нежно обнимает. Ведь с виду тот даже не похож на блаженного. Не скажешь на него. Можно скорее подумать – доцент, представительный такой, одет опрятненько, но чувствуется, что бедненько. Только наш Батюшка чувствовал духовную вы-

соту скромно несомого этим блаженным тяжёлого подвига и преклонялся перед ним.

Отец Кирилл на местном кладбище часто панихиды проводил, его приглашали, и причащал, соборовал, потому что много людей приезжало в Лавру, и он знал их. Никогда никому не отказывал. Когда он приезжал куда, то непременно первым делом приходил в храм.

На юге нас иногда всех приглашали в гости. У них там кухня особая, острая. Батюшка порой в ущерб своему здоровью, чтобы не обидеть хозяев, кушал, что предлагали. Только уж очень жгучее, особо опасное его здоровью, аккуратно, незаметно откладывал в сторону.

Ходили там в Дубай. Было там такое место, где расстреливали православных. Много и там вокруг Батюшки было известных ему интересных людей, но они никогда ничего не рассказывали о себе по двум причинам: по скромности и в силу

того времени. Люди прошли гонения, заключения, ссылки и потому были приучены к сдержанности, «запечатаны» в себе.

Ну а потом у меня дети родились, и о. Борис один ездил к Батюшке на Кавказ.

«Если начнут притеснять за веру, еще больше должно радоваться, ибо это полезнее для христианина, потому что венец мученический сходит на главу твою».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

С нами приезжала туда, на Кавказ, Надя, которая была регентом в Елоховском соборе. Батюшка очень уважал её. Она была солистка, а потом, когда в их храме регент умер, её поставили регентом.. У неё был хороший голос, идеальный слух и простоты она была необыкновенной. Замужем никогда не была. Я размышляла: « Почему это отец Кирилл её так любит?». Когда Батюшка перед своей болезнью проводил соборование в Филях у Нади, мне это открылось. Там большое количество народу собралось. Квартира большая, Надя жила с родителями, и все поместились. Семь священников было с Батюшкой, сослуживали ему.

Мне стало понятно, почему Надя не выходила замуж. Потому что мамочка её была духовное чадо отца Кирилла, и Надя тоже, естественно пользовалась Батюшкиными советами.

Сержант Иван Павлов с сестрами Марией и Анной. 1943 г.

Кроме того, у них была ещё старшая дочь Шурочка. Она была слепорожденная, да ещё ей требовался постоянный уход. Пока соборовали, а я стояла недалеко от кровати, где сидела Шурочка, её надо было в туалет провести, она так безпокойно себя вела, и я была поражена тем, как деликатно, терпеливо, ласково Надя с ней обращалась. Это просто пример нам всем. Думаю, что это не без Батюшкиных молитв и наставлений. Тогда уже родителей у Нади не было, и она одна ухаживала за своей сестрой. К сожалению, Надя уже умерла лет пять назад. У неё случилось онкологическое заболевание. Батюшкины друзья, чада её не оставили. К тому времени она была одинока, но всегда за ней уход был. Её сестра Шурочка раньше умерла, и она оставалась совсем одна. Она не была монахиней и до последних лет пела в Елоховском соборе. Вот какие чада у отца Кирилла...

У Батюшки были две сестры, они уже умерли. У одной из сестёр есть дочка, она врач.

Матушка Антонина хранила статью с фотографиями из газеты выходившей ещё во время войны. Там сфотографированы дом Павлова и сержант Павлов, явно похожий на нашего Батюшку. Она очень хорошо это помнит и уверенна в том, что это он.

В мае 1995 года я поехала к отцу Кириллу в Переделкино, поздравить его с днём Победы. Думаю, все мы спрашиваем, как

нам быть, как нам жить и никогда не интересуемся: как он живёт. «Батюшка, как вам запомнился тот первый день Победы 45 года?». Он оживился и рассказал немного про эти времена.

Победа застала его в Австрии, в одной из долин Альпийских гор. Кругом горел лес. Было утро 9 Мая. И вдруг, как огромная волна, пронеслось: «Победа!». Что тут началось! Люди салютовали из всех видов оружия, кричали «Ура!», «Победа!», кидали пилотки, фуражки вверх, качали и подбрасывали друг друга. Такая была радость, казалось, что нет отдельных людей, нет отдельных душ, а есть одно тело, одна душа. И это мощное ликование: «Мы победили!».

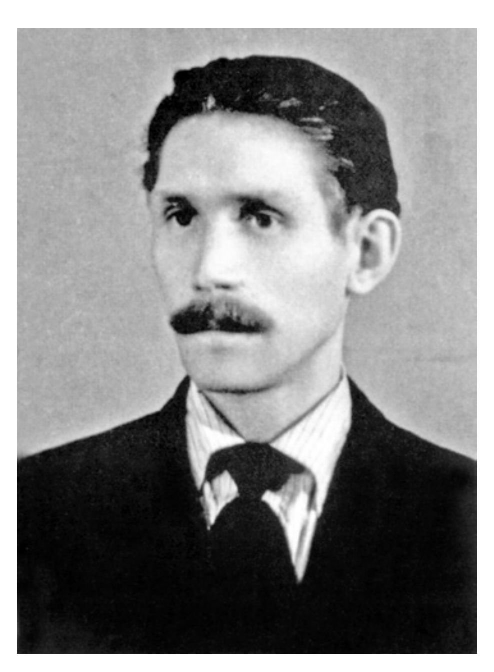
После демобилизации Батюшка Кирилл поехал домой в Рязань через Москву. Он ещё на фронте узнал, что разрешили открыть Семинарию. Она расположилась в стенах Новодевичьего монастыря. Здесь он узнал правила приёма. И поехал домой. Батюшка, значит, ещё на войне решил посвятить себя Богу. Он не стал откладывать в долгий ящик, вскоре приехал поступать в Семинарию.

В те времена нельзя было оставаться человеку без работы даже три недели, могли привлечь к ответственности. И он не знал, куда пойти работать. «Господи! Устрой меня!» Уже вечер, едет он в трамвае, молится. А в трамвае висит объявление: нужен человек развозить дрова. Тогда у многих было печное отопление. Утром пришёл на склад, приняли, и всё лето он развозил дрова по Москве. И одновременно посещал храм в Новодевичьем монастыре, сдал в Семинарию документы, прошёл собеседование. И вот в конце августа ему выдали справку о зачислении. Подаёт справку десятнику (бригадиру), ведь без уважительной причины не уволишься с работы. Тот прочитал и спрашивает:

– Ты что же, хочешь быть батюшкой?

– Да.

– Если обещаешь быть хорошим батюшкой, тогда я тебя отпускаю.



Иван Павлов — студент Московской Духовной Академии. 1953 г.

Получается, что он получил как бы благословение, наказ и от своего начальника, чему старается следовать всю свою священническую жизнь.

Он поступил в 1946 году в Семинарию, в 1950 году её окончил. Потом учился и окончил Московскую Духовную Академию.

Сегодня неотступные болезни пришли к Батюшке, и он совсем слёг. Приходили мы его навестить на Рождество, Пасху, день Ангела. Однажды там, в Переделкино, отец Кирилл был уже тяжело болен, собралось у него в кельи человек тридцать. Все к нему подходили, всех он называл по имени, благословлял, отвечал коротко на вопросы некоторых спрашивающих, хотя просили не безпокоить Батюшку. Когда подошла моя очередь, то я поблагодарила Батюшку за то, что он есть в моей жизни, молится за всю мою семью, исповедовал и прощал мои грехи. «Низкий поклон Вам Батюшка за это и великая благодарность». Вдруг при всех он взял меня за руку, благословил и говорит: «Вера, я что хочу тебе сказать. Ведь мы с вами родня и большая родня. Ты слышишь, что я тебе говорю, ты не забывай об этом и всем скажи, что мы очень большая родня». При этом держит меня за руку так крепко-крепко. Это были последние Батюшкины слова, сказанные мне, когда он ещё разговаривал. Считаю, что это не только ко мне относится, но и ко всем тем, кто к нему искренне обращался и окормляется у него.

Когда умер архимандрит Матфей (Мормыль), известный всем регент Лаврского хора, в тот день вечером была передача по радио, посвящённая отцу Матфею. Говорилось в ней о том, что единственное, что не сделал на этом свете, так это то, что не оставил после себя замены, достойного ученика. Другой собеседник возразил: «Вы не понимаете, что гении – они штучны! Они не повторяются. Они просто даются Богом!». Так, я думаю, и наш Батюшка, отец Кирилл. Он – уникален и неповторим.

Просто счастлива, что живу с ним в одно время, имела счастье видеть и слышать его. Есть досада только на то, что он нам столько давал! А мы не ценили, мало вместили в себя, не запоминали всё как надо. Больно за то, как он сейчас, родненький, страдает. И всё равно рада и счастлива!

«Должно всемерно избегать всех обольщений и соблазнов, от которых порождаются в душе нечистые мысли и желания и возбуждаются страсти. Поэтому, если соблазны так пагубно, искушающе действуют, то необходимо отвращать очи,* еже не видети суеты.** *(Пс. 118, 37)*, ***и ограждать все чувства, чтобы отразить обольщения и соблазн».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Монахиня Таисия (Житникова):

– Всё началось с того, что у меня в результате несчастного случая на работе погиб племянник в возрасте 17 лет. Он закончил училище и поехал работать в Семибратово. Там его плохо познакомили с техникой безопасности, и он погиб на вагонетке, не пригнувши голову, поранился насмерть. На сорок дней мы пригласили из Сергиева Посада схимницу Варвару читать Псалтирь. Она ещё тогда была тётей Машей. Когда я спросила у неё какой-то совет, она мне сказала: «Так ты спроси у своего

духовного отца». Я не знала тогда, что такое духовный отец. Она очень удивилась тому, что у меня его нет.

– Где-же его взять, если нет? – возразила я.

– Да посмотри, сколько в Лавре священников! Отец Иосиф, отец Тихон, отец Кирилл...

– Как же я к ним подойду?

Она пообещала:

– Будет праздник, мы поедем вместе в Лавру и подойдём к кому-нибудь.

Была Пасхальная неделя, и мы поехали. Поехала с нами и мама моя. Она раньше принимала много странников богомольных. Мы много о Боге узнали от монахов и священников, которые возвращались из ссылки, лагерей, тюрем.

Тётя Маша велела нам молиться, и какой первый, говорит, батюшка будет тебя исповедовать, того и будем считать, что он с Божиим благословением к тебе. Он и будет твоим духовником.

Мы утром приехали. Ранняя служба закончилась, поздняя ещё не начиналась. Мы зашли в трапезный храм. Там стояла кучка народа в приделе святителя Иосафа и служил раннюю Литургию архимандрит Кирилл (Павлов). Он был тогда ещё молодой.

– Вот – отец Кирилл. Значит, это по Божьему промыслу получилось, – сказала уверенно тётя Маша.

После Литургии мы подошли под благословение к отцу Кириллу. Мама моя ему и говорит:

– Батюшка, вот у этой девочки, дочери моей, нет духовника. Возьмите её к себе...

А он отвечает:

– Да я немощный и душой и телом. Я не смогу её повести.

– Батюшка, а у неё сердечко-то к вам расположилась, и у неё ещё никого нет.

Тогда он подумал, вздохнул и сказал:

– Ладно, я спрошу своего духовного отца...

Духовником у него в то время, как и у всей Лавры, был архимандрит Пётр Семеновых. До этого он на Афоне находился.

Отец Кирилл с духовником Лавры. 1968 г.

Батюшка благословил меня ещё раз, дал просфору, яичко и просил потом подойти.

Четыре дня мы ходили на службы, и он меня не подзывал. В пятницу подозвал и спросил когда мы уезжаем. Ответила, что завтра. Он предложил мне поисповедоваться и причаститься. Но вскоре пришёл послушник с ключами и сказал всем, чтобы выходили. Я растерялась. Как же я могу уехать, ничего не решив? Стала подниматься по лестнице, а навстречу мне идёт отец Кирилл. Сказала ему: «Всё закрывают, Батюшка». «Ничего, ничего» – ответил он. Взял ключи, крест, Евангелие и мы пошли в дальний уголок.

Он вначале расспросил обстоятельно биографию мою. Выслушал про то, где и как, с кем я живу? Какие условия? Я рассказала, где живу, что две сестры мы у мамы. Мама сильно болеет. Живём трудно... Он выслушал внимательно. Потом спохватился: «Ой, беги скорее! Служба начинается, причастишься на ней. Потом подойдёшь ко мне на проходной, и я тебе дам иконочек, книжечек».

После службы я подошла к нему, как он сказал. Он мне всё дал, благословил. И с тех пор я стала к нему приезжать. Редко, правда приезжала. Потом через какое-то время отец Кирилл

1959 г.

спросил меня, почему я нечасто приезжаю в Лавру. Я ответила, стесняясь:

– Не могу я по-другому.

– Почему? Из-за учёбы?

– Нет...

Он твёрдо сказал:

– Чаще надо. Теперь тебе нужно, как минимум, раз в неделю приезжать.

– Не смогу я, Батюшка.

– Почему?

– Вы простите. Но денежек у нас с мамой таких нет. Я ещё учусь...

Чуть подумав, отец Кирилл утешил:

– Ну, ничего. Господь как-нибудь устроит, а ты постарайся.

– Да уж, конечно, Батюшка. Как только будет какая возможность, я тут же сюда, к вам прилечу.

– Сколько билет от вас до Лавры стоит?

– Дорого, Батюшка. Рубль двадцать.

– Адресок ты мне свой оставь.

– Для чего? – перепугалась я.

Отец Кирилл усмехнулся и «пригрозил»:

– Да вдруг вот, в гости к вам соберусь.

– Ой, как мы будем рады-то, – воскликнула я, а он напомнил:

– Ты пиши, пиши адресок-то ваш.

– Сейчас, сейчас, – стала я искать бумагу и карандаш. Написала. Передала.

Вскоре приходит мне неожиданно по почте денежный перевод. Пошла я получать, смотрю, подпись отправителя «К. Солнцев». И так и сяк я всё вспоминала, кто же мо-

жет быть пославший деньги. Такой фамилии не помню. Про отца-то Кирилла и не подумала, что он мог так подписаться, – «Солнцев». Я же у него ничего не просила.

Получила тогда я пятьдесят рублей! Тогда это были немалые деньги, чуть не зарплата. Впоследствии он так и не признался, что эти деньги прислал он. Леонтий Фёдорович потом мне шепнул, что он отправлял от Батюшки мне те деньги по почте с таким именем отправителя. Деньги эти, 50 рублей, были как раз на то, чтобы я смогла каждое воскресенье ездить в Лавру, к нему, для исповеди и наставлений.

Батюшка не только мне помогал, но и многим другим.

Один человек, он сейчас священником в селе служит, взялся напечатать книгу, написанную нашим Ярославским митрополитом Иоанном. Для этого он занял 300 долларов. Епархия обещала отдать их. Когда книгу напечатали, выяснилось, что отдавать нечем. В епархии обещание не выполнили, сказали, что нет у них денег. Так вот батюшка отец Кирилл только ему и помог. Спас его. Добыл требуемых кредиторами денег. В общем, чем он мог – и делом, и словом, и наставлениями – всем помогал.

Сначала я стеснялась спросить отца Кирилла, взял он меня в духовные чада или нет? Тут же и соображаю, что если он позвал меня на подробную исповедь, значит, наверное, взял меня к себе. Но сомнения гложут: «Почему он мне ничего не сказал?..». Сама боюсь спрашивать. Письмо все-таки не вытерпела, написала и передала. При встрече Батюшка меня укорил: «Неужели ты не видишь, как я к тебе отношусь? Неужели обязательно нужны какие-то слова?». Тут только до меня дошло, что надо учиться смиренно и кротко, терпеливо принимать всё без настойчивой назойливости.

Неожиданно для меня отец Кирилл сказал, что у меня ещё есть «сёстры». Я удивилась. Откуда у меня сёстры? Одна сестра, старше меня есть и всё! И вот как-то он подвёл меня к трём девушкам. Познакомил нас. Тогда-то я и поняла, что это

Духовные сестры. Будущие монахини Вероника, Валерия, Анастасия и Таисия. 1962 г.

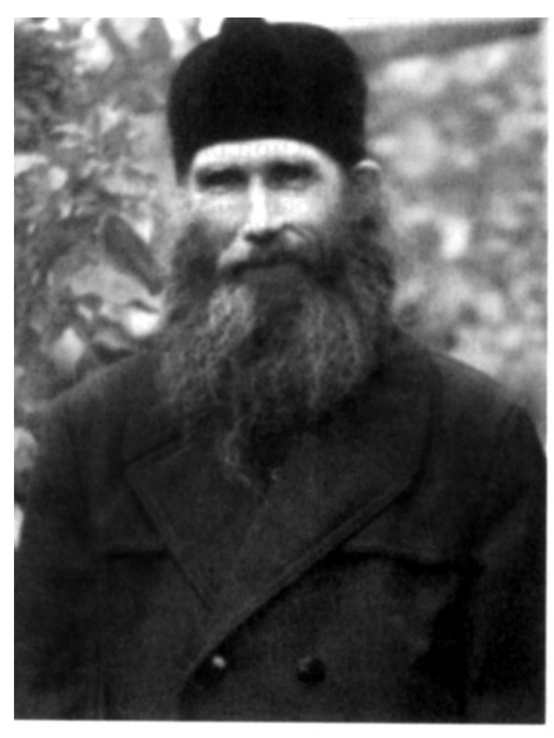
за сёстры общего нашего духовного отца. Тогда мы ещё были не матушки, а девушки. Это уж потом стали величаться как матушка Вероника, матушка Валерия, матушка Анастасия и я, грешная Таисия, а тогда ещё звалась Тамарой.

Нас было четверо. Одна из Воскресенска – матушка Валерия, две из Москвы, и ещё одна приехала в Сергиев Посад, матушка Вероника, которая потом лет 20 работала в Сергиевом Посаде, шила ризы.

Две уже умерли, матушка Вероника и матушка Валерия. Нас осталось двое. Матушка Анастасия из Москвы и я, грешная Таисия. Матушка Валерия была моложе меня. У неё рак приключился. А про матушку Веронику вы, вероятно, слышали. Один банкир приезжал в Лавру. Ему было предопределено, что его хотят убить. Матушка Вероника вызвалась свезти этого банкира к какому-то старцу. Они поехали на двух машинах. На первой машине поехал банкир с женой и дочкой, на второй его брат и эта матушка. У аэродрома в них стреляли. В первой машине всех убили насмерть, а во второй – брат остался жив, а матушку ранили в голову. Она месяц лежала без сознания. Это была наша духовная наставница, поставленная нам отцом Кириллом, – матушка Вероника.

Первые ученицы старца. Второй ряд, слева направо: Вера (монахиня Вероника) Карташова, Александра (м. Анастасия) Калинина, Тамара (м. Таисия) Житинёва, Валентина (м. Валерия) Ситникова. 1962 г.

После того, как отец Кирилл всех нас познакомил, когда приезжали в Лавру, то снимали одну комнату, находились в одном месте и, конечно, делились, обменивались советами и разговорами друг с другом, передавали то, что он нам говорил. Так было легче подвизаться. И на беседы мы ходили вместе, не



1970 г.

стеснялись друг друга. Вопросы у нас были похожими. С начала нашего общения он нам четверым очень много времени уделял.

Мне рассказывали, что когда отец Кирилл ещё в Семинарии и в Академии учился, то он всё время удалялся от общения. Даже в трапезной, если не готово ничего, небольшая задержка, все стоят, ждут, переговариваются, а он, чтобы не вести пустых разговоров, отходил куда-нибудь в сторону, за колонну какую спрячется, сразу из подрясника Евангелие достанет или другое душеполезное и читает... Каждую минуту берёг, чтобы словом Божиим напитаться.

Раньше в Лавре исповедовали ночью. Им только ночью, в трапезной, давали место долго исповедовать. Несколько батюшек было. Отец Кирилл всех поисповедует в трапезном храме, а потом нас четверых возьмёт и поведёт в проходную. Там комната была, «посылочная», и там мы поочерёдно спрашивали по записанным заранее вопросам, которые нас волнуют. Беседовал с нами, разбирал наши вопросы. А иногда он выносил нам одеяла, чтобы мы на стульчиках немного отдохнули. Всё заботился о нас. Обстоятельно отвечал на наши вопросы, наставлял сразу всех четверых. Батюшка говорил, что иначе одной он скажет одно, другой – другое, третьей – третье, а что-то общее потеряется. Поэтому лучше нам выслушивать на-

ставления вместе, а что непонятно, вы, мол, между собой обменяетесь, обсудите. «Вдруг я забуду что-то сказать». И получалось, что целый день и ночь он не спал. Сначала на исповеди, а потом с нами занимался. Но старался не многословить и не пустословить, как мы- то.

Как-то, после службы, накануне большого праздника, много народу столпилось вокруг отца Кирилла. Все у него исповедоваться хотят. Толкаются, шумят. А Батюшка тихо так, но все замерли, слушают, тишина, он и говорит: «Не волнуйтесь. Я буду до двух часов ночи, если надо и больше исповедовать. Не спешите. Все грехи говорите, не комкайте исповедь. Всё по-строгому будем делать. Как всегда».

Один раз на беседе мы четверо спросили у отца Кирилла: «Почему вы ушли в монастырь?». Он ответил: «Во-первых, боялся семейной жизни, того, что не смогу воспитать детей правильно, по Закону Божиему. А во-вторых, я дал обещание во время войны, что если останусь живой, то уйду в монастырь». Мы ему сказали: «Батюшка! Зато детей теперь у вас во-он сколько! В миллион раз больше». Он заулыбался вместе с нами, но сказал строго: «Воля Божия на всё».

Никогда отец Кирилл никого не ругал, какие бы грехи или просчёты ни были. Нам всегда говорил – никого не осуждайте. Знал он много, но нас не смущал ничем.

На исповеди, когда собираются по 30 или 40 человек, он говорил во вступительном слове: *«Когда в душе мир, любовь, только тогда Господь услышит молитвы»*. Мир с Богом и людьми. Только тогда сможем получить благодать от Бога, иначе не получим, хотя бы и молились, и постились, от Бога не получим милость.

На Пасху, какую он нам радость давал! Им давали свой кулич и ячейку яиц. Так вот он позовёт нас в комнатку и там нас всем этим угощает, и чтобы мы в это время не разговаривали, он читал нам стихи покаянные. Жалел нас, баловал. Но и мы ему тоже гостинцы привозили.

о. Кирилл у дома мон. Таисии.

Ко мне он приезжал чаще, так как у нас был свой дом, а у других, троих девушек – квартиры. Ещё и потому, что у меня было больше скорбей с близкими.

В Троицу каждой по букетику своему, братскому нам давал. Потом стало, конечно, по-другому. К нему много народу стало подходить, и он меньше уделял нам внимания. Но всегда, даже когда он в болезнях был, когда не мог совершать службы, если мы могли передать записку, что мы приехали, то он укажет время и место, чтобы поисповедоваться нам и обсудить наболевшее.

Его очень многие любят. Многие искали встречи с ним здесь, в Лавре. Пока стоим у проходной, на нас говорят: «Вон Кирилловские послушницы стоят. Отнесите ему и от нас записочки и гостинцы».

Отцу Кириллу, конечно надобности в этом не было. Он, поблагодарив, тут же первому встречному или пришедшему всё это передавал. Относительно еды Батюшка говорил: «Не уделяйте много внимания приготовлению пищи. Больше уделяйте на молитву, на храм и на добрые дела». Я уж и теперь так стараюсь.

Знаете, какой строгий-то иногда Батюшка бывал? Он не ругает никогда. Но сделает так, что сама поймёшь и поедешь неутешенная. В чём-нибудь прогневаешь его, он примет, по-

исповедует... Спросишь – ответит. Но холодно. Сразу чувствовалось, за что. Но никогда не кричит и не ругает. Только иногда скажет: «Какая же ты наивная...».

Епископ Ковровский Афанасий (Сахаров).

Епископ Афанасий (Сахаров), что в Петушках похоронен, был у отца Кирилла духовником. Батюшка ездил к нему, когда ещё семинаристом был. Потом, когда епископ Афанасий умер, он был на отпевании его. Каждый год отец Кирилл служил по нему панихиду под Успенье.

30 октября 1962. г. Петушки. Похороны епископа Афанасия. На заднем плане —игумен Кирил (Павлов).

Иногда мы ездили по святым местам, и в дороге он всегда читал Иисусовы молитвы, всё чётки перебирал. Трое ездили чаще, они из Москвы, а мне надо было маме помогать в огороде.

Отец Кирилл приезжал к нам в Переславль и часто не один, а с другими батюшками и прихожанами Лавры. Он очень любил петь. Или на утёсе над озером пели, или на остров уплывали, там пели. Бывало, отслужит Батюшка панихиду на кладбище – и на Александро-Невскую горку, а с неё красивый вид на озеро, и вот там мы садились и пели.

Была у нас в молодости любопытная история с отцом Л., он ещё только Семинарию закончил, и звали его тогда Миша. Меня звали тогда Тамара. Встретились мы как-то на входе в Лавру, и он мне говорит:

– Можно с тобой побеседовать?.

– Можно.

Он так не сразу, помявшись, говорит:

– Скоро заканчиваю Духовную Академию и мне нужна невеста. Не хочешь ли ты за меня замуж выйти?

Растерялась я, сказала:

– Не знаю. Надо у отца Кирилла спросить.

Волнуясь, он стал объяснять:

– Я ведь тоже у Батюшки окормляюсь. Тебя давно уже знаю, приметил».

– Надо у Батюшки спросить, – опять повторяю ему.

Пришла я к Батюшке и говорю:

– Вот, Миша предлагает на мне жениться.

– А ты как? – спрашивает отец Кирилл.

– Не знаю, как благословите.

В душе мне как-то жалко стало Мишу. Думаю, что враг ему найдёт ещё плохую невесту, а я уж буду ему помогать, угождать. Батюшка испытующе посмотрел на меня, потом сказал:

– Божья воля на всё. Давай молиться с тобой. Поезжай домой. Я тебе вот книжечку дам о девстве. Ты молись дома, а я буду в келье молиться. Потом приедешь, и мы с тобой побеседуем, как Господь на сердце положит.

Через месяц я приехала и пошла к Батюшке. Он спрашивает:

– Ну, как самочувствие? Какое у тебя желание насчёт замужества?

Вся взволнованная, отвечаю:

– Ни за что! Ни за что!.. Я прочитала книгу и, наверно, вашими святыми молитвами утвердилась, укрепилась в этом. Прошу! Только помолитесь, чтобы Господь мне помог сохранить себя в настоящей чистоте.

С тем я и вышла от отца Кирилла.

Иду от него к мощам Преподобного, а навстречу мне идёт Миша. И что же я вижу?!.. Он уже в подряснике и зовут его по-другому, инок Л. теперь.

Спрашиваю его:

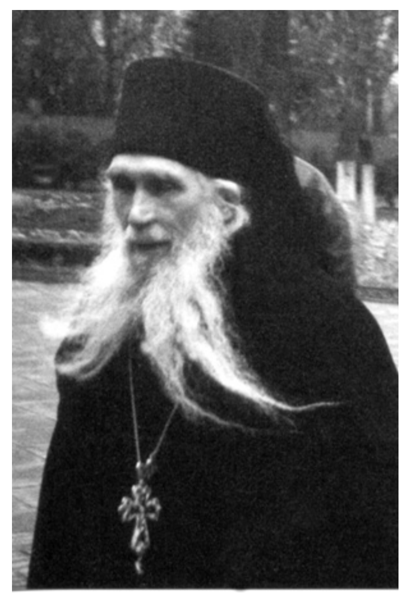
– Как дела?

Он довольный отвечает:

– Как видишь, благословили в монашество.

Подарил мне на память Евангелие, небольшое, в бархате, тёмно-синее и говорит:

– Вот, дарю тебе Евангелие и давай молиться друг за друга всю жизнь.



Так мы и расстались.

Потом были, конечно, и разные искушения, но я подходила к нему под благословение.

Как–то раз я приехала, подхожу к нему, а он меня спрашивает:

– Ну, что, Томка, тебе не томко *(тяжело)*?

Отвечаю ему:

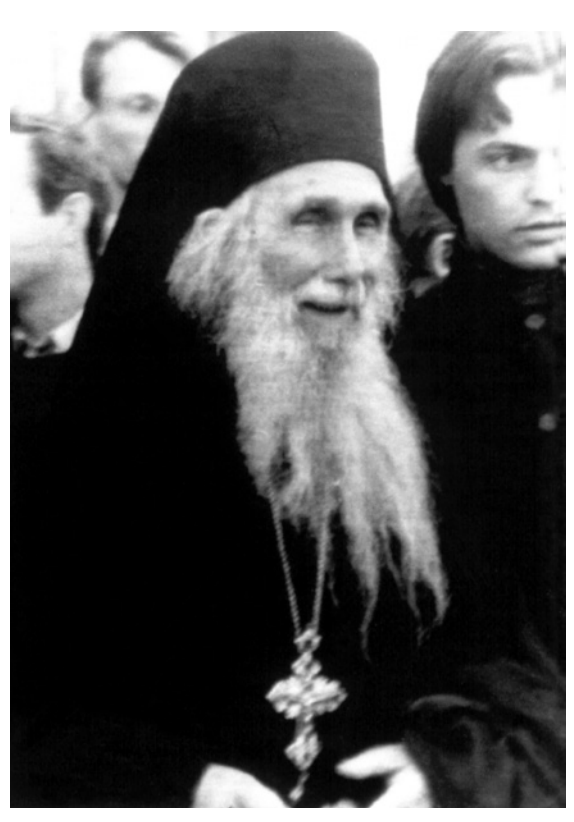
– Нет, батюшка.

– А мне томко, – признался он. Но не сказал, чего у него там было, не поделился.

Отец Л. тоже очень почитает Батюшку. Всегда напоминает, что отец Кирилл страдает за наши грехи, берёт их на себя. «Идёшь, – говорит, к нему с грехами, сказать о них боишься, а Батюшка произнося: «Прощаю, разрешаю...», тем самым освобождает нас от них, берёт наши грехи на себя».

Вспоминаю я при этом разговоре, что как-то в беседе отец Кирилл со мной поделился: «Вот подходит человек, исповедуется, и думаешь – допускать его до причастия нельзя. А если не допущу, то он вообще не придёт в храм. И берёшь на себя его грехи, даже не знаешь какие порой, потому, что он почти ничего не говорит». Вот я и сопоставила, что отец Л. говорит о том, как наш Батюшка страдает за наши грехи. По этому поводу вспомнила, что у нас такой случай был.

Одна певчая у нас послала своего сына в церковь поисповедоваться. Он готовился основательно, серьёзно, в первый раз. Исповедовался, а батюшка, у которого он был, ему говорит: «Ты знаешь что, ещё раз попостись, помолись и тогда ещё раз приходи исповедоваться и тогда причастишься». А тот сказал: «Больше я никогда не приду». Вот, видите, как бывает...



Иногда нас и пожалеть надо. Допустить. Пострадать за нас грешных, как отец Кирилл. Взять немощи наши на себя.

Господи! Помоги ему, Батюшке нашему! За любовь его к нам, грешным. За страдания, болезни, немощи, принятые им на себя. Он нас всех прямо как детей жалеет, как и родители детей не жалеют.

При коммунистах. Когда я ещё на фабрике вышивальной работала, меня принуждали вступить в комсомол. Приезжали корреспонденты из города, много со мной беседовали. Мастер из нашего цеха был молодой парень. Он дал им обещание, что меня сломает, пообещал им, что уговорит меня. Даже сватался ко мне и всячески приставал, проходу мне не давал. Придём на смену, а он сидит уже у моей машины вышивальной и не отходит. Мы по годам подходили. Он симпатичный был, с виду хороший. Тогда я поехала и поведала обо всём Батюшке, на что он мне ответил: «Худые сообщества разрушают добрые нравы», – и посоветовал мне даже уволиться с работы, но до этого не дошло. По батюшкиным молитвам Бог убрал искусителя. Повысили его, перевели. Ушёл он от нас, и мне стало спокойно. А потом уж псаломщицей сюда, в свою церковь пришла.

У отца Кирилла очень сильная выдержка. За все почти 50 лет, что я к нему ходила, никогда не видела, чтобы он был когда-либо гневливым и вспыльчивым.

«Кто мстит врагу, тот подливает масло в огонь – усиливает раздор и ненависть и таким образом сам становится причиной великих безпорядков и для себя, и для других».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Зимой, где-то в 60-е годы. Жили мы всегда бедно. Мама жила с пятью детьми. Папа погиб на войне. Отец Кирилл приезжал к нам и видел, как мы живём. Он сам был весь израненный на войне, простуженный был, особенно желудок и ноги у него болели.

Как-то ему из Тамбовской области раба Божия Мария подарила валенки. В тот день я в семь утра встала. В окно Юра (он возил Батюшку везде) мне говорит: «Открывай быстрей, Батюшка приехал». Я быстро открыла. Они в такую рань прибыли к нам. Во сколько выехали, не знаю. Входят: «Вот, тебе Батюшка валенки привёз». Отцу Кириллу прислали, а он мне отдал и валенки, и носки, и варежки.

Если отцу Кириллу кто-то даст копеечку, то он тут же кому-нибудь отдаст. Сколько раз и нам помогал. Сколько всего и через меня много передавал. А бедным–то как помогал! Знаю таких и в Переславле, и в округе. Посылал и в Сухуми, пустынникам, которые там в горах подвизались. Когда мы ездили туда, то к этим пустынникам ходили.

Болезни у отца Кирилла усилились, и ему предписали по здоровью ездить на юг. Он ведь на войне сильно подорвал своё здоровье. Особенно когда почти месяц во время Сталинградской битвы он, с другими нашими солдатами, лежал в снегу. После этого он страдал простудными заболеваниями. Да и келья у него поначалу была такая, что стены инеем покрывались.

С блаженным Николаем на местном кладбище. г. Кисловодск.

Когда Батюшка уезжал лечиться, то и мы иногда вместе с ним ездили туда, на Кавказ, потом в Крым. Мы жили в одном доме, а Батюшка в другом. Там тоже, когда мы ездили по святым местам, Батюшка

всегда читал Иисусовы молитвы, всё четки перебирал. Где бы, в каких обстоятельствах ни был, и в дороге – Иисусова молитва всегда была у него по чёткам.

Безотказно везде отец Кирилл по кладбищам ходил. Когда ездил на лечение, на юг, тоже не отказывал никому. Вот приедет в Железноводск. Там уже в очереди много народа стоит, чтобы панихидка и у них была отслужена. Собороваться тоже все ждут. У него не было отдыха-то. Это только считалось, что он приехал отдыхать. Попьёт только лечебной воды и походит на некоторые процедуры. Вот и всё «лечение». Все дни у него и там были заняты. Причастия, беседы, соборование, встреча с местными священниками – вот и всё время прошло.

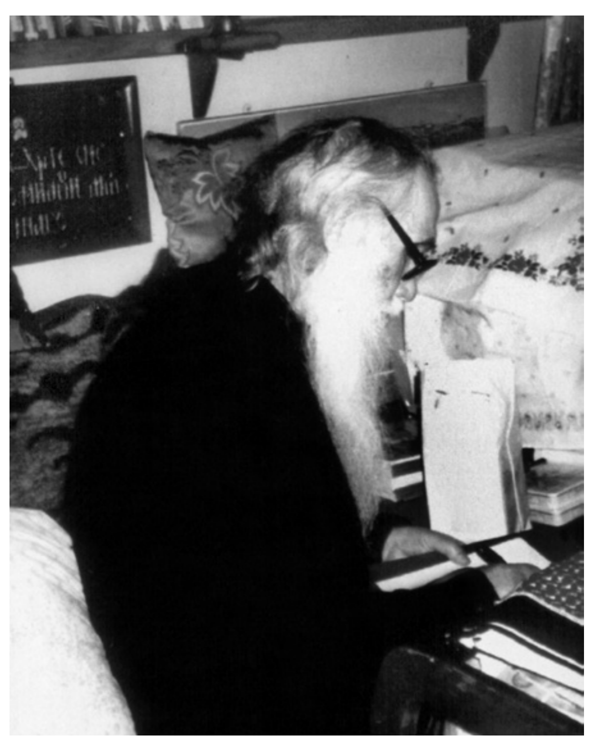
«Молитва и слово Божие для умерших – истинная пища, которая питает и услаждает их, укрепляет, ободряет и утешает».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Когда мы были на Кавказе, где Батюшка лечил свои заболевания, у него были порой сильнейшие приступы. Он и при них даже не садился на молитве. Встанет на колени, о стул обопрётся только и слушает правило. Никогда не садился и не ложился. Как он мучился, но никогда он пост не нарушал. Врачи ему предписали пить молоко, для больного желудка, а он – ни в какую! Так нам кто-то подсказал, что можно делать молоко из миндаля, мы научились и стали ему готовить в подкрепление миндальное «молоко». Это он принимал. Но ничего другого, чтобы не нарушать пост. Людям он благословлял, разрешал послабления при болезнях, а себе – никогда! Не позволял. Несмотря на то, что он часто был в немощи, болел, но свои обязанности исполнял.

Привезут ему мешок писем. Он едва успевал их прочитать. Мы спим, а он разбирает письма с Леонтием Фёдоровичем – бывшим военным. У него жена умерла. Он был одинокий, верующий. Очень почитал Батюшку. И в отпуск, на Кавказ,

он возил нас на своей машине. Ему был разрешён вход в Батюшкину келью. Часто они вставали в пять утра, в четыре часа, а то и вовсе не спали, чтобы разобрать присланные и привезённые письма. Это при том, что Батюшка в два или в три часа ночи только ложился спать после молитв и ответов на эти письма.



И во время общего отдыха — труд. Ответы на письма страждущих.

Они часто с Леонтием Фёдоровичем, а он был в звании подполковника, беседовали про Сталинградскую битву. Батюшка своим геройством там отличился. На наши вопросы о его военном периоде он нам ничего не рассказывал, говорил, что нас это не касается. Вот и всё.

Отец Кирилл всегда и там был в подряснике. Жара не жара, всё в подряснике. Никогда не снимал. В любую погоду. И спал в подряснике. Только сапоги снимал. Настоящий монах.

У Батюшки было такое правило – Псалтырь прочитать несколько раз за весь отпуск, т.е. за месяц. Каноны читали, Евангелие, Апостол читали, утренние, и вечерние молитвы... После завтрака, поздно уже, ходили на прогулку в лесочек. Читали Иисусовы молитвы. Все по очереди читали.

Когда Юра Бузыкин, возивший Батюшку, венчался, мы решили это значительное событие отметить в лесу. Расположились

мы. Отец Кирилл сел с Юриной мамой и стал разговаривать с ней. В это время присутствующие запели песню «Оренбургский платок». Была там с нами одна из духовных чад Батюшки, Мария. Она тоже запела. Батюшка заметил это и, взяв от конфеты обёртку, свернул её в шарик и «выстрелил» им в шутку в сторону Марии. Свёрнутый фантик попал ей прямо в рот. Тут она и поняла, что не то она запела, т.к. готовилась стать монахиней.

Юрий Бузыкин справа от о. Кирилла.

Другой раз, подошли на улице к Батюшке люди, и один из них стал выпрашивать у отца Кирилла денег. Батюшка с готовностью отдал ему, что у него было в кармане. Растерянная, я возразила, говорю: «Батюшка, да ведь он пьяный!». Отец Кирилл мне ответил: «И он есть хочет». Пояснил при этом, что лучше таким людям давать не деньги, а продукты, если есть возможность.

Однажды Батюшка послал меня к архимандриту Серафиму (Романцову). Он жил в Сухуми. Там и похоронен. Глинский старец. Останавливались там у отца Серафима *(сейчас он канонизирован)*. Они духовно общались с отцом Кириллом. Он посылал нас двоих с матушкой Вероникой в Сухуми с письмами и подарками. Потом послал меня одну в отпуск. Сказал: «Поезжай туда и поживи у отца Серафима, поучись у него». Отец Кирилл по смирению принижал себя, считал малознающим. Поехала я. Не знала тогда, что отец Серафим тоже великий старец, ну – батюшка и батюшка. А он тогда уже проявил мне свою прозорливость.

У могилы архим. Серафима (Романцова).

Меня туда отправили отдохнуть и получить дополнительное наставление. Мне было тогда тяжело, но и там я в искушение попала. Старцу Серафиму я тогда задала вопрос:

– Хочу уйти от отца Кирилла.

– Почему?

– Он меня не наказывает, всё прощает. Так и не спасёшься!

Тогда отец Серафим меня по плечу похлопал и сказал:

– Никуда ты от Батюшки не уходи. Его смирение покроет всё!

о. Кирилл с кавказскими отшельниками.

Когда архимандрит Серафим умер, то отец Кирилл всегда служил панихиду по нему на его могилке, в Сухуми.

Старцы, живущие в горах, когда узнавали, что Батюшка приехал, то они все спускались к нему на исповедь и на беседу. Они жили в избушках, зимой самодельные печки топили, и всё равно холодно у

них было. Избушки стояли далеко друг от друга. Они выращивали кукурузу и другие овощи. Спускались за керосином, спичками, за едой. Местные верующие, в основном русские и украинцы, им помогали. Местные чабаны и охотники часто их обворовывали, могли из кельи унести всё последнее, когда отшельники спускались вниз, за необходимым, или на причастие. Потом этих старцев-пустынников власти почти всех выловили с вертолётов.

В красивых местах тоже были – Теберда, Домбай... Там на железной корзинке вверх, на гору поднимались, все поднимались, но отец Кирилл с нами не поднимался. Он внизу стоял. Нам только разрешение дал: «Прокатитесь», благословил. Сам остался, нас дожидался.

По Военно-Грузинской дороге ездили. Там же, на Кавказе, в Сухуми, я как-то отцу Кириллу говорю: «Мама мне велела съездить в Минводы, подлечиться». А он мне и отвечает: «Да ты лучше походи к мученику Василиску помолись».

Не послушалась я Батюшку, негодница, поехала. И чего? В дороге измоталась вся. Там меня не приняли. Деньги понапрасну истратила. Еле обратно добралась. Чуть живая. Вот как не слушать отца-то духовного!..

Там, в Сухуми, начальник милиции приходил к Батюшке, советовался, утешение получал, потому как у него перед этим две дочери молодые (18 и 20 лет) умерли, и он сильно переживал. Стал верующим, а до этого был убеждённый коммунист.

Как-то я спрашиваю: «Батюшка, а можно семечки грызть?». Он подумал и ответил: «Можно, только за каждой семечкой Иисусову молитву прочитай». Мы все рассмеялись. Вот вам и ответ полезный. Иногда он нас и баловал – мороженое покупал.

У отца Кирилла сильное обострение было в Крыму. Он там чуть не умер. Тогда я с ним уже не ездила, меня не отпускали из церкви.

У меня накопились фотографии о наших поездках на Кавказ и в Крым. На моё пожелание избавиться от них, так как набралось их очень много, отец Кирилл сказал: «Не надо этого делать. Когда тебе будет плохо, будешь смотреть на них, и тогда полегче будет». А ведь и вправду, сколько в трудные минуты они мне утешений принесли!..

Одна моя знакомая, из нашего города, из Переславля, который вот он, рядом с Лаврой, говорила мне, что специально ездила в Крым, в Алушту, чтобы увидеть отца Кирилла, когда он туда приезжал на лечение. В Лавре и в Переделкино не могла попасть, только там, вдалеке, и смогла с ним свидеться и поговорить. Вот так... Кто по-настоящему хочет, добивается.

К некоторым, кому помощь была необходима, отец Кирилл сам ездил. Часто бывал у Марии из Краснозаводска. Километров сорок от Сергиева Посада. Особенно когда её беда посетила. Они с мужем всего три года прожили. Он в шторм с борта парохода упал и погиб. Да и ко мне Батюшка много раз приезжал. Лет 15 ездил каждый год в день смерти моей мамы. Панихиду по ней на кладбище служил. Многих навещал.

Мы четверо, духовные сёстры при отце Кирилле, просились одна за другой на постриг, а Батюшка говорил: «Я не хочу тай-

но. Когда будет благословение священноначалия на это, тогда и посмотрим». Мы писали прошение Владыке, каждая своему. Я писала на имя своего, Ярославского митрополита Иоанна. Он благословил. Потом послали всё Патриарху. Тот утвердил. Это долго происходило. Более полугода. Об этом я сообщила отцу Кириллу и попросила, чтобы он меня постригал. Он отказался, сказал: «Нет, чадо моё, я не могу. Нехорошо. Ярославская – это другая епархия. Пусть их священноначалие, владыка ваш как распорядится, кого назначит на это, тот и будет».

Вскоре меня вызвал наш Владыка, Ярославский, и озабоченно посетовал: «Не знаю, что делать. Как-то так складывается, что некому у нас тебя постригать. Придётся, наверное, в Лавру обращаться, может, к архимандриту Кириллу...». У меня сердце возрадовалось, думаю: «Неужели? Мечта моя сбылась! Отец Кирилл!!..» Сама замерла, молчу. Тут Владыка-то и утвердил: «Всё! Езжай в Лавру. Иди к отцу Кириллу, а я ему передам об этом моём решении».

Как на крыльях, я полетела к Батюшке. Он меня и постригал в Предтеченском храме Лавры. Вот как Бог устраивает!..

Отец Кирилл всегда был за мирное решение любых дел. Он говорит всегда: *«Если нет мира*

Из первых четырёх остались две. Мон. Таисия и мон. Анастасия.

в душе, никогда, ничего не делайте. Только когда мир, когда по-мирному – тогда делайте. Если вы абсолютно правы, но нет мира в душе, вы в страсти – отойдите и не совершайте ничего, пока не восстановится мир в вас. Потому что тогда любая истина – уже не истина».

Отец Кирилл не раз встречался с нашим Ярославским архиепископом Иоанном. Владыка тогда на покое был, жил у нас в Переславле, около Покровского храма. Он пригласил отца Кирилла к себе и, приветствуя его, воскликнул шутливо: «Ой, нищая братия приехала!». Зная и имея в виду известную нестяжательность Батюшки, а у Владыки тогда и самого то-есть было нечего. На что отец Кирилл, улыбаясь, потряс вместительным кульком с пряниками и утешил: «Ничего, нищая братия и вам поможет!». И мы сытно, с удовольствием попили чаю. Владыка очень радушно расспрашивал Батюшку, а отец Кирилл был уважителен, но сдержан. Владыка Иоанн и отец Кирилл приветствовали и потом друг друга в шутку: «О, нищая братия приехала!».

Однажды, перед отъездом на лечение, мы приехали к отцу Кириллу, отстояли службу, и он очень долго беседовал с нами. Читал наизусть апостола Павла, говорил о том, что такое – любовь... Мы удивлялись, сколько же он знает на память. Батюшка, по смирению, часто принижает себя, считает малознающим, малозначащим. Хотя мы-то знаем, как он много знает и понимает...

Отца Кирилла несколько раз хотели отправить куда-нибудь, оторвать от братии Лавры, от нас, чад его духовных. Хотели и на Афон увезти. Оставалось только оформить заграничный паспорт и проезд. Мы сильно опечалились. Стали многие обращаться повсюду, рассылать письма. Только сам Патриарх Пимен защитил его. Вычеркнул из списка отправляемых.

Батюшка наш, отец Кирилл, очень сострадательный ко всем. Был такой иеродиакон Макарий. Голос у него был прекрасный. Он стал усиленно за отца своего молиться, кото-

Патриарх Пимен на праздновании прп. Сергия. Июль 1975 г.

рый ушёл из жизни не своей смертью. Вот так враг смутил его. Из-за этого он ушёл из монастыря и от него все отвернулись. Однажды я приехала, а этот иеродиакон мне навстречу и говорит: «Иду к отцу Кириллу. Никому я здесь не нужен, кроме него». Батюшка принимал его в келье. Не боялся пе-

Патриарх Пимен со своим духовником архимандритом Кириллом. 1982 г.

ресудов. Пусть того все презирали, а Батюшка принимал. Со всяким может быть неладное, и отец Кирилл не оставлял его, как мог, утешал.

Был как-то такой случай. Батюшка захотел поехать и нас отвезти в монастырь своего святого, Кирилла Белоезерского, под Вологдой. Взял отец Кирилл благословение у наместника Лавры, но его отпустили на малое время. Поэтому пришлось Батюшке поступиться своим принципом. На самолёте лететь. Обычно в дальние поездки отец Кирилл ездил только поездом. Мы опаздывали. С нами был и Юра Бузыкин. Сначала мы поехали в Болшево, за одной рабой Божией. Она что-то закапризничала, но Батюшка не хотел её в таком состоянии оставлять. Он с ней стал обстоятельно, терпеливо беседовать. Беседовал долго. Юра не вытерпел, входит к ним и напоминает: «Батюшка, остаётся полчаса, а нам ещё ехать до Москвы, потом по Кольцу, до аэропорта...». Батюшка кротко отвечает: «Хорошо, хорошо» – а сам всё успокаивает, утешает раскапризничавшуюся. Та, наконец, успокоилась, согласилась ехать. Поехали. Юра говорит, что безполезно ехать в аэропорт, смысла никакого нет, самолёт уже улетел, так как мы на час с чем-то опоздали. Отец Кирилл спокоен, говорит Юре: «Ничего, Юрочка, едем». И что вы думаете?.. Приехали, а там объявляют, что наш самолёт по каким-то техническим причинам задержался на два часа и сейчас только объявляется на него посадка. Вот так-то!..

Однажды я зашла помолиться в церковь во время отпуска, чтобы приложиться к святыням. Там, оказывается, в это время была «отчитка». Так я испугалась, когда услышала крики, вой, собачий лай, что хотела убежать оттуда. Думаю, ну вот, теперь в меня бес переселится. Но потом передумала, осталась. После этого, по приезде домой, поехала к отцу Кириллу на исповедь. Рассказала и про этот случай. Он сказал: «Правильно сделала, что не убежала. Запомни, что всё происходит только по воле Божией. Без воли Божией ничего не будет. Враг уви-

дел, что ты не боишься, и не посмел к тебе даже приблизиться, хотя и рядом был».

Дивеевская схимон. Маргарита почитательница о. Кирилла.

Когда маму у нас парализовало, у меня на нервной почве пропал голос. Я не говорила полтора месяца. Отец Кирилл ко мне приехал вместе с Владыкой, привезли пакет гостинцев, и Владыка сказал: «Тебе надо немножко забыться, уйти из дома». Потом он написал письмо игуменье Марии из Дивеевского монастыря, у которой хранилась икона Умиление, перед которой скончался преподобный Серафим Саровский. В письме он просил приютить меня. И я у неё долго пробыла. Помню, как по пятницам мы читали канон и акафист Матери Божией «Умиление». Стоял полный подсвечник со свечами, как преподобный Серафим ставил. Мы прикладывались к этой иконе, и у меня стала проходить болезнь, стало немного легче.

Бывали и большие скорби отцу Кириллу... Подослали ему «органы» небольшого роста лет, под пятьдесят, некую «Александру-маленькую», как все звали её. Так вот, она пролезла в его чада, развила такую деятельность!.. Быстро выдвинулась. Стала первой из духовных чад. Была-то года два, а столько напакостила!.. У неё было задание, она хотела Батюшку выжить из Лавры, как отца Тихона (Агрикова). Взяла верх над всеми, начала прямо нападать, особенно на нас, когда мы к Батюшке подходили. Наших девушек бить, клеветать на всех. Зачем мы подходим? Била по голове, прямо так треснет. Не подходите и

всё! Ой, это ужас был. Клеветала на нас. Потом дошла до того, что стала клеветать на Батюшку. На отца Кирилла дело завели. Он никому об этом не рассказывал. Тогда был благочинный архимандрит Феодорит. Когда он был в тюрьме, то ему в пытках того же НКВД часть языка отрезали, и он так пришепетывал, но проповеди хорошо говорил. Он жалел отца Кирилла. Как-то он нам и говорит: «Если вы хотите спасти Батюшку, то идите срочно в больницу, тут же при Лавре. Пусть вас обследуют, что вы девственницы и все принесите соответствующие справки». Батюшка Кирилл уже думал, что его посадят, узелочек с вещами заготовил. Та, подосланная к отцу Кириллу, наговорила, оказывается, всем. Письма в Патриархию написала, что он-де, Батюшка-то наш, «живёт» с нами!.. Представляете?!.. Мы пошли. Нас унизительно осмотрели в больнице. Выдали нам справки. Мы эти справки наместнику Лавры и по начальству передали. Это только и спасло Батюшку. Там уже такие меры против него заготовили!.. На суд повестку ему прислали и в тюрьму собирались заключить. Судебное дело тогда сразу же и закрыли . Нам сказали подавать в суд , но мы не стали, решили, что – Бог пусть Судией ей будет. Вот такая была злоба. Два года она пакостила Батюшке. Правда всё-таки восторжествовала! Бесовку ту после этого как ветром сдуло, тогда она сразу исчезла. Только этим Батюшку и спасли.

Но и потом та злыдня не угомонилась. Когда ей ничего не удалось, она ещё отомстила, такую пакость сделала. Передала через кого-то «гостинец» – своё грязное бельё для отца Кирилла, чтобы осквернить монаха. Хорошо, что посмотрели, развернули кулёк то... Вот, бесовка какая была подослана! Вот как враг воюет-то с лучшими, духовными монахами!..

Батюшка столько перенёс на себе скорбей, обид, клеветы и лжи, что мы многого и не знаем! Да и знает кто что-то, всё равно той степени страданий, какие он переносил, передать не может... Много скорбей пришлось ему претерпеть. Монастырь, даже почитать если у древних отцов, далеко не райский уголок, а место испытаний. Наместник тогдашний, архимандрит П., тоже

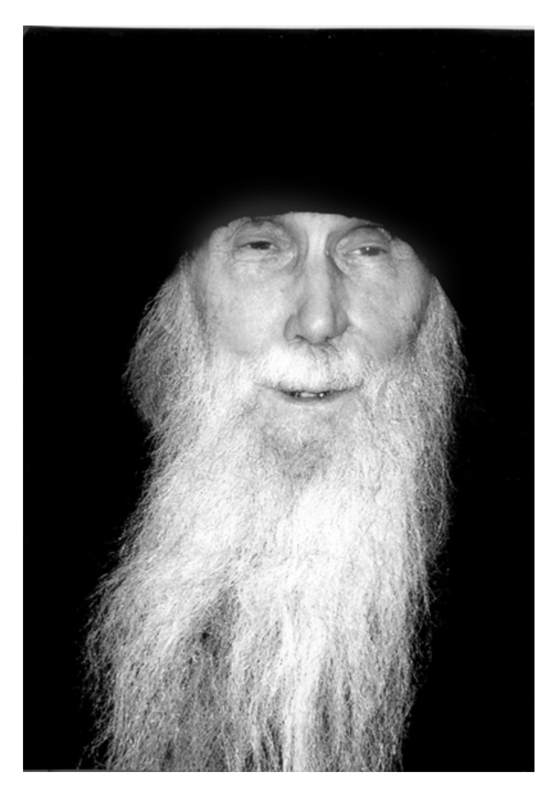
на отца Кирилла восставал. Когда Батюшка исповедовал у проходной, то там комнатка крохотная была, «посылочная». Так тот ему и там запрещал исповедовать людей. Отец Кирилл, чтобы мир не нарушать, потихоньку всё старался делать, но везде есть осведомители. И вот однажды заявляется туда наместник, как стукнет кулаком по столу: «Сколько вам говорить, что прекращать это всё надо?!..». И такое бывало. Не всё мёд, для праведных и в монастырях.

о. Кирилл на приёме в посылочной.

Как-то сон мне приснился, что отец Кирилл давал мне крест большой, тяжёлый, который мне понравился, и говорит: «Хочешь, я тебе его подарю?». Он мне сам его надел, а я не могла никак шею поднять. Цепочка толстая. Сильно меня этот крест давил. Говорю ему: «Батюшка, шею не разогну никак». Но остался он на мне, крест-то. Не снял отец Кирилл. Вот такое вот было. К чему бы это?.. Наверное, к тому, что тяжёлый крест – духовным чадом отца Кирилла быть.

Ну а после уж другой сон, там отец Кирилл при нашей встрече сказал: «Подожди, я сейчас схожу в келью». Идёт обратно и несёт целую горсть маленьких нательных крестиков, говорит мне: «Вот и тебе, на, подарочек». Может, к тому, чтобы мне кресты нести небольшие, но многие?

Уже в постриге,мне было благословлено Батюшкой перейти из города и служить на приходе, в селе Красном, у игумена Димитрия Подлесных.



Когда я служила с отцом Димитрием, одно время мне казалось, что я правду делаю, правильно поступаю, а он ошибается, но делает по-своему. Тогда я поехала в Лавру и спрашиваю Батюшку:

– Как мне быть? Ведь я же правду говорю, что же отец Димитрий так-то поступает?

На что отец Кирилл мне коротко ответил:

– Он истинному смирению тебя учит...

И я поняла, что надо обучаться смирению.

Слова-то у него, у Батюшки, какие! С благодатью! Ехала я к нему вся вскипячённая. Он мне тихо, кротко сказал, и у меня всё, какое было негодование, всё съехало, ушло. С улыбкой, ласково сказал, жалея меня и сразу все-все отдушины во мне разомкнулись, тёпленькие стали. Сама себе удивилась: «Почему же я с нашим настоятелем не соглашаюсь, переспориваю его? Зачем я с ним так-то веду себя?».

Вот такой вот переворот от одного слова Батюшки!.. И сейчас всё вспоминаю, как это было. Даже бывало и так, придёшь к нему рассказать свою скорбь и выйдешь с ней же, с остатками этой скорби, но всё равно как-то легче чувствуешь себя. Сейчас у меня такого нет.

Там, в селе Красном, в 1984 году, осенью, произошла беда с нами.

После вечерней службы мы с настоятелем, игуменом Димитрием, шли к церковному дому при церкви. Мне сразу что-то тревожно стало. Вошли в дом, щёлкаем, а свет не включается. Тут они на нас и напали, цыгане. Дом они уже весь переворошили, ценности всякие искали. Вначале ударили ножом в грудь и в живот отца Димитрия. Он упал, а я выскочила на улицу, побежала, стала кричать. Там дома-то, люди живут, пусть и в отдалении. Грабители нагнали меня, тоже ударили ножом раза три, в лицо, в горло и в живот. Я упала в грязь и потеряла сознание. Пришла в себя от тряски на тележке трактора. До дороги, до трассы пока везли. Вся в грязи, в крови. Хотела поднять голову, а половина лица отваливается, отрезали почти целиком они, и из горла кровь сильно льётся. Одной рукой подхватила, стала поддерживать лицо, у меня вся щека отрезана была, на кусочке кожи держалась, а второй рукой рану на шее заткнула, чтоб кровь приостановить. Как довезли до больницы, не помню. Много операций там мне делали. Сказали – чудом осталась живой. Миллиметр до сонной артерии был. Рот долго не открывался, щеку пришили. Рану в животе прооперировали. Долго я лежала, и мне зеркало не давали.

Как разрешили, тут же, сразу, приехал отец Кирилл. Для меня его приезд был неожиданным. В шесть часов вечера открылась дверь, и вошёл Батюшка. Я была очень

о. Кирилл с игуменом Димитрием.

рада, хотя говорила с трудом. Он всё успокаивал, говорил, что за меня, грешную, многие молятся, а потому – всё будет в порядке. Врачи не надеялись, что я выживу. Батюшка меня благословил, поддержал. Сказал, что они и впредь все будут молиться о моём выздоровлении.

По выздоровлении сначала я решила, и категорически настаивала на том, что назад, на тот приход, где меня чуть не убили, ни за что не пойду. Но отец Кирилл сказал: «Обязательно возвращайся». Я просила, говорила, что мне там страшно даже находиться, а Батюшка настоял: «Не уходи оттуда».

Он и отца Димитрия поддерживал, ободрял. Но он недолго, года полтора ещё прожил, Отец Димитрий Подлесных умер вскорости, в 1986-м.

«Исповедовать Иисуса Христа только одними устами, а жизнью и делами не сообразовываться с Его учением, не есть исповедание, но одно лишь лицемерие.

Что значит брать крест свой? Это значит идти тесным и скорбным путем непрестанной борьбы со страстями и похотями, соблазнами мира, с искушениями диавола, терпеть случающиеся болезни, беды, напасти, гонения, изгнания и смерть, если угодно будет Господу послать это нам.

Не уклоняйся и ты христианин от Голгофы, от креста терпеливым перенесением до конца всех неприятностей, огорчений и скорбей житейских, посылаемых от Бога».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Как-то мне было очень худо. Служба была на день Иоанна Предтечи. У меня голова очень болела. Но я узнала, что Батюшка в наш храм приехал. Поэтому домой-то, после службы не пошла, чтобы его повидать. Для встречи с Батюшкой принесли пирог. Ему преподнесли, но Батюшка улыбнулся и сказал: «Отдайте пирог ей. Она у нас странница». Указал при

этом на меня. Почему он меня так назвал?.. Потом ещё напомнил всем: «Пирог ей отдайте».

Правда, я маленько ослушалась, поделилась пирогом со всеми, но и мне достаточно осталось. Когда я с остатками пирога домой пришла, да с чайком его докушала, так сразу головная боль и прошла. А вскоре и второе сбылось. Телеграмма пришла, и мне ехать пришлось по многим местам.

Меня отец Кирилл не благословил, когда я хотела купить магнитофон. Сказал: «Зачем он тебе? Он нужен тем, кто в храм ходить не может, болеет. Ты живёшь в 5 минутах ходьбы от храма, вот ходи и молись, а магнитофон тебе не нужен». Но мне потом его подарили. И до сих пор он у меня лежит и кассеты разные, а пользоваться им и не пользовалась никогда, некогда. Поняла я, что Батюшка мне правильно говорил. Какое сравнение может быть службы, слушаемой через магнитофон, и настоящей, живой службой в храме, когда вокруг тебя такая красота и видимость всего! Икон, росписей, больших колонн, куполов... Входы, переходы священников во время службы. А «живое» пение церковного хора! Дух захватывает.

Раньше мы не оценивали, как отец Кирилл жертвовал своим здоровьем и временем на наши беседы и советы. Сейчас, когда редко видимся, понимаем, что не ценили, как нужно, и ослушивались его иногда, на свою же беду. Мы ведь этим его сильно огорчали и даже оскорбляли.

А ещё... Батюшка благословил нас с Марией из Краснозаводска поехать в Санкт- Петербург к блаженной Ксении и о. Иоанну Кронштадтскому. Тогда на могилке блаженной Ксении была одна только часовенка. Мы помолились у неё. Потом поехали и приложились к стене, где хранились мощи Иоанна Крондштадтского. После этого поехали в Петергоф. Посмотрели места, где нашего Царя-мученика арестовали. И уж после того, на что не благословлялись, без спроса поехали к жившей тогда блаженной Любушке. Она в Сусанине жила, под Санкт-Петербургом. Мы подошли к ней в церкви, а она говорит: «Быстрее, ты поставь свечку за Зину (за дочку

Любимый и желанный везде.

Марии), а ты, – мне говорит – за Надежду (сестру мою)». Потом мы вместе с ней поисповедались и причастились. Ей батюшка два раза давал ложечку с причастием. Мы с ней после этого немного поговорили, и она пригласила нас ещё приехать. Но уже не получилось... Её вскоре не стало.

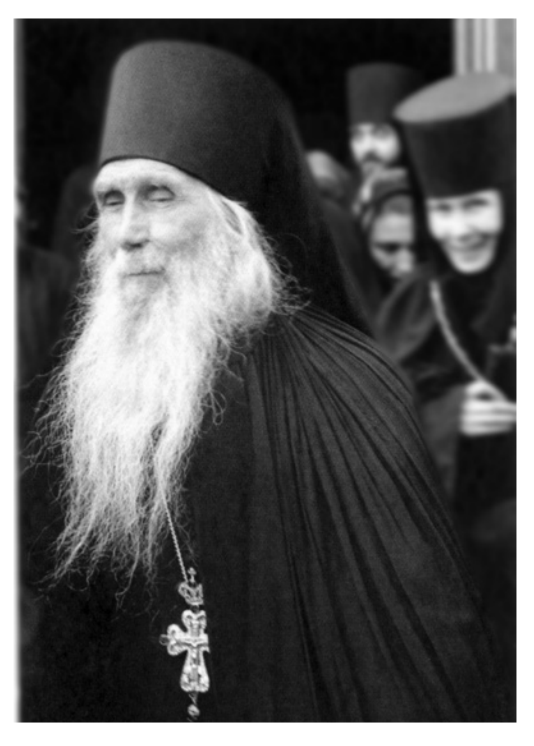
Мы вернулись и забыли про это, Батюшке не сказали, что к блаженной Любушке ездили. Он при встрече сам нам и говорит: «Ну что? Съездили к Любушке?» и ничего не сказал больше. Как он узнал, что мы были у неё?..

Когда долго болевшая мама умерла, я хотела уйти в монастырь. Отец Кирилл сказал на это: «Если настоятель храма, где служишь, отпустит». Тот не отпустил...

Другие тоже просились в монастырь. Некоторых отец Кирилл благословлял. Знаю, в Иерусалим одна наша подруга уехала. Ещё в Кострому благословлял Батюшка, в Дивеево. Троих матушек отец Кирилл благословил переехать в Сухуми помогать архимандриту Серафиму (Романцову), Глинскому старцу, теперь канонизированному. Много монахов и монахинь, благословленных отцом Кириллом, в монастырях...

Последний раз я просилась сюда, в наш Никольский монастырь. Игуменья, тоже чадо отца Кирилла, меня дважды звала. На этот раз Батюшка такое условие поставил: «Если тебя сестра отпустит». Тогда я с сестрой жила. Приехала, спросила её. Она была такая смирная, старше меня на несколько лет. Сестра ответила: «Как хочешь». А сама, мне потом соседи сказали, три

дня плакала, что я хочу уйти в монастырь. Она боялась одной-то жить. Я уж собираться начала, а на четвёртый-то день её парализовало. Всё! Опять мне остановка. Значит, не угодно получается Богу, чтобы я ушла.



Три с половиной года я за ней ходила. А потом она умерла. Остался сын её сиротой. Отец Кирилл и говорит мне: «Ну, куда ты оставишь его? Уйдёшь. Всё. Кинешь. Ты доведи его до разума, до совершеннолетия. Там видно будет». А потом, когда племянник вырос, женился, к этому времени Батюшка заболел. И я не могла уже к Батюшке ни подойти, ни спросить: «Как мне дальше-то поступать?». Вот какое у меня получилось дело-то. Так и осталась одна здесь, как курица на насесте. И годы уже немалые... Главная же беда в том, что с Батюшкой ни о чём теперь нельзя посоветоваться. К другим же у меня душа пока не располагается.

После моего пострига он мне как-то при исповеди признался: «Знаешь, как мне попадает за вас?». Я поняла, что не от людей попадает, а от невидимого, сильного врага. Мы ведь ленимся, бывает, не исполняем того, что назначает нам духовник, не помогаем священнику, который нас тащит к нашему же благу, вымаливает нас. Если человек мало делает для своего же спасения, то священнику очень тяжело. Некоторые из них оставляют таких «тяжёлых» прихожан, а отец Кирилл никогда, никого не оставляет. Мужественно борется за каждо-

о. Кирилл и Тамара (м. Таисия)

го. Молится за всех, не разделяя на «любимых и не любимых». За последних даже больше трудится, всегда, не переставая.

Бывало, конечно, и обижались мы, грешные, на отца Кирилла, что иногда не так ласков, строг, требователен. Приедешь иной раз, Батюшка вежлив, приветлив, и гостинчики даже даст, но как-то сухо. Внимательные люди понимали, что совершили какой-то большой проступок. Вспоминали, раскапывали в себе, исповедовались в этом, исправлялись. Другие только обижались и всё. Через что отдалялись от него.

Понимаем теперь, что виноваты мы во многом перед Батюшкой. И теми глупыми обидами, за то, что он нас вразумлял своей строгостью, за непослушание наше. Много сейчас священников, угождающих нам, приятное только говорящие своим пасомым, но с ними не спасёшься. Отец Кирилл строго следил за нашим духовным состоянием, ничего не пропускал, не сюсюкал перед нами, чтобы понравиться и собрать как можно больше вокруг себя. Нет! Он всегда безстрашно обличал, напоминал, что надо исправляться. Но и это он делал без злости, с любовью, сожалея о нашем том или ином падении. Ни разу за много лет, что я к нему ездила, я не видела, чтобы он разнервничался, вспылил, нагрубил кому-либо. Не было такого никогда. Только огорчится и скажет: «Ну, разве так можно? Разве это по-христиански?».

Иногда приеду и говорю Батюшке, что меня обидел тот и тот. Он скажет: «Ну что ж? Поклониться голова не отвалится. Ты права, не права, иди первая и проси прощения».

Мне досаждали на новой работе. Особенно секретарь партийной организации. Нас заставляли в праздники работать, на Пасху. Главный бухгалтер была верующей и заступалась за меня. Я выходила на работу и вечером, всегда , когда она меня просила . За это она меня отпускала в сентябре с Батюшкой на юг. Многие же хотели получить отпуск в бархатный сезон. Парторг открыто не принуждал меня, а всё время выговаривал начальнице. Она ему в ответ всегда говорила, что я у неё – незаменимая. От того, что я благодаря исполнительности и послушливости имела прикрытие от его посягательств, он был очень зол на меня. Вскоре он уехал на месяц учиться в Ленинград и заболел там туберкулёзом лёгких. Приходила к нам на работу его дочь и говорила, что папа плохой. Я поехала к Батюшке сказать, что человек сильно болен, а я его жалеть не могу, в сильном недовольстве на него нахожусь. Отец Кирилл мне и говорит на это: «Обязательно иди в больницу, купи хороших гостинцев и навести его». Я растерялась: «Как это? Зачем? Почему?.. Ведь это не я его обижала, а он меня. Заставлял нарочно выходить на работу в воскресенье, либо в большой церковный праздник, а то и вовсе, сославшись на какую то там придуманную «производственную необходимость», даже в Пасху. Сколько сил и нервов я истратила на борьбу с ним, чтобы это не исполнять. И вот теперь, я же должна перед ним повиниться, навестить его, улыбаться ему. Почему? С какой стати?!». Подумала, что он меня и не примет.

Переломила я себя. Заставила. Пришла к тому больному парторгу. Он так обрадовался мне!..

– Кто же это ко мне пришёл?! Тамара Житникова! – радостно вскричал он.

– Простите меня за все неприятности, что вы имели за меня по вашей работе, – сказала я ему.

А он мне в ответ:

– Мне теперь всё равно. Я теперь уже ничего не боюсь. Прости и ты меня, пожалуйста, что злился на тебя, преследовал. Меня же ведь тоже контролировали, следили, как я идео-

логическую линию соблюдаю. На тебя особо указали, чтобы спуску не давал, строже всех взыскивал, от церкви отогнал. А ты вон какая упорная оказалась. Молодец! Спасибо тебе. Многому ты меня научила.

Потом в церкви я встретила его дочь, и она мне рассказала, как он долго ещё радовался моему приходу. Сказал ей: «Ко мне приходила сама Тамара Житникова! Ты представляешь?!.. Сколько я ей зла сделал?!.. А она пришла ко мне, негодяю. Никак не мог поверить вначале своим глазам, мол, ошибаюсь или нет? Разве можно после этого не только прийти ко мне, но даже рядом со мной случайно быть? А она пришла ко мне! Это разве не чудо?!..». Это всё по Батюшкиному настоянию было.

Иногда отец Кирилл мне звонил на работу. Телефон только у главного бухгалтера стоял. Она мне говорит: «Тамара Николаевна, вас к телефону такой приятный голос, очень приятный». У Батюшки даже по телефону был ласковый голос.

На работе меня пытались «перевоспитать». Коллектив был 15 человек, и они меня всегда уговаривали снять платок. И на фотографиях я в платке. На это я им сказала, что никогда не сниму, что хотите делайте, хоть увольняйте. Без платка не могу, это грешно. Они и лестью меня пытались заставить, мол, у тебя такая красивая коса, а её никто не видит. Говорю им, что не надо мне никаких, ничьих восхищений. Отец Кирилл меня так и звал «девочка с косичкой». Всё он как-то с любовью всегда говорит.

Одна моя знакомая рассказывала, что грех такой сделала, что не могла ему сказать об этом, «стеснялась». Тогда отец Кирилл, чувствуя, что она не всё сказала, начал помогать ей, расспрашивать: «Такой грех?» – Нет. «Такой?» – Нет. И наконец Батюшка точно определил её тайный грех, спросил: «Такой?» – «Да». Отец Кирилл всего себя напрягая, не жалея ни времени ни сил своих всё-таки докопался до её язвы. Довёл её до полного покаяния, очищения. Вот какой диавол крепкий. Она со стыда сгорала, а упиралась до последнего. Пока отец

Кирилл своим усилием не выковырял загноившуюся, глубокую занозу. И так со всеми.

Он свои проповеди мне в рукописях передал. Некоторые были напечатаны на машинке, и он мне их отдал, подарил, где-то в 60-е годы. Они у меня несколько лет лежали. Много проповедей, на разные праздники. Я подумала, что же они у меня лежат? У меня была подруга Надя, а у неё брат о. Георгий, который сейчас архиепископ в Нижнем Новгороде. Говорю ей: «Надя, спроси у о. Георгия, может быть, надо напечатать в типографии эти проповеди Батюшки и он сможет отдать?» Спросила у отца Кирилла благословение на это. Он благословил неохотно, не хотел прославляться. Конечно же, ради смирения своего. Потом я их в Лавру отдала и их напечатали.

Первая книга отца Кирилла с проповедями вышла в 1957 году. Ещё отпечатаная на машинке. Он мне её тоже подарил.

В Переделкино за Батюшкой стала ухаживать инокиня Наталья.

Отец Кирилл знал, что каждый человек любит, когда его утешают, одаряют чем-либо, и помнил, старался угодить каждому в чём-нибудь, даже в невинных слабостях.

Однажды я приехала к Батюшке в Переделкино, привезла с собой наших, местных селёдочек, и он угостил ими свою помощницу. Когда я в другой раз приехала, он мне тихо, заговорщицки спрашивает: «Ты привезла селёдочек? Поднеси их Н., они ей очень понравились». Ко всем, всегда отец Кирилл относится внимательно и бережно. Привозила и я к нему людей, которых он видел в первый раз и они уезжали от него с охапкой гостинцев. Господь каким-то чудесным образом открывал ему, что именно и кому нужно было то или иное (кому чётки, кому книгу, кому иконку, кому конфеты, или ещё что-то).

Помню, как приехала к отцу Кириллу одна матушка из отдалённого монастыря. У неё там сложилось непростое положение, так что она собралась уходить из монастыря. Была она очень вся напряжённая, мрачная, раздражённая. Батюшка её

о. Кирилл с чадами — инокинями.

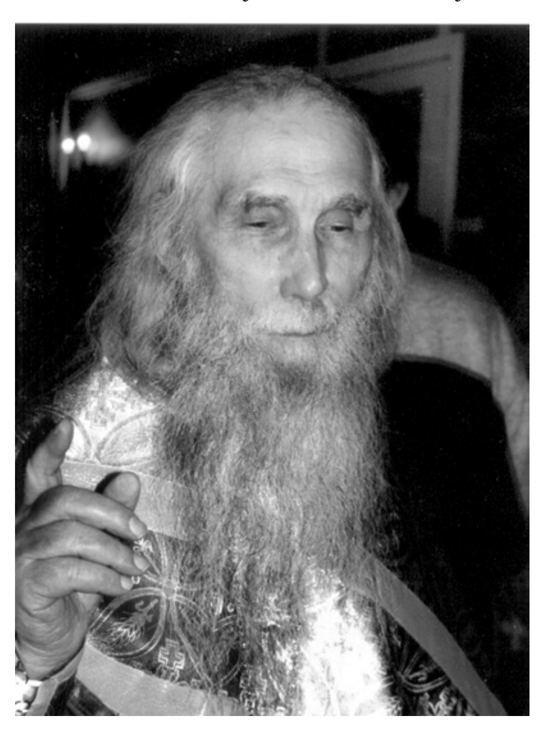
принял. Долго с ней беседовал. Когда она вышла от него, то просто сияла от доброты и умиротворения своего. Мне было предложено проводить её, и по пути посетительница сказала мне, что конкретного указания в своих действиях она не получила. Батюшка не стал уговаривать её, навязывать своего мнения, не сказал ей, уходить или не уходить, но даже при этом, когда она вышла от Батюшки, то никакой скорби в ней не осталось, ей стало легко и ясно. Бес уныния и разделения оставил её, и она решила возвратиться обратно в монастырь. Но это было уже как бы её решение. Отец Кирилл надавал ей гостинцев. Не так давно я встретила ту матушку, и она до сих пор помнит ту встречу с Батюшкой и благодарна ему. Говорит, что до сих пор в монастыре молится по его чёткам.

Батюшка не различает ни бедных, ни богатых. Для всех находит время. Умный он не от ума. Он духом прозревает так, что видит грехи и подсказывает пути, как подвести к покаянию.

В Сухуми, возле рынка жила Вера. Её поэтому и прозвали «Вера базарная». Жила она в общежитии. Батюшка иногда посылал к ней на постой монахов. Она свою маленькую комнатку на это время отдавала им, а сама уходила ночевать к каким-нибудь знакомым. В последнее время она зарабатывала стиркой у грузин. Кормила монахов,как могла. Мы с Батюшкой тоже с ней встречались там. К тому времени, когда в тех кра-

ях началась война, она уже получила квартиру, и в квартире принимала всех. Матушки, которые остались от архимандрита Серафима (Романцова), уехали в Костромской монастырь, а она уехала в Сергиев Посад. Квартиру и всё оставила. Взяла две сумки и уехала. Здесь она жила у Ильинской церкви. Сколько она там прожила, не помню. Была она уже монахиней, матушкой Варварой. Пришло время, и ей сказали освободить дом. Куда ей деться? Никто не находился,чтобы взять её к себе. Отец Кирилл был на то время уже в Переделкино, и она поехала туда со знакомыми.

Отец Кирилл в это время уже часто похварывал. Они приехали и целый день прождали, а Батюшка так и не вышел. Решили вечером обратно ехать. Когда стали переходить через переезд у станции, все прошли, а она не успела. То ли она была расстроена очень, то ли что, только поездом её разрезало на куски . Она ведь приезжала посоветоваться с Батюшкой по поводу жилья. Как ей быть? Ведь не стало у неё никакого уголка. Отец Кирилл накануне утешал её: «Скоро будет, будет у тебя жильё...». Вот так и обрела она его на Небе. Ведь и смерть-то мученическую получила. Все грехи сняла одним разом!



В последнее время у неё дар-то какой открылся! Она всё время плакала при покаянии. Как она трудилась! О себе совсем не думала, всё-всё отдавала всем. Всё, что зарабатывала тяжёлым трудом. Всех угощала. Поминать её

надо, матушку Варвару-то. Многие поминают, за её добрые дела.

Про наши времена отец Кирилл всегда говорил: «Молитесь, никого не осуждайте, и держите ухо востро».

Как-то стали говорить о втором пришествии. Я и говорю отцу Кириллу:

– Как страшно дожить до прихода Антихриста...

Батюшка вдруг уверенно мне и отвечает:

– Ты доживёшь до второго пришествия.

Матушка Мария – она меня на восемь лет старше, тоже спрашивает:

– Батюшка, а я доживу?

На что Батюшка и ей ответил:

– Да, если болеть не будешь.

Этот разговор был в 70-х годах. Мы тогда приняли это в шутку. Сейчас уже вон, какой год! И мне 75 лет! Значит, скоро уже?..

Батюшка никогда не жаловался, а если ему кто начнёт в его болезни сочувствовать, он говаривал, успокаивая тревогу: «Мне-то что? Святейший вот. Ему трудно. Он жалеет меня. Придёт и спросит: «Батюшка, как ты чувствуешь себя?» А я ему: «Лик святый, я-то что? Лежу и лежу. Вот Вам-то как...». Патриарх частенько заходил к отцу Кириллу в келью, проведать его, особенно когда тот был в обострении болезней. Они, рассказывают, и обедали часто вместе.

Туда, в Переделкино, я редко приезжала. Там как пропускали? Как через игольное ушко, а теперь и вовсе... Совсем, можно сказать, перестали.

Перед тем, как отправляться на последнее лечение, откуда его уже с инсультом привезли, он всех близких собрал там в Переделкино, человек сорок, сделал наставление. Говорил около часа. Много напомнил нам из Евангелия и Апостола наизусть – как нам надо жить, как любить, как прощать. А потом

и говорит: «А теперь скорее подходите на исповедь, не задерживайтесь, потому что мне завтра ложиться в больницу».

Какой-то мужчина подошёл, что-то хотел сказать, но тянул. Мялся, не мог сформулировать, видно, вопрос. Сложный у него был. Батюшка стал торопить его, сказал, что надо говорить быстрее, потому что времени у него осталось очень мало. Поторапливал его Батюшка, с какой-то невыносимой болью и даже на редкость с нетерпением: «Побыстрей, побыстрей, у меня секунды, секунды уже остались». Все ощутили эту тревогу и необычность происходящего. Затревожились, говорили потом: «Мы поняли, что это очень серьёзно. Действительно, краткие секунды у Батюшка оставались. Он чувствовал это, и мы почувствовали тоже».

Меня пропустили вперёд, потому что мне дальше всех ехать. Не в Москву, и даже не в Сергиев Посад, аж в Переславль. Попросили: «Только не задерживай» Я подошла, быстренько сказала свои грехи и вопросы некоторые задала. При этом что-то невпопад, не выслушав его до конца. Про другое, про документы его спросила. Так себя ругаю за это, зачем я его сбила. Отец Кирилл в себя углубился и стал молиться. Стою на коленях около Батюшки и думаю, что сейчас все меня будут ругать, что я долго-то. Жду, а Батюшка всё молится.

– Батюшка, ну как? – перебиваю, поторапливаю его.

Он отвечает мне:

– Если есть возможность, то, про что ты спрашивала, лучше не нужно, не бери.

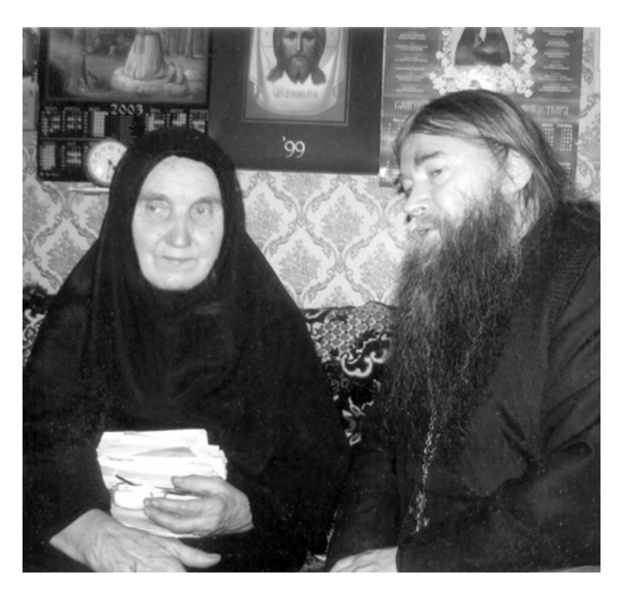
Напоследок прошу его:

– Батюшка, я на всякий случай. Если трудно будет, я ещё к вам приду! Вы уж помолитесь и поточнее узнайте. Может быть, дополнения какие на счёт этого появятся, тогда вы мне скажете.

А он мне грустно так сказал на это:

– Я не знаю, когда мы теперь увидимся.

Вот то последнее, что я услышала на прощание.



Мон. Таисия рассказывает о Батюшке.
сент. 2009 г.

Ещё он сказал нам небольшую проповедь. Закончил такими словами: «Любите друг друга. Выше всего любовь, – потом негромко сказал. – Наверное, это наша с вами последняя встреча».

Тогда то мы удивились этим словам и не поверили, а он как всегда оказался прав. Всё провидел.

Как же нам сейчас Батюшки-то нашего не хватает!.. Как он необходим! Нам плохо без него. Какие бы нужные, необходимые слова, советы он нам бы дал! С его благословением всё легче происходит. Всё. А сейчас в нас – смута, растерянность. Один священник так скажет, другой по-другому, в книжке по-третьему написано, сама думаешь по-четвёртому... И не знаешь, как поступить.

Батюшка – мученик, мученик. Таких батюшек больше не будет.

Сейчас начинаются самые тяжёлые годы, и как нам трудно без отца Кирилла! С его молитвами все трудности переносятся.

Но всё-таки чувствую, что он с нами! Он молится за нас. Не оставляет нас ни на минуту. Ни днём, ни ночью.

«Стоит ли подвергать себя лишениям и трудам, не лучше ли жить в своё удовольствие и делать таким образом

свою жизнь приятною? Так внушает нам часто наше плотоугодливое самолюбие. Нет, не лучше! Ибо* что посеет человек, то и пожнет: сеющий в плоть свою от плоти пожнет тление.** *(Гал. 6, 7–8)*. ***Самолюбивая жизнь ведёт человека к погибели, напротив, самоотверженная любовь приносит обильные плоды. Любовь Христова – очевидное доказательство этой истины».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Отец Даниил:

– С отцом Кириллом я познакомился в 1993 году в Волгограде. Меня тогда только постригли в монашество. Первым монахом я тогда был в Волгоградской епархии.

Через несколько дней после этого события город Волгоград посетил Патриарх Алексий. С ним был его духовник архимандрит Кирилл (Павлов). Раньше я о нём слышал и почитал его. Изыскал я возможности и через добрых людей имел возможность встретиться с отцом Кириллом. На моё большое удивле-

Патриарх Алексий II со своим духовником, архимандритом Кириллом.

ние, он оказался очень простым и доступным. Мы с ним побеседовали, я сообщил ему, что меня только постригли. Сказал, что мало знаю, а монахов здесь нет. Отец Кирилл дал мне первые наставления. Первые же впечатления мои о нём были ошеломительными и насыщенными.

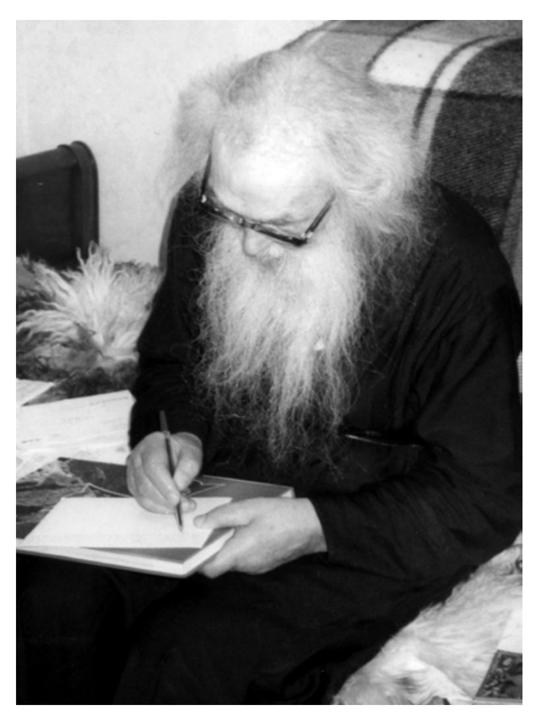
В те торжественные дни был большой Крестный ход мимо дома Павлова. Был официальный приём у митрополита Волгоградского и Камышинского. Тогда же было сказано, что архимандрит Кирилл не был в этом городе 50 лет. Отец Кирилл участвовал в освобождении Сталинграда. Те люди, которые знали отца Кирилла, сразу обступили его, и он уже был для меня недоступен. Но первого его наставления мне хватило на долгие годы моей монашеской жизни. Милостью Божией был дан старт самим отцом Кириллом. Мне было тогда только 22 года. Не было тогда у меня ещё опыта духовного и близких духовников-наставников. Мне очень повезло, потому, что благодаря той беседе со старцем, отцом Кириллом я получил важную отправную точку.

Тогда монашество было создано ещё, как замкнутое пространство людей одного пола, которые в этом пространстве должны были заниматься в основном строительством, обустройством и немного миссионерской деятельностью. И те, кто даже имели классическое образование – не имели опыта жизни в монашестве. Было очень трудно без советов об этой жизни. Опыта молитв тоже не было. С этого момента у меня началось тесное общение с отцом Кириллом. Когда была возможность, я старался посещать Лавру и потом Переделкино.

Жизнь в Волгограде складывалась у меня непросто, была тяжёлой, и я всё время вспоминал слова отца Кирилла, сказанные мне тогда, при первой нашей встрече.

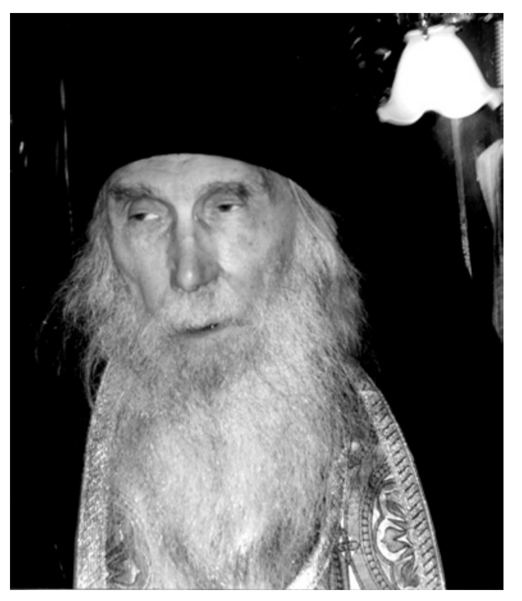
Был период, когда мне с большим трудом пришлось восстанавливать монастырь. Меня назначили настоятелем Кременецко-Вознесенского монастыря, разрушенного 30 лет назад. В то время там был дом инвалидов. Поселился я там и стал жить. Понемногу собралась и братия.

С отцом Кириллом тогда встреч было мало, но у меня была возможность общаться с ним письмами. Это была великая милость. Один раз в месяц, как глоток свежего воздуха, получал я от него письмо. Это было мне необходимо. В то время от меня требовали только хозяйственного усердия. Использовали в основном как административный инструмент. Духовного же я ничего не получал. Трудно было без монашеского житейского опыта создать монастырь. Главное же было – создать его духовный стержень. Материальное обеспечение и даже минимальное обустройство в монастыре отсутствовали и мы, молодые люди 20-22 лет с этим впервые жёстко столкнувшись, часто впадали в уныние. Некоторые, пользуясь правом, что только я должен всё воспринимать со смирением, стали вести себя непослушно. В ответ на должные мои требования как настоятеля, упрекали меня в отсутствии любви. Но мы должны были тогда напряжённо трудиться, бороться за восстановление церквей и святынь. Проявлять и напряжение воли, а не только мечтать и чего-то требовать. Мне же только подставлять для них левую или правую щёку. Не в этом же монашество! Так прошло полтора года.



Ответы на письма.

Потом в моей жизни произошли тяжёлые для меня изменения. Мне казалось, что меня сильно не понимает, или я не понимаю своего архиерея. Решил я уйти из епархии. Поехал



в Троице-Сергиеву Лавру. Архимандрита Кирилла в то время не было там, и я пошёл к другому духовнику. Он мне сказал – на Афон. Вернулся я и сказал об этом митрополиту. Митрополит пришёл в негодование. Тогда я понял, что **никогда не надо бегать и искать советов у других духовников.** Если имеешь связь с одним духовником, то с ним и надо решать все вопросы.

Владыка меня из епархии не отпустил. Направил меня на приход, которого не существовало фактически. В это время меня опять очень поддерживал отец Кирилл. С 1994 года по1996 год у меня не было возможности выехать из епархии. Получал в это время духовную помощь только через письма Батюшки. Его в это время перевезли в Переделкино.

В 1996 году митрополит отпустил меня из епархии. Мой друг служил тогда в Тобольской семинарии, и я собрался ехать туда. Мама мне напомнила: посоветуйся прежде с отцом Кириллом. Но я спешил и от своего самочиния совершил неправильный поступок. Наши ошибки – это результат своеволия. Потом только я понял, что все проблемы мои – во мне.

В Тюмени я прожил месяцев восемь. Случайно у меня там оказался телефон в Переделкино к отцу Кириллу. Позвонил я Батюшке. Состоялся обстоятельный разговор, и отец Кирилл меня благословил на дальнейшие дела.

Зачастую вспоминаются советы отца Кирилла. У меня так получилось в жизни, что я самовольно ушёл с одного прихода, поступил на другой. Далеко бы я мог укатиться. Многие

таким образом отпали. Отец Кирилл меня тогда строго предостерёг: «С креста не сходят – с креста снимают». Ситуация ровно повторилась, когда меня назначили снова в монастырь, я пришёл в сильное уныние, так как условия были очень тяжёлые. Часто я задавал себе тогда вопрос: «Ты хочешь, чтобы было как раньше в Волгоградской епархии? Нет? Тогда неси свой крест до конца». Было у меня искушение и в данной ситуации уйти от послушания, сойти с креста. Обратился опять к отцу Кириллу, искал причину отказаться от этого назначения. Лукавый подтолкнул возложить ответственность на его «помощь». Говорю:

– Может, мне в больницу лечь?

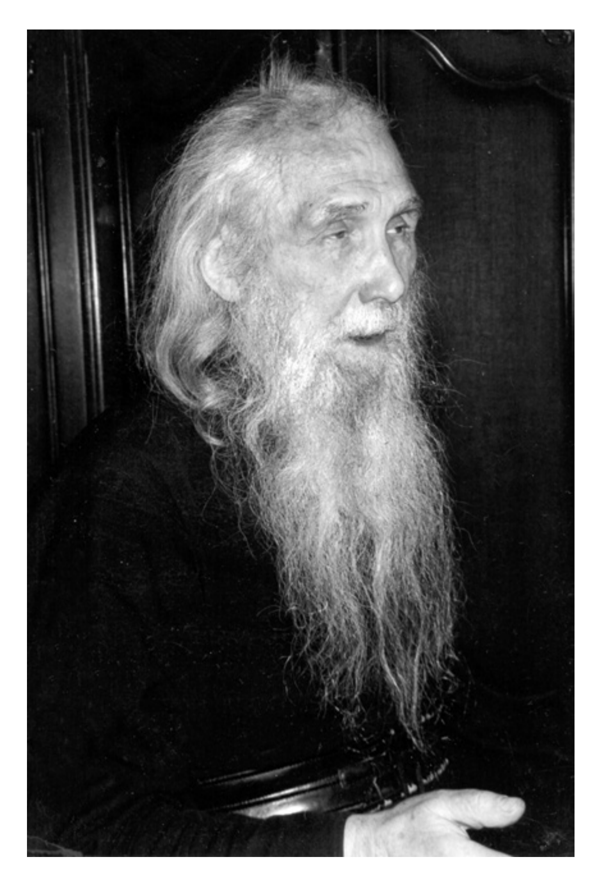
Батюшка мне на это строго ответил:

– Всё приемлю. Ничего ложного вопреки Воли Божией, – и сурово повторил. – **«С креста не сходят, с креста снимают!»…**

Меня, не спросив, вызвали к благочинному и объявили, чтобы я принимал дела, как настоятель храма. Это было в январе 2002 года. А распоряжение пришло только в апреле. Там я был уже четвёртым настоятелем. Можете представить себе состояние дел? Потом я был послан на другой приход уже очередным, вторым священником. Но я, имея строгие наставления Батюшки, всё исполнял с послушанием. В монастыре быть нелегко. Но и в миру жить для монаха – большое искушение. Ты – свободен. Отслужил 2-3 дня и сам себе предоставлен. В этом очень большая опасность для монаха.

Послужил я там, потом перевели меня на новое место, но уже не настоятелем.

То, что порой на епархиальных собраниях запрещали архиереи, иногда процветало на приходах. Так, на нашем приходе всю власть забрала себе староста. Она всё доносила вышестоящему начальству, выполняла то, чем должен был заниматься настоятель. Пожаловался я об этом отцу Кириллу, о своём бессилии перед ней. Батюшка пояснил мне: «За всё в ответе настоятель. Ты в подчинении у него и не можешь исправлять уста-



новленные порядки». И как-то мозги у меня на место встали, успокоился я и ровно продолжал служить, выполнять положенные послушания. От терпения, к которому призывал отец Кирилл, бывала большая польза. Так, к примеру, я воочию увидел пользу в том, что мы послушались Батюшку, не устраивали разборок, терпели ту старосту. Милостью Божией и молитвами отца Кирилла вскоре она, сама же запутавшись в своих хитросплетениях, попала в неприятную историю и была с позором уволена архиереем. Мы в результате, без усилий и неприятностей получили то, что хотели, – мир, правильное устроение на приходе, свободу своим благим устремлениям. Ещё более укрепились в Вере, сознании того, как бдит и милосердствует о всех нас Спаситель, через угодников своих духовников, старцев наших.

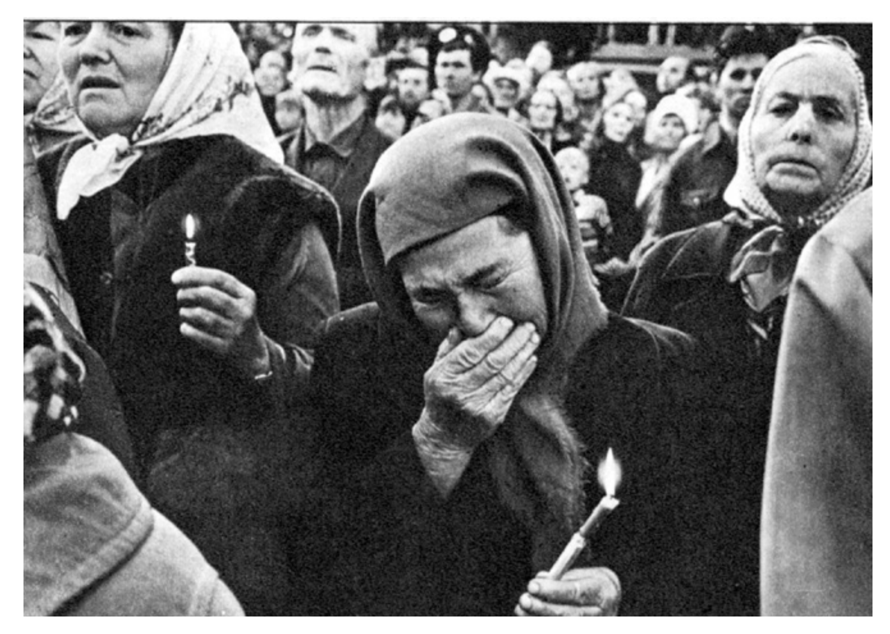
Вскоре мне Господь преподнёс новое испытание. Меня вновь назначили настоятельствовать на не существовавший пока монастырь. Снова засучив рукава надо было приниматься за работу.

Это был тяжёлый период, но не столько обустройства, а войны с местным населением, когда надо было огораживать территорию монастыря и силой ставить забор, вывозить мусор во-

круг. Были крики, давление, жалобы, клевета в Патриархию и даже в Правительство.... Но я не мог кривить душой и совестью. У меня уже был горький опыт ухода от проблем. Здесь, когда всё повторилось, то я себе сказал: «Нет! Здесь я должен до конца стоять! Нести свой крест, сколько мне Господь отпустит. И это всё благодаря отцу Кириллу, его духовной поддержке и укреплению. Если бы он меня не укрепил, то не знаю, как бы я выдержал и последующие испытания. Наступил бы тогда наверняка в моей жизни снова отрезок растерянности, смуты и неприятностей.

Один из важных тогда для меня стал вопрос об устройстве моих родителей. Они жили в Волгоградской области, на границе с Казахстаном. Выходили тогда на пенсию. Пугала очень нездоровая обстановка поднятия национализма малых народов. Особенно исламизма в тех районах. Обратился я и по этому поводу за советом к отцу Кириллу.

Это было в 1998-1999 годах. Казахи и кавказцы и раньше селились в эти районы. В 1995 году началась чеченская кампания



Будёновск. Жители оплакивают жертв чеченского бандитизма.

Никому не нужные русские беженцы.

и чечено-дагестанская диаспора стала активно подкупать там органы власти, милицию, стали активно заселять эти земли. После организации преступного изготовления и продажи палёной водки с 1992 года, когда спаивалось русское население, они пошли далее, завалили район наркотиками. Людей «подсаживали» на это. Кавказские наглые пацаны ни за что убивали наших людей, и их прикрывала власть. Было покушение и на мою сестру.

Обратился я к отцу Кириллу с вопросом о переезде моей семьи в Нижегородскую область, к дедушке. Он благословил переезд. Дом у нас в Волгоградской области был добротный, но пришлось всё оставить. Батюшка сказал: «Пусть переезжают в Нижегородскую область. В трудные времена хоть на картошке проживут, в Поволжье опять будет голод. Пусть не смотрят на худшие условия жизни». Они и переехали.

В 2001-2002 годах Господь позволил мне часто бывать, много общаться с отцом Кириллом в Переделкино. Батюшка без лишних слов, порой одним своим примером помогал мне. Среди людей были там и такие, кто пытался подставить Батюшку. Кто-то даже воинственно обличал его за соглашательство, призывал к разного рода несогласию с властью. Бывали хитрые подставки подосланных провокаторов, извращение его слов и многое другое. Мы ведь хотим, чтобы и с Богом жить, и чтобы в холодильнике у нас было не пусто, и спастись одновременно.

Ответственность же за свои деяния переложить на духовника или священника. К примеру, как только начинается Великий пост, из прихожан выстраивается очередь за благословением на молочко. Отец Кирилл и в этом случае, если кого по болезням благословлял, то непременно говорил: «Принимать молоко только как лекарство. Как лекарство!». Батюшкины слова порой извращались, и иногда даже приезжали какие-то люди для проверки. Однажды вызвали его на разговор, который продолжался три часа. И он потом слёг. Лежал долго – никакой.

При мне один священник спрашивал отца Кирилла по одному вопросу. Он хотел обратиться к одному состоятельному человеку, чтобы тот в своей родной деревне помог построить храм. Батюшка ответил ему так: «Ты же знаешь, как он заработал эти деньги. Нечестно. Это нехорошо. Не надо». К тому же выяснилось, что деревня эта была на отшибе от центра, и там уже основательно поселился исламский дух. Новая церковь там была ни к чему. Прихожан по существу уже не было.

Многие жаловались на тяжёлую обстановку, жизнь свою отцу Кириллу. Он говорил по этому поводу, что надо терпеть. Прежде всего, надо сохранять со всеми мир. Наши трудности – это попущение Божие. Всё должно быть преодолено любовью и миром. Батюшка говорил: «Потерпите, скоро Господь скорби уберёт». А ещё Батюшка напоминал нам всем: «Решения надо принимать без эмоций и вспыльчивости. Это очень трудно, но необходимое условие для нас, христиан».

В 2003 году Батюшка попал в больницу. В человеческом сознании не всегда укладывалось, что говорит отец Кирилл своим советом. Вот и на этот раз. Двоим, у которых были трудные взаимоотношения, он сказал им: «Поезжайте к Владыке». Мы не понимали смысла, но поехали, так как должны были исполнить наставление старца. Я им посоветовал не обсуждать это, потому что Батюшка просто так не благословляет. И слава Богу! Всё получилось чудным образом. Один из них послушался моего совета и выполнил наставления старца. Устроился на служение, он и его семья благополучно решили все свои мате-

риальные и бытовые вопросы. Другой, который ослушался – неизвестно, где сегодня и в каком качестве находится. Не раз я убеждался в том, что отец Кирилл, давая кому–то ответ, всегда руководствовался Духом Святым. Всегда, особенно когда был трудный вопрос, сначала молился, а потом направлял людей.

В Переделкино было много встреч с отцом Кириллом по личным вопросам. Зачастую я не мог правильно формировать свои мысли и вопросы в силу своего характера и горячности. Мне было тогда 30 лет. Батюшка терпеливо выслушивал, разбирался в моих запутанных проблемах и неспешно, доходчиво давал верные направления по выходу из них. У меня и сегодня тоже бывает порой такая обстановка, из которой трудно выйти. Но, помня наставления отца Кирилла, легче стоять. Твёрдо знаешь: нужно терпеть. Не сходить с креста!

И по сей день, меня удивляет жертвенная любовь отца Кирилла ко всем нам. Как бы он себя ни чувствовал, всегда принимал с любовью тех, кто приезжал к нему, даже и когда с ног валился. Думаю, что Господь держит его на земле ещё с нами ради жалости к нам. Желания облегчить нам страдания наши, часто нами же самими и уготовленные. Какие страдания он сейчас переносит! Одному Богу только ведомо. А он и при этом думает, заботится не о себе, а переживает и молится за нас. И как здесь он до последнего своего дыхания будет трудиться в этом, так и там, на Небе, будет молиться за нас грешных. Мучения его здесь не заканчиваются, но в этом его призвание, его подвиг, его жизнь – героя обороны Сталинграда. Именно на нём, на отце Кирилле, зримо убеждаешься, что есть ещё, существует такая жертвенная любовь! Мы-то, грешные, службу отстоим, и всё – устали. А отец Кирилл до службы людей принимал, службу вёл, в Алтаре кто-то к нему обращался. После службы ещё службу с акафистом Преподобному Сергию отслужит и потом пойдёт в свою келию читать Евангелие и беседовать с братией. То есть Батюшка не принадлежит сам себе, не даёт себе заняться собой ни на минуту, а только всё людям и для них. Даже последнее время, когда он изнемогал от бо-

лезней, он преодолевал свои недуги, никому и вида не показывая. Люди, не ведая этого, порой совсем его донимают, покоя не дают, а он никого не отгоняет, никому не нагрубит. Он всё отдаёт по принципу – отвергай себя. Всё ради любви к людям. Отец Кирилл – яркий пример носителя Христовой любви. Истинной, а не лицемерной, расчётливой, идущий от гордыни. Вся жизнь Батюшки – это пламенный факел, самосжигающий себя, но разгоняющий сгустившуюся вокруг нас тьму.

«Бога нашего мы должны любить, прежде всего, по чувству своего долга, по чувству нашей зависимости от Него, потому что Бог – наш Творец, Он нас сотворил, Он нам даровал все, что мы имеем. Наша жизнь и все окружающие нас предметы, которыми наша жизнь поддерживается, – все это для нас не иное что, как Божий дар. Мы обязаны Богу всякой струей воздуха, которым дышим, всякой каплей воды, которую пьем, всяким куском хлеба, которым питаемся, – одним словом, всем, что имеем и что служит к нашей пользе. Мы обязаны Богу нашим здоровьем, всякой душевной радостью, всякой доброй мыслью, всяким благочестивым чувством и расположением, всяким благородным делом, всяким утешением, чувствуемым в несчастии, – словом, мы обязаны Богу совершенно всем. Бог есть любовь, наилучший Отец, источник всех благ».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Монахиня Сергия (Макарова):

– Покрестилась я только в 33 года. Произошло это вот как...

Жила я тогда в Самарской области, в городе Сызрани. В 1991 году в моей жизни случились такие события, после которых я не знала, как себя вести и что в жизни делать. Сильно плакала от этого, никогда в жизни так не плакала. Наконец внутри меня сформировался вопрос «Что ты хочешь?». Не появилось

Архимандрит Кирилл с монахиней Сергией.

ещё во мне никакого конкретного ответа, но в меня вселилась вера в хороший исход моих поисков. Уже за это в этот момент я полюбила весь мир. И даже недругов, которые меня обижали. Подумала ещё и о том, что эта перемена во мне возникла наверняка же не сама по себе. А от кого?.. И тут я подумала о Боге. Вспомнила о том, что проводниками к Нему назначены нам старцы, духовные отцы. И дерзнула обратиться к Господу своими словами: «Господи, покажи мне старца, как в сказке «Руслан и Людмила».

Через пять дней я была в Сергиевом Посаде, первый раз в жизни. Никогда я не была там раньше.

Господь сразу привёл меня в посылочную, где принимал людей отец Кирилл. Там было очень много народу, и я стояла, не знала, что делать. Известная многим Иоаннушка, которая сидела в последних рядах, меня остановила: «Здесь очередь, дама!» Я спрашиваю: «Кто здесь последний?». Она мне ответила: «Держитесь за мной». Стоим. Вдруг выходит старец. Тот самый, из сказки!..

По сказке же мы знаем, какой молитвенник был у Руслана тот старец. По его молитвам он освободил Людмилу от всех оков и чар. Какой был пир, и все радовались, что произошло освобождение. Он и многих людей, мужей освободил. Пушкин промыслительно, как пророк, написал об этих вещах. И когда я увидела отца Кирилла, я поняла, что все чары, которые вокруг меня витают, всё это пройдёт, и он их отведёт. Я поняла, что Батюшка – это воздух, это жизнь, это дыхание, это наше спасение. И самое главное, я поняла, что это спасение Руси. А почему я это так поняла? У нас семья военных. Мама в войсках прослужила 32 года. И мы за Русь все очень болели. Брат мой лётчик. Он в горячих точках был. Только чистый, без греха человек может с боевых полётов прилетать живым. Возвращаться домой невредимым. В каких только опасных, гибельных ситуациях он не бывал и всегда возвращался живой, победитель. Всегда и мама, и я были в напряжении, переживали за него.

Чечня. Благословение на подвиг.

Будет жить, не будет? Вернётся – нет? Поэтому вопрос жизни или смерти, он обострённо всегда в нас присутствовал, чувствовался. Мы знаем, как пахнет смерть.

Когда я увидела Батюшку, несмотря на суровое воспитание, я думала, что упаду в обморок, потому что это был именно тот самый старец из сказки, о котором я просила Господа. Отец Кирилл вышел из кельи, где принимал народ и очень долго стоял у двери. Как мне показалось, очень внимательно смотрел на меня. Видя всё это, Иоаннушка мне говорит: «Если вас отец Кирилл благословит, возьмите благословение пойти со мной». Так и произошло. Батюшка указал, чтобы я без очереди зашла к нему. Прошла со мной и Иоанна. Это была незабываемая встреча и беседа!..

Так благодаря отцу Кириллу я пришла к вере. Это было под Благовещение. На Благовещение я у Батюшки причастилась. И ещё мне подумалось, что, коль есть у нас на Руси такой старец, будто из сказки «Руслан и Людмила», то есть и Черномор. Знаем, что многих мужей Черномор держал в цепях. Сделала тогда же для себя вывод, что как надо молиться, чтобы разорвать те цепи! Как надо прежде всего покаяться, очиститься. Всем нам прийти к покаянию, на молитву встать, на колени и просить Господа, чтобы избавил нас от всех этих Черноморов, чтобы поднял Русь с колен, чтобы Русь процветала. Нам нужно молиться, только молитвой и покаянием можно было поднять Русь. Ничем другим, никакой другой силой не поднимешь. Будет покаяние, будет молитва, и мы поднимемся. Будет Русь процветать, и Черномор отступит, сгинет. Другими действиями его не отгонишь, не победишь. Надо учиться молиться и трудиться. И тогда Русь будет свята и непобедима.

Вот что во мне возникло после того, как я побывала у отца Кирилла. Это неожиданная и очень знаменательная для меня встреча.

Когда я ещё только ездила в Лавру, то приехала как-то на страстной седмице. Всю неделю была на службах. На Пасху

же стояла со всем ликующим народом в Троицком храме, у мощей преподобного Сергия. Рядом со мной стояли два семинариста. Когда отец Кирилл начал бросать раскрашенные яйца, я была этому удивлена. Всё так быстро происходило. Мне было непривычно всё. И то, как священники яйца в народ кидают, и как все бурно ликуют. Сама не знаю как, вдруг и я подпрыгиваю вверх, воздеваю руки и неожиданно ловлю брошенное Батюшкой яйцо. Посмотрела, а там изображён Сам Спаситель.

Семинаристы тоже подпрыгивали, махали руками и тоже поймали яйцо. У них был изображён Николай-чудотворец. Обрадовались они и вскричали: «О, что нам надо, то нам Батюшка и дал! У нас как раз денег нет, а Николай-угодник в этом помогает».

Всегда, когда приезжали к Батюшке, в посылочной находился кот, длинношерстный, воробьиного окраса. Он очень важно расхаживал по Лавре, чувствуя свою значительность. Однажды он позволил себе зайти в Троицкий храм, откуда с шумом был выдворен дежурным. Дежурный трепал его за шкирку, приговаривая: «Не посмотрю, что ты кирилловский».

При переходе в вечность.

Отец Кирилл благословил меня в монастырь в Кострому. Некоторое время я подвизалась там.

Затем поехала я к подруге в Иверский монастырь и осталась там на семь лет. А ушла оттуда потому, что к нам приехала блаженная матушка Манефа схимница, чадо отца Кирилла. И я благословилась быть с ней, так я ее полюбила. Она в Дивеево была, и я поехала с ней. Наместница Дивеевского монастыря благословила меня ухаживать за ней. Сама матушка давно ещё сказала: «Я умру на Троицу». У матушки был подвиг молчания пять лет, батюшка Серафим ей явился, был подвиг молчания, пять лет она молчала. Троица в тот год была 22 июня, в день Ангела отца Кирилла. Она выглядела неплохо. Планировала, что поеду я в Лавру к Батюшке на день Ангела, и быстро вернусь. Троица была в субботу, а накануне, в пятницу, матушку парализовало. Приходит к ней в келью игуменья Сергия. Матушку Манефу она упросила не умирать на Троицу. Матушка, соглашаясь, ответила: «Как уж Бог даст». Игуменья ушла. Мы помолились, приложились к иконам. На Троицу матушка не умерла, но отошла ко Господу на Петра и Павла. Перед смертью она меня благословила и сказала: «Блаженные здесь не переведутся. Батюшка Кирилл тебя благословит переезжать в Сергиев Посад, ты там и оставайся». После того как матушку погребли, поехала я к отцу

Кириллу. И действительно, Батюшка благословил меня переезжать в Сергиев Посад.

Словами не объяснить, кто такой — наш Батюшка. Просто так же к отцу Кириллу не пойдёшь. Все шли с проблемами, с болезнями, со скорбями и я тоже. Меня стал донимать один недуг. Пожаловалась об этом Батюшке. И вот вскоре стою на службе с людьми, служился молебен преподобному Сергию Радонежскому, туда не попасть. Патриарх служит, с ним все отцы служат. Мы стояли вне храма, молились, и чувствую, моя болезнь прошла, исчезла. Это произошло, конечно же, по молитвам отца Кирилла. Он в это время в Алтаре служил. В день преподобного Сергия. Таких чудес много было, чуть ли не на каждом шагу.

Благодаря молитвам отца Кирилла у меня жизнь перевернулась на 180 градусов, я стала с Господом. Изменились ценности и реальности, восприятие мира стало совсем другим. Жила я доселе и не знала даже, что есть такой иной мир. Батюшка своими молитвами как бы вытащил меня из трясины, не только омыл, но и вынул из меня все гноившиеся занозы, которые засели в моей душе. С большим трудом и терпением вынимал, очищая мою душу. Он поставил меня перед выбором. Аккуратно, неназойливо показал: или ты вот такой смердящей оставайся в миру, или ты очищайся и тогда только оставайся с Господом.

По молитвам Батюшки, трудно, медленно происходило моё выздоровление души. Когда я была в Сергиевом Посаде бездомная, он меня направлял к тем жить, где я могла бы видеть благообразный, церковный образ жизни, а не такой мирской, который меня обратно засосал бы в грязь и погубил бы.

Однажды пригрезилось мне. Вижу отца Кирилла светящегося, радостного. Спрашиваю его: «Батюшка, вы в какой обители Небесной находитесь?». Только спросила его об этом, вижу – журавль взлетает в небо высоко-высоко. Такой молодой красивый журавль. Он поднимается, поднимается выше солнца. Меня поразило то, что он совсем не обжигает крылышки, этот

журавль. После этого видения я твёрдо выбрала, сделала свой выбор. Быть с Господом! Каждый день быть, каждую минуту жить с Господом. И так же мне захотелось, как Батюшка, журавлём в небо взлететь. Так вот это мне легло на душу и тот журавль. До сих пор он у меня перед глазами. Какой-то очень необычный, неземной журавль. После этого, я твёрдо решила, выбрала путь монашеский.

Были проблемы с жильём, с домом. Один человек взял у меня деньги за проданную мною квартиру в Самаре, не отдал ключи и не пустил меня в купленный мною дом. Вот как враг нападал! Такие были трудные проблемы с домом. Батюшка молился.

Тот человек пустил сюда квартирантку и уехал в Адыгею. Только молитвами отца Кирилла удалось преодолеть многие козни и препоны, и теперь я живу в этом доме. Если бы не отец Кирилл, не его молитвы, от тех переживаний я уже была бы в дурдоме или бомжевала бы.

Меня в рясофор одели в монастыре, а я как-то постеснялась в Лавре ходить в этом. Смущать других, вызывать в них смущение, ненужные вопросы. Когда я пришла устраиваться на работу в Лавру, трапезником был молодой монах Викторин, батюшкино чадо. Он сказал мне: «Вы спросите у отца Кирилла. Может, он разрешит вам носить здесь монашескую одежду». Долго я не подходила к Батюшке с этим вопросом, считая его неважным, но как-то подумала: не может же это двусмысленное положение безконечно продолжаться. Вдруг я Батюшку больше не увижу? Знала, что он уже лежит, болеет очень сильно в Переделкино. Забеспокоилась я и поехала к отцу Кириллу. Когда разговаривала с Батюшкой, у меня невольно вырвалось: «Благословите меня на постриг монашеский». И сама удивилась, остолбенело стою перед ним. А Батюшка трижды меня благословляет на это. Но через три года только, по батюшкиным молитвам, я постриглась. Без батюшкиного благословения я бы никогда на это не пошла. Без благословения старца как

идти на постриг? Постриг я приняла по Батюшкиному благословению, да ещё с именем Сергия! На Благовещение я к нему приехала первый раз, и на Благовещение и был постриг.

Батюшка часто повторяет:

– Чаще причащайтесь Христовых тайн. Когда причащаетесь у Чаши, то поминайте не только себя и своих близких, но и своих усопших родных, это для них и для вас очень большая помощь и радость. Потому что когда мы их у Чаши поминаем, им большая помощь происходит. Они тоже укрепляются. С них и с нас родовые грехи снимаются. Им, как и нам, легко становится.

Был юбилей нашей Духовной Академии. Отец Кирилл выходил из Троицкого храма со своими однокурсниками. Это были выпускники, которые закончили Академию в юбилейном году. Их фотографировали. По этим фотографиям потом было видно, как они все, и Батюшка тоже, изменились, по сравнению с тем, далёким уже годом выпуска своего.

Очень хотелось мне, чтобы моя племянница, крестница Юлечка, благословилась у отца Кирилла на учебу. Взяла я железнодорожные билеты и увезла её из пионерского лагеря, чтобы поехать в Лавру. В лагере в это время были последние дни и выпускной вечер. Мне с трудом отдали Юльку. Приехали мы с ней в Лавру. Было Преображение, и мы пошли в храм освещать фрукты. Службу вёл

о. Кирилл завершает службу в честь юбилея окончания Духовной Акдемии.

Москва. Август 1991 г.

другой священник. Батюшка был в это время в Переделкино. Издали я прошу священника благословить нас поехать к отцу Кириллу, но священник повернулся к нам спиной и ушёл от нас в сторону. И это было трижды. Так я расстроилась от этого. Ушли мы озадаченные. Решили: «В Переделкино мы не поедем. Нас же не благословили».

После службы мы пришли к знакомым, у которых остановились, они тоже собирались ехать в Переделкино. Наутро они нам говорят:

– Собирайтесь скорей, поедете к Батюшке в Переделкино.

– Мы не поедем – отвечаю я им.

Они удивлены:

– Почему?

– Я мысленно попросила священника осенить нас крестом, и он трижды от нас отвернулся.

Они, конечно, меня обругали, обиделись на меня, что я разрушаю задуманное ими благодеяние для нас. Так оно и есть. Мне стыдно, но ничего с собой поделать не могу. Привыкла уже строго, внимательно относиться ко всему, что касается отца Кирилла. Не раз сталкивалась с тем, что малейшее невнимание, небрежение, связанное с ним, моментально оборачивается какой-нибудь бедой.

И что же вы думаете? В это время объявляют, что в Москве произошёл путч. Именно в тот день, на Преображение, 19 августа 1991 года. Вот как получилось. В этот день было опасно ехать. К тому же многое было закрыто и перекрыто. Сидим с Юлькой дома, и вдруг, где-то через час, открывается дверь и заходит сам Батюшка! Мы очень удивились и спрашиваем: «Батюшка, как вы доехали, и что там случилось?» Отец Кирилл ответил: «Плохие дела, плохие». Больше ничего не сказал, и мы подумали, что нас ждёт что-то очень нехорошее. Он прибыл в Сергиев Посад из Переделкино в этот день и решил по пути заехать в тот дом, к тем людям, у которых мы остановились. Благословил он Юльку, благословил нас всех, и несмотря на грозные события, у нас было очень много радости. Настоящий праздник! После этого Юлька стала хорошо учиться.

На этом у нас политическая тема не закончилась. Когда я привезла Юльку домой, там у нас с мамой дебаты открылись.

Как путч совершился, и Советский Союз начал разваливаться. Моя мама была за Советский Союз, а так как мы знали, что

4 октября 1993 г. Под прицелом — Верховный Совет, избранный народом.

Прибалтика вышла из Союза и многие люди других национальностей не хотели быть в Союзе, я подумала, зачем их насиловать, насильно мил не будешь, пусть они уходят, пусть Россия будет без этих паразитов. И так мы с ней накалились в споре, что и во сне эти мысли преследовали. Снится мне физиономия Ельцина, и у него на руках чёрные перчатки. Он снимает эти перчатки, а там у него когти. Так я испугалась и не пошла голосовать. С тех пор я перестала ходить на выборы.

Помню и другой переломный момент в истории нашей страны. Расстрел злейшими врагами нашей страны, Ельциным и его сподручными преступниками из танков безоружных людей, восставших вместе с депутатами России против разрушителей нашей страны. В те дни, в октябре 93-го года, отец Кирилл был опять почему-то в это время в Москве, по делам. Господь опять как будто повёл его в пекло, чтобы он был свидетелем происходящего. Мы так за него переживали! Но что в Москве танки, стреляют, мы и не предполагали.

Занимались своими делами. И вдруг открывается дверь, в дверях... стоит Батюшка... Мы окаменели от удивления, потом бросились под благословение.

Приехал он уже поздно. Мы удивились, что он проехал через горячие места целым и невредимым. Очень переживали за него и спрашиваем:

– Батюшка, как же вы доехали?

– С трудом проехали, – сказал Батюшка. – Я не надолго. Ехал в Лавру, мимо. И захотел посмотреть, как дела тут идут.

Потом, присев, поделился с нами: «Видел накануне видение, сон. Красное дерево снилось, зарево снилось. Помолился, и опять это же красное дерево приснилось. Ничего изменить нельзя».

Так мы узнали из уст Батюшки об октябрьских событиях 1993 года и о том, что печальные последствия происходящих событий для всех нас будут значительными.

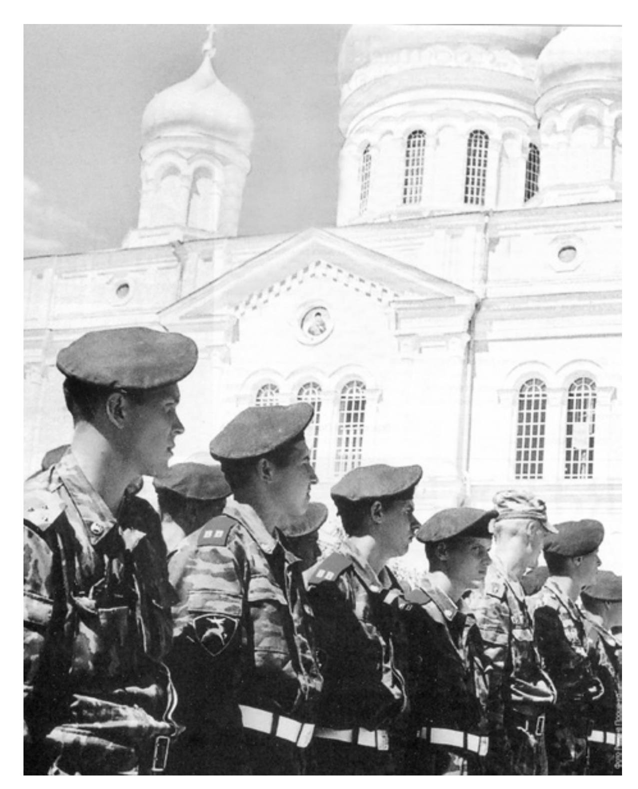
Очень нас объединяла с мамой общая тревога за брата моего, лётчика. Он прошёл Афган, а теперь Ельцин втянул нас в грязную войну с чеченами-хазарами. Брата послали туда, и мы со страхом ждали каждую весточку от него. Лётчикам особенно опасно быть. Тут не танк, не бронетранспортёр. Если откажет, выйдет из строя какой механизм, деталька одна – всё! Самолёт не притормозишь на твёрдой дороге, не починишься на высоте.

Кроме того, летают в голубом пространстве, где, мы знаем, оно заполонено бесами. Это же – поднебесная стихия, особенного риска.

Брат, к сожалению, был не церковный, этого не знал, не слушал нас. Не соглашался с тем, что если ты не будешь чистый духом, сердцем, если наоборот, будешь грешить всякими мирскими грехами, мириться с такими пороками, то, конечно же, ты в большом риске, и скорее всего в живых не будешь, погибнешь. Только нашими, а особенно Батюшкиными молитвами, о чём я его всегда просила в первую очередь, он благополучно обходил смерть и возвращался живым и невредимым на аэродром. Вечная благодарность за это нашему дорогому отцу Кириллу. Слава Богу!

В далёкие 60-е годы нам с братом дважды давали путёвку на теплоход вниз по Волге до Волгограда. Там экскурсоводы нас водили и к знаменитому дому сержанта Павлова. Нам не говорили – дом Якова Павлова. Говорили: «Вот какая сила у русского **Ивана**». Сколько дней держали они оборону, и не переправились немцы за Волгу. Это – наша национальная гордость.

Сталинград. Дом сержанта Павлова.



Вера и верность.

На определённом этапе жизненного пути Господь привёл меня, грешную, к отцу Кириллу (Павлову), к тому герою, сержанту Ивану Павлову.

Мне хотелось, чтобы и брат Виталий приехал к Батюшке, попросил его молитв, взял благословение. Когда я предложила ему поехать к Батюшке, он мне ответил: «Это не тот Иван Павлов. Если он из того дома стрелял, то священником быть не может».

Начала убеждать, напомнила об Александре Невском, о поле Куликовом, о преподобном Сергии, который говорил, что «побеждать надо мечом и крестом». Брат оказался Фомой неверующим. Трудная судьба сложилась у него.

Прошло много времени, много жизненных событий, и Господь познакомил меня с отцом Николаем Кравченко, у которого я спросила:

– Вы до принятия сана воевали, были в Чечне?

– Да.

– Вас Батюшка после этого благословил принимать священнический сан?

– Да.

– Вас не смутило? Как это совместить с Божией заповедью – не убий? Для моего брата это больной вопрос. Он тоже прошёл все горячие точки. Задавали вы отцу Кириллу такой вопрос, о заповеди «не убий»?

– В 1996 году отец Кирилл благословил меня на рукоположение. Его благословением я теперь и семейный, и священник. Задавал я Батюшке такой вопрос. Вот что он мне ответил: «Нужно отделять две разные вещи: «не убий» и «за други своя». А сколько, – говорит, – пришло в 1946 году в Семинарию солдат после войны! Сколько стало священников! Одно дело, когда человек ради выгоды лишает жизни другого, и совсем иное – когда идёт на войну защищать других людей, жертвуя своей жизнью. Жаль, что не все это понимают», – посокрушался отец Кирилл.

Поэтому я служу уверенно. Совесть моя спокойна. Духоносный старец аргументированно мне разобъяснил этот вопрос. Поставил мне задачу. Я её старательно выполняю без каких либо смущений, – закончил отец Николай.

Батюшкиными молитвами у меня всё стабилизировалось и было без проблем. У меня только возникала какая трудность, – я сразу к нему. Он отводил все преграды, скорби, все проблемы. Скажешь ему:

– Батюшка, вот так и так.

– Ничего, ничего, потерпи, потрудись. Ты послушница преподобного Сергия. Ну, проблемы, у всех они есть. Преодолевай их! Сделай вот так и так...

Как пойдешь к нему, обратно летишь лёгкая, как пёрышко. Всё ясно и просто становится.

Мне рассказывала одна насельница монастыря, что у них много смертных случаев стало возникать. Понять не могли, почему? Хорошее здоровье у людей, приезжают и вдруг... умирают.

Обратились к Батюшке, отцу Кириллу. Он приехал, помолился, послужил, молебен провёл, с сёстрами пообщался. Вроде

бы ничего особенного. Уехал. Умирать перестали. Вот и загадка, таящаяся в Божьих-то людях, в старцах наших...

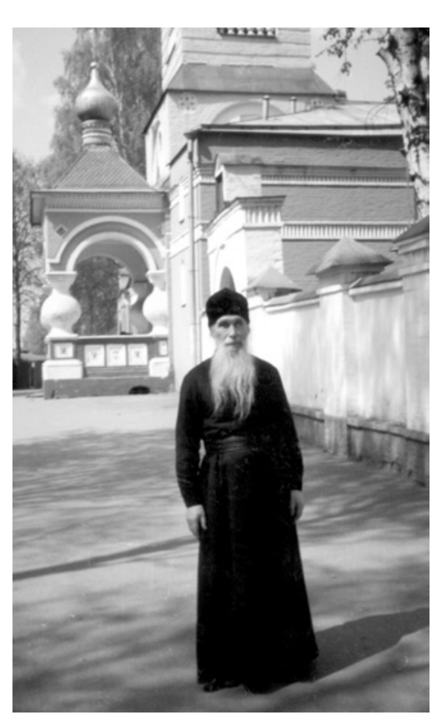
Архимандрита Кирилла (Павлова), шедшего по аллее Лавры, обступила группа прихожан. Послышался как бы от всех исполненный боли вопрос:

– Батюшка, как сейчас спастись?!..

Отец Кирилл, помолчав, ответил:

– Наблюдайте за собой, мои дорогие. Блюдитеся, яко опасно ходите...

Одна знакомая мне сообщила, что Батюшка просит вернуть ему котёнка, потому что «плохо за ним ухаживает. Ему есть у неё нечего». А ей и правда, часто не до котёнка было. Удивительно вот что: откуда Батюшка узнал, что такое положение с котёнком у неё?



о. Кирилл в Переделкино.

Наш Батюшка такой простой, такой доступный. Его помощь и заступничество мы ощущаем каждый день, каждую минуту. Он настолько заботился о нас, разжёвывал всё, что мы к этому привыкли, для нас это стало обыденным. Вот как хлеб, как воздух. Рядом с ним, мы знали, что мы с Господом живём, и вся наша жизнь – чудо. Это потом мы поймём, когда отца Кирилла отсюда перевезут надолго в Переделкино в 1996 году, а тогда мы жили, как беззаботные, малые дети. То есть было вечное, постоянное чудо, к которому мы привыкли и считали это само собой разумеющимся,

как будто так и должно быть. Отделять Батюшкины молитвы от нашей жизни повседневной мы не можем. Когда Батюшки не стало рядом с нами, мы тогда все это почувствовали. Ощутили нехватку его, когда утеряли. Но мы всё то впитали и крепко помним. Мы живём его молитвами. Господь и сейчас всё нам даёт по его молитвам.

Милостью Божией, произошло это не резко, не разом отрезало, а постепенно. Отец Кирилл приезжал иногда в Лавру. Принимал здесь нас, соскучившихся о нём. Да и в Переделкино был доступен, ещё здоровенький. В домике принимал, в старом, который теперь сломали.

В то время я в монастыре была, но Господь так всё устраивал, что я всегда к Батюшке попадала, и он меня принимал. И в Переделкино, и здесь, в Лавре. Никогда я не чувствовала, что Батюшки нет со мной, такого момента в моей жизни не было.

Вот когда я заболела сердцем, и мне было плохо. Лежала я на обследовании в больнице. Очень плохо мне было, и я из последних сил взяла батюшкину фотографию, обратилась к нему: «Батюшка, миленький, я не знаю, что со мной, помоги мне!». Тут же, что-то произошло во мне. Сердце у меня остановилось. Врачи сразу меня в кардиореанимацию отвезли. Вызвали скорую хирургическую бригаду и так мне спасли жизнь. Батюшка на расстоянии услышал и сразу помог, спас меня, как только я к фотографии прижалась. Если бы сердце остановилось дома, я бы уже два года назад умерла. Смертью внезапной, без исповеди и причастия. Это – страшная смерть. Пока я жива батюшкиными молитвами, стараюсь, очищаю себя от грехов и молюсь о Батюшке. Прилагаю свои, хоть небольшие силы, к общей молитве о Батюшке, о здравии его, нам всем во благо.

Когда последний раз я была я у Батюшки в Переделкино, он тогда уже лежал, не разговаривал. Мы его только поздравляем, прикладываемся к его тёплой, доброй ручке, получаем подарки через его келейниц и отходим. Подошла и я к нему. Он вдруг негромко, неестественно покашлял. Головку свою немножко повернул и так: «К-хе, к-хе». Люди на него удивлённо

посмотрели, растерялись. Может, помощь нужна? Замерли и смотрим. Вначале и я не поняла, что это значит. В это время у меня вдруг немного сдавило горло. Тут я вспомнила про свою болезнь, про то, что врачи никак не могут поставить мне правильный диагноз, а отсюда и долгие напрасные потуги в лечении. В этот момент я всё поняла. Батюшка немощный не только своими молитвами, но и своим лёгким намёком поставил мне верный диагноз, который врачи не могли определить. Он в отличие от них верно указал мне в чём причина моей болезни. Дал понять, что причина всему – мои больные бронхи, чтобы я лечилась, занимаясь ими. Показал мне, где и в чём моя болезнь на самом деле. Таким образом поставил точный диагноз и дал направление на лечение. Теперь я знаю, как лечиться.

Да тут ещё и келейница, только я отошла от Батюшки, подарила мне маленький кагорчик из Каны Галилейской. Думаю: «Что ж такое? Если бы что-нибудь другое она мне подарила, я бы до такой степени не убедилась, внимание не заострила».

Приезжаю, звоню врачам травникам знакомым. Они мне подтверждают: «Это легкие. Надо кагор и мёд».

Таких случаев, когда отец Кирилл исцелял от болезней, много.

За то время, как первый раз попала к Батюшке, и до последней встречи с ним столько чудес я только на себе одной испытала! Столько исцелений, столько радости и столько сил для жизни! Сколько раз отец Кирилл жизнь мне спасал. Была не воцерковлена, а он меня из светской дамочки, неверующей, преобразил. Привёл к Богу! Живём только его молитвами.

Сейчас «не до жиру, быть бы живу», – так иногда говорил Батюшка. На встречу и беседу с ним рассчитывать не приходится. Отец Кирилл сейчас не встаёт и не разговаривает.

И всё же. Всем нам помогает!

Возьмёшь в руки даже фотографию его, попросишь, и помощь сразу приходит. Милосердный наш Господь быстро слышит Батюшкину молитву, прошение, и нам, грешным, помогает в болезнях или в трудных житейских обстоятельствах.

«Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня». ***Любить отца, или мать, или сына, или дочь более, нежели Господа, – значит, из угождения им не исполнять заповедей Божиих, а исполнять их приказания и прихоти, противные воле Божией. Конечно, любить родителей есть естественное дело и заповедано Богом, но любовь к Богу должна стоять на первом месте. А так как в сердцах человеческих любовь к Богу угасла из-за неправильной любви к своим родителям и сродникам или из-за пристрастия к ним, то, чтобы любовь эту соделать чистой и святой, Господь и дает эту заповедь. Родительская и детская любовь тогда только есть святая, когда любят Господа Бога больше всякой твари, какая бы она ни была. А всякая любовь, которая заставляет любить кого-либо паче Творца, есть беззаконная и пагубная как для любящих, так и для любимых.***

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Л.:

– В Сергиевом Посаде я с конца 80-х годов. Вначале окормлялась у другого духовника. Судьба у меня была сложная. В миру мне пришлось очень трудно и сложно жить. Опыт земной жизни у меня был очень большой, а вот в вопросах, называемых бытовыми, было непросто. Духовник мой на мои вопросы порой не мог исчерпывающе ответить. Иногда не знал, что мне посоветовать. Всякий раз при этом он говорил: «Ты сама знаешь, как тебе поступить. Я помолюсь». Он молился, вопросы решались, но решались трудно. Был момент, когда у меня были очень трудные ситуации, я никак не могла найти своего духовника. В такие моменты мне часто встречался архимандрит Кирилл (Павлов). Тогда я не знала, что есть такой общероссийский старец. Приехала я из Ульяновской области. Там многие знали архимандрита Кирилла, а я не знала даже заочно. Когда я приехала в Лавру и стала работать там, то с близки-

о. Кирилл в Лавре.

ми женщинами я молилась на «служебном» месте храма. Отец Кирилл всегда приходил с правой стороны, а не с левой, где обычно монахи проходят. Когда он входил на левой стороне, то обязательно проходил женским приделом, где стояли сотрудницы Лавры, кому было разрешено там стоять благочинным. Меня всегда удивляло, что он шёл очень медленно и никогда не торопился. Все у него брали благословение и даже те, которые не решались подойти – не подойти. Стеснялись, стояли нерешительно. Он всё равно как бы ждал, чтобы к нему все подошли. У меня началось к нему внимание и уважение. Видя, что батюшки мимо нас, женщин, всегда пробегают в Алтарь, а этот старец идёт неспешно, ко всем внимателен и всем улыбается, каждого по имени называет, помнит, конечно же, я была привлечена этим. Благословения у него по началу я, грешная, не брала. Во-первых, действительно считала себя недостойной, а когда я о нём узнала, то у меня появилось такое чувство, что я – никто и ничто, и подходить к нему страшно было, не решалась искренно. Как-то так получилось, что от него пошло внимание ко мне. Он же духовник всей Лавры и Академии. Ему, видимо, было интересно. Появился

новый человек, пришёл сразу на заметную должность, оказали доверие. Он не спешил. Наверное, решил понаблюдать за мной, что я из себя представляю. Как-то, я вспоминаю, идёт он, благословляет, к нему люди с вопросами подходят, он отвечает, а смотрит на меня. Стою рядом, выдерживаю его взгляд. Причём, смотрит он в область сердца. Долго он смотрит, не моргая, не отводя глаз. Хоть я была тогда духовно и неграмотный человек, но чувствовала, что он рассматривает моё духовное существо. Мне было так неловко, в меру своей греховности, что мне захотелось за кого-нибудь спрятаться. Так было по началу раза три, наверное. Потом он стал смотреть мне в глаза. Также идёт, благословляет, отвечает, а смотрит мне в глаза. Я тоже смотрю, не опускаю глаза. Думаю, что это он душу мою рассматривает. Говорят же, глаза – это зеркало души. Вот такие мои первые впечатления.

У меня была полная тогда неустроенность здесь, в Сергиевом Посаде. Не было родственников, квартиры. Дочь я оставила у мамы на 2 года, так как жить было негде. Знакомый у меня был только духовник, которому я тоже не могла досаждать. У него был ответственный пост, к тому же он монах, и я не могла за ним бегать по каждой мелочи. Поэтому уныние очень часто преследовало меня. И всякий раз, на пике уныния, я встречала отца Кирилла. С ним всегда шёл послушник, келейник и вокруг него много людей. Со стороны это выглядело так трогательно – его традиционно русское, неспешное, уважительное отношение ко всем людям. Стала я за ним пристальнее наблюдать. Мне тоже захотелось к нему подойти. Но кто я? К тому же он знает, что у меня здесь другой духовник.

В конечном итоге, шла я как-то, а он стоял на аллее. И вот тут я почувствовала, что могу подойти, потому что он занят, рядом с ним стояла женщина. Подошла я к отцу Кириллу за благословением и была удивлена. Это было настолько отеческое благословение, спокойное, без всяких демонстративных жестов, легко и в то же время такая тяжёлая мужская рука. Так хорошо сразу стало! Какая-то надёжность, его покровительство

сразу почувствовались через это благословение. А ведь он мою сестру всегда знал, матушку Иоанну. Сейчас она игуменья, и я решилась, говорю ему: «Я сестра матушки Иоанны». Отец Кирилл, улыбаясь, отвечает мне: «Да знаю, знаю я тебя». Вот так. Я была целый день счастливая, радостная, легкая – на целый день благодатное благословение получила.

Потом опять пребывала в своих проблемах, поделиться мне было не с кем и я пошла в храм. Там акафист читали. Справа была дверь, и я встала возле неё. Монахи шли петь на акафист. Я решила, что какой батюшка первый пройдёт, я возьму у него благословение. Входит отец Кирилл. Как всегда улыбается, я беру у него благословение, и оно опять такое же отеческое. Он опирается на мои сложенные руки, и прямо как птичка вспорхнул по лестнице в алтарь. И мне стало так хорошо! У меня слёзы прямо полились потоком. Слёзы вышли, и у меня наступило облегчение, проблемы уплыли. Полюбила я Батюшку.

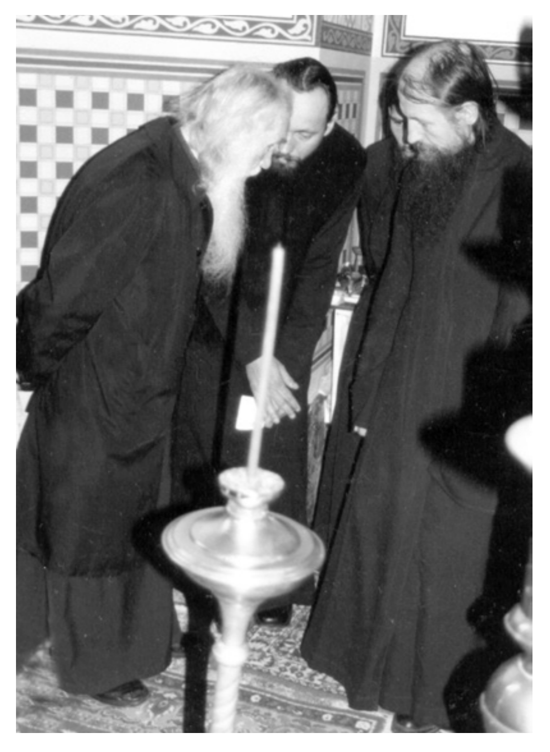
Благодарна ему за то, что он мне всегда встречался, когда мне трудно. Это ведь очень важно, когда в нужный момент тебе встречаются люди, которые или молятся, или помогают по иному, благодатью своей. Эти люди запоминаются на всю жизнь. От них никогда не хочется уходить. Отец Кирилл для меня оказался таким человеком. Хотя я чтила, почитала и прежнего своего духовника, но чувствовала, что и он тяготится мною. Просто

я для него тяжела была со своими проблемами. Не под силу были они ему, тягостны. Он много для меня сделал. Он рекомендовал меня на работу, он за меня поручился, но вот взаимного утешения духовного у нас не получалось.

Помню, служба закончилась в трапезном храме. Отец Кирилл давал для целования крест. Подходит моя очередь Стою, как дерево, ни туда – ни сюда. Люди меня теснят, а я ничего сделать с собой не могу, как нарочно. В этот момент отец Кирилл посмотрел мне в глаза. Тут подошли к нему муж с женой и стали приглашать его в гости. Он им вежливо отказывает: «Да некогда мне». Мягко сказал, по-доброму, как бы извиняясь. Слышу это и думаю, почему это происходит передо мной? Это мягкое, но твёрдое слово «некогда». Помню его уже десять лет. А ведь я же часто так отвечала людям. Мне всегда было некогда. Бывало, люди хотят со мной поговорить, а работы очень много. Я проговорю, а потом после работы остаюсь и доделываю. Батюшкино «некогда» у меня как-то всплыло. Мне стало стыдно за мою суету, гордыню, невнимание порой к людям. Пришла я тогда в сознание, подошла к кресту. Но этот момент запомнился мне, был очень поучителен. Запомнился для меня как образец внимательности ко всем.

Не укладывалось у меня в голове одно, как он для каждого человека находит время поговорить, помолиться, служить, исполнять послушания?.. А люди-то ведь к нему разные приезжают. Бывает, что неадекватные подходят, а он всё равно с ними рядышком стоит, вежливо разговаривает, вникает в их порой совершенно запутанные комбинации. И к ним он с большим уважением и вниманием! Сам вопросы им задаёт, вникает, общается. Меня это очень удивляло и интересовало.

После этого чада отца Кирилла стали меня окружать и ближе как-то ко мне стали. Придут, скажут: «Там, Батюшка исповедует. Можно с ним о чём-либо посоветоваться». Но ведь у него всегда много народа. Иногда он кого-нибудь присылал, я шла и он, встречая, говорил: «Люба, заходи, пойдём». Обычно отец Кирилл не балует новоначальных, но каким-то чутьём, зная



тяжесть гнетущую того или иного человека, сам присылал за ним, шёл навстречу. Ненадолго я заходила, так как не могла рабочее место надолго оставлять.

Редко поначалу я ходила к отцу Кириллу. Раз или два в месяц. За две-три минуты вопросы все быстро, впопыхах решала. В то же время ответственность за это перекладывала на Батюшку. Были искушения на него, что он. Мол, виноват, мало мне внимания уделяет. Другим вон сколько! Такие козни были в голове. Иной раз и вовсе закрутит: «Не пойду к нему больше!» Из-за суеты и прочего не хожу какое-то время. Но возникает внутри настойчивый внутренний позыв: «Надо идти к Батюшке». Ощущаешь прямо физическую неуютность, неудобство, будто долго не мылась. Бежишь к нему сломя голову. Уже боишься другого. Вдруг не примет, откажет во встрече. Прибегаешь, и не ошибёшься, он вот тут. Рад тебе и не припомнит никогда твоего недовольства, внутреннего ропота, не упрекнёт. Хотя всё прекрасно видит, знает, понимает, но ни за что не укорит тебя в этом. Поняла я, что он нас всех, абсолютно всех – и находящихся в гордыне, сомнениях, непослушных,.. всех любит. Не помнит никакого зла и недоброжелательства ни в ком. Никого не забывает. Обо всех нас негожих молится и переживает искренно, болеет сердцем о каждом. Мы гордые, хотим порой забыть его, а он нет, пом-

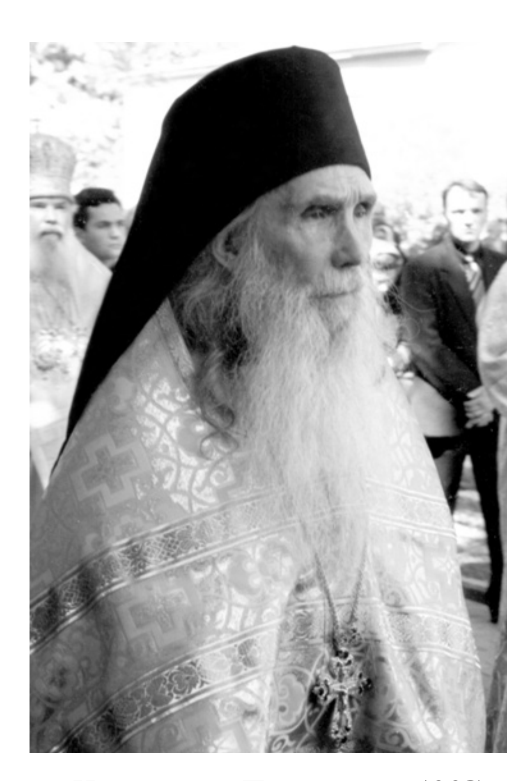
нит и огорчается, что этой или той овечки давно не было. И молитвой зовёт нас к себе.

«Христиане уподобляются воинам, которые должны всегда быть на страже своего сердца и не допускать, чтобы сердцем владели греховные желания, мысли и всякого рода страсти, потому что это опаснее всякого внешнего врага».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

В то время моя сестра, матушка Иоанна, была в Москве, на подворье Пюхтицкого монастыря. Она звонит и говорит: «Завтра приезжай, у нас будет освещение храма Патриархом Алексием». Ответила я ей, что вряд ли приеду. Сестра настаивала. Сказала, что взяла уже благословение у настоятельницы монастыря на мой приезд. Приехала я. Там большие хлопоты. Сестра предложила мне поисповедаться, и если я готова буду, то есть возможность причаститься у Патриарха. Стою последней на исповедь к священнику. Вдруг к нему подходит инокиня. Что-то ему говорит. Он берёт Евангелие, крест и они уходят. Стою расстроенная, одна я осталась неисповеданная. Подходит сестра. Она тоже в недоумении. Говорит мне, что слышала о том, будто отец Кирилл приезжает – поэтому священник ушёл. Говорю ей, что, конечно, было бы хорошо поисповедаться у отца Кирилла, но я даже не смею думать об этом. Сестра ушла. Потом прибегает и говорит, что матушка Филарета благословила и меня исповедаться вместе с сестрами у отца Кирилла.

Как сейчас помню. Собралось много монахинь и послушниц. Мирян там не было. И вот мы с матушкой Иоанной входим. Отец Кирилл надевает поручи, поворачивается и так исподлобья смотрит на меня и улыбается. Вот, мол, я и приехал. Все поисповедовались, ушли. Стою последняя. Нервная система моя была так напряжена, что исповедь моя превратилась в сплошное рыданье. К тому же во мне была большая рана.



На встрече Патриарха 1997 г.

Возвели на меня большую клевету, которая затрагивала самые мои уязвимые места. Мне грозила опасность потери должности. Высокий начальник вызывал к себе и отчитал так, что я даже слегла, заболела. Он потом, правда, извинялся, но здоровья я потеряла много.

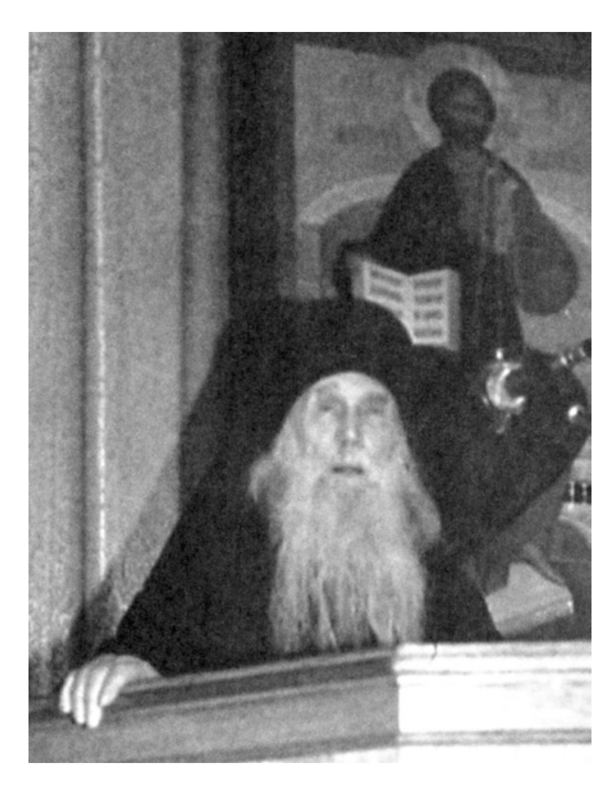
Отец Кирилл слушал меня очень внимательно, про мои грехи и события жизненные. Удивило то, что он стал меня поддерживать, искренне комментировать, направлять мои прямолинейные мысли. Каялась я, может, согрешила, что не так сделала и сказала. А он мне в ответ: «Нет, ты всё сказала и сделала правильно». Сначала мне показалось, что это просто для моего утешения. Посмотрела на него и поняла, что он очень искренне мне говорит. Это меня покорило и удивило. В конце, Батюшка мне сказал: «Какие же у тебя нервы!». Сказал это с такой жалостью, с какой мне мама не говорила. Жалость людям очень нужна. Это только коммунисты народу говорили, что жалость унижает человека. (Себя-то они ой, как жалели и тешили). Это одно из самых важных — понятие, что людей надо жалеть. Провожая, отец Кирилл поторопил: «Ну, всё сказала? Теперь иди, сейчас Патриарх приедет». Мы вместе с Батюшкой вышли.

Патриарха ещё не было, и отцу Кириллу и мне предложили в трапезной покушать пока. Мы кушали супчик, и я чувство-

вала стеснение, а отец Кирилл как-то по-простому этот супчик прихлёбывал с ложечки как дома. Там в трапезной было очень красиво. Батюшка ходил и рассматривал картины. Тут я вспомнила, что к нам была записка от него, с просьбой принять человека на работу. Сделала я всё, чтобы эту девушку взяли на работу, но начальник той службы отказал. Надо было рассказать, объяснить отцу Кириллу, как и что произошло с его письменной просьбой к нам. Стала я рассказывать Батюшке, как всё произошло. Мы стоим разговариваем, и вдруг одна инокиня подносит нам две табуретки. Он, видимо, понимал, что я хочу ещё поговорить и надо присесть. Он сел и я тоже. Задаю вопросы о работе. Как лучше в непростой среде их решать, советы спрашиваю. Батюшка же сказал мне, что я делаю правильно. Получается, что я правильно поняла его мнение и получила одобрение. Окрепла духом я после его советов.

Мы ожидали Патриарха. Мимо бегала в суете и заботах моя сестра, активно решала разные вопросы. Видимо, для меня Батюшка поучительно сказал: «Вот так вот не надо». Таково было моё общение с отцом Кириллом, которое состоялось на Пюхтицком подворье.

о. Кирилл на встрече с семинаристами.



На трибуне Духовной академии.

В Лавре была устроена встреча отца Кирилла со студентами в актовом зале. Мне тоже захотелось туда пойти. Он отвечал на многие вопросы присутствующих. Сейчас во многих книгах и журналах есть публикации той встречи и его ответы. Для меня, как и для многих, было очень важно, что он отвечал на такие вопросы, на которые и ответов-то не было. Причём, Батюшка всегда улыбался, никакого высокомерия. Такая простота! По сути дела, благодаря отцу Кириллу, я к людям стала относиться проще. Мир сейчас гордый, и я была от него, своенравная, заносчивая. Когда я стала наблюдать за поведением отца Кирилла, мне стало стыдно – откуда у нас такая гордыня и величие. Когда такой Человек так просто себя ведёт! Хотелось сразу научиться этой русской простоте. Отец Кирилл – настоящий патриот, он очень любит Россию.

Мне надо было обсудить важный нерешённый вопрос, ответ на который был дан Батюшкой в зале, но меня он всё равно мучил. Можно ли оставлять своего духовного отца? Отец Кирилл на это ещё раз повторил: «Нет никаких строжайших обязательств. Если нет духовного утешения, то можно оставить. Нет ничего страшного».

Росла я четвёртым ребёнком в семье. Папа часто ездил в командировки, мама по хозяйству много работала. Была у нас и скотина. Бабушка и дедушка жили с нами. И когда мне надо было в первый раз идти в школу в 1-й класс, то оказалось, что у меня нет сандалий. Упрашивала я маму успеть сходить в магазин до закрытия, а ей некогда. «Ты иди сама» – сказала она. Так вот, с детства я всё делала сама. Очень устала от этого. И сюда я сама решила приехать, самолично. В миру я много бросила и переехала сюда. Духовная жизнь моя в последнее время съехала с рельсов. У нас была верующая семья, сестра монахиня, брат священник. Моя жизнь образовалась по-иному. Работала я начальником, и муж тоже. Вся наша жизнь и деятельность были направлены не на спасение души. Мы были не венчаны. По благословению духовника я переехала сюда.

...Батюшка после встречи и моего рассказа о моей жизни сказал мне: «Ты подожди, не спеши. Вопросы непростые у тебя. Надо помолиться». То есть не сразу ответил. Прежний мой духовник не решал мои сложные вопросы, а мне это было необходимо. Чада отца Кирилла меня подхватили, и мне стало легко. Стала ходить с ними к нему, а потом и ездить с ними в Переделкино, в Барвиху. С ними мне было просто и свободно. Целый год я ездила к Батюшке, исповедовалась и советовалась. Должностей у меня тогда было две и работы было много. Никогда я не просила, но мне предлагали их. К тому же мне надо было дочь поднимать, и я соглашалась. Очень уставала. Иногда вечером пойдёшь к отцу Кириллу посоветоваться. Он посмотрит и говорит: «Отдыхать, отдыхать». Видел мою усталость. Когда я спрашивала совета поехать на отдых, то он сразу благословлял с радостью. И отдых от этого был очень хороший. Некоторые духовники ведь бывают строгие, ничего не разрешают.

Как-то я шла у вокзала. Зашла в магазин продуктов. Это был 1995-й год. Смотрю, а там продаются вещи безобразного толка для мужчин и женщин с картинками и на самом видном месте. Как человек неравнодушный, удержаться не смогла.

Посмотрела на продавцов. Женщины с виду опрятные, приличные. Спрашиваю их:

– Вас заставляют это здесь продавать?

– Нет, – ответили они.

– Тогда уберите это.

Они мне возразили:

– Кто ты такая?

– Сюда же дети заходят.

– Ну и что?

– Как? У вас же у самих тоже дети есть!

– Это тебя не касается.

Тогда я заговорила построже:

– Если не уберёте, то я пойду в городскую администрацию.

Через два дня я опять по пути туда зашла. Смотрю, совсем не убрали, а в разные углы рассовали.

В этот же день, когда я шла разволнованная, мне встретилась знакомая женщина. Рассказала я ей всё в сердцах о происшедшем. Она меня не слушает. Говорит про своё:

– Вся я расстроенная иду от отца Кирилла. Он сказал, что людей-то много ко мне ходит, а чад у меня не много. Вот я и думаю, что наверное тоже не вхожу в число его чад.

Спрашиваю у неё:

– А вы давно к нему ходите?

– Давно, а спросить стесняюсь.

– Спросить надо, если давно ходите.

Под впечатлением этим сразу пошла я к отцу Кириллу. У отца Кирилла привычка часто сидеть, наклонившись вперёд и полубочком. Строгим голосом я спрашиваю его:

– Батюшка, я к вам целый год хожу и хочу знать – я ваше чадо или нет?

Что удивительно, когда я ещё завершала свой вопрос, он на моём слове «нет» кладёт уже своё «да». Меня так поразила искренность в его скором ответе на мой невежливый вопрос. Настолько я была счастливая, что меня отец Кирилл взял на

свои рамена! Все мои грехи, о которых я ему поведала и о своей прошлой жизни, не отвратили его от меня. Как Господь положил нас на Свои плечи и понёс, так и отец Кирилл взялся меня, заблудшую овечку нести. И скольких таких же, как я, своенравных и грешных.

Если бы не отец Кирилл, то я давно бы уехала из Сергиева Посада. Даже неоднократно собирала вещи. Когда со своим гонором стала задавать ему этот вопрос:

– Где узнать, есть ли Божия воля на то, что я приехала и поселилась здесь? У меня здесь так трудно идёт привыкание к условиям новой жизни.

Отец Кирилл в ответ на это сказал:

– Раз ты здесь – это и есть Воля Божия. Молись, чтобы тебе хорошо приспособиться здесь к людям.

Мне этого ответа было недостаточно. Так как у меня не получался вопрос с жильём, с ребёнком и другое.

– У меня тут нет ни квартиры, ни жилья, хожу туда - сюда. И возраст уже не молодой. Опять же, здесь мужской монастырь.

Отец Кирилл имел большой опыт с такими дерзкими, как я. Он брови чуть насупил. Лицо у него доброе, а ему хотелось строгость показать. Кулаком по столу пристукнул. Показав отцовскую строгость, твёрдо сказал:

— Никуда не уезжай! Тебе жить в Сергиевом Посаде!

Стояла я, видимо, с пустым взглядом. Он это заметил и спросил:

— Ты меня поняла?

Вот так и решился этот вопрос.

Очень строг Батюшка к просмотру телевидения. У нас сломался телевизор, и надо было купить другой. Пришла я к нему и зачем-то в разговоре сказала про телевизор. Он резко возразил:

– Не надо телевизор!

– Как? Ну, все же смотрят! – удивилась я.

Батюшка как хлопнет меня по руке и говорит:

– Нечего дочь развращать!

И всё.

Он был строг в определении таких вопросов и с такими людьми, как я.

Был трудный период времени в моей жизни. У меня было две должности. Везде надо было успевать. Не хватало еды, не хватало денег. Как-то один иеродьякон, который имел послушание заниматься вопросами продуктов, стал понемножку помогать. Когда я спросила у отца Кирилла, можно ли мне принимать такую помощь, Батюшка разрешил. Тот инок много для нас добрых дел сделал. Но с монашествующими непросто всё складывается. Меня стали смущать такие отношения. Почувствов такое, я на исповеди отцу Кириллу про это сказала. Лицо его сделалось строгим, собранным, он сказал:

– Всё! Хватит.

– Как? – возразила я. – Он нам очень помогает. К тому же с ним очень интересно.

– Сказал: нет! – непреклонно поставил точку Батюшка.

Переубедить отца Кирилла в важных вопросах, по которым он вынес определённое мнение, было невозможно. Мы расстались с добрым нашим помощником. Подчинилась я и по вопросу о телевизоре.

Когда я училась в советском ВУЗе, у нас преподавали вопросы электронной техники. Ещё в те времена ученые и преподаватели, которые занимались этой темой, говорили нам в процессе обучения, что ничего хорошего развитие этой области человеку не даст. Наш преподаватель, который стоял у истоков этих разработок, говорил, что придёт время и разовьётся эта наука. Людям она никакой пользы не принесёт, но сделает их зависимыми от этой техники. Они очень многое от этого потеряют. Это страшный процесс, это будет порабощение человека. Началось с карточек пенсионных. Один мужчина приносил отцу Кириллу карточку пенсионную. Отец Кирилл сказал, что в ней пока ещё нет чипов, но скоро уже будут документы, в которых они будут. И это будет намного хуже.

Как-то раз ко мне приходит помощник ректора по представительским вопросам и говорит, что его ко мне Владыка направил. Оказалось, что Академии на данный момент отказали в оформлении виз иностранным студентам. Говорит, чтобы я взяла на себя этот вопрос. Ответила я на это, что у меня и так много работы! Но, почувствовав смущение, что его направил Владыка, я согласилась временно по благословлению. Пошла к отцу Кириллу и рассказала о своих сомнениях, получится ли у меня. Он улыбнулся и уверенно сказал: «Получится!». Так он иногда делал для подбодрения. Только по молитвам отца Кирилла я смогла в то время выполнять такой объём работ, который сейчас выполняют несколько отделов.

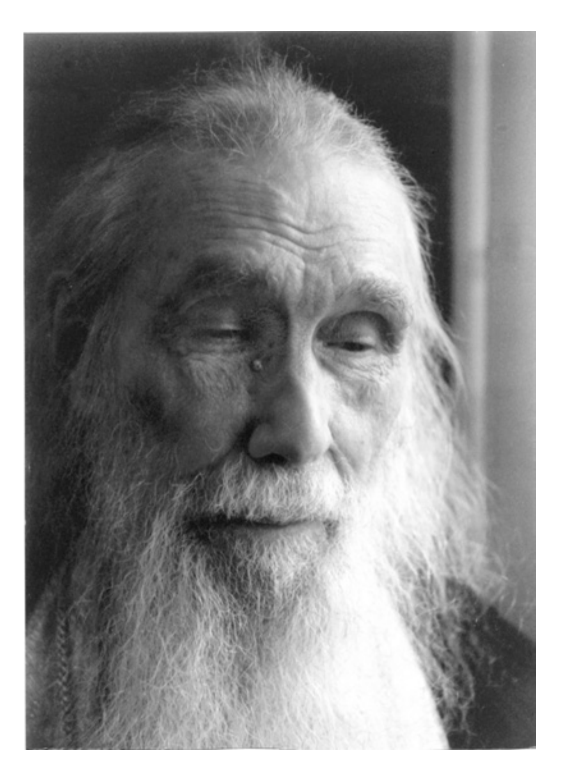
«Пусть никто не отчаивается в своем спасении, ведь примеры святых указывают нам, что люди всякого сословия и пола при разных обстоятельствах и условиях жизни достигли вечного блаженства. Не место спасает человека и не его положение, а одно только требуется: чтобы твоей работой и жизнью не нарушались требования совести и закона Божия.

Кто слушается закона Божия и своей совести, тот спасается, где бы он ни был и в каких бы условиях ни жил».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Так получилось у меня и с квартирой. Жилья у меня не было пять с половиной лет. Снимали мы жильё, а благословения уезжать у меня не было. Однажды в отчаянии я возопила к небу: «Господи! Ты же говорил, что кто оставит дом свой, отца и мать – тот будет дорог Тебе!.. А я никому не нужна здесь. Что мне делать? Дай нам с дочерью хоть какое-нибудь гнёздышко. Жильё, хоть маленькое». И сразу за этим неожиданно у меня вырвалось: «Отец Кирилл, помоги, поддержи нас! Помолись за нас!..».

Прошло немного времени, и как-то ко мне пришла знакомая старушка, попросила устроить на работу женщину. У неё



было крайне бедственное положение и на воспитании двое детей. Мне удалось ей помочь, и она мне была очень благодарна. И вот однажды она пришла ко мне и говорит: «Думаю, что я смогу помочь вам с жильём». Она сказала мне вариант. Он был немножко рискованным. Пошла я к отцу Кириллу и говорю, что ничего не могу здесь купить, так, как дорого. Всё подробно рассказала. Он долго думал, молился, потом спросил: «А эти люди тебя не обманут?». Я говорю, что вроде бы нет. Батюшка, подумав, сказал: «Ну, давай, Люба». И благословил решительно. Дом и соседи были трудными, пьянки, и всё такое прочее, ночами часто мы не спали. Им не нравилось, что я не участвую в их компании. Только по молитвам отца Кирилла я смогла преодолеть страх. Ведь у меня была дочь маленькая. Однажды ночью я услышала, что они ко мне собираются в «гости». Стала я молиться архангелу Михаилу. Одна из той компании подошла к моей калитке и ушла. Стала громко рассказывать собутыльникам, что у моей калитки увидела белого юношу и испугалась, категорически заявила: «Нет! Я к ней больше не пойду». Так по молитвам отца Кирилла я получила жильё и хочу в нём дожить до конца своих дней.

Дочь моя подрастала. Окончила лицей. Не понимала я ещё воли Божией, куда ей идти и что делать дальше. Поехала я в

Сусаново к Любушке. Она сказала, что пусть она пока школу закончит, а там видно будет. Так и получилось. Дочь училась и подрабатывала. Хорошо, что я могла советоваться с отцом Кириллом и по этим вопросам. С одной стороны, забота о том, что она должна выйти замуж, у меня была, но я всегда надеялась, что она будет монахиней. Спросила отца Кирилла. Он сказал, что нет – монахиней она не будет. Тогда я поняла, что надо внимательно следить за теми, кто ухаживает за ней. Отец Кирилл всё меня окорачивал: «Нет, нет, пусть не торопится». Видимо, он молился за неё. И это его слово «не торопится» уберегло дочь. Сколько лет Батюшка оберегал её и за неё молился. Она отказывала очень достойным юношам, и я расстраивалась. Дочь тоже стала ходить к отцу Кириллу и полюбила его, как отца, ведь она росла в неполной семье.

Был один очень опасный момент, когда даже некоторые, указывая на одного видного студента говорили мне: «Это ваш зять». Дочери тоже нравился этот видный юноша, заканчивавший уже обучение. Они встречались уже более года, но как-то «на стороне», в доме нашем он бывал очень редко. Стала я волноваться. Батюшки тогда в Лавре не было, он был на лечении, в Барвихе. Организовала я им совместную поездку туда, к отцу Кириллу. Сказала дочери: «Спроси Батюшку, будет ли он твоим спутником ...». Уж не знаю, как там этот юноша общался, но приезжает моя дочь из Барвихи с полным пакетом гостинцев. Довольная, сияющая...

– Ты спросила у Батюшки относительно юноши? – спрашиваю я её.

– Нет.

– Как же так?! Ради этого я устроила вам поездку.

Она мне в ответ:

– Мам, я как только Батюшку увидела, так и села у его коленочек. Слушала его и ни о чём больше не думала.

Ну, тогда я решила, что будет – то и будет. Прошло время, и я встретилась с отцом Кириллом. Спрашиваю его:

– Были мои дети? Какое мнение оставили?

Батюшка молчал. Он такой деликатный, не только как монах, но и как человек. Никогда он не поранит никого, особенно в деликатных вопросах. Никогда не заденет тонкую ткань чьего-нибудь самолюбия. Потом в ответ он устало посмотрел на меня и сказал:

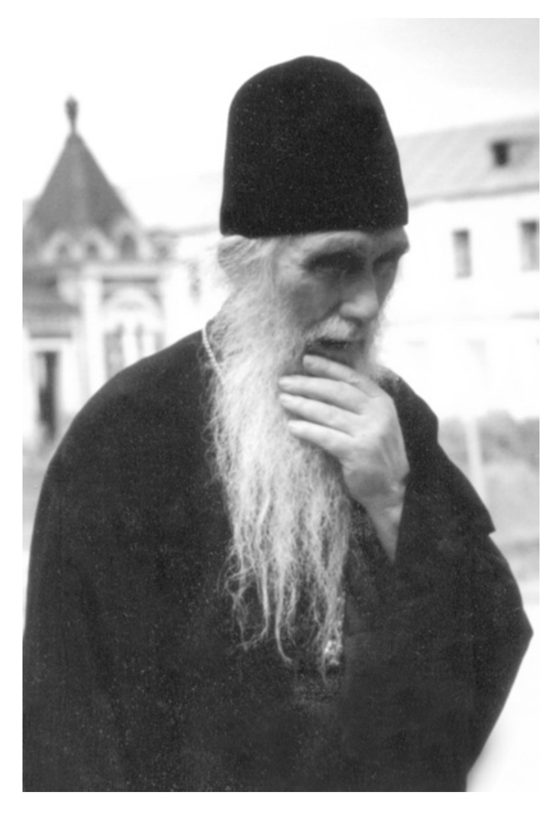
– Ты знаешь? А ведь он про неё ничего не говорил...

Получается, что «жених» был озабочен больше о себе. Пробыл у отца Кирилла больше 30 минут. Решил все свои вопросы, а дочь моя его совсем не интересовала. Оказалось, что он всего лишь красавец, любящий только себя и впечатление о себе.

Батюшка негромко добавил, предложил мне:

– Поговори ты с ним сама.

Попервоначалу я даже вознегодовала:



– Как же это? Ведь унизительно?

– Ничего тут особенного нет, поговори, – мягко повторил отец Кирилл.

Поговорила я с тем молодым человеком уверенно, так как опиралась на мнение и благословение отца Кирилла. Разговор произошёл легко и просто. Как хорошо, что я послушалась Батюшку и пошла на эту беседу. Благодаря этому быстро, без долгих переживаний и мучительных страданий одномоментным образом разрешилось всё.

Укреплённая благословением Батюшки, я спросила его «в лоб». Насколько ему дорога моя дочь? Серьёзные ли у него намерения по отношению к ней? Если – нет, тогда нехорошо занимать время у девушки. Девичий век короткий. Она может остаться ни с чем. Ведь другие, которым она интересна, не могут подойти к ней, потому, что считают её уже как бы занятой. Не хочу я того, чтобы дочь моя, потеряв и год и два... истратив массу времени и нервов, осталась одинокой. Он в ответ мне ничего не скрывал, не лицемерил, говорил откровенно. Так и оказалось, что по существу моя дочь ему не дорога, особо его не интересует. В основе своей он занят только своей персоной, самовлюблённый в себя видный красавец и больше ничего. С дочерью моей у него просто лёгкий роман, юношеское увлечение и не более того.

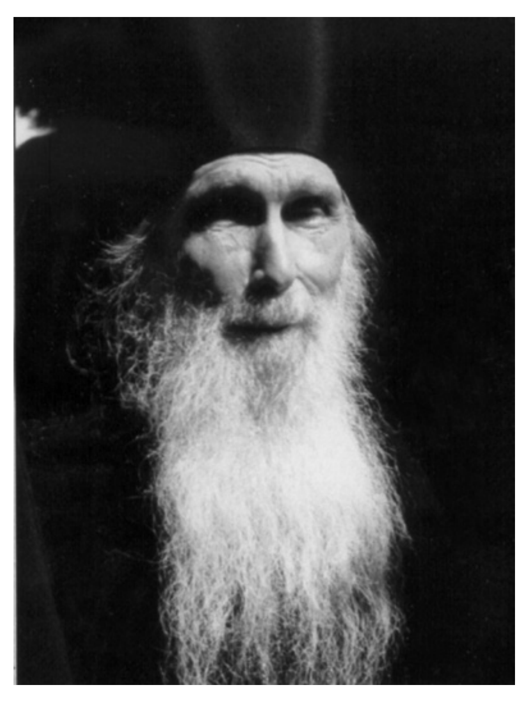
Около 1995 года очень было тяжело жить на квартирах и мне приходилось много переезжать. Мебель двигать. Произошло защемление нерва в позвоночнике. Мне предложили лечение в больнице. Пошло и уныние. Я позвонила отцу Кириллу. Удивительно. Когда мне бывало очень трудно, он всегда брал трубку. Говорю ему в отчаянии: «Батюшка, я инвалид!». Батюшка стал мне объяснять и рассказал, что у него тоже было такое. Мне нужен мануальный терапевт-костоправ. И вскоре через знакомых он прислал мне специалистку. Она мастерски размяла мне позвоночник. Но она оказалась проповедницей экстрасенсорики. Поведала я об этом Батюшке, и он категорически сказал, чтобы я отдала ей её лекарства и больше никаких процедур от неё не принимала. Необходимая польза произошла. Но нужно не забывать и о бдительности, быть на страже.

В рабочем кабинете я стала находить нитки сплетённые. Последнее время мы почему-то в коллективе всё время были в ссоре. Опять я обратилась к Батюшке. Он сказал: «Понаблюдайте, после кого нитки появляются?». Поняли, что всё от уборщицы. Отец Кирилл посоветовал её поменять, и всё наладилось. Батюшка предупредил нас, что с этим надо быть

поосторожней. «Мы, – говорит, – с одним архимандритом в поездке тоже приметили как-то. Смотрим, кости валяются, и тот местный архимандрит мне сказал твёрдо и уверенно, что это колдуны. Они есть и своё негожее дело делают. Будь осторожна».

К нам взяли одну женщину на высокую должность. Она в миру была на большой должности, хваткая. Быстро укрепилась она и продвинулась по службе. Стала наговаривать на других и на меня тоже. Нас к начальству вызывали. Поехала я к отцу Кириллу. Поделилась с ним своим горем. Он головой покачал: «Как с вами нехорошо поступили... Нельзя же доверяться наговорам». Этим Батюшка мне важные знания дал, опыт рассуждения передал. Стала я после этого уверенней себя чувствовать и поступать.

Другой случай подобный произошёл позже. Один сотрудник наш стал меня донимать, но не получив желаемого, оклеветал. Вызвал меня руководитель и сказал, что позвонил отцу



Кириллу и всё ему рассказал. В недоумении я говорю: «Почему вы это сделали? Отец Кирилл мой духовник, а не ваш. Я могла бы сама ему всё рассказать». После этого разговора долго переживала, а потом решила, что если Батюшка поверит им, а не мне, то уйду от него. Вскоре встретилась я с отцом Кириллом. Строго смотрел он на меня. Всё я ему поведала о происшедшем, встала на колени и сказала, что ничего с этим сотрудни-

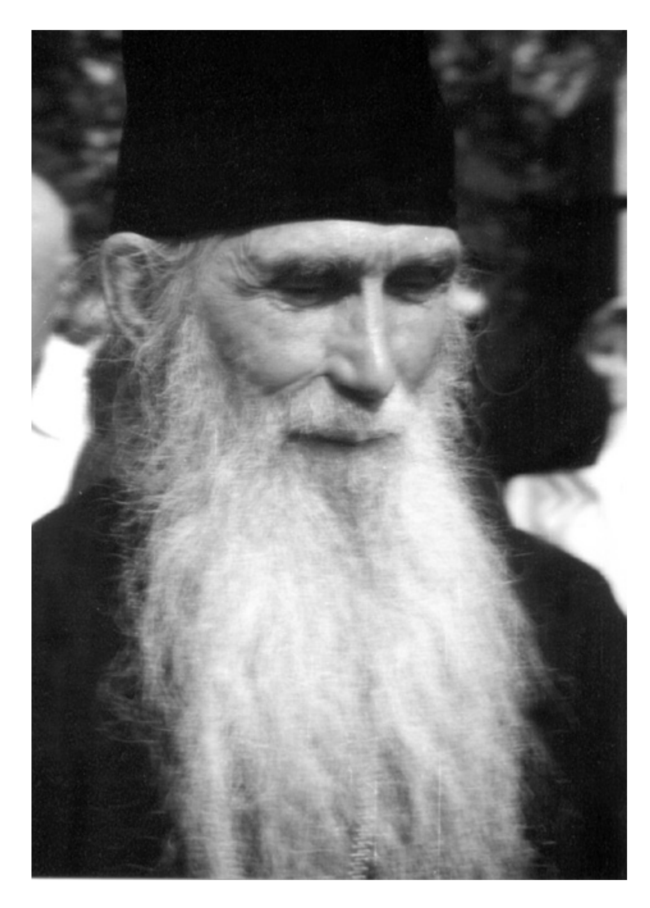
ком у меня не было. Он смотрел на меня, смотрел. Потом как рассмеётся! И я за ним. Пояснил:

— Это бес тебе отомстил, что не поддалась греху. Вот и наговорил на тебя, опорочил по-чёрному.

Он смеялся над бесом, и я с ним.

Как-то при мне, заканчивая разговор, отец Кирилл поучал одну женщину, что по-современному чересчур мы вольные стали. «Ты с мужчиной общайся с уважением. Он глава дома и семьи и положения над женщиной. Не надо унижать его самолюбие» – говорил он ей.

Это было в сентябре 2002 года. «Сливали» штаты наших двух организаций. Меня должны были сократить, а мою должность передать одной сотруднице из канцелярии. Меня стали притеснять. Места я себе не находила. Что делать? Как жить?.. Снится мне сон, что я в Лавре, иду в Трапезный храм. Оказалась в притворе. Там человек двенадцать, и среди них начальник наш. Отец Кирилл исповедует. Потом он пошёл в дверь, ведущую в дополнительную комнату. Тут я подошла, взяла у него благословение. Вижу, отец Кирилл раздаёт своим чадам белые кофточки. Сказала и я, что тоже хочу кофточку. Мне кто-то сказал, что она стоит 20 рублей. Вдруг Батюшка протягивает и мне кофточку с вышитой красной ягодкой. За плечики держит белую трикотажную кофточку. Говорит: «Это тебе». Дарит её мне. В карманах я стала поспешно искать деньги и набрала мелочью 20 рублей. Подумала, что хоть эта кофточка и не современная, и есть у меня похожие – эту я буду носить, ведь мне дал её отец Кирилл. Отдала деньги. Отходя к окну, я спросила у той, своей соперницы по службе, как мне с ней обращаться? Ответа я не помню. Потом мы выходили из трапезного храма и увидели монахов, идущих на трапезу. Как обычно, они заходили по двое и первые из них несли красивую посуду. Спрашиваю: «Где же отец Кирилл?». Она мне говорит, что он вышел другим входом. Вышли и мы. Внизу глыбы снега большие. Мы с той женщиной пошли в обход этих глыб по разным дорожкам. Я – к себе, а она туда, где работает. Таким образом, было зри-



мо показано, что разрешился административный спор наш между нашими отделами мирным образом и все будут едины, как братия идущая на трапезу любви, соединённые и покрытые заботой отца Кирилла, останутся на своих местах. Этим сном Батюшка сгладил все наши взаимные обиды, они улеглись. Ну, думаю, это хороший сон. Кофточка светлая, белая. Значит, всё будет хорошо. Красная ягодка – это маленькая капелька моих страданий. Утешилась, успокоилась я. Иду утром на работу, а навстречу мне та, моя соперница, которая работает в канцелярии. Укреплённая в духе от виденного во сне Батюшки, я доброжелательно её поприветствовала. Она тоже «растаяла», приветливо мне ответила. Вскоре чудесным образом распоряжение об объединении отделов было аннулировано. Так миром у нас всё и закончилось.

Один раз пришла я к главному бухгалтеру и говорю, что никак не могу найти документ. А он нужен срочно! Что делать? Вспомнила я, что Батюшка в таких случаях всегда учил читать молитву. И правда, я успела прочитать всего примерно треть

молитвы, отодвигаю валик дивана у себя в кабинете и вижу эту бумагу, которая провалилась в щель дивана. Вот это была радость! Скажите, каким, даже сверхсообразительным умом и памятью, можно было догадаться, что документ там? А молитвенное обращение к Богу за помощью – всё может! Сотрудница наша, когда оставила сумку свою с деньгами, телефоном и прочим на скамейке, где много людей ходит. Расстроилась она! Думала: всё пропало. Тоже, по совету Батюшки, стала читать молитвы. Через непродолжительное время ей звонит иеродиакон, сообщает ей: «Идите в охрану, там ваша сумка. Мне её передали». Вот, что значит следовать советам отца Кирилла.

В начале общения с Батюшкой мы обычно робеем. Как-то плечи согнём, присядем в уголочек, но по мере общения с ним происходит освобождение, облегчение души. Воспарение её. В разговоре с Батюшкой происходит невидимое действие. Он незаметно как-то расправляет наши плечи, как крылышки. И у человека вместо угнетения, появляется чувство возвышенное, лёгкое, радостное. Как только ему это удаётся?..

Отец Кирилл каким-то магнитом благодати Божьей привлекает к себе всех и ведёт потом за собой. Если он лежит в больнице, то рядом с ним обязательно собираются врачи, медсёстры, больные, все прилепляются к нему.

Привезла я к отцу Кириллу в санаторий Барвихи, монахиню Иоанну. Она была гонима, искала наставлений и утешения. Подвела её к Батюшке. Сама она сомневалась: «Что мне делать у него? Нет! Он мой духовный отец. Обо мне и ему, наверное, плохо донесли!». При встрече с ней отец Кирилл, видя её расстроенный, потерянный вид, раскинув руки вскричал: «Ой! Кто же ко мне приехал?! Мать Иоанна!!!». Та – в слёзы. Уткнулась в Батюшкину рясу, счастлива необыкновенно. Поговорили они. Утешилась она. Получила нужные ей определения, как ей поступать дальше. Бодрая и повеселевшая она уехала со мной от Батюшки.

Это было лет пятнадцать назад. Отец Кирилл был в отъезде. Скучали мы очень по нему, что давно его нет. И в Лавре

чувствовалось, было тягостное ощущение – тяжесть какая-то довлела. Но в один из дней вхожу я на территорию Лавры и чувствую – радость какая-то появилась, облегчение. У первого же встречного спрашиваю: «Не приехал ли Батюшка?» А мне в ответ: «Да. Вчера ещё приехал». Вот как! Так что сама душа ощущает его присутствие. К примеру, сейчас всё перешло в Переделкино. Мир и покой, состояние очень приятное, тишина. Потому, что отец Кирилл находится там.

Приехали мы как то туда же, к отцу Кириллу. Привезла я ему ландышей из сада. Сидели мы в комнатке и ожидали его. Он вышел и стал внимательно оглядывать людей. Спрашивал, как поведём беседу? При этом всё время смотрел на собравшихся. Протягиваю ему букетик, говорю: «Вот вам, Батюшка». Ожидала восторги его, похвалы. Вышло наоборот. Отец Кирилл преподал мне духовную науку. Как не надо выставляться впереди всех, не надо суетиться. Молча отодвинул мою руку, дав понять мне, и всем: мол, какие цветочки? Надо ценить время. Относиться к нему рачительно. У вас важные вопросы или нет?! Вы на серьёзный разговор приехали?..

«Дорогие, будем горняя мудрствовать, а не земная, Христос на земли – будем возноситься мыслями и сердцами на небеса, а не прилепляться к земному и не служить плотским похотям».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Монахиня Е. :

– Батюшка никогда, даже видом, не унизит никакого человека. Он всегда видит в человеке его душу и возвышает её. Вот, например. Тётя у меня была боевая, смелая, а мама нет. Так вот, тётю старцы благословили на монашество, а

маму на замужество. Я у отца Кирилла спросила, почему так? Он сказал:

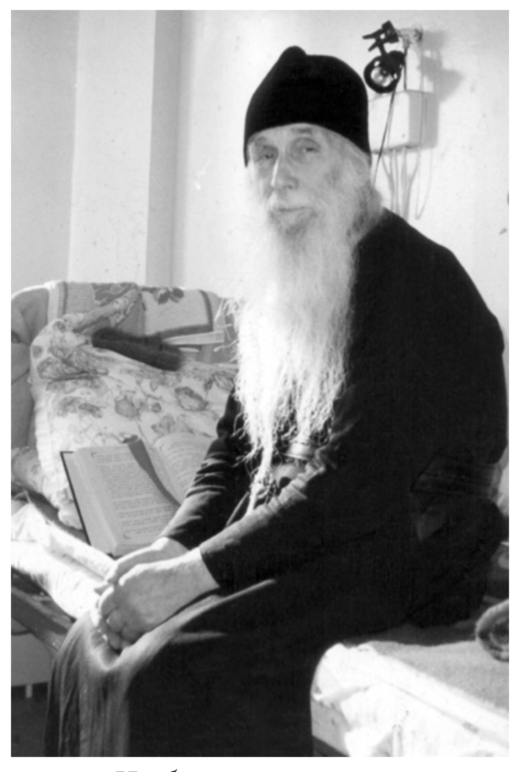
– Богу ведомо. Он лучше знает, где польза, а нам про то рассуждать не надо.

Потом обо мне стал говорить:

– У тебя три поколения молитвенники. И ты не оставляй молитву. Твоя молитва будет сильная. Поколение имеет весомое значение.

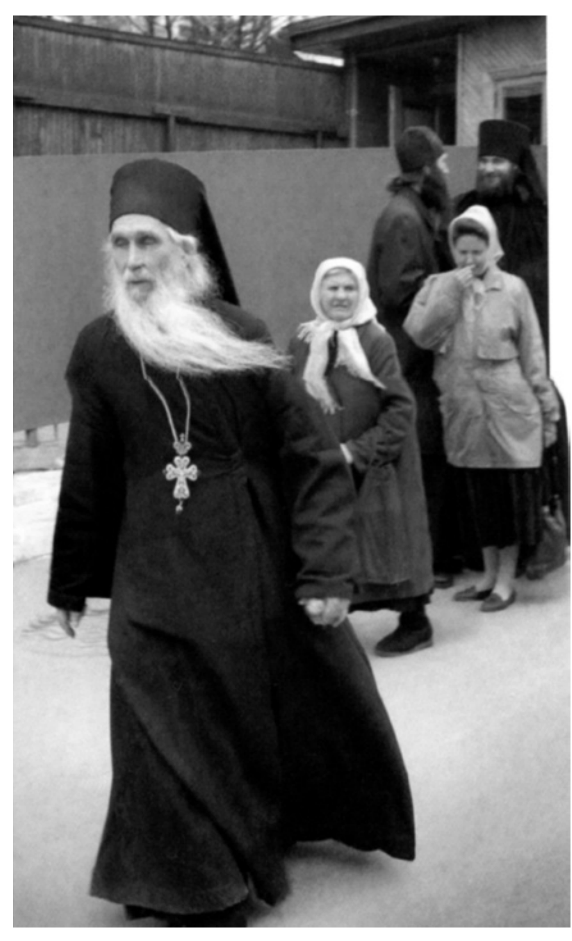
А где тогда было молиться-то? В России, как говорит отец Кирилл, главным образом надо возрождать самих людей, а не экономику и прочее. Не надо ставить телегу впереди лошади.

Как-то один Владыка навещал отца Кирилла в больнице. Рассказал потом нам. Все, говорит, работники больницы облепили его и с восторгом рассказывают ему про Батюшку. Рассказали, как приезжали к ним и из правительства три человека. Двое Батюшку знали и общались с ним до этого. А третьего они привезли, чуть ли не насильно, чтобы он только посмотрел на отца Кирилла. Тот был некрещеный, по дороге артачился: «Что мне там делать-то у этого старика?», говорил он. Они его почти силой ввели. Немного побыл тот и ушёл. Другие остались, продолжили разговор с Батюшкой. Вдруг тот



На больничной койке.

третий как закричит. Не может уйти, не может идти по коридору к выходу. Кричит: «Ведите меня к старцу! Что он со мной сделал?!». Упал на колени, двигаться не может. Его подняли, вернули к отцу Кириллу. Он грозно спрашивает: «Что вы со мной сделали?! Как мне теперь быть?». Отец Кирилл ему кротко ответил, что первое – надо покреститься в Православную веру, чтобы Господь осветил вашу жизнь и, чтобы вы были истинным христианином. Потом постарайтесь ещё прийти ко мне». Через пять дней тот, высокий чиновник из правительства, не побоявшись репрессий со стороны своих однопартийцев-атеистов, покрестился. Вот как сильно влияние, убедительность у отца Кирилла. В молитвах Батюшка просил Бога обратить внимание на этого человека, и тот изменился в один миг. Стал потом ездить к отцу Кириллу...



У братской проходной.

Приезжали к Батюшке два профессора поздравить его с днём Ангела. Привезли огромную корзину роз. И эти два профессора говорят: «Батюшка наш дорогой, сколько мы учились. Мы думали, что мы учёные, мы умные, всё знаем, мы, мол, – профессо-

Служба с Патриархом Пименом.
Архимандрит Кирилл третий справа. 1975 г.

ра. Но поняли через вас, что мы – профаны! Вы нам дали разум и ум. Мы оценили, что вы дали нам главное в этой жизни. Привели нас к вере, к познанию Бога. Это выше всех прочих учений. Мы благодарны вам, Батюшка. Теперь мы поняли, где главные истины. Мы чрезвычайно признательны и благодарны вам за то, что вы привели нас к этому». Батюшка, конечно, стал их разуверять в своей значимости, посмеиваться над собой. Они почтительно поклонились, поблагодарили и ушли.

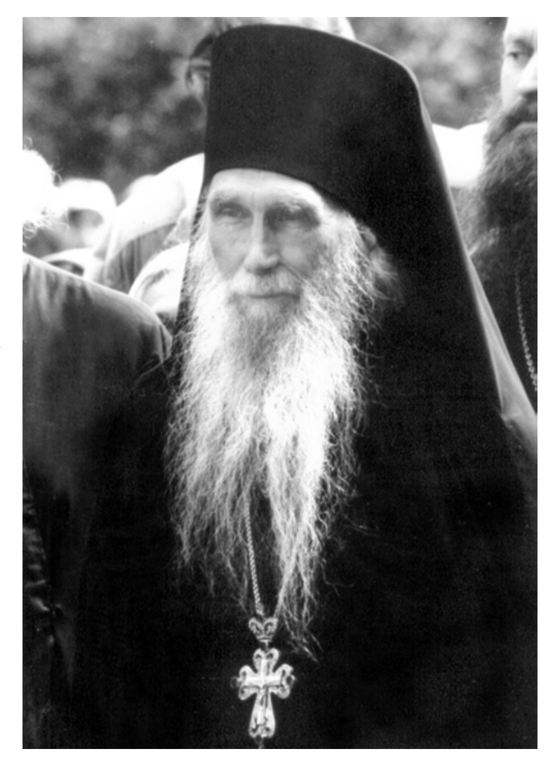
В Лавре отец Кирилл тоже немало претерпел. Люди разные приходили к отцу Кириллу. Попадались и совсем другого духа, их специально подсылали, чтобы загасить наш светильник веры. Нашего дорогого Батюшку хотели из Лавры и на Афон сослать. Патриарх Пимен не дал его отправить. Много было напастей на отца Кирилла. Говорить приходилось порой с ним тихо, осторожно, потому что везде его прослушивали. Недобрые люди всячески пытались очернить его, разными способами. Как в своё время архимандрита Тихона (Агрикова) опорочили и изгнали из Лавры. Доставалось Батюшке и за нас, прихожан его.

Был, к примеру, был здесь такой о. А. Однажды он при всех, усмехаясь, сказал: «У отца Кирилла все чада – дураки». Батюшке это передали. Отец Кирилл не стал спорить с обидчиком, доказывать обратное. Разведя руки в стороны, видимо, соглашаясь с обидчиком, кротко ответил: «Ну, что ж, какой я сам, такие у меня и духовные чада!» С тех пор обидчик перестал такое говорить, а вскоре и уехал из Лавры. Никто не знает, что с ним и где он теперь. Вот какой пример смирения преподал нам скромно, без позы наш духовник. Его ударили по щеке, а он кротко подставил другую щеку. Как и учил нас Господь.

Обычные люди, когда на них что-то обрушивается, какие-то невзгоды, потери, человек замыкается, становится молчаливым, жёстким, скупым, закрытым, а отец Кирилл вёл себя так, как будто ничего у него не случилось, как будто его это не трогает. А ведь очень трогает, он очень переживает. Но не подаёт никогда виду. Всегда всех принимает, с любовью, проявляя большое человеколюбие, доброту, участие. По его подвигам ему дана такая сила духа, что он может справиться с любыми невзгодами. Напрочь перечеркнуть все свои обиды, беды. Никто, никогда не узнает, что с ним происходит при этом, как будто у него всегда безоблачное существование. Он очень сильный, и поэтому с ним очень легко, надёжно. За ним, как за каменной стеной.

Нам часто не хватает общения. Никто нас не хочет слышать. Это главная сейчас беда. Но когда и священники отталкивают, им некогда, тогда это – катастрофа! Вот между собой, замечаешь, священники охотно беседуют, не жалеют времени для этого. Разве это правильно? Общение у священников, монахов тем более, должно быть не замкнутым внутри своего круга, не только через разговоры друг с другом, но главным образом на нас обращено. Через нас, через мирян, они должны спасаться. В наше разобщённое время надо больше иметь любви ко всем. Это и есть совершенство духовное – его трудно достичь. Отец Кирилл этим обладает. Как бы он ни был занят, в усталости, даже в болезни, никогда не отвергнет человека с

его нуждами. Поступает, как положено священнику, монаху. Ко всем по-отечески внимателен. Поэтому мы, не сомневаясь, с открытым сердцем, когда нам трудно, тяжело мы всегда бежим к Батюшке. И он всегда нам помогает.



Батюшка всегда утешает нас и настраивает на доброе. Всегда идёшь от него и не чувствуешь земли. Вот какое облегчение встреча с ним всегда даёт. Он говорил нам: «Не тужите и будьте бдительны». А ещё: «Никого не осуждайте, всех любите и от всех бегите». Мудрость духовную надо иметь, осторожность, молитва должна быть. Духовная жизнь – она ведь очень сложная, надо быть очень мудрыми, враг сейчас очень жестоко нападает.

Сейчас наблюдается духовное падение повсюду, даже на церковных приходах и в монастырях. Суета, многозаботливость, тлен, что страшное – духовная немощь, одолевают нас всех с чудовищной силой. Так в день именин отца Кирилла нам с отцом Лаврентием не разрешили пропеть «Многая лета» Батюшке. Это что такое?! Одна дама, считающая себя «чадом», помощницей отца Кирилла, сказала, когда возникло его нынешнее состояние: «Нет, мучиться долго не надо Батюшке. Пусть лучше умирает сразу». Как это назвать?!.. Она кто? Распорядительница его жизни?..

Когда Батюшка ещё слышал, мы посещали его, я ему на ушко, которое лучше слышит, говорю: «Сегодня 11 мая!». Он открыл глаза и заулыбался. 11 мая – день смерти моей мамы, и я его приглашала каждый год на кладбище панихиду служить. И он это до сих пор помнит!..

При последней встрече ещё в Переделкинском храме, отец Кирилл нам проповедь сказал. Напомнил из послания к Тимофею апостола Павла: ***«Выше всего любовь, любите друг друга».*** Потом потихоньку нам сказал: «Наверное, в последний раз я с вами, больше мы не увидимся». Он знал, что будет с ним. Батюшка наш – мученик. Как и положено мученикам, он находится в ненависти у злых духов. Они истязают его за наши грехи, и мы ничего мы не можем сделать. Страданиями таких мучеников, как муками Самого Господа, мы освобождаемся от адских мук. Они – вызволители нас из бездны ада.

(Тяжело вздохнув): – Больше таких Батюшек не будет...

«Господь в Евангелии говорит; **«Кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня».** ***Дорогие братия и сестры, что значит брать крест свой? Это значит идти тесным и скорбным путем непрестанной борьбы со страстями и похотями, с соблазнами мира, с искушениями диавола, терпеть случающиеся болезни, беды, напасти, гонения, изгнания и смерть, если угодно будет Господу послать это нам. Вся наша земная жизнь есть труд, болезнь, печаль и воздыхание, есть не что иное, как непрерывное несение креста, который слагается из разных печалей, скорбей и болезней, какие встречаются нам в нашей жизни, из всевозможных тягот, трудов и забот, которые обязан нести каждый как член человеческого общества. И вот, чтобы быть со Христом в Его славе, должно идти с крестом своим за Ним, должно подражать и уподобляться Ему как своему Господу и Главе. Не уклоняйся и ты, христианин, от Голгофы, от креста терпеливым перенесени-***

ем до конца всех неприятностей, огорчений и скорбей житейских, посылаемых от Бога».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Нина Павловна:

– Опоздала я на исповедь. 200-300 человек у отца Кирилла было народу, и я умудрилась опоздать при таком количестве народа. У Батюшки всегда было много народа. А тут – никого. Когда пришла на исповедь, Батюшка всех уже поисповедовал, всех отпустил. Он уже снял поручи, епитрахиль, и тут «здрассте», я подхожу к нему. Он увидал меня и только с лёгкой горечью пожалел меня: «Ах, Нина, Нина». И смиренно снова надел поручи, епитрахиль и пошёл меня исповедовать. Не сказал, чтобы в другой раз приходила, а кротко, преодолевая свою усталость, немощь, вернулся к аналою. Безропотно, без возмущений, без укоров, ворчаний, как истинный пастырь, терпеливый к любым выходкам своих овечек. И исповедовал долго, обстоятельно, подробно, как любящий отец.

Мат. Любовь:

– Поначалу я у архимандрита Тихона (Агрикова) окормлялась. Ещё не замужем была. Подхожу к отцу Тихону, и он мне говорит (мне было 22 года): «Тебе Божье благословение замуж за Николая». Так удивилась я, так обиделась, потому что перед этим приезжала из Иерусалима игуменья, и она набирала в Иерусалим. И тогда подошла я к отцу Тихону и говорю:

– Батюшка, благословите, я поеду в Иерусалим. Матушка набирает, я согласна.

Отец Тихон и говорит мне в ответ:

– Вот будет тебе 30 лет, придёшь ко мне, и тогда будем разговаривать.

А тут, после этого разговора, вдруг отец Тихон мне говорит:

Архимандрит Тихон (Агриков). 1964 г.

– Тебе замуж.

Оказывается, будущий супруг мой, тогда ещё семинарист, а потом священник Николай расспрашивал про меня отца Тихона. Тот, помолившись благословил нас на венчание, на счастливый для нас брак.

И после окончания Семинарии мы с о. Николаем, моим супругом, продолжали ездить в Лавру молиться. Он служил в Удельной. Когда отец Тихон покидал Лавру, то сказал нам идти окормляться к отцу Кириллу.

Отца Тихона (Агрикова) из Лавры отчислили, перевели его в Закарпатье. Поехав туда к нему, мы сказали ему, что не сможем ездить часто так далеко. Какие-то жизненные вопросы нужно срочно решать, к тому же нам надо исповедоваться, причащаться... Скажите, у кого нам исповедоваться? Отец Тихон долго думал, молился, и сказал: «Ездить будете на исповедь к отцу Кириллу в Лавру». Отца Кирилла внутренне мы давно почитали. И когда отец Тихон сказал, что исповедайтесь у отца Кирилла, здесь уже не было ни сомнений, ни удивлений. Мы чувствовали, что это один дух, отца Тихона и отца Кирилла. Мы уже внутренне были немножко подготовлены и самими событиями, и тем, что знали, как они близки были друг другу ещё с сороковых годов, с Семинарии. Кроме того, мы видели воочию, что у нас в Лавре два старца: отец Кирилл и отец Тихон. Это не надо никого и спрашивать. Все так считали. Зайдешь в Трапезный храм и сразу видишь: у всех очередь на исповедь небольшая, но у этих священников

много, плотно народ стоит. Немножко какие-то вопросы были, мы не знали, как отец Кирилл будет нам отвечать на них. Но быстро эти тревоги исчезли, и мы к нему настолько привыкли, как к отцу родному, бежали к нему.

Отец Кирилл очень прост и доступен. Подойдёшь к нему после Всенощной и скажешь, что надо поисповедоваться. Он ответит: «Пойдёмте, пойдёмте». И ведёт в комнатку «посылочную». Батюшка настолько добр и любвеобилен, что сначала нас примет, потом братию.

Жили мы неблизко. Приход наш был не на севере Московской области, а на юге. Возник вопрос о переходе мужа, отца Николая, поближе к Сергиеву Посаду, к Лавре. И этот вопрос, переезд, мы согласовывали с отцом Кириллом. Мы из Удельной переехали в Хотьково, обменявшись домами. Надо было дом освящать. Пригласили для этого отца Кирилла. Он приехал, своей рукой нарисовал крестики, освятил дом. Батюшка бывал у нас часто на праздники, когда ещё не был открыт в Хотьково монастырь в честь преподобных Кирилла и Марии, родителей преподобного Сергия Радонежского.

Всегда очень поражало, что отец Кирилл всех нас помнит. Он порой с таким количеством народа шёл, так загруженный, и Батюшка каждого помнит, не только по имени, но и проблемы все его, каждому отвечает, будто вчера расстались.

Большой праздник был, я приехала в Лавру с отцом Кириллом посоветоваться. Смотрю, он идёт, а за ним толпа народа, думаю: «Не буду мешать, подходить к Батюшке, потому что он загружен. Неотложных вопросов у меня нет, чтобы прерывать его». Слышу, он кричит мне.

– Матушка, подойди сюда.

Подошла я, благословилась, и он меня сразу спрашивает:

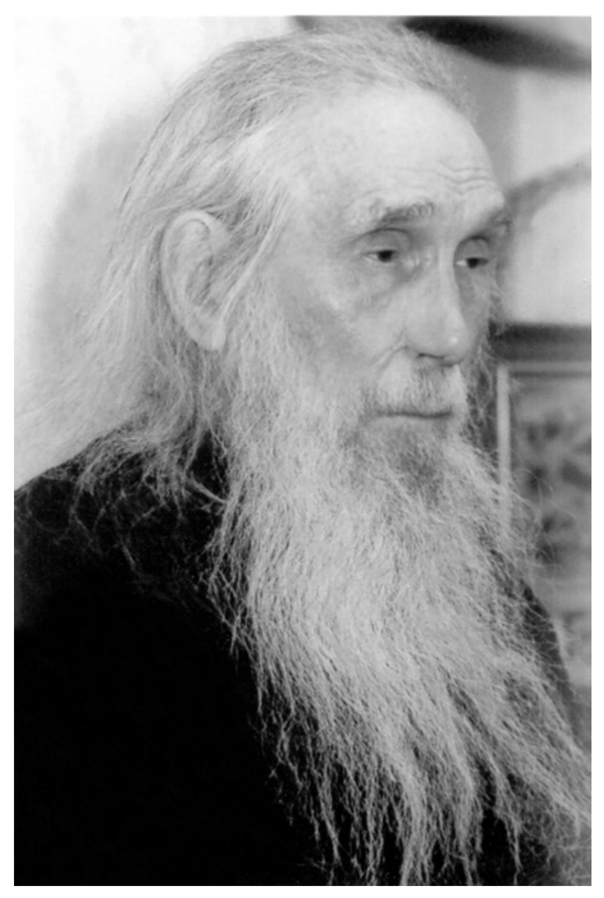
– Как Вера, расскажи, как Вера?

Меня так это тронуло. Столько много людей около него, а он помнит, что моя Вера находится в дальней поездке.

После Вера говорит мне:

– Мам, иду я с сыночком по Лавре. Смотрим – Батюшка идёт и тоже, окружённый, как всегда людьми, зовёт меня. «Верочка, иди сюда, пойдём». Сразу нас в посылочную завёл. Стал беседовать, всё расспрашивать.

Понимаете? Отец Кирилл всегда за каждого болеет душой, за каждого человека. Мы думали, что нас очень много, и он может нас забыть. Нет. Батюшка никого не забывает никогда и в бедах, и в горе. Например, даже к Чаше, когда мы подходим, нас такое множество, а он каждого нас поимённо называл. Мы так все к этому привыкли, избаловались, что никто из нас имена свои и не говорил. Отец Кирилл каждого, сколько бы нас ни было, назовёт, каждому особо улыбнётся, каждого причастит так, что другие прихожане радовались и завидовали нам. Удивлению не было предела, – как Батюшка всех любит и как все Батюшку любят. Так любят, просто жертвенно любят.



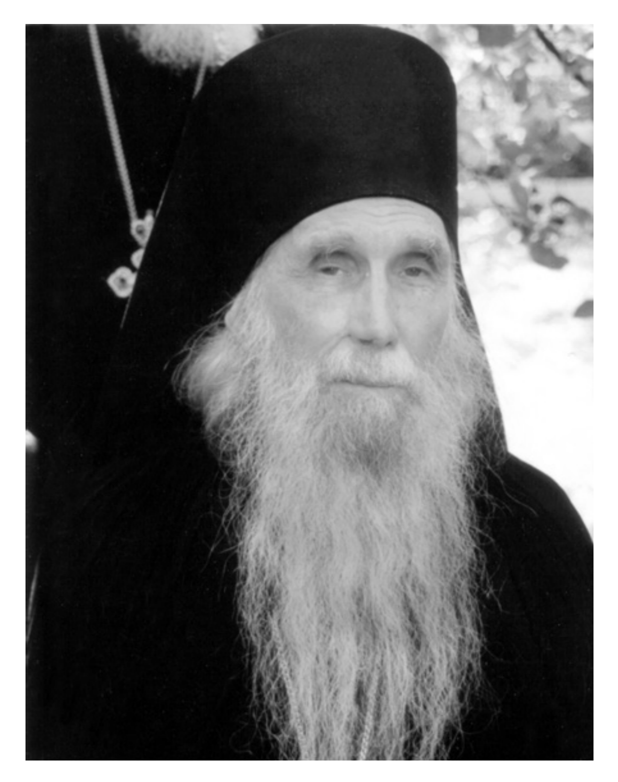
Помню, когда отец Кирилл заболел, и его на юг лечиться отвезли, мы скорбели о нём. Потому ещё, что узнали о том, как ему там хуже стало. Батюшке было тогда очень плохо. Помню, в Лавре тогда особо часто стали поминать о здравии

болящего архимандрита Кирилла, и помню, как весь народ в храме при этом упал на колени, и такое было всхлипывание!.. Все упали на колени. Все так плакали. Это было в Успенском Соборе. Мороз по коже, невозможно было удержаться, чтобы не заплакать вместе со всеми, это просто надо слышать и видеть...

Когда отец Кирилл вернулся в Лавру, мы, конечно, все обрадовались. Такая радость, ликование было у всех!

На ближайшей же службе я подошла на исповедь к Батюшке и покаялась о том, что во время болезни его потеряла веру в милость Божию. На молитвенном правиле настойчиво просила, даже как бы требовала от Бога выздоровления Батюшки. Всегда же согласовываться с Волей Божией надо. Нельзя выпрашивать ничего у Бога, а тем более настойчиво. Говорю об этом отцу Кириллу: «Батюшка, простите меня, это, наверное, какое-то отчаяние на меня нашло, что я так досаждала Господу». Отец Кирилл промолчал в ответ, так ничего мне сначала и не сказал. Поначалу я была в недоумении, но видела, что он неодобрительно к этому отнесся. Склонил голову вниз. И не было у него той радости, улыбки, когда он слышал про хороший поступок человека. Такое впечатление сложилось, что он не столько печальный был, но такой не очень радостный от услышанного.

Знаете, в жизни разные были вопросы. Вот сыну, например, пришла повестка. Сразу же – тревога, что делать?.. В это время война была в Афганистане. Первым делом я поехала к отцу Кириллу. «Что делать, Батюшка?». Никаких советов, как конкретно поступать, Батюшка не предложил, а поставил рядом с собой и начал молиться. Долго мы молились о том, чтобы Господь всё управил. Благословилась я перед уходом. Вроде бы отец Кирилл видимым образом меня не поддержал, не разволновался со мной, не предложил увести сына от армии, но у меня уже другое внутреннее состояние было. Вот что значит при трудной ситуации не впадать в истерики, не принимать поспешных решений, а первым делом идти за советом к ду-



ховнику. Получать от него определение в нужных действиях, получать благословение и исполнять указанное им. Не стала я искать путей отвода сына от службы в армии. Послушалась Батюшку. И вера в Батюшкины молитвы не иссякла во мне, а наоборот ещё более укрепилась во мне. Сын не отстранился от службы, его послали служить в мирные места.

В армии, по молитвам Батюшки, хранил сына Господь. Однажды офицер сорвал крест и цепочку с сына. Но на следующий же день сын снова был с крестом на шее. Сам сделал его из кусочка дерева и привязал на толстую верёвку. Тогда доложили выше, политруку. Тот видя такую настойчивость и узнав, что сын никуда не ходит в увольнения только в храм, (один раз он ездил без разрешения. Поймал попутку в Пасху, убежал по существу. Дезертир! Всё, дело подсудное. Слава Богу, его никто не задержал. Бог миловал!), политрук призадумался, как быть? Человек он оказался умный и душевный. Решил вначале поехать к родителям солдата, вместе с ним.

В один из вечеров смотрю, машина подъехала к дому. Вышла, спрашиваю: «Кто это?» А мне в ответ голос сына: – Мам, открой, это я.

Обомлела я, перепугалась, спрашиваю:

– Ты что, дезертир? Ты что, убежал из армии? Я тебя не пущу, возвращайся обратно.

Сын в ответ засмеялся и говорит:

– Что ты, мам, я с политруком в гости. Он специально со мной приехал.

Перепугалась я ещё больше поначалу, потом, разобравшись, очень возрадовалась, от осознания того, мимо какой беды Господь провёл моего сына. Ещё и за то, что у нас есть такие мудрые офицеры, тем более политруки.

Когда мы поговорили, сын мне тихонечко шепчет:

– Мам, мне нужно до нашего отъезда, очень рано, в пять часов, как-то от политрука убежать к отцу Кириллу. Хочу у Батюшки благословение взять. Рассказать ему, как у меня дела, вопросы кое-какие решить. Я говорю: «Хорошо. Я тебе тихонько, чуть-чуть постучу. Ты тихо встань, чтобы он не слышал, и пойдёшь в Лавру».

Договорились. Всё так сделали. Сын только встал, стал одеваться, а политрук сразу вскочил: «Ты куда?».

Сын растерялся, говорит:

– В Лавру, мне нужно к отцу Кириллу. На немножко, и домой приду.

Политрук не согласен. Твёрдо отвечает ему:

– Нет, я должен быть с тобой. За тебя головой отвечаю. Где ты, там и я должен быть рядом с тобой.

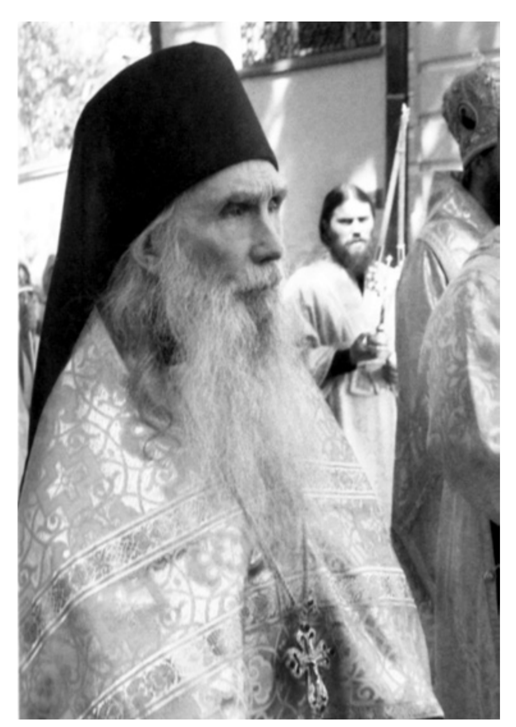
Они оделись и ушли.

Когда приехали, отец Кирилл принял их. Спрашивает офицера: «Вы верующий?». Тот ответил: «Нет». Батюшка не стал переубеждать его, не читал ему никакой лекции о пагубности неверия. Просто повёл их по Лавре, показывать и рассказывать про монастырь. Были и в археологическом кабинете. К просфорникам заходили. Общались по пути с братией... Потом Батюшка поговорил с сыном и немного с политруком, мягко, на общие темы. С тем и разошлись. Политрук уходил от Батюшки, как от отца родного, с неохотой. И тогда же, на

обратном пути, когда они уезжали, политрук сказал нам: «Я уже почти верующий».

И что вы думаете? Сын мне написал в письме, что когда вернулись в часть, тот политрук в газете такую статью написал! Как был в Лавре, видел старца, братию... Всё с восторгом описал. И после этого крестился и тоже носит теперь на себе крест. Вот вам пример. Старца просто увидят люди, чуть поговорят и обретают веру.

Много лишнего отец Кирилл не говорит. Он передаёт всем столько, сколько тот может вместить. Большего Батюшка не говорит. Спросишь его, он с улыбкой, с любовью скажет столько, сколько надо и сколько выполнишь. Мы какие? Конечно, как дети, с молочными зубами в духовной жизни. Он не даёт очень больших нагрузок. Больших молитвенных правил неокрепшим не назначает. Всё даёт понемножечку, как детям. С отцом Кириллом у многих вся жизнь связана. И у меня тоже. Каждый почти поступок мой с ним согласовывался.



Бывали некоторые приятности. Не только отец Кирилл нам старался чего-нибудь подарить, но и нам тоже хотелось. Землянику, как увидим, продают – первую же баночку не домой детям несём, а через проходную к отцу Кириллу. Он в это время исповедует или беседует с кем-нибудь. Поставлю банку и шепну: «Батюшка, простите меня, я побежала». Отец Кирилл улыбнётся, эту банку откроет, понюхает благо-

вонный запах, благодарственно кивнёт. И всё! Летишь домой, как на парусах. Забежишь, ещё купишь для детей и на работу. Понимаете, вот какая любовь у нас всех была между собою. В свою семью не несёшь, а сначала Батюшке. Знаешь, что он тут же раздаст это другим, и всё равно, ему – первому.

Муж мой, отец Николай, хоть и сам священник, но очень предан был Батюшке. Если отец Кирилл что сказал, он в этом не сомневался. Всё в семье решал и всё делал, как скажет духовник. Никаких сомнений не было ни у него, ни у меня.

Идеализировать нам себя не надо. Все мы непослушные, своенравные. Вот и мне однажды показалось, что не хочу я так поступить, как отец Кирилл сказал. Решила я написать про возникшую проблему отцу Иоанну Крестьянкину. Он мне в ответ пишет, что такой совет даёт: поступай так, так и так. И что вы думаете?! Объяснил точно так, как сказал отец Кирилл! Почти слово в слово. Поняла я, что старцы говорят так, как Господь их благословляет. Одного Хозяина слушают. Это для меня было очень большим уроком в жизни. Даже расплакалась я от такого вразумления мне. Укоряла себя: «В Лавре мне сказал отец Кирилл. Нет, не по мне! На вот, обратно получай то же самое, настырная». Господь показал, как не надо себя вести.

«Если же прелесть и суета уже прокрались в душу, или гордая или тщеславная мысль, или корыстолюбивое желание, или сладострастное похотение, то необходимо немедленно воспротивиться им, подавить и умертвить их здравым рассуждением и сердечной молитвой к Господу нашему Иисусу Христу и к Пречистой Деве Марии. А если случиться, не устоять, против обольщения и пасть, если душа омрачиться скверной греха, тогда нужно омывать скверну и очищать душу слезами покаяния».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Батюшка был частым гостем у нас на праздники. Мы сначала чаю попьём, поговорим на духовные темы. Старшая доч-

ка у нас играла на пианино. Мы вместе пели псалмы. Отец Кирилл очень любил подпевать нам: «Житейское море», «Мой Бог», «Мамочка», «Два ангела парили над грешною землёю», «Господи помилуй, Господи прости», «Самарянка»... У нас была целая тетрадь, и мы изредка порой долго пели. Неохотно он уезжал. Думаю, что не от того, что ему хотелось попеть, а хотелось помочь нам в воспитании детей, побольше открыть их сердца, приучить к благозвучному песнопению.

Один раз о. Николай говорит: «Давай я позову к празднику отца Кирилла». Ставлю ему условие, чтобы только одного Батюшку привёз. Не брал никого больше из братии. Хочу только с ним одним поговорить и пообщаться. Если ты кого-нибудь ещё возьмёшь, то я буду очень на тебя обижаться. Он сказал, что тоже так хочет.

Утром о. Николай уехал. Приезжают они, и вместе с отцом Кириллом приехал отец Евсевий. Склонила я голову вниз, о. Николай оправдывается: «Прости. Я шёл к отцу Кириллу, а по коридору ходил отец Евсевий. Он исполнял тогда обязанности наместника. У него Батюшка, видимо отпрашивался, что к нам поедет. Тот мне сразу говорит: «Ты за отцом Кириллом приехал? И я тоже с ним поеду». Ну, как я мог отказать?».

С отцом Кириллом легко и проблем не возникало.

Один раз о. Николай рассказывал, как зашёл в Алтарь, посоветоваться с Батюшкой о проблеме на приходе. Отец Кирилл стоял, а рядом отец Косьма. Когда пришедший рассказал о своей проблеме, стал ждать. Батюшка улыбнулся и говорит: «Отец Косьма, давай вместе подумаем, как эту проблему разрешить?». Они вместе подумали и сказали. Вот какая скромность, боязнь выделиться перед другими и смирение у Батюшки, что он не сам дал ответ, а пригласил для этого, посоветовался с о. Косьмой.

У нас так было в семье. Что я своим детям говорила: «Вы мне можете ничего не говорить, но всё говорите отцу Кириллу. Как он скажет – так и делайте». Родители могут чего-то не увидеть или не понять.

Однажды мы идём с о. Николаем на Сергиев день, и навстречу отец Кирилл в окружении людей идёт. Говорит нам:

– А ведь у вас скоро свадьба будет.

– Какая?

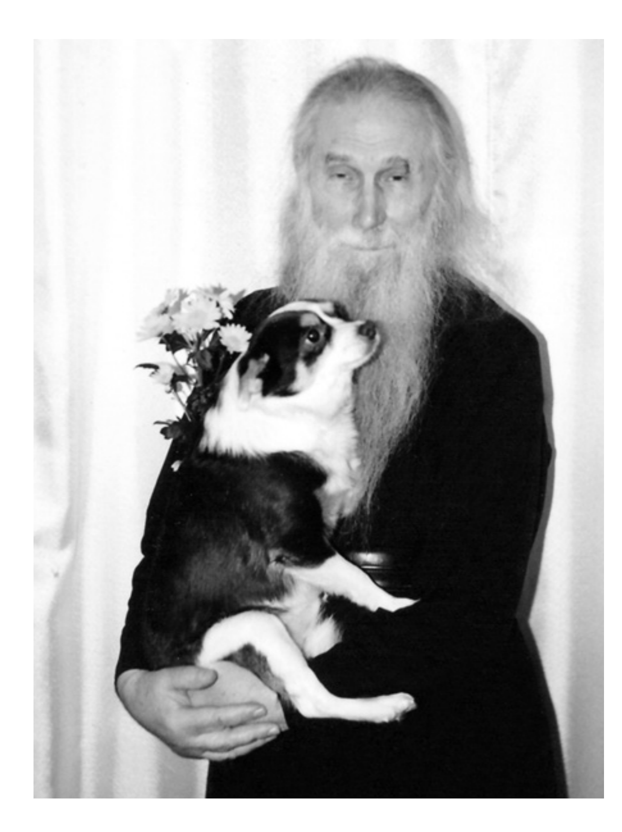
– Надя ваша замуж выходит.

– Правда, Батюшка?

И точно. Вскоре это и произошло.

Всё мы делали только по его благословению. Что бы Батюшка ни сказал, начинаешь исполнять и удивляешься, как легко, мирно всё получается. С пользой и для души, для спасения, мы это чувствовали. От этого во всех делах и трудностях у нас сохранялся покой. В службе, работе, в семье были всегда уверенность, мир и покой. Потому что мы всегда чувствуем эту опору – помощь, молитвы отца Кирилла. Это, конечно сокровенное, сердечное, но чувствуешь, что сердца наши связаны незримой нитью. Настолько глубоко, настолько дорого и тайно это, но ты знаешь об этом, что есть, существует связь между тобой и Батюшкой.

Одна история меня очень тронула. Отец Кирилл кушал за столом. Смотрю, он рыбку, сыр берёт и тайком в карман рясы кладёт. «Почему он так делает? – подумала я. – Ведь, если надо, то я в пакетик ему соберу и не надо так таиться». Оказалось, что когда Батюшка входил с несколькими братиями Лавры, он заметил, что в доме не было нашей собачки. Когда он приезжал, то я выпускала её во двор на целый день, чтобы она нам не мешала. Целый день я в этот раз готовилась к приезду гостей, и честно говоря, собачку не кормила. Засиделись мы в этот вечер. Уже за полночь вышли из дома проводить гостей. Дождь. Ливень во всю хлещет. Все быстро, перебежками подбежали, сели в машину, а отца Кирилла нет! Братия заволновались. Первый час ночи, в Лавру не пустят! Где ночевать тогда? Пошли в поисках по двору, и нашли Батюшку. Стали зазывать в машину. А он, вымокший до нитки, ни в какую не идёт, не садится в автомобиль. Ходит по двору, призывно чмокает губами, зовёт:



– Тузик, Тузик!..

И протягивает в руке те самые кусочки рыбы и сыра, что меня грешным делом смутили за столом.

Смотрю, вылезла наконец откуда-то из убежища и бежит к Батюшке моя собака. Виляет хвостом от удовольствия. И дождь ей нипочём. Ест с его руки заготовленную для неё пищу. Отец Кирилл отдал ей всё, что взял со стола, улыбнулся и только после этого внял настоятельным просьбам братии, вымокший весь сел в машину.

Настолько Батюшка поразил меня своим поступком, что я какое-то время не могла ни о чём говорить. Вот какая у него совершенная любовь ко всем! Даже к животным. К тем, кого мы считаем низшими созданиями. Какая у отца Кирилла совершенная любовь – абсолютна. Он удивительным образом почувствовал, что моя собачка в этот день осталась голодной, и её надо покормить. Какая же это Любовь! Поистине – евангельская, божественная. Не только к людям, но и к животным. Может, кто-то на это посмотрел бы просто, ничего, мол, особого, а для меня этот случай до глубины души – урок. Вот как надо любить всё и всех, созданных единым Творцом!

«Неблагодарность и перед человеками есть самый грубый и нетерпимый порок, а неблагодарность пред Богом есть уже тяжкое, противоестественное преступление. Сама природа влечёт нас к благодарению своего благодетеля. И безсловесные животные, и дикие звери выражают, как могут, свою благодарность к благодеющему им человеку. Если наша природа влечёт нас выражать благодарность человеку, оказавшему нам своё благодеяние, то во сколько раз больше мы должны выражать благодарность Богу, от Которого всё получаем!

И горы, и моря, и реки, птицы, рыбы, земля, воздух – всё служит по Божию определению к нашей пользе и наслаждению. Его божественная присносущная сила поддерживает нас и хранит нашу жизнь среди всего враждебного нам в мире. **Им мы живем и движемся** *(Деян. 17, 28)*. ***Не чувствовать всех этих неисчислимых благодеяний Божиих значит не сознавать самого бытия своего, не чувствовать собственной своей жизни, сделаться совершенно безчувственным камнем и безжизненным человеком».***

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Монахиня Тамара (Усачёва):

– Когда я устроилась работать в Лавре, то поначалу ходила ко всем священникам. Один раз к одному, другой раз – к другому. Батюшки заметили. Почему Таисия (моё так по-мирскому то имя) ходит по всем духовникам? Позвали: «Больше так не делай. Ищи себе духовника, а к нам больше не подходи ко всем. Ты у нас работница? Работница. Так и держи себе одного духовника». А я говорю: « Неграмотная я совсем. Как я могу своим умом выбрать себе духовника? Мне надо, чтобы душе спастись, надо кого-то поумнее». Они мне говорят: «Молись, молись». Я стала молиться, а у меня чудотворная икона «Скоропослушница». С монастыря ещё, когда я там работала, они мне благословили эту икону. Регентша и сказала: «Молись ей. Если будешь молить-

ся, она тебя никогда не оставит. И никому её не давай, пока жива». Вот и стала я молиться. Подхожу утром со слезами: «Матерь Божья, ну пошли мне духовника. Малограмотная я, уже ничего не соображаю. Кто мне мою душу может спасти? Не знаю, научи меня, найди мне духовника». Утром помолюсь со слезами, вечером попрошу. Молилась недели две и просила: «Царица Небесная, помоги, благослови мне». И представьте себе, вижу сон. В деревне будто я, где жила ещё маленькая. Гляжу, у нас большой двор был, ворота с востока вдруг открылись, и вижу – едет повозка, полная плетёнки. Раньше были такие, мякину возили все-все в деревне. И вот она целая повозка меду через складень. Я и говорю себе: «Как же так, плетёнка, и как же из неё не вытекает мёд?». На этой первой повозке ехал отец Тихон (Агриков). За ней вторая повозка едет, на ней другой священник. И вот гляжу: из нашей избы выходит матушка. Мне кто-то говорит: «Игуменья». Она мне что-то говорит, а я вижу, что ещё третья повозка едет. Те, первые две повозки проехали. На третьей повозке, едет отец Кирилл, и рядом остановился. Матушка вышла из дома, опять зовёт меня:

– Таисия!

– Да, – откликаюсь я. – Благословите, матушка!

Она мне в ответ:

– Купи у отца Кирилла мёду!

– Матушка, я так его много ела. Он мне так и не нравится уже больше.

Матушка настаивает:

– Пожалуйста, купи. Умоляю!

А я, негодница, поначалу спорю, потом соглашаюсь:

– Матушка, простите, куплю. Обязательно куплю.

– Помоги Батюшке, чтобы он вышел со двора.

И, представьте себе, я подошла, а плетёнка вот так мёда-то, через верх, а не вытекает никуда. Сунула я пальцы в мёд, а повозка поехала тут же без моей помощи. Стала я облизывать пальцы. Ой, какой мёд хороший, а я отказывалась! Обязательно куплю. А эта, третья повозка-то уже уехала. Я просыпаюсь и думаю, что теперь-то я знаю к кому пойду.

Отец Кирилл тогда уже был духовником всей Лавры. Он болел очень, и я к нему не решалась, не подходила, а очень его уважала. Когда он мимо идёт, я порадуюсь про себя. Мне приятно, и этого достаточно было. Благодарю Бога, что увидала его и всё. Благословение у него почему-то не брала.

Однажды иду по двору, за обедом пошла и вот говорю: «Надо спросить Батюшку, всё-таки он духовник Лавры. Пусть он мне найдёт духовника, к кому мне подходить». Иду, и отец Кирилл навстречу идёт.

– Батюшка, мне хочется вам вопрос задать.

– Пойдём.

– Да, хотя я ... Ну ладно, пойдёмте.

– Ну, говори, что?

– Батюшка, я хожу по всем духовникам, а меня никто уже не хочет благословлять, исповедовать. Говорят, найди себе духовника. А у меня нету. Неграмотная ведь я, Батюшка, из деревни. Не могу себе найти духовника. Надо же душу-то спасать. Как мне найти такого духовника?

Батюшка спрашивает:

– Ты с кем живёшь?

– С сестрой.

– А родители твои где?

– Отца убили на фронте, а мама умерла. Мы остались сиротами. Нас разобрали, шесть человек, кто кого разобрал. Я попала к своей тётке. Теперь живу вот на квартире со своей сестрой.

Отец Кирилл дальше спрашивает:

– Как мать с отцом звали?

– Воин убиенный Александр и Матрёна.

Подумав, отец Кирилл сказал:

– Теперь и я за них буду молиться. А тебя как зовут?

– Я грешная, ленивая, нерадивая Таисия.

– У меня, если хочешь, будешь исповедоваться.

– Батюшка, пожалуйста, мне вас так жалко, у вас и так здоровье слабенькое и вон сколько людей! – перепугалась я. – Да я ещё приду вас мучить. Может, другого кого найдёте? Мне вас жалко.

Отец Кирилл твёрдо говорит:

– Сегодня у нас будет исповедь, будешь исповедоваться. С сегодняшнего дня я принимаю тебя. Буду твоим духовником.

Вот так, не просилась. И на тебе, готово!

Прихожу на исповедь. Батюшка сразу меня вызывает по имени.

Я удивляюсь:

– Батюшка, вы сразу меня и запомнили?

Он говорит:

– Да. За тебя уже молюсь. Как же я тебя не запомню, помню. И за родителей буду молиться. Ты исповедоваться теперь почаще приходи.

Вот так я к нему и попала. Не думала, не мечтала никогда, а жалела, даже благословение боялась брать. Жалко, жалела Батюшку.

У меня постриг был в Киеве в Пронском монастыре. Игуменья Анемаиса была тогда.

Никогда я не мечтала, что меня постригут-то. Приезжал как-то Владыка Сунженский Антоний, спрашивает:

– Как тебя зовут?

– Таисия.

– У меня матушка была Таисия. Я тебя буду постригать.

– Да как же вы меня будете постригать-то? Тайный постриг, ну что же это за постриг?

А он говорит:

– Я десять лет был в тайном постриге. Когда только ослабили, дали служить, тогда и объявился.

И после, в Киеве-то, пришли мы после службы, сели за стол. Отец Валентин, я у него до этого 19 лет исповедовалась, он и говорит:

– Сегодня вечером постриг, будут постригать, и ты будешь постригаться.

Обомлела я от неожиданности:

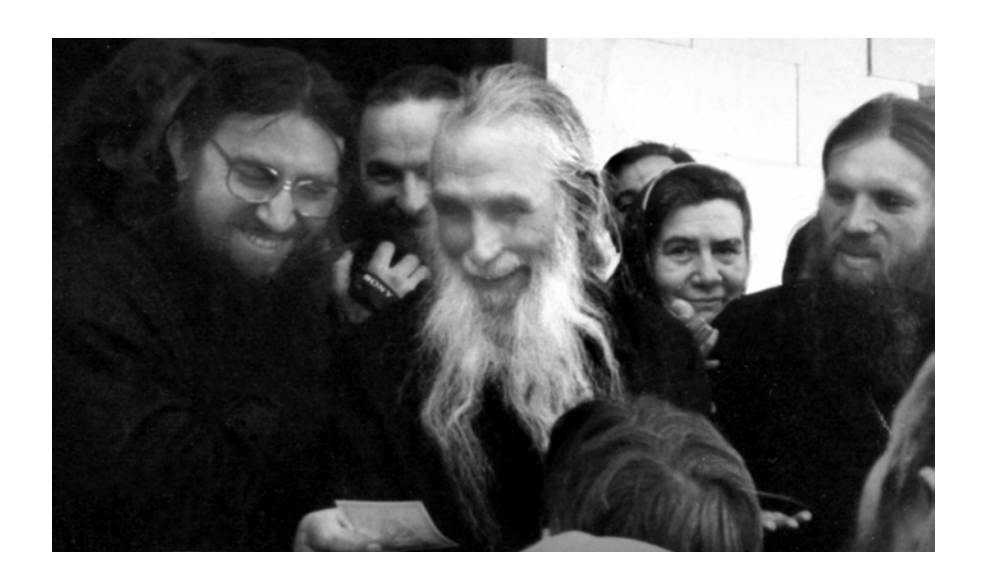
– Не готова я.

– Как же ты не будешь? Я молился перед Царицей Небесной. Она мне открыла, что ты должна быть монахиней. А ты так упираешься. Это по благословлению матушки игуменьи. У них умерла портниха. Тебя пострижём и отставляем тебя тут в монастыре.

После пострига я вернулась в Лавру, пошла к отцу Кириллу, говорю:

– Батюшка, так вот и так.

Он удивился:



– Вот это да! Ну, надо же, без благословения!..

– У отца Валентина я 19 лет исповедовалась.

Немного поразмышлял отец Кирилл, потом сказал:

– Ну, ладно, а туда я тебя к ним в монастырь не пущу. Не благословляю.

– Батюшка, ну как же?

– Тебя Господь призвал к преподобному Сергию, ты должна тут работать. Ты послушница преподобного Сергия, а не там.

Не пустил меня. Из того монастыря дважды приезжали за мной матушки. И я немного ворчала, рвалась туда. Отец Кирилл меня окорачивал:

– У тебя сестра больная? И ты хочешь уехать от неё?..

Те матушки наседали на отца Кирилла, упрашивали отпустить меня, но он был непреклонен перед нами:

– У неё сестра больная, и её надо доглядеть. Никуда ты не поедешь! Вот сиди на месте.

– Батюшка, что мне её доглядывать-то? Я на 10 лет старше, она здоровая и моложе меня.

Отец Кирилл настоял и оказался прав. И вот почему он на редкость был со мной настойчив. Заранее знал, значит, пред-

видел. Прошло четыре месяца, и сестра моя сильно заболела. У неё образовалась большая язва, всё время кровоточила.

Когда я сообщила об этом отцу Кириллу, он меня пожурил за строптивость, спросил строго:

– Вот куда бы ты поехала? Кто бы за ней ухаживал?

Сестра сильно разболелась. Она была уже при смерти. Была еле-еле жива. Её постригли. Я думала, в инокини или в монашки, а её сразу в схиму. Она после схимы до 10 лет прожила. Вот и представьте себе.

Ухаживала за сестрой я десять лет. Уколы делала, кормила и работала. Батюшка добился, квартиру я получила. Мне сюда провели телефон и помогли наладить работу на дому. Хлопотали и прописали меня.

Когда сестру схоронила, сама заболела тут же, свалилась. Да так разболелась, что мне шесть операций сделали. А всего операций сделали пятнадцать.

А потом я стала работать. Не было особых трудностей у меня. Обшивала многих батюшек. Работала день и ночь. Господь давал мне силы. Конечно, Батюшкиными молитвами у меня всё было без больших проблем. Если что только появлялось – я к отцу Кириллу. За ним, как за каменной стеной. Он как бы отводил все неприятности и скорби. Ведь от Батюшки, как пойдешь к нему, так летишь обратно, как на крыльях. Только пожалуешься ему:

– Батюшка, вот так и так.

– Ничего, ничего, потерпи, потрудись. Ты послушница преподобного Сергия. Рядом с ним никаких проблем не должно быть.

Из мирских я, простецкая, и Батюшка очень оберегал меня. После пострига он мне как-то на исповеди сказал: «Знаешь, как трудно бывает мне вас тянуть?». Я поняла, что груз он несёт тяжеленный, не только из-за того, что нас слишком много у него, но в основном потому, что мы не смиренные, упрямы, ничего не хотим делать, ленимся. Не помогаем священнику, который молится за нас. А такой воз попробуй, стащи! Если человек

мало делает для себя, то священнику очень тяжело. Вот почему немного охотников среди них, без показухи, а по-настоящему так усердно нами заниматься. Отец Кирилл из редких страдальцев, который мужественно взял на себя это ярмо и несёт его до изнеможения. Никогда он не оставляет никого без помощи. Молится за нас на самом деле, всегда.

Божья милость не давала загасить наш светильник – отца Кирилла. Что только не делали власти. Засылали к нему осведомителей и клеветников... Однажды на Афон чуть не отправили из Лавры. Зачем отца Кирилла на Афон? Он должен быть здесь и спасать Россию, а не греков! Уже собрали с сумками, и вдруг команда пришла от Патриарха Пимена – отставить! Патриарх приказал вычеркнуть архимандрита Кирилла из списков на выезд.

Много на него напастей было. Приезжала одна артистка и прямо бросалась на отца Кирилла. И сила у неё была какая! Еле отцепили и отвели её. Потом она работала в Ильинской церкви, за ящиком. Много бучи и там наделала, пока её не вывезли оттуда.

Иногда и у меня бывала сильная скорбь. Завидовали некоторые, что я самого наместника, епископов, архимандритов обшиваю. Сплетни про меня всякие бывали. Аж до того, что,

вон, мол, колдунья-то. Уж так она среди начальников-то крутится, они все её уважают. Неспроста-а!.. Бегу опять, жалуюсь Батюшке, а он: «Матушка, а ты потерпи. Это ведь хорошо, когда все напрасно говорят. Ты от Бога за это получишь награду». Успокоюсь тогда. Иду обратно. Всё спокойно. Снова легко и работать хочется.

И ему, отцу Кириллу, шила подрясники, рясы, клобуки. Иногда, когда Батюшка сильно болел, в келью его допускали, примеряла там.

Мудрость надо иметь духовную. Духовная жизнь очень сложная. На нас нападает враг, а на священников и подавно.

«В многосложной земной человеческой жизни встречаются разные обстоятельства, которые требуют, не считаясь со своим личным спокойствием, всей душой встать на защиту правду и закона; и вот высокое достоинство кроткого человека в том и открывается, что он умеет превосходно защищать святую правду и честь без всякого раздражения и страстного волнения».

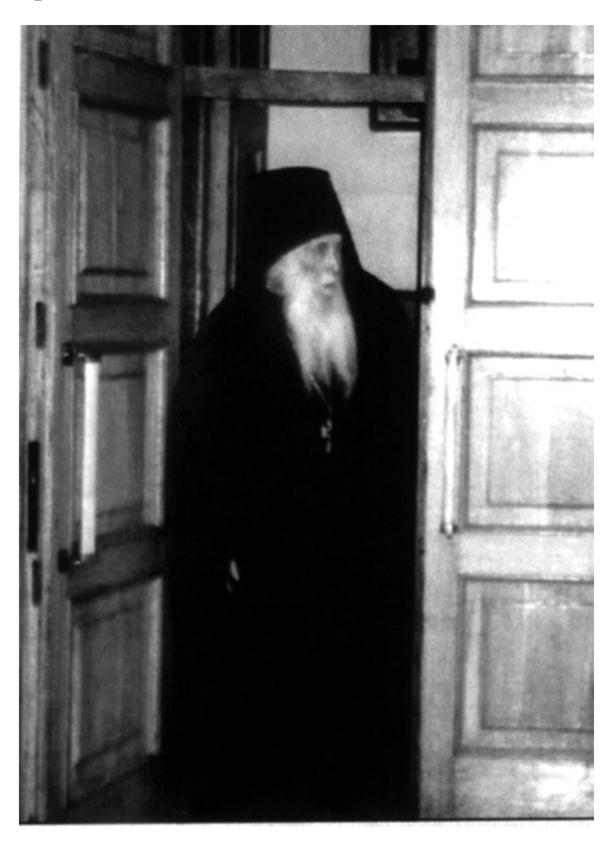
Архимандрит Кирилл (Павлов)

Наше дело сейчас за него молиться. Батюшка поражает своим великим терпением и кротостью. Нам ведь людям всем свойственно замыкаться в себе, когда нам плохо или когда на нас нападают. Мы становимся не очень добрыми, закрытыми. А отец Кирилл – с него, при всех его бедах, всё как будто «с гуся вода». Его ничего, будто-бы не трогает. А ведь трогает! При любых своих скорбях он идёт к людям, и проявляет одну любовь, одну доброту. В нём такая сила духа! Батюшка каким-то чудесным образом помогает нам напрочь зачеркнуть в себе все обиды, осуждение, накопившуюся злость, недоброжелательство. После беседы с ним видишь всё безоблачным, радостным. Это такая редкость! Он такой сильный и передающий нам свою силу и чистоту. С ним, как за каменной стеной. Будем держаться молитв Батюшки и сейчас, несмотря на то, что тяжело он болеет и нет его с нами рядом, здесь, в Лавре.

Любовь Алексеевна:

– Попала я к отцу Кириллу по совету. У меня не было особо важных вопросов, но одна очень по характеру ревностная и температметная матушка настояла на том, что нужно поехать к нему.

Мы поехали в Переделкино и попали к Батюшке. У него, как обычно, была исповедь и отец Кирилл, глядя на меня, сказал, что если нет таких важных вопросов, то как бы не обязательно к нему ездить. У меня действительно была неготовность. В это время я ещё только воцерковлялась. Была такая благодать, призыв Божий был такой и больше ничего.



У выхода из Варваринского корпуса Лавры.

После этого у меня была встреча в Лавре с отцом Кириллом. Тогда Батюшки в Лавре не было,и я ходила на исповедь к другому священнику. Подруга очень хотела, чтобы я перешла работать к ней. Сколько плюсов было от этого! Она перечисляла мне их все. Как было бы хорошо, если бы я перешла к ней. Да и мне очень захотелось перейти к ней работать. Пошла я к духовнику и спросила:

– Что делать? Подруга меня к себе зовёт. Так настойчиво! Не знаю, как быть...

Тот священник, у которого я исповедовалась, окормлялся у отца Кирилла, поэтому какие-то серьезные вопросы он спрашивал у него. И в этот раз он подумал и сказал:

– Трудный вопрос, – потом, подумав предложил: – Иди к отцу Кириллу. Пусть он скажет, как тебе поступить.

Когда отец Кирилл приезжал в Лавру, то я не могла к нему попасть, потому что когда Батюшка принимал, то все его чада собирались. Было очень много людей. Днём я не могла: работа особо напряжённая. Не было возможности надолго оторваться, чтобы несколько часов ждать.

Как-то я решилась. Ушла пораньше с работы. Пошла в маленькую посылочную, где отец Кирилл исповедовал. Его ещё не было, но там уже было много народа. Что же делать? Вышла я на улицу, думаю, подожду, может Батюшка выйдет. Действительно! Батюшка вышел из Варваринского корпуса, я тут же бросилась к нему благословиться и задала свой вопрос. Батюшка немного подумал, потом ответил:

– Да нет, не надо.

Вот и всё. Поначалу я смутилась. Так я уже настроилась перейти и вдруг... Потом успокоилась и даже обрадовалась, что вопрос решился, наступила ясность. Благословилась на дальнейшие свои труды на прежнем месте. И, знаете, целый день была такая духовная радость, весь день после Батюшкиного благословения. Это было настоящее утешение от переживаний и волнений.

Было ещё много случаев таких, когда мои земляки, священники приходские, приезжали, и им посчастливилось с отцом Кириллом беседовать, и они потом рассказывали о своих беседах с Батюшкой. Знаете, это всегда была такая благодать, так утешительно было! Такие насущные вопросы разрешались! Об этом слушать даже было благодатно.

«Какие причины побуждают нас, чтобы мы любили друг друга? Прежде всего по своей природе мы братья, потому что все произошли от одного прародителя Адама, а на небе у нас общий Отец – Бог. Значит, все мы составляем одно великое семейство и потому должны любить друг друга, как единокровные. Кроме того, составляя одно семейство, как люди, все мы по званию христиан находимся в ещё более близком родстве между собою, потому что, по учению апостола Павла, мы составляем одно духовное тело, у коего глава – Христос *(см.: Кол. 1, 18)*. ***Но в каком отношении находятся члены друг ко другу в одном естественном теле? Враждуют ли они между собою? Вооружается ли, например, рука против ноги или глаз против уха? Нет, они между собою действуют согласно, взаимно друг другу содействуют и находятся в таком содружестве, что если один страдает член, то с ним страждут и другие. Если же так действуют неразумные члены, то тем более должны так поступать мы, разумные члены духовного Тела, коего глава – Христос – желает, чтобы мы жили в мире и согласии между собою. Господь Иисус Христос больше всего заповедует, чтобы мы любили друг друга».***

Архимандрит Кирилл (Павлов)

<u>Галина М.:</u>

– Мы жили на Камчатке. У нас был молебный дом, и все верующие приходили, молились. У меня ещё есть дети, но Юля была маленькая при мне. У меня одиннадцать детей. Старшие были все определены. При мне осталась младшая.

Наш отец Ярослав, когда уезжал в Лавру, то мы с ним записочки передавали. Где и что подать.

Первый раз в Лавру я приехала в 1990 году. Пробыли мы здесь месяц и двадцать дней. Окормлять нас никто не хотел, все от нас шарахались. Говорили, что вести нас и наставлять

очень трудно. Мы очень далеко живём и сюда ездить не сможем. Но мы попали всё-таки к отцу Кириллу.

Первое впечатление от встречи с Батюшкой было такое, что с ним покойно и тихо. Никаких проблем сразу не стало, всё было хорошо, всё нормально. Благословил он кое-кого из нас переехать сюда.

Переехать, мы переехали, но сложностей поначалу было очень много. Плакать даже приходилось. Батюшка утешал, но сказал, что путь у нас, христиан, – сложный. Гонимы мы будем много. Кружку воды нам подаст не всякий, а кому только укажет Господь. Очень трудно было. Как-то в разговоре он сказал: «Сегодня я жив, а завтра, может, меня не будет. Тогда, если день-два не будете гонимы, биты, и ушат грязи на вас не выльют, значит, отошли от истинного пути. Садитесь тогда за исповедь. И пишите подробно о содеянном. Вот эта тоненькая ниточка – путь к вашему спасению».

Потом направились мы в Дивеево. Горели желанием святости. Батюшка благословил, посмотрите, мол, как там, может, кому из вас понравится.

Перед тем, как поехать туда, я проплакала до пяти часов утра. Как же так, от преподобного Сергия уезжать? Он здесь, а нам ехать надо в какой-то Саров. В комнате перед столом стояла икона Распятия с Божией Матерью и Иоанном Богословом, где Господь говорит Матери Своей: «Се сын Твой», а апостолу Иоанну: «Се Мати твоя». Плакала я и задремала. Снится мне, будто иду по какому-то морю, горизонта не видно, по щиколотку в воде. Иду и не знаю, куда идти. Оборачиваюсь и смотрю – Матерь Божия с Иоанном Богословом о чём-то говорят. Она что-то ему сказала, он закинул невод, как кошёлочка, квадратненький, и оттуда из воды идёт кипельно белый невод. Достала Она оттуда что-то и положила на руку. Пять-семь зёрен пшеничных. Накормила Она меня этими зёрнами.

Когда я проснулась, то привкус от этих зёрнышек на зубах остался, как молодая пшеничка зелёненькая, свежая. После этого я успокоилась.

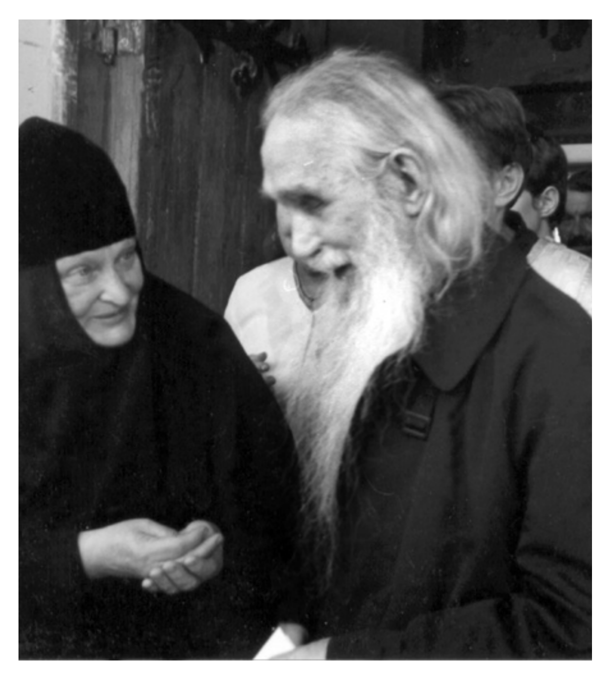
В пять часов я пошла на службу в Лавру. Никого не было со мной. Вдруг около меня Батюшка появляется. По плечу потрогал и, загадочно улыбаясь, говорит: «Слышал, слышал, всё слышал». И пошёл дальше.

Через это я ещё раз убедилась в том, что когда плачешь и просишь о чём-то, то духовники, к кому обращаешься, всё слышат, всё понимают и дают утешение.

В итоге мы благополучно вернулись из Дивеево обратно в Сергиев Посад.

Отец Кирилл благословил нас съездить ещё в Костромской монастырь. Сказал, что над тем монастырём будет благодать до скончания века. Постоянно. Не отойдёт от этого монастыря благодать. Там много его чад. Поехали и мы туда с дочерью. Захотели тоже посмотреть. Дочь, когда зашла на территорию монастыря в Костроме, то сказала: «Это – моё». Поначалу я не поняла, что обозначает «моё».

Когда мы туда приехали, то первое время очень строго с нами обращалась игуменья. Все идут на службу, а мы на послушаниях заняты. Когда очень трудно, плохо бывало, то напишешь Батюшке письмо. Даже когда пишешь и отправляешь, чувствуешь, что все проблемы, все беды, всё горе ушло. Молитва шла и чувствовалась очень сильно.



Некоторые сразу там остались. И моя дочь подошла к игуменье, попросила: «Матушка,

благословите остаться здесь». Игуменья благословила её крестом и всё... Дочка моя раньше меня ушла в монастырь, в пятнадцать лет. Две недели я горевала, а потом вслед за ней и поехала. Куда же я без неё.

Начали мы монастырской жизнью жить.

Как-то в печали пошла я в не восстановленный ещё у нас храм. Он был побелённый наполовину. Когда я зашла туда, то увидела, что он приспособлен пока под временный склад. Там лежали колёса, стояли мешки с известью. Вдруг я вижу, на стене икона Матери Божией «Державная». Богородица со скипетром сидит. Наполовину Её лик проявился сквозь побелённую стену. Подошла я к Ней и стала шептать: «Матерь Божия, прости меня за малодушие, за немощь мою. Прости и помилуй». Когда мне трудно, плохо было, скорби одолевали, я всегда приходила туда, в уголочке вставала и просила: «Матерь Божия, помоги! Услышь меня». И один раз меня кто-то так нежно по голове погладил, успокоил. Перепугалась я, думаю, увидели меня, теперь пускать сюда не будут. Поворачиваюсь, тишина, никого рядом нет. Такой покой, так хорошо мне... Поняла я, что это всё идёт только по Батюшкиным молитвам, по его благословению.

Ожидая моего утверждения в Вере, отец Кирилл говорил мне тогда: «Господь показывает тебе и плохое и хорошее, чтобы ты выбрала благое». Долго я этого не могла найти. Не могла преодолеть свою неуёмность. В том числе и из-за своего языка. Один раз назидательно пострадала за свою невоздержанность.

У нас было много молоденьких девчонок 15-17 лет. Их поставили крестить вместе со священниками, а там мужики стоят в одних плавках, голые и всё такое прочее. Давай я возмущение проявлять! Говорю: «Что же вы делаете? Зачем вы девчонок молоденьких смотреть эту срамоту привели?». Их убрали, а меня туда и поставили, при крестинах. Ох, и туго мне пришлось там одной со всем управляться.

И в 5 часов утра Батюшка отвечает на письма.

Всё – по Батюшкиным молитвам происходило, для утверждения меня в смирении и терпении. Много я билась и колотилась, шишек себе набила по моему нетерпению, слабоверию. Чуть что – впадаю в отчаяние. Перестаю молиться, начинаю заниматься саможалением, ною. Всё винила кого-то в моих скорбях, только не себя.

Потом пообвыклась я, угомонилась. И меня полюбили, в должность ввели. Стала я старшей «церковницей». Отвечала за уборку храма. Тяжело было, но Господь сил давал.

«Кротость – это незаменимая и необходимая добродетель, которая должна быть присуща всякому христианскому сердцу, потому что христиане по этому признаку и должны отличать себя от других.

Кроткий человек никогда не платит злом за зло, обидой за обиду, не сердится, не возвышает во гневе голоса на согрешающих и обижающих».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Когда отец Кирилл благословил меня Иисусовой молитвой заниматься, всё поначалу шло хорошо.

Когда я занималась молитвой, она уже и ночью и днём шла. Где-то с полгода я почти ночью не спала, так шла молитва. Иногда очень сильно, иногда послабее.

Но потом, за моей отдалённостью, редкими приездами и окормлением, видно, Батюшка перестал напряжённо мной заниматься. Молитва стала идти очень трудно. Сильно испугалась я подступивших скорбей. Бросила заниматься Иисусовой молитвой. Сразу образовалась пустота внутри. Как не пыталась я восстановить её, не получалось. Стала я бояться людей. Мне казалось, что отовсюду на меня нападают, все несправедливы ко мне. Может, это моё больное воображение, может мнительность?

Выбрала тогда я момент, поехала к отцу Кириллу. Пришла и говорю:

– Батюшка, что делать? Не получается молитва. То прерывается, то останавливается. Скорби сильные. Я уже не выдерживаю. Стала уже всего бояться.

Батюшка тепло улыбнулся и сказал:

– Потерпи немножко. Господь низложит супостата. Потерпи.

Он утешил, сказал, что молитва восстановится, но теперь от других молитв. Пока будет очень сложно вернуть. Теперь надо только просить молитву как дар. Сейчас надо особо просить и молить об этом.

– Батюшка, помогите мне в этом, – попросила я.

– Супостата сразу не отгонишь. Не надо было бросать молитву. Бросила, а теперь очень трудно вернуть её. Поработай усиленно, потерпи немножечко.

Потеплело во мне от утешительных слов отца Кирилла. Окрепла я духом и надеждой.

Напоследок Батюшка напомнил, что гонений и бед у нас будет много. Они будут увеличиваться. Необходимо научиться владеть собой. Не отчаиваться, не приходить в волнение и растерянность. Даёт это только молитва. Через это придёт спасение. Терпеть надо уметь.

Как старшая «церковница» на службе я ходила и собирала милостыню. Очень я переживала, когда старенькие бабушки трясущимися руками деньги подавали. Просила тогда: «Господи! Пусть их копеечка никуда не уйдёт, а пойдёт на благие дела». И плакала вместе с ними. Волновалась очень. Написала об этом отцу Кириллу. Попросила за меня помолиться. Он при встрече посмеялся и утешил: «Ничего, ничего, всё будет нормально».

Один раз, после службы устала я очень, присела у амвона. Слышу пение красивейшее. Подумала, что закрыла алтарница отца Иоанна в Алтаре и ушла кушать. Он там, дожидаясь её, и напевает. Потом почему-то женское пение пошло. Лилось, как ручеёк, красивое... Приходит алтарница. Говорю ей, что она отца Иоанна закрыла, он не может выйти и, ожидая её, песни поёт. Она зашла, посмотрела, – в Алтаре никого нет. Выходит и говорит сочувственно мне:

– Наверное, тебе надо к психиатру сходить.

Пошла я к игумении, говорю:

– Матушка, у меня наверно правда крыша поехала. Мне к психиатру надо.

– Что такое случилось?

Рассказала я ей про случившееся. Что пение я слышала красивое, такое даже в Лавре не слышала.

Она мне в ответ:

– Не переживай, я тоже слышала. Не всем даётся услышать, но кому надо – слышат. Не надо тебе к психиатру. А вот к отцу Кириллу пора съездить.

«Слава Богу! Ещё пожить можно маленько», – подумала я и обрадовалась возможности повидаться с Батюшкой.

Часто мы бывали с одной сестрой из Костромы в Переделкино. У неё тоже назрел важный вопрос. Она закончила регентскую школу, и нашёлся молодой человек. Она хотела выходить за него замуж. Поехала узнать об этом волю Божию у старца. Трудность была ещё в том, что чувств никаких у неё к тому избраннику не было, а он настаивал на браке.

Попасть в тот раз к отцу Кириллу не получилось. Передали мы свои вопросы письменно, в записочке. Он написал нам ответ, что сейчас очень занят. На брак их благословил. Написал, что она может выйти замуж, но жить они должны, как брат с сестрой. Если такой брак устраивает, то она может в него вступать. Такой был ответ старца.

Дочь Юлю перевели в девичий монастырь во Владимир, а я осталась. Поплакала я и вернулась к Лавре. Одна. Потом Юля болеть стала. Дозваниваться до неё было трудно. Мне её не подзывали. То говорят, что она где-то на послушании, то ещё где, а она, оказывается, уже два месяца болела и лежала. Отец Кирилл сказал, что она должна отойти скоро. Будто въяве она была у Батюшки и сама сказала ему: «Мне на рост, на очищение, всего три года дано». На что отец Кирилл, покачав головой, сказал ей: «Нет, даже поменьше, чем три года».

Привезли дочь в Сергиев Посад, когда у неё уже дёргалась рука, тряслась она сильно, сидела безразличная ко всему. Дотащу её до Лавры. Она уже ни на кого и ни на что не реагировала. Говорю ей: «Юлечка, что же ты всё молчишь?». А она говорит: «Плохо мне».

Отец Кирилл сказал, что надо вернуть её в монастырь. Дак сердце матери – глупое, жалостливое, без разума духовного. По слепоте, неразумию моему. Меня тревожило, прежде всего, её физическое состояние. О духовном я и думать перестала. Ослушалась я Батюшку. Обратно в монастырь её не повезла. Здесь при Лавре мы с ней остались.

Дальше вот что. Жилья не было. Мы мотались по квартирам.

До того я истерзалась сердцем тогда, что не знала, как жить, как вести себя. Кто я? Монахиня – не монахиня. Мирянка – не мирянка...

Пришла как-то к отцу Кириллу и говорю:

– Батюшка, снимите с меня подрясник, я устала, не могу. С ним так тяжело жить! Тем более в миру. Все предъявляют ко

мне завышенные требования. Грязью поливают, обижают, говорят, что я в прелести и такая-сякая. На мне уже столько ярлыков, что ни одна тюрьма меня не примет.

Отец Кирилл, усмехаясь, похлопал меня по плечу и сказал:

– Ты не переживай, не переживай. В тюрьме-то место ещё найдётся.

– Батюшка, я же не выдержу всего этого!

Он меня крестом перекрестил и сказал:

– Ничего, подвигов нести не сможешь, а монашеская одежда и терпение при этом вменится тебе в подвиг.

Утешилась я. Помогали слова Батюшки долго. Но немощь одолевала. Очень трудно было, очень. Если бы не молитвы отца Кирилла, я не знаю, как бы мы выжили. Я человек немощный, слабый. Молитвы как таковой нет.

Получился снова случай, и меня опять обвинили в прелести. Расстроилась я, ревела. Потом пошла к отцу Кириллу и говорю:

– Батюшка, я пришла к вам в прелести каяться.

Он с готовностью согласился:

– Ну, давай.

– Не знаю, уж какая там во мне прелесть. Вроде живу, как все. Возноситься мне не на чем. Дел, трудов, забот невпроворот. К тому же у меня дочь, – безпомощный ребёнок по существу. Одна я всё тяну. Как же тут прелесть получится?..

Вот так я ему каялась, каялась. Он молча чётки свои перебирал, молился про себя, потом строго сказал мне:

– Гордая ты до безобразия.

Потом более мягким тоном продолжил:

– Одним давали ложечку гордости, а ты от жадности десять ухватила. Прелести в тебе нет, а гордость в тебе есть. Будет и дальше смирять тебя Господь. И ещё как смирять...

«Кроткие силою доброй воли своей, своим дивным терпением укрощают праведный гнев свой, успокаивают невольное раздражение и всегда остаются в пределах самообладания, никогда не выходят из себя.

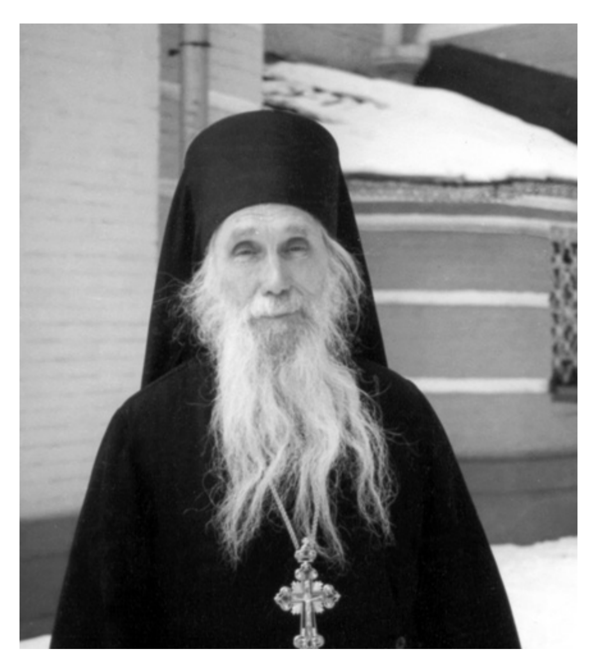
Святая кротость, усвояющая себе блаженное наследие, – не дар природы, а плод веры и любви ко Господу Иисусу Христу, смиряющей гордость нашего ума и смягчающей жестокость нашего сердца».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Состояние дочери неожиданно быстро выправилось. Здоровье наладилось. Она стала учиться. Закончила медицинское училище. Вышла замуж. Сейчас ждёт уже второго ребёнка. А я не рада. Так корю себя, что вытребовала, вырвала её из монастыря. Ей оставалось тогда до Неба совсем чуть-чуть. И сама очень тоскую, хочу в монастырь! Даже не представляете, как я хочу!

Теперь я, как птица в клетке. Дочь туда посадила и себя тоже. Теперь у неё дети, у меня – внуки. Все – повязаны!..

В монастыре не трудно послушание. В монастыре только трудно шагать через себя, через свою дурную голову, через своё «я». Вот что в монастыре трудно. Порой перед девчонкой ты должна смириться и поклониться. Только и всего-то! А труды там несложные. Вот в миру тяжелее жить. В монастыре намного легче, проще. В монастыре покой, благодать. Есть такие вещи, которые только душа чувствует. Монашеский образ жизни, правда можно вести и дома. Но очень трудно. Суета,



заботы, скорби, страсти раздирают каждый день на части. Приходится распыляться на многое постороннее – школа, отведи, приведи внучку... Сама себя здесь опустошаешь. Очень хочу в монастырь. Молитвы, конечно, такой, как там, здесь – нет.

Потом были ещё скорби, очень сильные. Отца Кирилла здесь уже не было. Его перевезли к Патриарху, в Переделкино. Поехала я туда, прошла к нему и говорю:

– Батюшка, вас в Лавре нет. Что делать?

Он мне отвечает:

– Ты открывай форточку и кричи, если тебе плохо будет. Я слышу, всё слышу. Знаю, только говори причину, что и как.

Вот такие его слова. (Смеётся).

Он мне и носочки подарил, «чтобы ножки не застудила». Подарил мне и содержательную книжечку. Всё это было до того, как он сильно заболел.

«Мы должны любить друг друга потому ещё более, что любовь к ближним имеет высокое нравственное достоинство, составляет великое совершенство христианина. Она уподобляет нас Богу, потому что* Бог есть любовь** *(1 Ин. 4, 8)*. ***Бог во всём действует по любви к Своим творениям, в особенности к нам – человекам, которых Он так любит, что Сына Своего Единородного послал в мир, да

живы будем Им. Любовь есть источник и совокупность всех добродетелей, и потому она выше всех других добродетелей.* «Ныне,** *– говорит апостол Павел,* **– пребывают вера, надежда, любовь; но любовь из них больше»** *(1 Кор. 13, 13).** ***Без любви все наши знания, подвиги и самая вера не имеют нравственной цены...»***

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Леонила (гречанка):

– Мы были у отца Кирилла и он нас исповедовал. Сказал, что нам нужно оставаться в России. Я гречанка, хотела уехать в Грецию, но он мне сказал, что надо жить в России. В России – спасение. Единственная страна, где можно спасаться – это Россия. И мы послушали его.

Троицын день. Троице-Сергиева Лавра.

Он подарил мне в день Георгия Победоносца икону и сказал, чтобы я ходила в храм, чтобы молилась. А из России не уезжать. И мы остались. Живём здесь уже 25 лет. Нам здесь хорошо, душевно. Нам очень нравятся здесь люди.

Мы были в Переделкино и в Лавре у отца Кирилла. Он исповедовал. Подарил иконы, книги и снова сказал, чтобы не уезжали, чтобы в храм ходили. Мы ходим. К блаженной Матронушке ездим, она нам помогает.

Здесь мы духовно спасаемся. Из всех 16-ти стран, куда мы ездили за границу, самая верующая – Россия, и здесь очень добрый, сильно верующий народ. Всегда у меня самое большое желание о том, чтобы Батюшка помолился за нас и чтобы он долго жил, и чтоб мы ему отмечали его столетие.

Отец Кирилл абсолютно прав. Мы часто, подолгу живём в Греции, ездили в Чехословакию, Болгарию, много стран объездили, но единственная страна в мире, где можно спасаться, – это только Россия. Побывав во многих странах, мы убедились в том, что там духа спасения нет. **«Только в России можно спастись, и из России нельзя уезжать»**, – так сказал Батюшка и это – абсолютная истина. Мы в этом твёрдо убедились. Мы слушаем Батюшку и находимся здесь, чтобы спастись.

Владимир:

– Как мы приходим к Богу? По своим проблемам, по немощам своим, по семейным неурядицам.... И я вынужден был идти на поиски того, кто мне поможет разрешить всё это. Много, долго искал. Нашёл. Только отец Кирилл смог мне всё объяснить, распутать.

Промыслом Божьим попал я на Святой Афон, в Грецию. У меня были в то время семейные несогласия, с женой были проблемы. Она уехала из России и хотела детей увезти туда. Мне старцы на Афоне сказали: «Молись, и слава Богу, теперь ты наш, монахом будешь». В начале я был в сильной обиде. Не

мог простить ближних своих. Не принял того, что мне сказали. Но потом приезжаю домой, и архимандрит Кирилл говорит мне: «Молись, только молись за них, и не лезь туда, а то их обозлишь». Вот так! Тут только до меня дошло, что основное препятствие для меня было – моя злость, памятозлобие к жене. Когда я это переборол в себе, стал за них, по совету Батюшки молиться – всё наладилось. Отец Кирилл был абсолютно прав – они позже сами ко мне приехали.

Первые же впечатления от отца Кирилла – сильные. От него исходит такая благодать, как от святынь. Благодать не опишешь словами, это надо быть рядом, присутствовать. Это всё под духом, это чувствовать надо. Передавать можно пытаться и словами, описывать, но это не суть. Надо быть рядом с таким человеком и чувствовать эту благодать, исходящую от него.

Зная мою любопытность, Батюшка мне говорил: «Вот сейчас (а это было ещё в 90-е годы) пишут многое о знамениях, о чудесах, о происшествиях всевозможных – может, это и правда, так и было, но я тебе советую, ты об этом не читай. Это уводит от молитвы». Потом ещё добавил: «Зачем они тебе, поиски всяких чудес? Может, они и правда случились, но ты не читай, это уводит от главного. **Читай прежде всего Евангелие и ищи Царствие небесное.** Те же книжки, про чудеса и прочее, разжигают и уводят воображение от насущного. Такое чтение уводит от молитвы. Ты рассеиваешься на разных происшествиях. Нечего в них копаться. Это Божий промысел. Господь всё творит, у Него всегда есть необычные события, происшествия, весь смысл которых нам не дано понять. Разбираться в них – не наше дело. Наше дело – спасаться».

Вышла книга проповедей отца Кирилла «Ищите прежде Царствия Небесного». Там очень много поучительного. Там он утверждает то, что я слышал от него. Даёт нам всем совет в том, что не нужно ничем заниматься, даже с виду благочестивым, что уводит нас от молитвы. Нужно читать, прежде всего, Евангелие и искать Царствие Небесное.

Протодиакон Николай:

– Как-то приехал к нам отец Кирилл. У нас часто священники были. Мы к ним привыкли, поэтому бегали беззаботно. Вдруг Батюшка указывая рукой на нас, бегающих ребят, показывая на меня, спрашивает маму:

– А это кто?

– Какой из них, – спрашивает мама.

– Да вон тот, что посветлей, беленький такой.

Мама, присмотревшись и поняв, что отец Кирилл на меня обратил внимание, с досадой отмахивается и с неудовольствием говорит:

– Да ну, Батюшка, это самый «оторви и брось», самый шалун и непослушный. Чего на него внимание то обращать!..

о. Николай сослуживает Батюшке.

Отец Кирилл продолжает нас с вниманием рассматривать и с несогласием говорит маме:

– Ты, Сима, зря так о нём. Хороший мальчик, светлый. Благостненький.

Та смеётся, а потом с шуткой предлагает:

– Так возьмите его к себе Батюшка, раз хороший-то для вас.

Отец Кирилл не отказался от такого предложения, ничуть не смутился. Не засмеялся в ответ. Даже не улыбнулся шутке. Оставаясь серьёзным, рассуждая, сказал:

– Пока рано, а вот когда будет ему 12 лет, то тогда к нам. Милости просим.

И это произошло. Когда в указанном возрасте родители привезли в очередной раз Колю в Лавру. Отец Кирилл вышел к ним навстречу с просфорой, кандеёй и кропилом.

После приветственных слов, поглаживая меня по голове, спросил маму:

– Ну, как он?

– Да ну! Всё так же. Никакого толку от него, только огарки в храме собирает и больше ничего.

– Ничего, ничего, выровняется. Ты не отчаивайся. Хороший из него будет служитель Церкви.

Прочитал Батюшка молитву, окропил нас кропилом из кандеи со святой водой. Одарил просфорой и внимательной, обстоятельной беседой.

«Чтобы нам удобнее сохранить себя после исповеди от повторения грехов, для этого потщимся, особенно на первых порах, пока мы еще не окрепли нравственно, избегать встречи со грехом – удаляться от тех лиц и тех мест, какие могут подать нам повод к падению.

Если по немощи нашей и придется впасть в те же грехи, в которых милосердие Божие простило нас, то мы не должны отчаиваться. Если и тысячу раз согрешим, но по-

том опять прибегнем к покаянию, то снова очистимся от скверн и от соделанных нами беззаконий».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

<u>***Валентина:***</u>

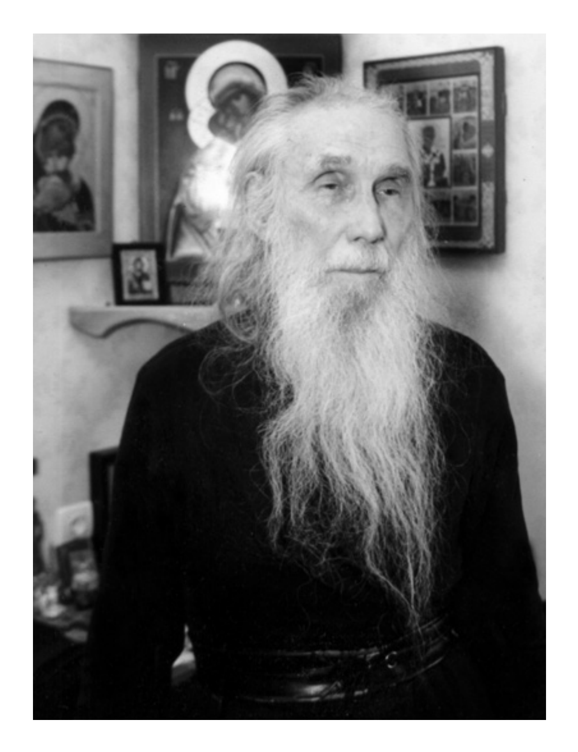
– Это был 94-й год. Мне нужно было идти на работу. Перед этим надо было получить благословение у священника. Дерзко конечно, но я решила благословиться у духовника Лавры архимандрита Кирилла. Как-то так сразу душа определилась, что именно к нему надо за этим идти, а не к кому другому.

К тому же женщина, которая меня подвела к нему и познакомила, она сама была чадом отца Кирилла. В Лавре много больших старцев, но отец Кирилл – особый. Трудно объяснить словами. Просто так душа расположилась, с доверием, с уважением вот именно к этому священнику. Так я с ним и познакомилась. Конечно, по молитвам преподобного Сергия.

Получилось так, что я попала к нему в тот момент, когда у отца Кирилла был День Ангела. Съехалось очень много его чад. Это был незабываемый момент. Такие явления, которые показывают, насколько Господь милосерд, милостив к нам, грешным. Взять благословение у отца Кирилла, да ещё в такой момент – это было великой честью. Тот, кто видел его в этот момент, не может в душе такое неизгладимое впечатление забыть, его светлый образ.

Позднее мне приходилось к нему приходить на исповедь, я получала очень много полезных советов. Они были простые и в то же время понятные для человека. Он очень правильно разрешает все вопросы. По его благословению все дела успешно совершались. Удивлению моему не было и нет конца, что это за человек!.. Монахи, это особые люди. Просто сами по себе – особые.

Нужно было мне разрешить очень сложный вопрос. Поехала я к отцу Кириллу в Переделкино. Там у меня разрешились многие вопросы, которые меня очень волновали. При каждом обще-



нии с ним удивляешься, какие просто чудеса, такие явления происходят с тобой, которые показывают, насколько Господь милосерд, милостив к нам, грешным. Как нас, недостойных, и таких святых людей с нами Господь сводит. Наша святая Лавра, конечно, ознаменована такими святыми людьми, как отец Кирилл. И всё же, когда с такими высокими образцами служения знакомишься, то укрепляешься в вере всё больше и больше.

Кто хоть раз видел отца Кирилла, брал благословение и слышал его проповеди, тот познал очень многое, и в душе того человека навсегда остаётся этот великий монах. Остаётся какой-то постоянно укрепляющий тебя отзвук.

Мне рассказывала матушка. Когда была очень сложная ситуация в её жизни, она была у отца Кирилла, просила его о помощи, о том, чтобы он помог, помолился ко Господу. Вернувшись домой, она уснула и видит сон. Ей явился снова Батюшка и сказал, чтобы она молилась Божьей Матери. И это было настолько очевидно, что она тут же начала читать молитвы Богородице перед Её иконой. Трудная ситуация, сложившаяся у неё, вскоре успешно уладилась. С тех пор она взяла за правило, как только возникали какие-нибудь трудности, она, вспомнив наставление отца Кирилла, сразу прибегала к молитвам, воздавала хвалу Божьей Матери, и дела успешно управлялись.

Знаю много таких примеров действенной помощи Батюшки. Меня, собственно, и познакомила с ним одна из духовных чад его. Она же и явилась для меня путеводительницей, потому что привела меня в монастырь. Настолько она со своей любовью относилась серьёзно к делу спасения, к послушаниям. Всегда была радостная. На неё смотреть было приятно. Сам вид её ободрял и приподнимал. Сорок лет она находилась здесь, в монастыре. Рядом с таким великим старцем. Часто она говорила, что всё у неё от Батюшки. От его советов и руководства его. Всегда она выражала великую преданность и любовь отцу Кириллу, переживала за него. Он даже как-то сказал ей, что она одна из немногих, которая никакими своими поступками его не огорчила. Выполняла в точности всё по его благословению.

Когда видишь людей, его чад, какие это люди, то понимаешь, насколько же он велик! Это сейчас, здесь, на этой земле, наш отец Кирилл – великий старец, а каков он у Бога?!.. Пусть Господь ему пошлёт многие лета и доброе здоровье.

Конечно же, и у меня возникали трудные проблемы. Монастырь – это трудное место. Здесь намного больше искушений, чем в миру. Были трудности всякого рода и по работе и по отношениям. Возникали, случались моменты, вопросы, которые мне надо было разрешить и, конечно же, первым делом я шла за этим к отцу Кириллу. Были у меня и сокровенные беседы. И всегда я удивлялась, как Батюшка просто разрешал, казалось бы, неразрешимые вопросы. Настолько отец Кирилл тонко чувствует тебя, ты осознаешь, что стоишь перед этим человеком, а он настолько видит тебя насквозь, знает все тайны твоей души, что становится страшно перед ним. Какая-то ложь любая от него не скроется, потому что он весь пронизан праведностью, Божьей силой, его светлыми молитвами за нас, грешных, перед Богом. Мир становится совсем другим. Только с ним побеседовав, с ним поговорив, отходишь от него и испытываешь такое состояние, которое несравнимо с нашим земным. Вот такую он вселяет в тебя радость духовную. После этого я легко справлялась с трудностями, потому что выполня-

ла сказанное им с его благословения.

При встречах с ним всё мое состояние души чувствовало его великую благодать, его великую святость. А как, с каким большим почтением относятся монахи к этому старцу! Даже теперь, когда Батюшка далеко от Лавры, в Переделкино, для них, для монахов великое дело – съездить повидаться, взять благословение у своего духовника. Кто хоть раз взял благословение у этого великого старца, он имеет о нём неизгладимое впечатление, которое остается навсегда, никогда человек этого не забудет. Оно настолько сильно и незабываемо.

Прости нас Батюшка, грешных! Плохо мы слушались тебя. Мало дорожили тобой. Сейчас переживаем об этом, сожалеем.

Хочется пожелать дорогому нашему отцу Кириллу всего самого-самого хорошего, чтобы Господь помиловал его для нас и продлил ему жизнь. И чтобы она была не особо скорбной, а была терпимой для него.

Мы стараемся, усердно молимся об этом, потому что за нас, грешных, очень нужно молиться, а это тяжёлый труд, такой, который под силу только ему – отцу нашему Кириллу. Помоги ему, Господи!

«Чтобы дать нам возможность оказать нашу деятельную любовь к Богу, Господу угодно было сказать нам, что

всё, что мы ни сделаем для ближнего, Он признает сделанным для Него Самого».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Сергей Князев *(кинорежиссёр):*

– В начале 90-х годов, будучи ещё студентом ВГИКа, я начал снимать фильм о певце Владимире Щукине. Он тогда сказал, что надо для этого получить благословение духовника, архимандрита Кирилла (Павлова). Мы поехали в Троице-Сергиеву Лавру. Подошли к проходной братских корпусов. Там стояло много людей, ожидающих встречи с отцом Кириллом. Владимиру удалось пройти к Батюшке. Он попросил у старца благословения на нашу работу. На удивление, не получил такового. Отец Кирилл ему сказал: «Тебе сниматься не полезно». Таким образом, Владимир, выйдя от Батюшки, сказал, что наше начинание отменяется. Фильм делать не надо. Я был сражён этой вестью, сказал ему: «Как же так?! Деньги выделены, создана группа. Начались затраты. Меня же, кроме всего прочего, посадят как растратчика».

Когда мы вышли, то увидели священника с группой, показывающего и рассказывающего о храмах Лавры. Владимир знал этого священника. Подошёл к

нему, благословился. Они разговорились. Владимир сообщил ему о нашей неприятности. Священник спросил меня:

– Какой будет главный эпизод в вашем фильме?

– Исповедь, – назвал я.

– Это хорошо

Подумав ещё, он предложил:

– Если вы получите на то благословение у отца Кирилла, я готов там сняться, вместо Владимира.

Мы воспряли духом и стали снова в очередь к отцу Кириллу.

Только вечером, около 20 часов, Батюшка нас принял. Он выслушал нас. Я объяснил ему, что попадаю в сложную ситуацию. Отец Кирилл, внимательно выслушав, пристально на меня взглянул и строго спросил:

– Фильм будет нравственный?

– Да, Батюшка.

Тогда он своей рукой нажал на мою руку и сказал:

– Снимай.

Чувствуя его одобрительное пожатие, я, обрадованный, вышел от отца Кирилла.

Считаю, и по сей день это его благословение на весь мой дальнейший творческий путь.

Тогда, в 1990 году, я снял тот свой первый профессиональный фильм. И милостью Божией до сих пор тружусь на этом поприще.

В 1996 году мы с Владимиром же написали сценарий об отце Кирилле «Дом Павлова». Сценарий был настолько убедительный, что прошёл успешно все конкурсные инстанции на Мосфильме. Но в то же время появились другие люди, которые решили снять свой фильм об отце Кирилле, на эту же тему. Им в Госкино сказали, мол, зачем нужен ваш фильм, да ещё за государственный счёт, когда есть уже готовый сценарий, который прошёл все наши комиссии и вот-вот должна быть запущена съемка его? Тогда те люди, имея за собой очень сильную поддержку влиятельных должностных лиц, организовали

большую интригу против нашего фильма. На нашей же стороне не оказалось никого, желавшего поддержать нас. Таким образом, наш фильм был снят с производства, а они поставлены вместо нашей творческой группы. Они сняли лживый фильм, где доказывали, что отец Кирилл не тот сержант Павлов, который защищал Дом в Сталинграде. Несмотря на то, что они были не профессиональны, дилетанты, но у них была мощная административная и финансовая поддержка очень влиятельных структур для того, чтобы эта тема осталась за ними. Их трактовка имела прокат и на телевидении. Несколько раз их версию показывала НТВ. Мы же верили и верим, и доказывали фактами то, что архимандрит Кирилл и сержант Павлов, это – один и тот же человек. Это вне всяких сомнений.

Монахиня Александра (Лаврова):

– Однажды отец Кирилл раздавал чётки разного цвета: чёрные и красные. Лично мне хотелось, как монахине, чёрные чётки, а Батюшка, благословил красные чётки.

Прошло более 10 лет, и ко мне обратился за помощью один деловой человек, который руководил людьми. Занимался он каким-то крупным делом. Дела у него в то время не ладились, а он помогал строить церкви. Отдала я ему в утешение свои красные чётки от Батюшки, этому скорбящему бизнесмену, который неожиданно стал кланяться мне в ноги и от радости зарыдал, узнав о том, что я подарила ему чётки от отца Кирилла. Не было конца и края его радости. Он целовал их, прижимал к себе. Говорил, что верит в то, что теперь у него всё пойдёт хорошо. И действительно, прошло полгода, и у этого человека дела пошли в гору, то есть всё получилось у него благополучно.

Чётки – это молитва, а от такого старца ещё и благословение, благодать Божия.

Отец Кирилл говорил, что если телевизор смотришь, значит ты духовным алкоголизмом занимаешься. И решительно добавил:

– Христианин! Опомнись! Не смотри! Не смотри. Не смотри...

Трижды Батюшка мне, грешнице, повторил.

«Сколько раз мы оскорбляли любовь Божию грехами нашими, неправдами нашими, беззакониями нашими, но Он не только не погубляет, но милует и щадит нас, не лишает даров Своей благости, долготерпеливо ожидая нашего обращения и покаяния, **не хотя, да кто погибнет, но да вси в покаяние приидут** *(2 Пет. 3, 9)*. ***Если после этой безконечной благости и милосердия Божия, я остаюсь неблагодарным пред этой любовью Божиею. Вменяю ни во что пролиянную за меня кровь Сына Божия. Оставляю в небрежении неоценимую благодать Духа Божия. Чего достоин я, как не конечного отвержения от лица Божия и вечного осуждения и мучения!»***

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Любовь Барченкова:

– Первая моя встреча с отцом Кириллом произошла 20 лет назад. Услышала я, что в Лавре есть известный старец. Мы с мамой подготовились к исповеди, и была первая необыкновенная незабываемая встреча с Батюшкой. Подарил тогда нам пасхальное яйцо. Оно засохло, но мы его храним, как святыню.

С такой любовью, теплотой встретил нас отец Кирилл. Так поговорили хорошо. И легко стало! Редко бывают такие состояния. Как после Причастия. У него необыкновенная любовь и теплота к людям. Согрел нас словом. Наставил в жизни. Никогда этого не забуду.

Спрашивали отца Кирилла про замужество. Он щадяще ответил: «Ну, если хочет, пусть выходит». Сильных передряг у меня в жизни не было. Это по Батюшкиным молитвам. Когда, даже не беседуя, а просто поминаю его в своих молитвах, то всё как бы само собой устраивается. Мы сами порой не понимаем, почему стало легче, более спокойно. Не отдаём себе отчёта в том, что это не само по себе всё налаживается и исправляется. И совсем не по нашим слабым молитвам и усилиям, а исключительно по Батюшкиным молитвам, его заботе о нас. Это очень просто понимается, когда по каким-то причинам перестаёшь к нему ходить. Тогда беды, неприятности, болезни начинают обрушиваться на тебя одна за другой. Вот тогда понимаешь, что это потому, что ты отдалилась и поэтому лишилась защиты духовника. Быстро бежишь к нему, каешься, и ведь действительно скоро всё начинает приходить в норму и порядок. Вот какова молитва Батюшкина.

Был у меня момент, когда я хотела уйти из педагогики. Не устраивалось, не получалось. Пришла к отцу Кириллу, а он ласково так сказал: «Нет, нет. Надо работать. Не оставлять. Нужное, хорошее дело». Благословил меня. Всё сразу нормализовалось, устроилось, спокойно пошло. И вот я до сих пор тружусь в этом направлении. Батюшка говорил ещё так: «Сегодняшние педагоги – это мученики». При той системе образования, которая существует сейчас, это именно так. Но каждый дол-

жен выполнять свои обязанности на своём посту. Сколько сил хватит и мудрости.

Наталья Сизова

– Раньше я жила в Таджикистане. Приезжала сюда в Лавру к преподобному Сергию. Как-то после службы я сидела на скамейке между Успенским собором и проходной к братии Лавры.

К проходной подошли трое благочестивых мужчин, и слышу, они спрашивают про какого-то отца Кирилла. Им ответили, что он ушёл в сторону храма Иоанна Предтечи. Они остались ждать. Вдруг вижу, лица их осветились улыбками. Они возбуждённо заговорили: «Вот он! Вот идёт!». Смотрю, идёт какой-то благообразный священник, монах. Скорее не шёл, а будто быстро летел, был переносим невидимой силой. С необыкновенной лёгкостью, невозможной для его возраста.

Неожиданно этот старец подходит ко мне и говорит: «Ну что, Наталья, домой собралась?». Я даже дара речи лишилась. Думаю, что, наверное, он меня с кем-то спутал. Ведь я же никогда не исповедовалась у него, не встречалась с ним, не брала у него благословения. А тут вдруг он называет меня по имени.

Более того, он, оказывается, знает, что я издалека, да из таких горестных мест, потому что спросил меня:

– Ну, как у вас в Душанбе?

Потом осенил меня большим крестом и сказал:

– Давай благословлю тебя, чтобы ты всегда была с хлебушком.

Опять я удивилась, была в недоумении, потому что тогда, в конце 80-х, у нас всё пока было спокойно и хлеба было – изобилие.

После этого старец повернулся к тем трём мужчинам, ожидавшим его. Они поклонились ему, взяли у него благословение. Тут он разворачивается к одному из них и спрашивает:

– Ну что, когда будете рукополагать его?

– Мы к вам приехали. Ждём, что вы скажете, – отвечают они.

– Его можно, хоть сегодня, – с улыбкой сказал отец Кирилл.

Они рады были такому ответу старца. О чём-то ещё поговорили. Благословились у него, поклонились и ушли. Старенький священник ушёл за ворота проходной. Подошла и спросила я дежурного, как зовут этого батюшку. Он ответил:

– Отец Кирилл.

– Какой отец Кирилл? – переспрашиваю я.

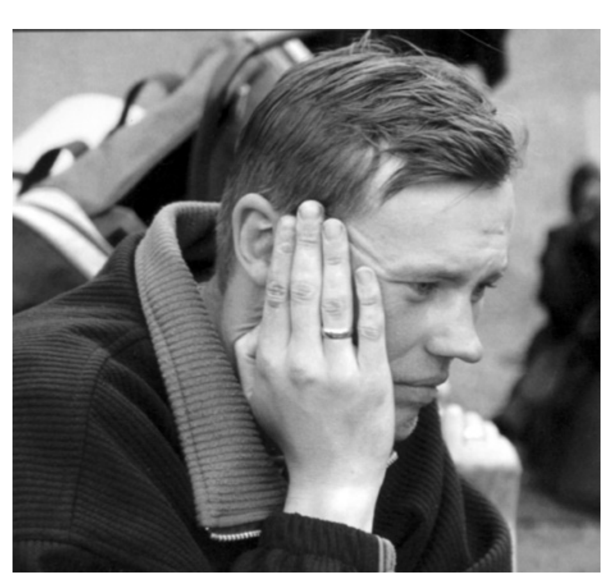
– Вы что, не знаете? Это архимандрит Кирилл Павлов! – удивились моему вопросу на проходной.

– А-а, Павлов, – изобразила я, будто вспомнила, хотя на самом деле ничего тогда про него не знала.

Уехала я из Лавры домой.

Там, в Душанбе, в городском соборе, вероятно, по молитвам Батюшки, ко мне стали подходить и разговаривать незнакомые доселе люди, и в основном они были чадами отца Кирилла. Стала я больше про него узнавать. Мне позвонил сын и пристыдил меня: «Ты что, мам? Это же отец Кирилл! Известный всем батюшка!..»

Вскоре у нас в республике стала нестабильная, тревожная обстановка. Прилетев в очередной раз с сыном в Москву, и приехав в Лавру, я



Беженец из Средней Азии.

сразу сказала сыну: «Пойдём к отцу Кириллу и попросим его помолиться за наш край». Батюшки в Лавре не было. Мы поехали в Переделкино.

Отец Кирилл принимал в крестильне, и народу было очень много. Прошёл к нему сын. Вдруг он высовывается из двери и зовёт меня: «Мама, иди сюда! Батюшка тебя зовёт».

Народ расступился, я подошла. Отец Кирилл, улыбаясь, спросил:

– Ну, как Наталья, прилетела?

– Да, Батюшка.

– Какие печали?

– Помолитесь, пожалуйста, за Таджикистан. За православных людей, находящихся там.

Отец Кирилл опечалился, вздохнул, согласно покивал головой.

После этой встречи меня всё больше стало тянуть к Батюшке.

В очередной раз, приехав к отцу Кириллу, я услышала от него непонятное для меня, что он не разрешает мне обратно

Беженец из «братской», прибалтийской республики.

улетать в Душанбе. Благословил остаться. Только благодаря его отеческой ласковости, его молитвам я смогла перенести такое, остаться. Вот так категорически послушаться, не уехать туда, где я выросла. Где у меня дом родителей, заработанное на производстве жильё. Родные, знакомые, работа... и вот так вот, разом смогла отсечь всё. Остаться в неизвестном по существу небольшом городе, где у меня никого и ничего нет. Это стало возможным только благодаря мудрости, такту, молитвам отца Кирилла. Никто другой не смог бы меня удержать, а именно тогда в Таджикистане начались погромы и убийства.

По моей жизни отец Кирилл сыграл великую роль. По его молитвам, по участию, терпению, приложению немалого труда мы просто остались живы и находимся под крылом преподобного Сергия и окормлением отца Кирилла.

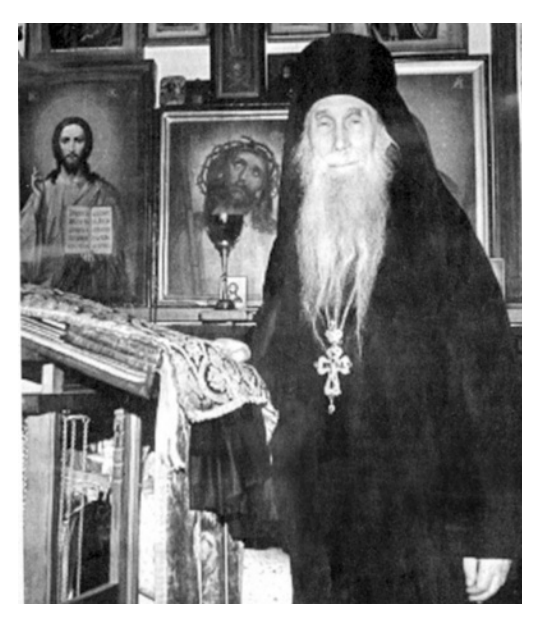
Ни одного, даже малого дела, я не делала без его благословения. Вначале было очень трудно нам. Негде было жить. Мне предложили прописаться в Струнино. Батюшка не благословил, сказал: «Нет, нет. Только в Сергиевом Посаде». Про себя, грешная, маловер, я подумала: «Наверное, отец Кирилл не знает, как трудно, тяжело прописаться здесь». Но когда это исполнилось, меня довольно быстро прописали, тогда ещё раз подтвердилось, что отец Кирилл – непростой Батюшка.

Там, где происходит общая молитва перед исповедью в Лавре, есть большая икона Спасителя. Когда отец Кирилл читал там молитвы, то он как бы разговаривал с иконой, выпрашивал у Господа, чтобы Он простил наши грехи. Чтобы Он нас соединил со святой Своей церковью.

Иногда получалось и так. Идёшь к отцу Кириллу с одним вопросом, а он вдруг предложит настолько совершенно иное, другое, о чём ты и не думала. После этого течёшь по тому руслу, какое он для тебя открыл.

Однажды было и такое. Некая Людмила возжелала жить вместе со мной, в одной квартире. Стоим, ждём отца Кирилла, чтобы взять разрешение. Он идёт из своей келии Варваринского корпуса. Ещё не доходя до нас, он обращается к Людмиле: «Что

вы сбиваете её с пути? У неё свой путь!». И строго указал ей: «Уходите отсюда». Мы разошлись с ней. Поняли. У каждого свой путь. Каждого отец Кирилл вёл своим путём.



Совсем недавно, будучи в Троицком соборе Лавры, после того, как я приложилась к мощам преподобного Сергия, открыли дверь вниз, в Серапионову палату. Там был священник и ещё три-четыре человека. Служащий рассказал нам, что недавно лично к нему подошли две интеллигентные, грамотные женщины, москвички. Они его спросили: «Кто такой отец Кирилл?». Выяснилось, что эти дамы работают в учреждении, где собран банк данных на каждого человека. Всё у них происходило быстро и отлажено до тех пор, когда им надо было занести туда «Павлова Ивана Дмитриевича» (это мирское имя отца Кирилла). При всякой попытке введения машина не принимала это имя в свою память и выходила из строя. Летели искры. Прибегали инженеры, снова налаживали. Как только опять набирали имя и дату рождения Батюшки, вновь всё выходило из строя. Они были так этим потрясены, что захотели увидеть этого человека, одно имя которого выводит из строя все их хитрые механизмы.

На память пришёл случай, когда отец Кирилл благословил меня жить на квартире. Людей тех я не знала. Батюшка мне сказал: «Иди сейчас на вокзал. Ты их увидишь на платформе».

– Батюшка, да я их совсем не знаю, – удивилась я.

– Ничего. Ты их узнаешь, определишь. Это две женщины в возрасте. Татьяна и Мария.

Не переспрашивая более ни о чём, я пошла туда. Ничуть уже не сомневаясь. Веря в благословение Батюшки.

Вы не поверите. На платформе много было людей, но я подошла и обратилась именно к ним. Назвала их по имени. Они удивились: «Откуда ты нас знаешь?». Отвечаю: «Меня отец Кирилл к вам послал». Это ещё раз показало то, что Батюшка всех нас видит. Где мы находимся. В каком мы состоянии душевном, духовном. Какая у нас необходимость и что для нас полезно.

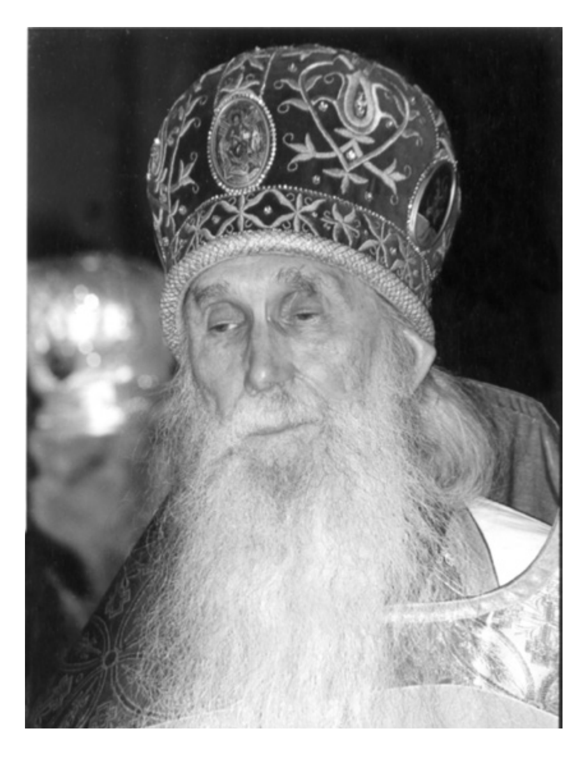
Думаю, что не только я, а каждый из тех, кто окормляется у отца Кирилла, ощущает всегда его близость, его помощь, его любовь, его тепло, заботу о нас.

Был у меня знакомый, р.Б.Константин. Очень много он сделал добрых дел, оказал милосердие людям. Он искал и не находил себе духовника. Он был знаком, встречался, исповедовался у многих священников, но не было близкого ему по душе.

Когда он увидел отца Кирилла, то очень захотел, чтобы тот стал его духовным отцом. Стал усиленно молиться об этом. Господь услышал его молитвы. Произошла встреча. Константин был потрясён.

Отца Кирилла слушать надо не то что слово в слово, а слог в слог. Поступать именно так, как он благословил. Исполнять точно. Ничего не «прибавлять». Это как в кройке шитья. Если чуть отойти от линии, то материал будет искривлён и вещь забракована.

Батюшка благословил меня как-то делать одно дело в четверг. А у меня неожиданно освободился вторник. Обрадовалась я. Желая его порадовать, сделать пораньше, стала споро делать в этот день. И что же? У меня ничего не получилось. Дело было испорчено. Да так, что исправить его было нельзя. Поняла я свою ошибку, но поздно. Надо было делать тогда, когда он сказал. То, что нам кажется «неважным», на самом



деле это не так. Нам не дано многое видеть. А потому надо иметь духовников, слушать их и исполнять в точности, что они говорят. Потому как им дано видеть многое из того, что мы не ведаем.

Отец Кирилл сам служитель закона духовного, Божьего. Как Сам Господь, пришедший отменить Ветхий завет, но перед этим Он весь его **исполнил**. Полностью, до последней буквы. Только потом он дал нам Новый завет, новый закон. Так и отец Кирилл, он не что-то выдумывает. Он является тонким проводником Бога к нам. Передатчиком Его воли. Того, что мы не можем уловить, а он нам просто на нашем языке всё передаёт. Поэтому мы должны не просто прислушиваться, а слушать и исполнять в точности всё то, о чём он нам говорит. Отец Кирилл произносит нам не свою волю, а волю Бога, верным служителем Которого он является. Господь его любит и передаёт ему такой дар слышания Его. У нас такого дара нет, потому что мы не молимся, не радеем, не служим Ему так, как надо. Мы грешные, обременённые всякой нечистотой и расслабленностью. Вот почему необходимо иметь духовника и слушаться его во всём.

Отец Кирилл как-то попросил одну из тех, кто за ним ухаживает, чтобы она пригласила к нему указанных четырёх людей. Та позвонила им. Но одна из четырёх приглашённых позвала ещё человек семнадцать. В том числе и меня. Когда мы

приехали, то у нас встречи с Батюшкой не получилось, хотя он сам назначал встречу. Я стала размышлять. Что-то здесь не так. Батюшка никогда не ошибается. Он всегда всё знает наперёд. Никогда не заставит ждать людей, которых позвал.

На обратном пути я сидела рядом с той матушкой, одной из четырёх, которой он указал прибыть. Та мне и рассказала, что ей позвонили, а она из «лучших побуждений» позвала с собой столько людей. Я поняла, что тут и есть ключ для отгадки.

Хочу добавить, что отец Кирилл является для нас не только Батюшкой, но и мамой, ласковой, заботливой. Бывает, придёшь, что-то у тебя «не то». Скорбь, уныние, недовольство, ропот, осуждение, а он терпеливо, с истинно материнской заботой и сопельки нам подберёт, всё выправит. Сделает что-нибудь простое, мало заметное. Скажет что-то такое тёплое, обнадёживающее, что возникают лёгкость, радость. Выходишь от него, и жить снова хочется. Снова все люди вокруг – хорошие. Снова всё – легко и просто. Батюшка слышит душу каждого. Вот почему нам так трудно без Батюшки, тяжело.

Мы – эгоисты. Думаем только о своих удобствах, о своём благе и часто совершенно не думаем о нуждах отца Кирилла. Какими мы бываем часто жестокими в желании получить только для себя пользу, ничуть не заботясь о нём. Как мы ему порой досаждаем! А он – тоже человек. Не думаем о том, что и ему нужна забота, теплота души нашей. Он никогда не требовал от нас ничего для себя. Не показывал такую надобность. Но она есть у всякого человека. Это видно из одного редкого случая. Когда он лежал в больнице, то попросил прислуживающую, чтобы она вызвала матушку Варвару, а та спросила отца Кирилла: «Что вы так её выделяете?». Он ответил: «У неё душа добрая, угодная Богу и мне».

Отец Кирилл сейчас болен. Хотя я считаю, что он здоровее всех нас.

Конечно, молитвы его чувствуются, и я желаю ему многая и благая лета.

Кто за ним ухаживает, желает добра, здравия, радости, духовного утешения – всем этим людям я низко кланяюсь.

«Помня всегда благодеяния Божии, мы должны всегда за всё прославлять Его святое Имя, и эта наша благодарность Господу должна выражаться в возношении к Нему молитвы благодарения, молитвы искренней, сердечной и чистой. И на благодарного человека Господь взирает с благоволением и любовью, исполняет его благие прошения и ниспосылает новые милости. Неблагодарность же наша свидетельствует о чёрствости и грубости нашего сердца, о непамятовании и непонимании нами благодеяний Божиих, о недовольстве своим положением и о других пороках нашей души. И мы, грешные, какому человеку больше милости оказываем: тому ли, который ценит наше добро и благодарит за него, или тому, который к благодеяниям нашим относится невнимательно, а то и совсем пренебрежительно? Конечно, первому. И Господь неблагодарных людей лишает Своих милостей».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Владимир и Галина Петровы:

Владимир: – Меня познакомил с отцом Кириллом священник Валерий Суслин. Где-то в восемьдесят пятом году. Отец Кирилл меня и в личной жизни направлял. Тогда у меня задумки о монашестве были, но отец Кирилл сказал мне:

– Тебе надо бы в монастырь, но жениться тебе – лучше.

Я согласился с Батюшкой:

– Раз лучше, пусть будет так, по-вашему.

И ещё спрашиваю:

– А как мне быть? У меня нет никого, на ком бы я хотел жениться.

Отец Кирилл, посмеявшись, успокоил меня:

– У нас здесь есть много невест.

Дал адрес одной из своих давних прихожанок. Я пришёл туда. Хозяйка приняла меня. Мы поговорили, и она дала мне адрес, где остановилась и жила тогда Галя. Вот так мы познакомились по батюшкиному благословению. Какое-то время мы только встречались. Мне часто надо было уезжать. Жил тогда я в Смоленске, а родители в Малоярославце.

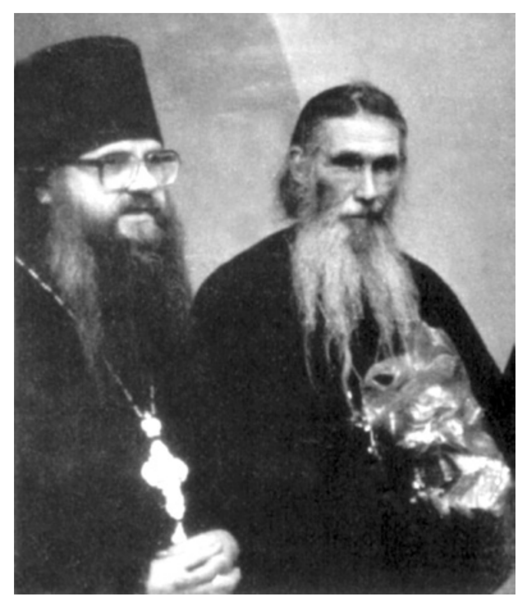
Отец Кирилл благословил нас венчаться. Указал, в каком храме это нужно сделать – в селе Красное.

Когда отец Кирилл посоветовал мне жениться, тогда же он усомнился и в решении идти монашеским путём ещё одному молодому человеку. Тот не послушался, поехал к другому какому-то старцу. Тот сказал ему наоборот: «Да нет. Ты иди в монастырь». Парень сделал так. Да, поступил, к тому же в Лавру. И что? Он хоть и пострижен, в рясе, а, по-существу, не монах. А так, не пойми кто. На службах не бывает. Молиться ему некогда. Он всё время в хлопотах, в разъездах, в суете. В Лавре почти не бывает. И у него много было неприятностей, искушений...

Смотрю даже по другим. Отец Кирилл говорит тихо, ненавязчиво, как бы «между прочим». Иногда смущаясь. Некоторые от этой простоты приходят в сомнение. Вроде бы странно: «Как это батюшка так вот говорит?». А он видит. Видит всё намного вперёд, про каждого.

После венчания мы переехали в Калужскую область, поближе к моим стареньким родителям. Тут в конце 80-х годов возрождение пошло. С тысячелетия Крещения Руси. Подумал я тогда, что буду адвокатом работать. Церкви надо помогать. Много стал ездить помогать монастырям, приходам в юридическом оформлении документов. Потом поехал в Оптину пустынь. Там наместником был архимандрит Евлогий. Отец Кирилл благословил меня обратиться туда. Дал мне рекомендательное письмо к наместнику. Тот взял меня. Там я стал работать при нём. Наместник поселил нас рядом с монастырём. Там и дети у нас родились. Трое. Два мальчика и девочка.

Как-то я спрашиваю отца Кирилла: «Что-то в Оптине не так происходит. Инородцев много стало». Отец Кирилл стал креститься, молиться, потом быстро заговорил: «Нет, нет, русские в основном...». Я всё своё талдычу: «Да один Сергий Рыбко у нас чего стоил. К нему в пустынь с барабанами приезжали. Чего творили! Наместник за голову хватался. Там такое нездоровое течение образовалось...».



Архимандрит Евлогий с духовником Лавры. 1982 г.

Жили, нельзя сказать, что припеваючи. Со скорбями, неустройством. Тяжело. Когда старец благословляет, это очень хорошо. Всё – правильно, верно. Но и враг не дремлет. Он так сильно нападает!.. Искушения большие мы на себе испытали. Жить при монастыре – непросто. Враг очень старается воспрепятствовать, отнимать полученную благодать от святого места.

Когда отец Кирилл направлял меня к архимандриту Евлогию, то сказал, чтобы я слушался только его, наместника монастыря, и был ему верен.

Но враг же «работает». Особенно в святых местах. В монастырях.

Через какое-то время начались интриги. Как многие, я думал, что монахи – идеал, сама кротость, а вскоре увидел, что это пришедшие из мира люди со своими страстями, слабостями. Потом я это увидел. И вот образовалась небольшая, но активная группка, которая организовала отторжение, напор против

настоятеля. Они привлекали на свою сторону и других, и власти даже. Я держался той линии, что мне задал мой духовник, отец Кирилл. Держался строго данного мне направления моего поведения. Поэтому они открыто восстали и против меня. Пошли к наместнику и стали утверждать, что моя должность юриста и сам я – не нужны в монастыре.

Тогда я опять поехал к отцу Кириллу на исповедь. Прошёл в братский корпус. У батюшки хоть и в будни, а был уже народ. Как всегда, прочитали вначале общую молитву. После этого Батюшка всем сказал: «Ну, вы идите, а его я оставлю. А то, может, его выгонят...». При этом берёт меня за плечо и останавливает.

Когда мы остались одни, отец Кирилл стал молиться перед иконами. Так молился он! Долго-долго. Потом поисповедовал и благословил меня.

О чём Батюшка молился, я не знаю. Ничего же я ему не успел рассказать... только общая молитва закончилась. Я ещё не исповедовался. Он духом провидел!

Приезжаю в монастырь, и... о, чудо!

Мои недруги, встречая меня, улыбаются, приветливы со мной. Я был поражён. Вот что значит молитва Батюшки нашего! Особенно самый ярый недруг настоятеля и мой друже-

любно остановил меня и даже облобызал. Вот какова молитва старца!

Через какое то время, после того, как наместника Оптиной, архимандрита Евлогия перевели во Владимир, вскоре и меня вывели за штат. Нужно было искать новое место. Тогда я поехал к отцу Кириллу, и он дал мне новое послушание, которое я, к великому своему стыду и горю – не исполнил. После этого очень тяжело было. Много было скорбей. Как по работе, так и дома, личных.

Отец Кирилл сказал мне, чтобы я пошёл устраиваться работать в Калужскую епархию юристом. Помогать митрополиту Клименту. Вместо этого я, рассудив своим умишком, решил восстановить сельский храм, недалеко от Козельска. Гордыня меня занесла. Вроде бы – благородная цель. Но так было тяжело. Помощи никакой. Неустроенность. Не один – семья, дети. Их надо кормить, а мне на церковь деньги надо добывать, с утра до ночи. Отца Кирилла рядом нет. Советовать некому. На семье мой самочинный «подвиг» особенно отразился.

Приехал я наконец к отцу Кириллу. Он, считая, что я исполнил его наставления идти работать в Калужскую епархию, спрашивает меня:

– Ну, ты как, трудишься?

Отвечаю:

– Батюшка, я остался в Козельске. Восстанавливаю церковь.

Он не то что удивился, возмутился, но как-то был недоволен. С горечью сказал:

– Я же тебе сказал – иди работать в епархию.

Неслух я, не пошёл, куда отец Кирилл указал.

После этого нам, мне и особенно семье, было очень тяжело. Почти до разрыва. Ту задачу, которую я себе самонадеянно поставил, была не по мне, не по моим силам это вытянуть. А в епархии, куда меня посылал отец Кирилл, может, в это время как раз я был нужен.

После этого я понял окончательно – **благословение духовника надо исполнять!** Во что бы то ни стало. Как бы тебе не казалось это странным, менее нужным, полезным и т.д. На своей шкуре испытал – как это.

Потом уже, через несколько лет, когда я каялся перед отцом Кириллом за это ослушание, он мягко, но с назиданием, сказал мне: «Ну, ничего. Это на память тебе. На память...». Это было, когда мы уже из Козельска сюда, в Сергиев Посад, переехали.

На соборовании, лет этак десять назад, я молился и об отце Кирилле. Батюшка тогда был в больнице, сильно болел... Через некоторое время отец Кирилл выздоровел. Снова стал принимать людей. Попал и я к нему. Батюшка говорит всем нам: «Ну вот, мы опять встретились. Бог нам дал здоровья». И на меня при этом с благодарностью посмотрел. (Смеётся). Вот так вот. Это так, личное, субъективное. Может, я ошибаюсь. Но это было.

Отец Кирилл, помолившись, пошёл к окну, взял там чего-то. Подходит ко мне, даёт, и говорит: «На тебе русскую грушу». Весело при этом смеётся. Такую большую грушу дал! Не знаю, о чём он молился перед этим, но мне намного легче стало. Более ясно, твёрдо, понятно и спокойно. Вселил он в меня новые силы, бодрость и отвагу.

От отца Кирилла, когда приедешь, после бесед с ним, всегда легко всё становится и... благостно. Проблемы все сами собой уходят.

Галина: – Приехала я из Новосибирска в Лавру в 1985 году. Архимандрит Кирилл тогда был в Лавре, но болел. Решила я всё-таки дождаться, когда он выздоровеет и можно будет с ним увидеться. Две недели жила в Сергиевом Посаде, дожидаясь. Ходила в Лавру на службы, молилась. Отца Кирилла я никогда не видела. Только слышала много о нём.

Во сне вижу монаха, и он мне говорит: «Завтра ты ко мне придёшь». Утром просыпаюсь, знакомая мне тут же сообщает: «Батюшка выздоровел. Принимает». Мы поспешили в Лавру.

о. Кирилл всегда рад гостям.

Там, в посылочной, я увидела отца Кирилла и поняла, что это он мне снился, именно этот монах.

Помню, как мы познакомились с Владимиром, моим мужем. Это было под Новый год, 31 декабря. Отец Кирилл прислал его ко мне. Венчались мы 19 мая.

Было такое счастливое время, когда Батюшка принимал ежедневно, и мы жили разнежившись. Полагаясь на то, что любой, даже самый простой вопрос, отец Кирилл разрешит завтра или послезавтра. Жили за ним, как за каменной стеной. Ни о чём не тревожились. Никаких проблем не имели, не думали о них, не разрешали тяжело, всё относили духовнику. Он всё и решал.

Да, если бы не отец Кирилл, то и наша семья распалась бы. Из-за неустроенности, жилья временного, трудностей. Мы жили по молодости, по страстям нашим. Быстро бы перессорились вконец и разбежались в стороны. Семья распалась бы. Отец Кирилл учит терпению и взаимоугождению, а это основа всякой семьи. Притирки поначалу между людьми долго же происходят, трудно. Батюшка терпеливо смирял нас. Это сейчас нам кажется, что были какие-то мелочи, пустое, а тогда это

были для нас острые проблемы, болезненные углы. При бытовом, житейском неустройстве жить трудно. Это очень взвинчивало, раздражало.

Батюшка говорит мягко, ненавязчиво. Никому ничего не навязывая, не заставляя, и поэтому многие ошибались. Считали, то, что он говорит, это предположительное, не обязательное. Просто его мнение. Если будет какая трудность, он разрешит её. Поэтому часто не исполняли его советов, даже не замечая этого. А зря, очень зря.

Владимир: – Враг не дремлет. Всегда находит болезненные места и раскручивает. Мы разленились. Не следим за собой. За тем, что происходит. А враг не спит. «Рыкает, аще кого поглотить». Надо быть бдительными. Нельзя сейчас жить беспечно, небрежно. Этому учит нас отец Кирилл.

Наши несогласия, раздоры, всё Батюшка приводит в норму. Устанавливал мир и согласие. Если бы не помощь, не его молитвы, то, конечно, нам было бы намного труднее. Это без всяких сомнений.

Галина: (грустно) – Сейчас у нас наибольшая скорбь. Она оттого, что мы не видимся теперь с отцом Кириллом. И даже не из-за отдалённости, а потому, что трудно к нему, невозможно попасть. Как он слёг, так мы и не виделись с ним. Это очень тяжело для нас. Всё время думаем, жалеем его и молимся о нём.

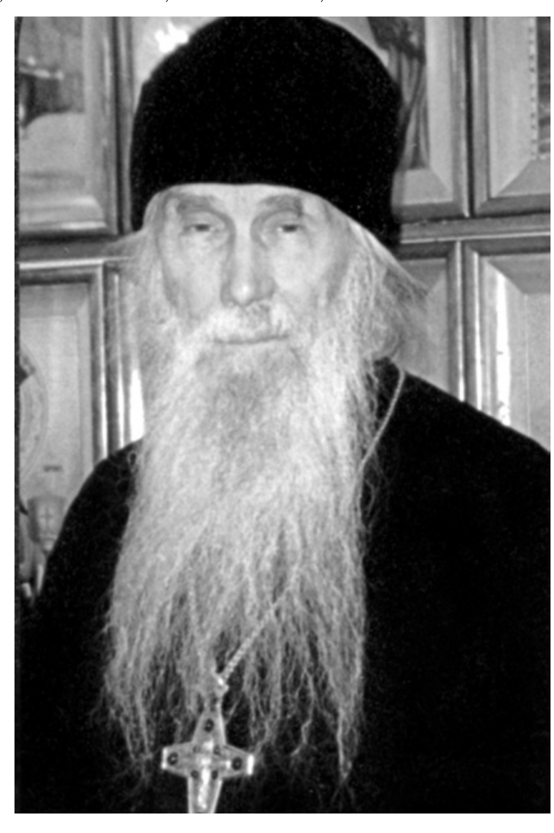
Забрали отсюда, из Сергиева Посада в Переделкино, отца Кирилла в 95-м году. Теперь без постоянной духовной поддержки, его отеческой заботы нам всем очень трудно. Сейчас как-то уже окрепли, освоились, а поначалу было очень тяжело. Как сироты остались. Безпомощные.

Владимир: – Сказать, что совсем мы от него оторваны, тоже нельзя. Молимся мы за него постоянно. А это же главное. Духовная связь – наиглавнейшее. Расспрашиваем тех, кто у него бывает. Смотрим фотографии, кто-то на видео снимает, как он и лёжа разговаривает с людьми, улыбается. Конечно, мы с ним, а он с нами. Мы никакого другого духовника и не ищем.

Он, отец Кирилл – наш духовник. К нему в молитвах мы обращаемся и укрепляемся, чувствуем его помощь.

Галина: – Когда отец Кирилл был рядом, мы регулярно бывали у него, исповедовались, советовались,.. были безпечными, ничего не замечали. Вроде бы всё обычно. Житейские вроде бы вопросы, всё ясно, понятно, просто, а от этого казалось незначительным, необязательным. Ответы Батюшки выслушивали и не придавали им особого значения, не углублялись. Понимание, важность их пришли позже. Теперь осмысливаются и видятся значимость, сила его наставлений. Оценивается всё в полной мере лишь тогда, когда происходит утрата.

Владимир: – Даже сейчас, когда отец Кирилл находится в таком болезненном состоянии, его так долго нет рядом с нами, вроде бы мы покинуты, оставлены, но нет. То, что Батюшка и сейчас молится о нас, мы чувствуем, ощущаем постоянно. Даже более того, порой воочию видишь, убеждаешься в его заботе о нас, помощи. Батюшка отводит от нас беды и напасти. То, что он сейчас страдает, в этом тоже имеется замысел Божий. Бог – многомилостивый. Во всём есть промысел Его. И мучения нашего любимого Батюшки тоже имеют свой глубокий, важный смысл. Думаю, как Господь смилостивился к нам и Своими страданиями дал нам,



всему человечеству, путь ко спасению. Так и муками нашего всероссийского Духовника время нам продлевается. Для укрепления нашего в Вере и единении с Церковью. Для приобретения ещё тех, кто желает спастись. Многая Батюшке нашему и благая лета!

«В чём состоит смиренномудрие? Смиренномудрие есть такое состояние души, в котором она, познав всю слабость и нечистоту свою, бывает далеко от всякого высокого мнения о себе, постоянно старается раскрывать в себе доброе, искоренять всё злое, но никогда не почитает себя достигшею совершенства и ожидает его от благодати Божией, а не от собственных усилий.

Если мы желаем быть истинными христианами, то должны всеми силами стараться возбудить в себе дух христианского смирения и стремление служить другим. Чтобы мы полюбили смирение и не думали, что оно может унизить нас, мы должны всегда помнить, что этой добродетели прямо обещана награда и что гордость ненавистна и Господу и людям, смирение же привлекает благоволение Божие и людей».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Монахиня Вероника:

– Тогда я только пришла к вере. Приехала в Лавру помолиться, не одна, там нас была целая группа, мы учились в институте. На сессию приехали с Урала.

Стала я спрашивать в Лавре про отца Кирилла. Мне ответили, что есть и другие священники. Отвечаю: «Мне не нужен никто другой. Хочу только видеться с отцом Кириллом». Они развели руками. Мол, нет его сейчас в Лавре. Жду день-другой, а отец Кирилл всё не приезжает. Что же делать?

Далеко не сразу к отцу Кириллу подошла. Очень хотелось, но я себя сдерживала: «Очень грешная я, своей греховностью марать такого человека!». Стыдно. Жалко его. Время у него отнимать. Расстраивать его. Как перед Богом. Стыдно за свои многие погрешности, по лености, по нерадению... Не хочется досаждать такому человеку. Несколько раз были возможности попасть к нему. Но стыдно. Не решалась я. Святой человек! А я... Не хотела обижать его своей греховностью.

Наконец я попала к отцу Кириллу. Первая встреча у нас состоялась после службы. Это было ещё в 80-х годах. Приехала я тогда в Лавру к преподобному Сергию. Пришли на братский молебен. После все сначала иноки подходят к мощам и ко кресту, а потом уже мы, мирские. Прохожу и я. Вижу, меня всю просверливает взгляд чей-то. Смотрю и никак не могу определить, кто же меня рассматривает? Встретилась глазами со старцем. Таким он мне показался необыкновенным. Весь белый, светящийся. Посмотрела я на него и думаю: «Вот бы мне такого духовно отца, чтобы меня повёл».

Помолилась, приложилась и пошла.

Приходим на службу. Народу много. Вышли из храма после службы. Идём. Вдруг вижу, по дорожке Батюшка идёт. Смотрю и не верю. Он, он! Тот самый!.. Представляете, какое моё удивление было. Смотрю: это тот старец, который мне понравился. Так я возрадовалась. Удалось с ним немного побеседовать, договориться о встрече.

Другой раз, когда я приехала, долго мы с ним разговаривали. Многим он интересовался. У меня болезнь суставов. Когда я сказала об этом отцу Кириллу, он не только меня утешил, но и стал хлопотать. Нашёл человека, адрес в санаторий. Сказал, что сам туда позвонит, чтобы меня приняли, полечили. Это для меня было так непривычно, странно. Он меня видит первый раз, незнакомый я ему человек. И вот такое отношение! Такое участие его.

Потом он взял меня в свои чада. Не помню, как он мне сказал об этом, но у нас обоюдно получилось. Батюшка сказал:

«Всегда рад встретить тебя, видеть, матушка. Всегда тебя помню, и всегда приходи, когда надо, по любой трудности, нужде». Даже и не помню, как это всё в деталях случилось.

Заканчивала я Тихоновский институт. Мне не нравилось там много чего, и я часто к Батюшке приезжала.

Одна женщина меня попросила: «Через тебя я смогу попасть к отцу Кириллу. Ты меня сможешь провести к нему». Батюшку тогда уже начали надолго увозить из Лавры в Переделкино. Попасть туда было очень трудно.

Женщина та меня подговаривает:

– Я тебя подвезу, а ты меня туда проведёшь. Мне очень надо.

Так и договорились. Мы и поехали. Вот едем, едем, а у меня привычка такая, люблю очень Псалтирь читать. Не выпускаю из рук, пока мы ехали, всю дорогу.

Доехали мы. Так стало тихо во мне и легко. Мы вышли, подходим, ворота закрыты. Но мы прошли и охрана нас не заметила. Подходим к келье Батюшки, а она закрыта. Что делать? Вдруг подходят несколько человек и начинают на иностранном языке разговаривать. Потом на русский переходят: «Да вот там, туда пошёл». Смотрю, эти люди исчезли, их нигде не видно. Мгновение были, и вдруг нет. Пошла я туда, куда они показали рукой. Смотрю, стоит машина, у машины стоят в две шеренги сестры и Батюшка посередине. Они поют ему прощальную песню какую-то. Он стоит. Бегом туда, подлетаю. Батюшка улыбается:

– Ну что, по молитвам, матушка, по молитвам прошла.

Благословил меня, сказал:

– Завтра приедешь в Лавру, я поеду туда сейчас и тебя там приму.

На следующий день я приехала туда, и Батюшка меня благословил в монастырь, на Толгу, с дочкой. Ничего я не просила совершенно. Даже не ожидала, что он меня благословит в монастырь. До этого он говорил мне:

Переделкино. Отец Кирилл и инокиня Наталия в старом домике.

– Езжай, посмотри по монастырям. Как тебе, где понравится.

Поездила я, приезжаю, говорю:

– Простите, но мне нигде не приглянулось.

Батюшка подумал, а потом говорит:

– Тогда благословляю тебя в монастырь, на Толгу.

Когда меня Батюшка благословил в монастырь, сказал: «Приезжаешь, рассчитываешься с работой сразу, дочку бери и езжай в Толгу, благословляю». У меня всё упало. Мне очень не понравилась Толга. Наместница там непростая, суровая.

– Батюшка, мне там не понравилось!

Отец Кирилл промолчал в ответ. Потом повторил тихо:

– Срочно езжай туда.

Подставила я ладони для благословения. Поехала. Побыла там. Решила возвратиться.

Настоятельница не хотела меня отпускать, говорит: «Поживи подольше». Говорю: «Не могу, у меня там дочь брошена, я не могу надолго» Все-таки на неделю задержалась.

Приехала домой, на Урал. Рассчиталась, тайно от всех собиралась. Приходили ко мне сёстры мои в гости, и никто не видел, что я собиралась. А у меня всё было уложено по коробкам, никто не видел, у всех глаза закрыты были. В последний день, завтра утром на поезд, я объявляю:

– Ухожу в монастырь.

Все удивились. Мне трудно было уговорить родителей. С малолетства я говорила:

– Не бойтесь, я вас никогда не брошу. Доведу до смертного одра. Провожу как надо.

Они на меня надеялись. И вдруг я ухожу. Подхожу к маме, когда немного осталось до отъезда, говорю:

– Мама, если хочешь, чтобы у меня всё было хорошо в духовной жизни, вообще в жизни мне и моей дочке, то вот тебе икона и благослови нас уехать в монастырь. Так духовник мой определил.

После этих слов благословила меня мама на монастырь, и уехали мы. Потом родители начали мне телеграммы слать, чтобы возвратилась, но по молитвам Батюшки всё управилось.

Когда я уже приехала окончательно, рассчиталась на работе, квартиру оставила, приехала, иду к Батюшке. Он спрашивает:

– Всё? Поезжай.

Негодная, я упрямлюсь. Когда была у матушки, она такая строгая мне показалась. Не возьмёт меня. Поэтому сразу и спросила:

– Напишите мне какое-нибудь письмо сопроводительное.

Отец Кирилл усмехнулся и сказал:

– Ладно, напишу.

Дал мне отец Кирилл письмо. Такая вот я трусиха. Единственная я пришла с таким сопроводительным письмом в монастырь.

Батюшка благословил, и за послушание я поехала на Толгу. У него такая молитва сильная.

В монашество у меня вход был странноватый, скомканный.

Там, на Толге, матушка однажды всех сестёр собрала и объявила, кого к постригу готовить. Мне ничего не говорит, а мне так хотелось монашкой стать быстрее, очень мечтала. Расстроилась я, но вида не подавала. Матушке Феодосии, мы с ней вместе пришли, ей сказала, а мне ни слова.

Поехала у нас одна сестра к отцу Кириллу, по поводу пострига, её матушка отпустила. Возвращается она и говорит мне: «Мать Вероника, тебе Батюшка передал такие слова: «Чтобы тебе матушка какие бы невероятные вещи ни сказала, на всё соглашайся». Озадачилась я. О чём это? К чему? Она сказала мне это вечером. Утром под благословение подхожу, матушка говорит мне: «Мать Вероника, благословляю тебя, в Алексиевский монастырь пойдёшь настоятельницей». Вспомнила я Батюшкины слова и говорю: «Благословите, матушка, повидаться вначале с отцом Кириллом». Мне хотелось очень его увидеть. Она говорит: «Хорошо, только не сейчас, попозже».

Очень я молилась, просила отца Кирилла и отца Николая с о.Залит. Не готова я была к этому. Страшно мне было это дело поднимать. Алексиевский монастырь отпал, неожиданно от меня отошёл, но монашество мне осталось. Матушка постригла, даже не предлагая. Меряют на меня облачение, а матушка мне не говорит, что меня постригают. Потом приглашают всех сестёр волосы расчесывать

перед постригом, а мне опять матушка не говорит, приглашает только приходить. Но наученная переданным мне наставлением Батюшки, я промолчала, поклонилась и ничего даже не спросила. Вот так меня постригали.

Как-то мне видение такое было.

Ехала я в поезде, не спала. Всегда, особенно в дороге, я молюсь по ночам, привыкла так. Изначально еще, когда только пришла к вере, Батюшка благословил меня молиться по ночам. Молюсь. Вдруг ко мне подходят двое. Говорят мне:

– Пошли.

Повели меня куда-то. Подводят к какой-то сцене, какие в кинотеатрах. Подводят к Кресту. Там Господь нарисован. Я говорю:

– Нет, нельзя, я человек грешный, оскверню Крест. Нельзя меня на таком Кресте распинать, потому что там Господь изображён.

Подводят они меня к другому Кресту. На нём ничего не изображено, но он не такой, т.е. нижней перекладины нет. Потом подвели к третьему. У него всё есть, и Господь чуть, едва прорисован. Соглашаюсь:

– На этот можно.

Причём, все время, пока меня подводили ко Кресту, я сама, и все другие, многие люди, которые там были, внизу, пели молитву: «Царю небесный». Мне думалось при этом: «Как хорошо, что эта молитва помогает мне».

После этого наступил провал, я ничего не помню. Встала, прошлась по поезду, по вагону. Опять легла. И снова пошло продолжение сна. Будто у той Голгофы лестница передо мной. Надо её подмести, потому что она не очень чистая. Пыль там. Веник стоит. Взяла этот веник, сверху смела. Прошла я по той лестнице и встала на площадку. И вдруг вижу Батюшку, отца Кирилла. И в этот раз, как всегда, вижу его улыбающимся. Он на той же площадке стоит и меня благословляет. Поняла я, что мой крестный путь он благословил. Обычно каждый раз при

встрече он всегда какую-нибудь изюминку скажет, небольшую, но такую важную, напутственную. И тут сказал что-то короткое, но очень ёмкое мне, как бы в весь мой путь. Одной фразой на все вопросы мои заранее ответил и утвердил. Мне так стало необыкновенно легко и тепло после этого стало, что я с радостью была готова на всё, но тут моё видение прервалось.

Один раз мы приехали к отцу Кириллу возбуждённые. При разговоре, успокаивая нас, желая вразумить в том, что не надо понапрасну тревожиться и поднимать панику, он рассмеялся и рассказал нам известную, но очень нужную нам тогда и поучительную притчу о пастухе, который зря поднимал тревогу, а когда наступила настоящая опасность, никто ему не помог.

Отец Кирилл очень внимателен ко всем нам, чуток. Умеет поддержать, поощрить человека. Всем, кто ему дарит что-нибудь скромное, недорогое, он всегда так радуется, хвалит подарок и дарящего. Мы ему как-то, зная, что у него больная спина, недорогой массажёр подарили. Он почтительно принял его. Весело воскрикнул: «Вот! Теперь у меня всё пройдёт. Буду массажироваться». Тут же продемонстрировал, как он будет это делать. На самом-то деле он не пользовался им. Некогда было. Отдал кому-то нуждающемуся, но нас порадовал, поблагодарил.

Удивляет и то в Батюшке, что и тех, кто, как я, редко к нему приезжают – раз в месяц, а то и реже – он помнит. Казалось, что загруженный полностью, общаясь ежедневно со многими людьми, он и не помнит

тебя. Но нет. Помнит! Всегда рад. И будто вы вчера с ним расстались.

Как-то меня долго не отпускала к Батюшке настоятельница. Поехала к нему послушница Валентина. Поговорив с отцом Кириллом, она спросила: «У нас есть монахиня Вероника, можно, я её буду придерживаться?». Отец Кирилл одобрил: «Да, знаю её. Придерживайся, держись за неё». И после этого Валентина прямо прилипла ко мне. Я туда – она за мной. В другую сторону – она за мной. Прямо как под конвоем. (Смеётся). Вот какова крепость Батюшкиного благословения.

Потом наступил такой период, когда Батюшку уже надолго забрали в Переделкино. Именно в тот момент, когда моя душа томилась, а я не могла к нему попасть. Месяц не могла к нему пройти. Прямо кричала: «Господи! Устрой мне встречу с Батюшкой».

Приехала с матушкой в Лавру, после Всенощной. Отца Кирилла не было в Лавре. Побыли мы там.

Игуменья уже меня стала звать, пора в обратную дорогу. Сказала ей, что мне очень нужно дождаться встречи с отцом Кириллом. Хочу к нему попасть. Осталась я.

Дождалась, когда отца Кирилла привезли в Лавру.

Патриаршая служба шла. Стою в большой толпе прихожан. Выходит отец Кирилл, окружённый всеми. Тут и архиереи, а Батюшка вдруг в этой толпе кричит: «Мать

Вероника, ты где? Иди ко мне». Под мантией провёл меня к себе в келью. Попала я к нему на долгую, обстоятельную беседу. В результате он снял с меня тот крест, который я от своей строптивости и гордыни уже была не в состоянии нести. Благословил меня на другой, который я сейчас несу. И слава Богу за всё! Батюшка меня об этом предупреждал и предвидел, что я буду гонима. Всегда говорил: «Тебя везде будут гнать, но ты должна стоять до последнего». Подарил мне покровцы бархатные. Долго я их у себя хранила, потом отдала матушке.

«Надо уметь господствовать над своим сердцем в минуту оскорбления, подавляя в себе гнев и неудовольствие в самом начале и не тотчас отвечать и действовать, а давши себе немного успокоиться.

Господь призывает нас к счастью земному и небесному через жизнь в духе евангельской кротости. Кротких любят люди, их любит и Господь».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Как бы ты ни провинилась, отец Кирилл всегда ровно, без возмущений тебя выслушает. Всё поймёт. Никогда голос не повысит, тон не поднимет. Всегда ровно и приятственно ко всем относится.

Произнесёшь свою исповедь, и как только Батюшка накроет тебя епитрахилью, внутри наполняешься такою благодатью!.. Действительно неизреченною. Ощущаешь всем существом своим, что как бы заново родилась. Эти нечастые встречи давали бодрость и силу нести тяготы жизни на многое время. Отец Кирилл так мог давать, через свои молитвы и постоянную заботу о нас.

Мне вот всегда казалось, что наиболее близки друг другу отец Николай Гурьянов и отец Кирилл (Павлов) Они ко мне одновременно пришли и вели параллельно.

Когда я первый раз увидела архимандрита Кирилла? На братском молебне тогда он очень запомнился мне. Свет! Стою

и себя не чувствую. Ни одежд, ничего не видно на нём. Всё растворилось в ярком свете. Он уходит куда-то в алтарь, вглубь, за стены его... Необыкновенный Батюшка! Не помню, как пришла в себя.

И отец Николай Гурьянов. Увидела я его в тот момент, когда он в алтаре ектенью читал, голос молодой у него. Потом поворачивается к нам. И прямо само солнышко!.. Как и отец Кирилл.

Послушание дополнительное было у меня в монастыре, паломников проводить, рассказать им, а их много. Нет сил, а они просят: «Как же нам, матушка? Придёшь к вам, вы всё спокойно расскажете и объясните. К другим подойдешь, им всё некогда». Поэтому много людей ко мне приходило. Очень я уставала. Ни молитвы, ничего нет. Как деревяшка порой бывала от усталости.

И с этим приду к отцу Кириллу, жалуюсь:

– Батюшка, помолитесь, устала от народа.

Он улыбается, и ничего, только проговорит:

– Тебе нужно благовествовать народу. Бог дал тебе этот дар.

Отец Кирилл очень мягко относился к тем, у кого крест игуменский или настоятельский. Матушка игуменья знала, что у меня к этому есть данные, и потихоньку готовила к этому, вытягивала.

Началось все с того, как нас матушка повезла, всех сестер, к отцу Павлу Груздеву. Это было за три месяца до смерти отца Павла. Поехал целый автобус сестёр. Идём к старцу. Он благословляет, одной песенку споёт, другой что-то скажет. Матушка стоит рядышком и смотрит внимательно, кому что говорит. Дошла очередь до меня. Я была тогда инокиней Феофанией. Отец Павел говорит:

– Из всех Феофания будет игуменией.

Вот с тех пор, как только открывается новый монастырь, меня туда. Я на колени, плачу. Начинаю обзванивать всех

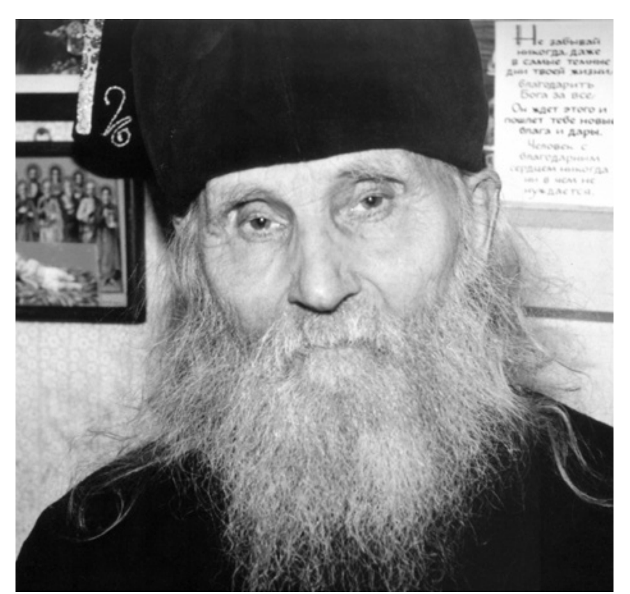
батюшек, чтобы они молились за то, чтобы меня оставили. Роптала я, порой не хватило крепости духа, а Господь всё равно поставлял в нужное место и собирал вокруг людей. Надо было, обязана я по-матерински других окормлять и приводить эти души к Богу. Желаю я того или не желаю. Не соглашаюсь, не хочу этого, а Господь всё равно через меня делает что надо. Трудно понять, что такое воля Божия и исполнять её. Вот уже много лет воюю сама с собой.

Архимандрит Павел (Груздев).

«Человек в счастье, в довольстве, в почести может легко надмиться и забыть Бога, скорби же очищают нашу душу, и смиряют ее, и приближают нас к Богу».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Отец Кирилл всегда очень любвеобильный. По крайней мере, когда я приезжала к нему одна или с дочкой, у него столько любви было. Так он согревает. Все печали, всё просто растворялось. После этого несколько месяцев мы будто летали. Потом опять у матушки просишься. Дочку я часто привозила к нему. Она у меня строптивенькая была. В монастырь сначала не хотела. Батюшка меня благословил, её не с кем было оставить. Ей было тринадцать, когда нас благословили. Батюшка благо-



Старец, протоиерей Николай Гурьянов.

словил мне и дочке уходить в монастырь. Вдвоём. Дочь у меня поначалу не хотела туда идти. Я ей пообещала, что если она не захочет, привезу её обратно. Она согласилась. Мы пожили с ней в монастыре неделю, дочь и говорит:

– Вези меня обратно, мне здесь не нравится.

А как обратно, если нет благословения? Два старца благословили в монастырь, отец Николай Гурьянов тоже благословил. Думаю: «Ну, как же быть? Ладно, как-нибудь управится. Батюшка молится, по молитвам как-нибудь выживем». Молчу. Ничего ей не отвечаю. Она мне и говорит:

– Ну, мамочка, тогда держись.

И она, конечно, дала мне «гастроли». Были у меня трудности с дочерью.

Поставили нас с ней в первый месяц на послушание мыть посуду за весь монастырь. Это было самое нелюбимое для меня дело. Не любила я мыть посуду. Немного поработав, дочь бросает всё и говорит мне:

– Ты как хочешь, а я пошла.

Мыла я за себя и за неё, пока матушка это не заметила и не разлучила нас. Меня поставила в лавку, а её в коровник.

Батюшка очень подкреплял. Приеду к нему, пожалуюсь:

– Батюшка, вот так и так... С дочкой трудно.

А он:

– Ну, ничего, ничего.

Помолится, и всё отходит.

Первые полгода я рыдала, в сильной скорби была. Придёшь в келью, а там эта двухметровая детина лежит. Крупная, высокая. Кровать панцирная, промята под ней. Спрашивает с ухмылкой меня:

– Ну что, мать, подвизаешься?

– Да.

– Надо тебе это? Да ну их всех!

– Что ты такое говоришь? – только и ужасалась я, но погладишь, поговоришь с ней, поднимается.

Матушка меня спасала. Одна бы не выдержала. Она поговорит с дочерью, та как-то утешится. Но было очень тяжело. Дочь у меня настырная такая. Доставалось мне от неё поначалу. Разрядка была! Ух, и смирялась я, не перед монастырём, а перед ней. По молитвам Батюшки, ничего, слава Богу. Потом всё управилось. Она успокоилась, всё стало нормально.

Приехала я как-то к отцу Кириллу, жалуюсь на неё. Батюшка мне говорит: «Сама живи свято. И её приведёшь. Так, что она будет тебя уважать, любить, и пойдёт за тобой». Это я запомнила. И действительно. Дочь стала по-другому ко мне относиться. Стала уважать. Сейчас она инокиня.

Успокоилась и решила остаться в монастыре, доучиться до 11 класса. Мы когда приехали, она в 8-й класс пошла. Потом матушка благословила её учиться для монастыря на ветеринара. Отец Кирилл благословил её на учёбу. Уходить Батюшка её не благословлял. Он сказал: «Поучись». Знал он, что она уйдёт, но не хотел, чтобы она уходила на эту учёбу, в мирскую среду. «Лучше бы она, конечно, осталась. Ну, уж пусть выучится, ладно», – сказал он тогда неохотно. Но и прибавил, что всё равно она вернётся. Надо ей что-то понести ещё дополнительно. В этой грязи побарахтаться, в мирской.

Она выучилась, и правда, возвернулась в монастырь. Сказала: «Наелась».

Новая послушница.

Всё, конечно, благодаря заботам и молитвам Батюшки. Так что будем надеяться, что и впредь он нас поддержит. Как только к нему возопиешь, даже по фотографии, помогает. Вот смотрю на фотографию. Когда сотворю грех какой, строго на меня смотрит. Когда всё хорошо – так улыбается. Он меня согревает всегда и на расстоянии, как будто рядом с ним находишься. Не оставляет своих молитв он и до сих пор, мы это чувствуем. Батюшкиными молитвами только и держимся.

Мужу сестры долго не выплачивали зарплату. Он звонит мне. Я молебны заказала. Сама усилила молитвы. И, конечно, отца Кирилла попросила. И что же? Выплатили деньги. Дивны дела Твои, Господи. Как Господь помогает!

На Толге я несла послушание на кухне. Один раз у меня что-то упало на пол. Подняла я, обдула и снова положила. Приезжаю к отцу Кириллу на светлой седмице. Батюшка даёт мне подарки для сестёр и говорит:

– Погоди, у меня для вас ещё подарочек есть. Вот это передашь матушке игуменье, а это вот тебе. Тебе – особенное!

На яйце карандашом написано «С полу». Спрашиваю:

– Батюшка, это вы меня так обличили?

Он смеётся в ответ. Это его прозорливый намёк был на то, чтобы я была аккуратной, бережливой. И мы с сестрами его разделили, хоть и «с полу». Как приезжали в монастырь, каждой сестре хотелось получить утешение от батюшки, т.е. батюшка знал, что будем делиться друг с другом, и всегда даёт побольше, что может. Мы разделим, чтобы на всех сестёр хватило, каждой передать. Такое от Батюшки было благословение всем нам.

Чад у отца Кирилла на Толге много, наверное, около двадцати. Матушка, слава Богу, отпускала нас к Батюшке. Она сама у него окормляется. Очень его уважает.

Были мы в Питере, у Ксении Блаженной. Молились там с игуменьей, и к нам подошли. Мне было сказано:

– Ты бы знала, как ненавидит враг тебя. Ой, не ходи по ночам, не ходи.

Думаю:

– Откуда знают, что я по ночам хожу? Часто я только в четыре часа ночи возвращалась с послушаний, но всегда с молитвой.

Батюшка меня благословил молиться и по ночам. В монастырь когда пришла, тогда благословил: среда и пятница – строго без еды. Редко дают такое благословение. Для укрепления, чтобы быть истинным воином Христовым. Отец Кирилл всегда даёт нагрузку по силам, чтобы выдержать. Много лет я всё это держала.

«Смотри каждый на себя, и как любишь себя, так же точно люби и ближнего твоего».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

У нас сестра одна была, очень мнительная. Хорошая сестра, но имела слабость. Придёт ко мне и зудит над душой: «Та сестра такая, и вот та сестра нехорошая», – накрутит меня. Сказала, пожаловалась я об этом отцу Кириллу:

– Батюшка, вот так и так.

А он мне в ответ:

– Запрещаю тебе! Не смей думать плохо ни об одной сестре.

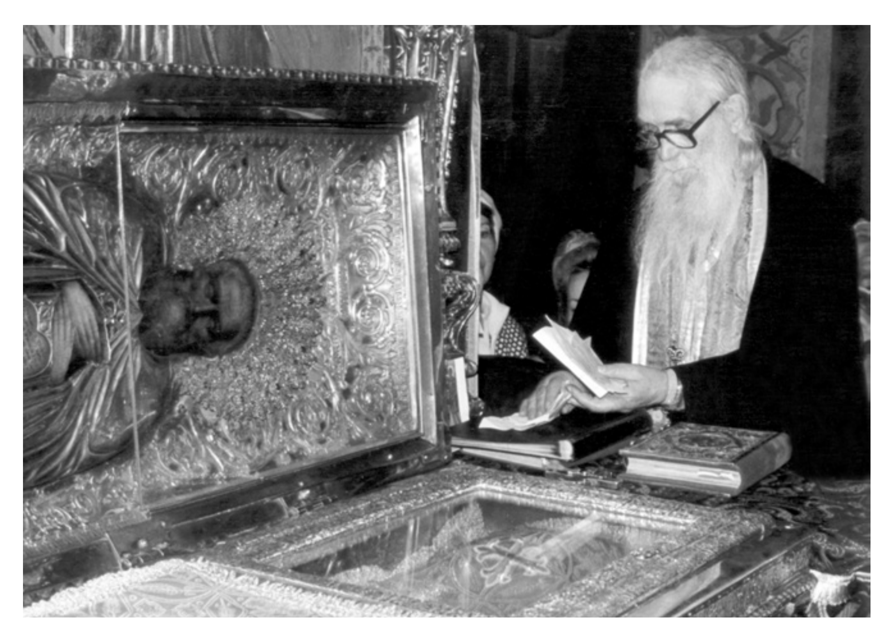
И вот это запрещение его, резко сказанное, на всю жизнь отсекло от меня все недовольства. Сейчас, слава тебе Боже, ни на кого ничего не думаю плохо или ещё что. Кто бы что ни говорил. Стараюсь просто защитить человека, потому что вражья сила очень нападает на всех нас. Вот такое резкое отсечение греха отец Кирилл произвёл во мне.

Одна женщина, приехавшая издалека, подаёт записку отцу Кириллу, и он читает «за упокой». Женщина поправляет его читать «о здравии». Он опять читает одно имя, её сына «за упокой». Та женщина расстроилась, приехала домой, а сына нет уже в живых.

Мне как-то сильно тяжело было. Вдруг во сне вижу отца Кирилла, и он с сочувствием спрашивает меня: «Ну, что у тебя, мать Вероника, случилось? Давай я тебя благословлю». Благословил, и всё из меня вышло. Всё напряжение, страхи, усталость, надрыв...

Когда настоятельница отпустила меня в родные места, в отпуск, купила билет заранее, за несколько дней. Решила по пути заехать в Лавру, к отцу Кириллу. Побыла у него. Забыв о сроках моего отъезда, осталась ночевать у знакомых. На следующий день опять пошла к Батюшке за благословением на дорогу. Он тревожно мне сказал: «Что-то у тебя не в порядке. Но ты не тревожься, езжай. Помолюсь, и ты молитву не оставляй. Бог даст, устроится всё».

Приезжаю я в Москву. Иду на вокзал. Стоит поезд. Вхожу. Меня пропускают. Прохожу, сажусь на своё место. Вскоре приходит молодой человек. У него билет на то же место. Проводница посмотрела наши билеты. Удивилась, что на одно место два билета. Пошла к начальнику поезда. Билеты оставила на столике. Как глянула я на них, и вся похолодела. Мой поезд ушёл вчера. Взмолилась я Богу, стала читать молитвы.



о. Кирилл служит у мощей прп. Сергия.

Вспомнила отца Кирилла, его тревогу. К нему мысленно обратилась. Денег у меня было совсем немного. Пришёл начальник поезда. Взял билеты. Смотрел, смотрел, потом говорит молодому человеку: «Вы пришли позже. Пойдёмте, я вам другое место дам». Мне говорит: «А вы оставайтесь здесь». Таким вот чудом, по молитвам Батюшки, я смогла доехать до дома.

На обратном пути заехала опять в Лавру. Рассказала отцу Кириллу о случившемся в поезде, а он смеётся...

Другой случай. Тоже в отпуске на Урале. Собралась я возвращаться обратно. Друзья мне сказали, что скоро поедут в ту же сторону, через Дивеево только. Ну, хорошо. Заехали мы по пути к игумену Сергию. Он вдруг подходит ко мне и говорит:

– Матушка, позвони отцу Кириллу.

Удивилась я, думаю: «Зачем я буду звонить? Через два дня я буду у него. Не буду его безпокоить».

Он опять подходит ко мне:

– Позвони Батюшке.

Опять я в недоумении.

Пять раз ко мне отец Сергий подходил. Наконец, я думаю: «Ладно, за послушание я позвоню».

В 11 часов вечера уже я позвонила. Дозвонилась. Сказала, что мы едем, чтобы Батюшка помолился за нас. Ну и всё.

На следующий день утром мы поехали. Нас трое человек было. В три часа дня едем на скорости 120 км. Шоссе свободное. Впереди большая грузовая машина показалась. На сильной скорости быстро приблизилась к нам. Когда она была уже около нас, вдруг запаска, колесо, которое посреди у этой машины было внизу прикреплено, отлетает и в два прыжка около нас. Всё время я читала Псалтирь и только успела крикнуть: «Господи, помилуй!», колесо неожиданно немножко отвернуло в сторону и мы успели проскочить мимо него. Просто чудом мы спаслись. Потом остановились. Водителя нашего минут пятнадцать трясло, потом он смог сказать:

– Это что-то невероятное. Как мы спаслись?..

Такие вот чудеса. По молитвам Батюшки. Спаси нас, Господи!

Одно время пошла у меня сильная скорбь, от тяжёлых, длительных послушаний. По два часа спишь только, ничего не успеваешь. От этого была всё время полусонная, как деревяшка. В раздражении и унынии. На службах бывала редко. И как бы на службе присутствуешь, а службы не слышишь. Сказала об этом отцу Кириллу. На это он мне ответил:

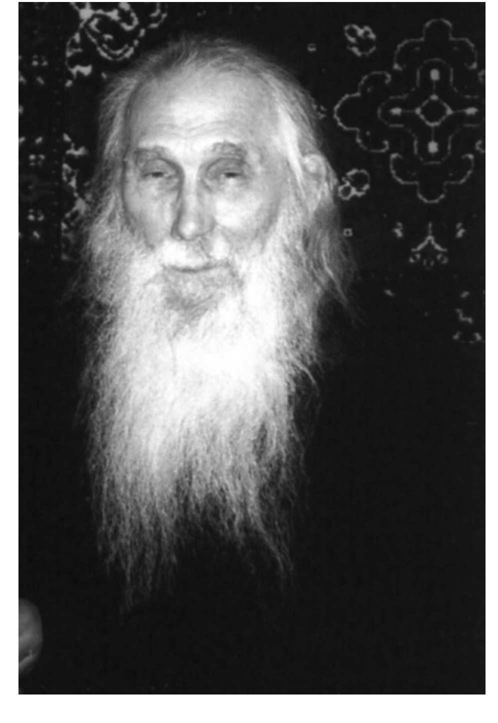
– Ты читай всё время Иисусову молитву. Где бы ты ни была, навыкни каждую минуту ум свой держать в беседе с Богом. Старайся молитву Иисусову опускать в сердце, опускай её в сердце. Старайся Иисусову молитву твёрдо держать, не отпускать. Ты её туда силой заталкивай. Господь тебе и место это подскажет, покажет и откроет, ты туда втискивай. Никогда не печалься. И никогда не скорби. Читать Иисусову молитву нужно постоянно. Не бери не по силам правило. Если не по силам взяла, совсем изнемогла и не можешь когда-то завер-

шить. Сильно не переживай, так, чтобы не отчаяться, не впасть в уныние. Покайся перед Господом – вот, немощна я, не успела завершить это правило. Прости меня, Господи! Ложись в постель, читай Иисусову молитву и спокойно засыпай.

Отец Кирилл ещё так поучает:

– Когда ты просто словами просишь, устами, не бормочи молитву в келье, ты должна произносить со вниманием каждое слово. Не только ум, но и сердце твоё чтобы отзывалось на каждое слово молитвы. Постарайся читать молитвы так, чтобы на какой-то молитве чувства твои соединились и слёзы у тебя начнутся. Тогда прекрати читать вслух, устами, вставай на колени и молись молча, изнутри, как бы начинай разговаривать с Богом. И никогда эту молитву не прерывай. Пока она сама в тебе не закончится.

Выучи наизусть молитвы, какие тебе очень понравились, и просто, когда ты остаёшься одна, вставай на коленочки и с Господом беседуй, разговаривай этими молитвами. Если у тебя есть время и силы, то ночную молитву вот так совершай. Но старайся, когда ты произносишь слова молитвы, ты ум свой держи в сердце своём. Потом, когда помолишься занимайся любыми послушаниями и читай Иисусову молитву. Главное внимание употребляй на это, на молитву. Старайся её отправить вовнутрь, в глубину себя. Чтобы сила слов спустилась в глубину сердечную. Т.е. вот когда молитва у тебя туда опустится, то будет непрестанной. Тогда ты



рассеешь, преодолеешь свои сомнения, уныние, ропот и все немощи свои. Бормотание прекращай! И когда там, в глубине будет молитва, то словесная молитва тебе уже будет не нужна. Вот только та молитва – важна и спасительна. Учись, это будет первый этап молитвы настоящей, которую ты ищешь и хочешь найти. Но старайся найти ещё человека, который бы тебе потом помог, ещё дальше смог бы провести. Молись, чтобы Господь дал тебе такого человека. Тебе даст Господь, с которым ты будешь поверять свои помыслы и поучаться о своём новом звене молитвы.

Одна сестра однажды на меня раскалённой сковородой замахнулась. Говорю ей: «Ну, давай мать, может, сразу меня в лик святых вознесёшь». Она остановилась и сразу осеклась.

Приехала я вскоре к отцу Кириллу, он мне сразу, улыбаясь, и говорит:

– Что же, ты в лик святых не попала? Была возможность, а ты ей не воспользовалась?

Слово-то моё нетерпеливое вылетело вперёд, неразумная, начала оправдываться:

– Уж она бедовая, горячая!..

– Господи, помоги, – вздохнув, сказал отец Кирилл. Обернулся к северу, в сторону монастыря и скита. В воздухе начертал крестное знамение. Потом попросил меня сочувственно. – Ну, потерпи её ещё. Куда вот ей деваться?

– Ну, нет больше сил на это! – взмолилась я.

– Потерпи, – мягко, по-отечески попросил меня отец Кирилл, и я успокоилась. Силы для такого терпения у меня заметно прибавились.

Батюшка всех терпит, всех утешает. Покрывает своей любовью.

Пришла ко мне сестра Никомилидия. Мама её из Сталинграда. Во время войны она работала в подвале разрушенного мелькомбината. Там бой был за каждый оставшийся ещё дом. Она работала через дорогу, где стоял тот дом Павлова. Они пекли

хлеб для наших солдат, а из оставшейся муки делали лепёшки и под обстрелом, ползком переправляли их через дорогу к нашим солдатам, в окружённый немцами, обороняемый ими дом. Вот так старшая сестра мамы её погибла. Тогда мама этой инокини, взяв к себе сына убитой сестры, стала сама выпекать и переправлять эти лепёшки в тот дом. В дом к солдатам Ивана Павлова. Когда мать Никомилидия узнала, что архимандрит Кирилл тот самый сержант Иван Павлов, мой духовник, она попросила взять её с собой в Лавру. Сказала, что хочет с ним познакомиться.

Когда Батюшка её увидел, то ни о чём её не расспрашивая, сразу сказал ей: «Иди ко мне. Я хочу поцеловать руки твоей мамы». Поцеловал ей руки. Он сразу в ней провидел, узнал всё. Кто она, откуда и чья дочь. И сказал ей ещё при этом: «Я целую твои руки так, и ты поцелуй также руки своей мамы». Дал ей подарочек, старенькой маме её передал и своё благословение.

В монастыре я очень сильно заболела. У меня свело всю спину, заболевание было серьёзное со спиной. Прямо не могла, про себя кричала от боли. Болела около года. И однажды ночью появился Батюшка и говорит:

– Ну ладно, хватит тебе уже болеть.

Так вот меня раз – и толкает как бы на кровать немножко. А там Матронушка находится, полусидя. Я на неё как бы так немножко оперлась, испугалась, очнулась и проснулась. И знаете, а я ведь выздоровела с этого момента. У меня спина-то уже не болит и сгибается, а я ведь неподвижная лежала, кричала. У меня такие боли были страшные!..

Мне иеродиакон Лавры говорил не так давно, что когда Батюшка приезжает в Лавру, вся братия собирается духом как бы в кучку такую. Все сплачиваются. Сразу всякие там недомолвки, даже нелюбезности друг к другу – всё сразу уходит. Когда Батюшку опять увозят – и снова все распадаются, и

опять начинаются нестроения. Вот как сказывается одно присутствие Батюшки даже среди братии. Как это важно!

Приехала я к отцу Кириллу. Он мне говорит:

– Продавай свою квартиру и покупай домик у храма.

У меня на Урале квартира была, в центре города. В недоумении я говорю:

– Батюшка, ну зачем монаху жильё? Особенно дом отдельный. Это ж такое бремя.

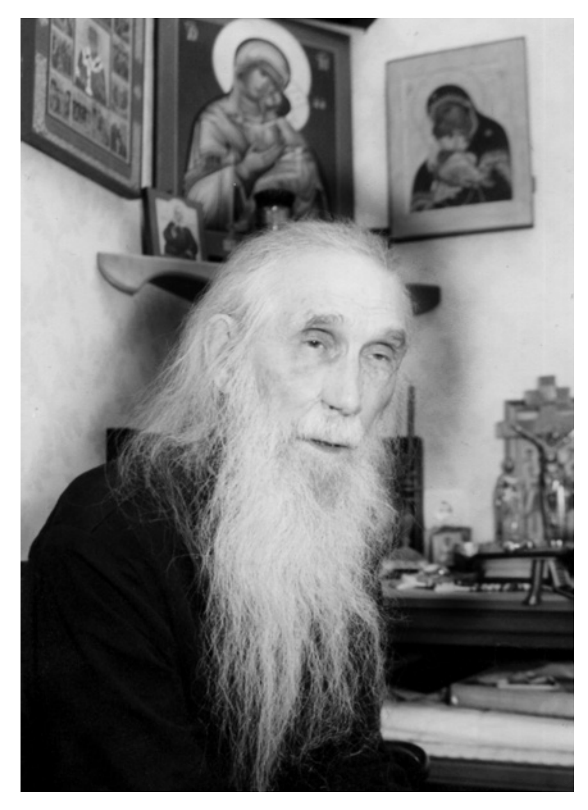
Отец Кирилл настаивает:

– Нет, матушка, возьми. Понадобится тебе.

Рассказала о том, как трудно это совершить, а он:

– Да купишь, ничего.

И правда. Нашла я в одном месте дом, который пустовал пять лет. Что удивительно, купить дом там очень трудно. Пророчества по поводу тех мест существуют, что они очень спасительные. Поэтому там домов практически нет пустых. А этот дом хороший, большой. И никто не знал, что он есть. Понимаете, как-то вот непонятно. Когда я купила его, было такое удивление среди других. Говорят:



– Мы даже и не знали, что этот дом продаётся.

У всех как бы глаза были закрыты на него. Его почти не-

возможно было купить. Никого не было. Хозяйка была в Брянске. Сложно было и с документами. Каким-то чудом всё оформилось.

Батюшка всё знает наперёд. Действительно. Вскоре мне пришлось уйти со скита и из монастыря. Здоровье уже не давало возможности мне поступить в другой монастырь, и дом этот оказался мне как раз кстати. Иначе мне пришлось бы уезжать на Урал и доживать в городе, в безделье. Здесь, в Центральной России, негде было бы жить.

Столько много чудес, столько всего по молитвам Батюшки мне, как и многим другим досталось! В трудные моменты он всегда мне помогает. Когда очень тяжело, молюсь и днём и ночью. Батюшка невидимо, незримо как бы появляется и благословляет меня. В глазах у него забота обо мне, сочувствие и он как бы спрашивает:

– Ну, что у тебя опять случилось?

Благословит, и снова легко, не страшно, пошло дело. Опять всё нормально.

И надорванное здоровье ко мне вернулось. У дома моего 26 соток земли. Вот уже восемь лет я работаю лопатой, тяпкой, плоскорезом... И годов-то у меня уже около шестидесяти. С большим трудом и молитва-то иная. Более покаянная, от сердца. Действительно, труд облагораживает человека. Огрубляет руки, но утончает, обостряет душу.

Главное же, конечно, что Батюшка даёт сил. Его молитвами всё выдерживаю. Без этого ничего не смогла бы. Ни в коем случае не потянула бы.

Враг воюет, ой как воюет! Не любит он отца Кирилла, боится его. Не хочет, чтобы он был с нами. Всё время разделяет нас. Путает, смущает...

Батюшка нас поучает:

– Только кротостью, только смирением. Ты же знаешь где Господь. В веянии хладного ветерка. Ничего не бояться, – говорит Батюшка. – Кто может нас разлучить от любви Божьей? Ни смерть, ни нагота, с нами Бог. Никого не бояться и всё при-

нимать как от руки Божьей. Каждый день повторять молитву Оптинских старцев. С благодарением принимать всё, что каждый день нам ниспослано будет. Как от руки Божией. Со смирением, с кротостью. Не роптать никогда.

«Итак, дорогие братия и сестры, всё будем переносить терпеливо, великое и малое, с верою и надеждою, принимая все злострадания свои, как наказания и как милость Божию. **Терпением да течем на предлежащий нам подвиг, взирающе на Начальника веры и Совершителя Иисуса.** *(Евр. 12, 1)**, и с терпением да продолжим его до конца, ибо*** **претерпевый до конца, той спасен будет** *(Мф. 10, 12)***».**

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Первые мои трудности были о молитве внутренней. Попросила я отца Кирилла, чтобы он дал мне советы по этому вопросу. Он дал мне распечатку поучительных слов из «Добротолюбия» и дал другие две книжечки. По ним надо заниматься и молиться. Так я и делаю. Сердце моё утешилось, и я начала углублённо молиться.

Однажды в Переделкино он кормил белочек и птичек семечками. Дорогой, когда я ехала к нему, ела семечки. Он меня поисповедал, причастил и говорит: «Ты семечки-то не щёлкай. Птичек ими будешь кормить».

Было 9 мая, праздник Победы. Поехали мы в Переделкино поздравить отца Кирилла.

Приехали туда. Нам сообщают: «Батюшка принимать никого не будет». Мы со знакомой стали молиться.

Вдруг подъезжает УАЗик. Ворота открываются. УАЗик въезжает в ворота и останавливается. И опять такая же история. К водителю подходит охранник. Что-то выясняет. Долго стояла машина и мы в неопределённости. После чего автомобиль медленно-медленно начинает двигаться, как бы зовя нас. Мы догадались, что это Батюшка таким образом приглашает, проводит нас. Пошли вместе с медленно движу-

щимся противоположным охране бортом машины. Прошли и направились к домику, где находится отец Кирилл. Вошли туда. И нас почему-то спокойно провели к отцу Кириллу. Он в то время уже не вставал.

Батюшка, посмеиваясь, спросил нас:

– Ну, как, прошли?

– Да, Батюшка. С Божией помощью.

– Долго же вы стояли. Соображали, идти вам или не идти. Чуть не упустили подмогу.

Переделкино. Заветные врата, за которыми о. Кирилл.

Мы с удивлением взглянули на отца Кирилла. Потом посмотрели на окна. Они были далеко и направлены были в другую от ворот сторону. Как он видел, что с нами происходило у ворот? Батюшка наш духом бывает везде.

Про будущее, гонения мы тоже говорили.

Не помню уже, как к этому вышел наш разговор, но он заговорил про «последний поезд». Говорит:

– Матушка, ничего не бойся. Постарайся попасть на этот «последний поезд». (Имея в виду тот, «последний поезд», про который старцы писали). Не отступай ни от чего. Будь в том поезде, в первом же поезде будь!

Чтобы уточнить, так ли я понимаю его, спрашиваю:

– Батюшка, как понимать про этот «поезд»? В переносном или прямом смысле?

Он говорит:

– Святые отцы сказали, в самом прямом смысле понимай.

– На нём увозить куда-то будут?
– Да. И ты не бойся в нём находиться.

Отец Кирилл очень выверено подходил к каждому. Не всякому открывался.

По глупости своей, я пересказала наш с ним разговор знакомой. Она поехала к отцу Кириллу, стала его тоже расспрашивать про «поезд». Батюшка сразу закрылся: «Какой поезд? Не знаю».

Однажды приезжаю к нему, туда же, в Переделкино. Его редко отпускали в Лавру. Приехала я и прошла каким-то чудом. Молюсь, молюсь. И ещё один молодой человек там был. Вот, Батюшку выводят. Он увидел меня, а я его. И знаете, я подбежала к нему, а он побежал ко мне. Протягиваю руки к нему, он взял мои руки, так сжал их сильно-сильно. Вот так тряс, тряс. Долго-долго держал, потом мы договорились. Отец Кирилл говорит мне:
– После службы приду, матушка, и тебя приму.

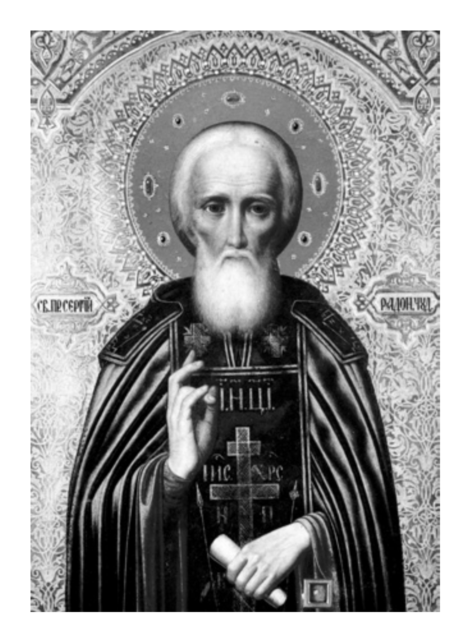
Принял меня и этого молодого человека, больше никого не принял. Мне дал книжечку. Как благословение я приняла её на всю жизнь. Есть такая книга, где говорится о монахах.

Как напутствие мне дал. Там описано про Ослябю, преподобного Сергия Радонежского, других монахов, схимников... Как стать и быть воином Христовым. До последнего быть. Выстоять. Часто мне отец Кирилл говорил:
– Мать Вероника, ничего не бойся. Господь своих не оставит.

Три раза это повторил.

Очень хорошо мне было в этом монастыре. Не хотелось оттуда уходить.

Если бы не нагрянувшие глобализационные процессы (перепись, паспорта новые...), навсегда была бы там. Никогда бы не ушла. В монастыре было очень хорошо. Только по этим вопросам происходящей глобализации мы расходились с



матушкой. Мне не хотелось в этот мир возвращаться, в эту грязь.

По поводу присваемых нам знаков антихриста разволновалась я и решила из монастыря уходить. Мне говорят: «Ну, что тебе в монастыре этот «номер». Ты же его не касаешься. Не продаёшь, не покупаешь. За квартиру тебе не платить. Налоги тебе никакие не касаются. Никуда не беги». Но мне же на это благословение дано. Мне отец Кирилл так сказал: «Дом покупай». Мне сёстры в ответ: «Ты, наверное, выпросила у Батюшки такое?». Приезжали к нему, жаловались на меня. Он ответил им: «Очень хочет. Пусть попробует. И сама решит, что ей дороже. Насильно человека нигде держать не надо. Пусть пробует и решает. В одиночестве ей быть или со всеми в монастыре».

Приедешь к нему в Переделкино. Стоишь у этих зеленых железных ворот, ждёшь со всеми. Люди отовсюду к нему приезжают. С Дальнего Востока, Мурманска, с Украины... С важными вопросами. Нас не пускают, а видишь, как приезжают по блату, по звонку. Сытые, разодетые вылезают из лимузинов. Входят свободно за неприступные для нас ворота

к отцу Кириллу. Ну, ладно, с пользой было бы. Нет! Выходят совершенно никакие, у них нет того, что они побывали у старца, очистились, получили большой урок. Идут безразличные, весёленькие. И крамольно удивляешься, как же Батюшка их принимает, почему не прогоняет? Поражаешься, как он тратит на них своё время, которое он мог бы отдать по-настоящему нуждающимся, ищущим его помощи. Поражает его ровность со всеми, даже с такими. А он, как Господь, принимает всех, и мытарей и блудниц... «Пришёл, чтобы грешников спасти», а мы все – грешники.

Уходила из монастыря я так.

Это было перед переписью населения. Накануне, при встрече, я говорила Батюшке:

– Как же быть-то? Перепись наступает. У нас всех, хочешь-не хочешь – всё равно перепишут, заставят, а мне не хочется в этом участвовать. Нам говорят, мол и при рождении Иисуса Христа перепись была. Но та перепись была Его, для того, чтобы учесть где и кого Ему спасать надо. Теперь же всё наоборот. Эта перепись уже диавольская есть. Учёт, кого и где погубить! Правильно я рассуждаю Батюшка?

– Да.

– Ушла я из мира для того, чтобы не участвовать ни в каких таких делах, тем более в глобализации.

Отец Кирилл улыбнувшись, сказал:

– Раз так, то благословляю тебя за месяц до переписи, если ничего не изменится, уйти.

Ушла я из монастыря ровно за месяц, как Батюшка благословил. Влетаю к нему, спрашиваю с порога:

– Батюшка, что делать, идёт перепись?

Вот тогда то Батюшка, подумав, помолившись перед иконами, и ответил мне, чтобы я продала квартиру и купила дом.

– Батюшка, дом монаху, – такое ярмо?

– Ничего, может, немножко поживёшь.

Обсудила я с отцом Кириллом всё, как и где мне жить дальше. Батюшка разложил мне всё по полочкам заранее. Даже рассказал, какие мне инструменты покупать железные, чтобы у меня не по одному комплекту было орудий труда (топоры и т.д.). Корову не надо, не потянуть, а вот козочку можно.

Сказал мне и про колодец:

– С колодцем тебе тяжело будет, тяжело.

Поехала, продала жильё. Начала искать дом. Только нашла, договорились, у меня папа умирает. Меня в это время разыскивают в Толге. Матушка отпустила меня не две недели, а я укатила, меня нет два месяца. Чуть ли не каждый день она подходила к монахини Феодосии. Мы с ней из одного места, вместе постриг получали. Допрашивала её:

– Где твоя мать Вероника?

Уехала я папу хоронить. Похоронила, приехала, и у меня всё разрешилось с домом. Купила дом и все эти 30 соток лопатила одна. В меру возраста страдала и приноравливалась.

Пока тяжело, много надо денег, но я не без воды. Потом Господь даст навык и опыт. Труд же облагораживает человека. За свою жизнь даже в монастыре я столько не работала, как живя в Никольском. Пять лет, чуть ли не бомжевала в этом доме без копейки. И такие чудеса были. Приходит печник, разваливает печку, говорит:

– Завтра будем начинать класть печь, нужны кирпичи.

– Хорошо. Приходите.

Кирпичей у меня нет. Что делать? Молюсь всю ночь. Утром приезжает машина и 1000 кирпичей мне дарят.

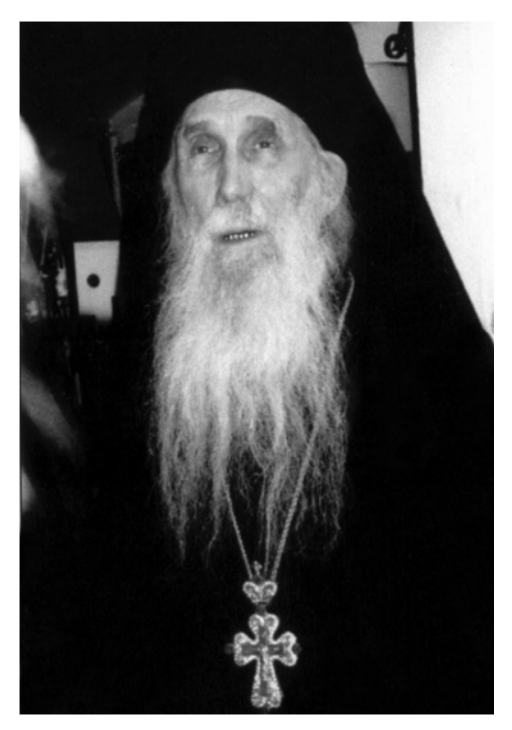
Приехали печники, стали возводить новую печь. Думаю: «Чем я буду рассчитываться за печку?».

Молюсь. Опять всю ночь молюсь. Днём работаю, молюсь, ночью молюсь... Священник там хороший, старенький, тоже молится. И мне Господь послал деньги прямо ниоткуда, ровно на печку.

Сколько чудес по молитвам-то! Не перечесть... Зима, нужно растопить печку утром, начинаю дергать дужку, чтобы открыть.

Её невозможно открыть, она припеклась. И топором долблю, чем только не долблю. Невозможно открыть. Взмолилась Господу. Что ж мне делать? И начала молиться, потом произнесла: «Господи, силою животворящего Твоего Креста помоги мне открыть». Перекрестила, мизинцем поддела, открыла и сама удивилась. Удивилась я больше тому, что я до сих пор по существу – неверующая. Считаю себя верующей. В монашестве столько пробыла, а веры-то положенной нет. И так меня Господь через чудеса ведёт. Столько чудес с нами происходит, а мы не замечаем их, неблагодарные.

Когда дочери плохо, звонит или напишет: «Мама, помолись». Всё время испрашивает молитв. Операция у неё была. Врачи сказали: «Только 60%, что операция пройдёт благополучно. И даже при этом все 80%, что она не будет ходить». Звонит она, просит: «Мама, помолись». Конечно же, встала я на молитву. Отца Кирилла мысленно умоляла помочь, помолиться. И что же? Операция прошла на удивление самих врачей удачно. Через месяц она оставила костыли и стала сама ходить. Все врачи удивились!



Справляюсь, милостью Божией. Мне один священник посоветовал: «Ты около себя общину не собирай. Иначе вас снесут». Но люди селятся рядом. Идут ко мне. Что я сделаю? Не могу же я им не помочь. Помогаю. Где словом, продуктами, инвентарём. На своей земле даю им сажать для себя. Приезжают люди. У них ничего нет. Зимой и дров

нет у них. Помогаю, чем могу. Собралась уже как бы большая семья.

Часто я вспоминаю слова отца Кирилла про «последний поезд»:

– Если в первый поезд не попадёшь, цепляйся за второй. Беги за хвостом последнего поезда. Цепляйся за него.

Чутко слежу за тем, чтобы не опоздать на них.

А пока живу как царица. Господь посылает, всё есть, слава Богу. Без излишеств, конечно. Надо сколько, ровно столько Господь и пошлёт. Спаси, Господи.

Когда Батюшка ко мне явился в монастыре во сне и сказал: «Хватит болеть», он мне тогда и сказал, чтобы была готова, усекать будут тебя, вот такой смертью погибнешь.

А сейчас он сам, такой же четвертованный, лежит. Ни ручки, ни ножки не его, не действуют. Это как бы закон такой. Закон Божий, закон Христов. Каким путём Он пришёл, таким же должны пройти его ученики. Если кто не хочет, откажется этим пройти, он отпадает. Тот уже становится не Его ученик. Не даром все апостолы были казнены. Вот и отец Кирилл сейчас как бы распят, на Голгофе. Он – наш пастырь, наш учитель, и мы должны так же пройти, как он, как апостолы, как наши мученики, тем же путём, чтобы и нам отсекли руки и ноги. А потому я должна в 2-3 раза больше подвизаться, потому что мне нужно будет в 2-3 раза больше сил. Потому что это — честь. Самый прямой путь ко спасению и пользе всем.

И если другие могут лениться, у них другой, меньший крест, меньшая казнь, так сказать, я не имею права, иначе не выдержу. А это самое страшное – не выдержать. Самое страшное должно быть для православного христианина – отпасть от Самого Христа. А нам – отпасть от духовного отца. Вот вся задача нашей жизни – не отпасть от отца Кирилла, как самого сильного примера служения Господу. Принять всё-всё ради него и ради Господа. Мучения можно и безкровно принять, и в миру себя распять. Как говорил старец Иосиф Афонский: «Молиться – кровь проливать». И чем хуже по мирским меркам нам будет,

Пригвожджение ко кресту (Ин. 19, 18-19).

– тем лучше для спасения. Как Бог даст! Пусть всё будет по Его воле.

«Господь и Спаситель наш всегда близ нас есть во всякое время дня и ночи, что Он есть всемогущий Помощник

***и Избавитель наш во всех обстояниях и превратностях жизни и что мы, немощные и неразумные сами по себе, подверженные различным обуреваниям в жизни, непрестанно имеем нужду в Его божественной помощи. При окружающей нас тьме ночной, среди этих обуревающих нас волн жизни, мы можем обрести истинный покой и безопасность, только в сердечном убеждении, что мы плывём по сему морю житейскому, подобно апостолам, не сами собою, а по воле Господа:* понудил Иисус,** как говорит евангелист, **ученииков своих войти в лодку *– плывём к предначертанному Господом берегу вечной жизни, в блаженное пристанище Царствия Божия. Плывём в невидимом, но тем не менее спасительном для нас присутствии с нами Самого Господа, ходящего по морю и укрощающего волны»*.**

Архимандрит Кирилл (Павлов)

<u>Монахиня Ф.:</u>

– Ещё когда я была никакая, в отношении веры, была в миру и душа моя томилась. Когда искала я выход из чёрного моря житейского, то недостойная и грешная, так обращалась к Богу: «Господи! Дай мне наставника или преподавателя, или как их там звать, старца какого, или кто они у Тебя. Дай мне такого или покажи мне его». И вот как бы я уснула. Лёгкий сон вижу. Река прозрачная, прозрачная. И стоит в ней маленькая келейка. В ней старчик худенький, стройненький, борода длинненькая. Говорю: «Ой, это мой старец?». Когда я впервые попаду к отцу Кириллу, тогда вспомню этот давний сон, узнаю его и эту келейку, «посылочную», какую Господь показал мне за несколько лет в миру. Река же – это символ жизненного нашего очищения, чистоты.

Встреча же эта с отцом Кириллом произошла у меня непросто. Когда я приехала в 1990 году в Лавру, ныне покойный владыка Зосима, тогда он был ещё Игорь, сказал мне:

– Есть старцы такие, от которых ты можешь волю Божию узнать.

– Это какие? – спрашиваю я.

– Вот архимандрит Кирилл Павлов.

– Давайте, я к нему пойду.

– Его нет, он сейчас на лечении.

– И куда же мне податься?

– Надо подождать.

Отца Кирилла всё нет и нет. Никак не приезжает. А он опять мне:

– Тебе надо узнать волю Божию над собой.

Я говорю:

– Ну, тогда я пойду к другому.

Он промолчал в ответ.

День стою, другой стою, третий. Батюшки нет. «Что ж, пойду к кому другому». Попала к отцу Науму. Он меня исцелять начал. Потом сел, стульчик ему поставили. Окружили его присутствующие. Одна женщина подошла к нему, просилась в монастырь, а он ей: «Нет, тебе нельзя. Тебе надо другими делами заниматься». Вот и мне, думаю про себя, сейчас чего-то скажет. Подхожу к нему ближе, он и говорит:

– А ты давай в монастырь сразу поезжай.

– В какой монастырь? Вы что, я с Урала приехала.

– К Ксении в Коломну.

– А что я там делать буду?

– Ну, ты никак не хочешь подчиниться? Ну ладно, непокорная, езжай домой и хоть Закон Божий преподавай в школе.

– Закон Божий? Я же не знаю, чему учить, – немного оторопела я.

– Научишься.

Домой приехала, но ничего духовного не стала делать. Там у меня ангина получилась, температура держалась долго, высокая. Поняла я, что нарушила слово. «Вернусь назад, с покаянием, буду стоять на коленях, – решила я. Приехала в Лавру. Отца Кирилла опять нет. Пришлось снова идти к о. Науму.

Он говорит: – Ведите её сюда, а то она до ночи стоять будет. Ведите её сюда».

Подошла я к нему, он мне новое задание даёт:

– Езжай в Толгский монастырь. Я тебе сказал же, поезжай!

Поехала я туда. Пожила, потрудилась в монастыре. Через какое-то время о. Наум даёт распоряжение настоятельнице: «В Ригу её отправляй». Переехала я туда.

Только после пребывания в Риге я попала уже к отцу Кириллу.

Когда я была в больших терзаниях, душа моя томилась, что не могу я никак к отцу Кириллу попасть. В Ригу приехал монах из Почаевской Лавры. Он тоже мне сказал: «Тебе надо к отцу Кириллу». Это новый толчок был для меня. Отпросилась я у матушки, поехала.

Прибыла в Троице-Сергиеву Лавру. Ждала Батюшку и молилась целый месяц. Как то, в Трапезном храме, была на службе и прямо кричала в душе: «Господи, устрой мне эту встречу». И вышла после Всенощной на балкон Трапезной церкви. Иду по нему. Вдруг меня догоняет какой-то очень худенький схимник. Облачение у него было коричневое. Был в это время очень плотный вечерний туман. Он на ходу прокричал мне: «Если хочешь иметь высшую награду на небе, то тебе надо к отцу Кириллу. Тебе к Кириллу надо!». Повторил это три раза. Остановилась я, как вкопанная. Туман такой плотный, вижу, что никого нет. Разворачиваюсь, бегу обратно в храм. Понимаю, что мне надо этого монаха догнать. Подбегаю к дверям, забегаю в тамбур, а никого нет. Понимаю, что никого не найду. Так и не нашла, конечно.

Волнуюсь, матушка будет ждать, когда же я приеду. А мне надо дождаться отца Кирилла. Уже сентябрь проходит, и октябрь наступил, а его всё нет. Решаю, что уеду. Захожу перед отъездом в церковь Черниговской Божьей Матери и вижу игумена Ф., он спрашивает:

– Что ты решила?

– Наверное, уеду обратно в Ригу, – отвечаю ему.

Он говорит мне:

– Тебе нужно дождаться отца Кирилла. Если ты хочешь получить правильное направление и иметь награду на небесах, тебе надо дождаться его.

Опять те же слова, что произнёс мне тот схимник на балконе Трапезного храма Лавры!..

Обречённо я буквально простонала:

– Будь, что будет. Господи! Я остаюсь.

И вот я дожидаюсь отца Кирилла. Он в первый раз меня принял в день празднования Иверской Божьей Матери. Восемнадцать лет назад это было. Этот день особо памятен в моей жизни. Пришла я со всеми. Почти у Батюшкиных дверей стояла. Он наверх поднялся, прочёл молитвы перед исповедью. Потом подозвал меня и заставил читать три канона, всё правило к Причащению. Начала я читать, молюсь. Все проходят, а я всё никак. Уже всё закончила и акафисты прочитала. Вдруг выходит кто-то от отца Кирилла, и дверь открытой остаётся. Батюшка стоит внизу, улыбается, смотрит и говорит:

– Кто там следующий?

– Я, – робко отвечаю.

– Ну, иди сюда скорей. Как же долго ты ко мне шла.

Прямо сверху я полетела к нему бегом,

спотыкаясь. На колени, перед ним! Как обниму его колени, припаду к ним.

Батюшка многое провидел. Провидел, как я поняла, и то, что о нём мне рассказывал мой собственный дедушка. Росла шустрой, хулиганистой, воинственной. Вокруг мальчишки, и я с ними в мальчишеские игры играла. В войну, в казаки-разбойники. В школе, если была свободная тема, выбирала об Отечественной войне. Дедушка у меня воевал и многое знал. Мне часто рассказывал, что был там, в Сталинграде, сержант Павлов, который нашёл Евангелие и что Господь его спас. За это он там дал обет, что будет монахом. Придёт после войны, и будет служить в Троице-Сергиевой Лавре долго. Всё время я просила:

– Дедушка, поедем к нему.

Дедушка мне на это говорил:

– Он же в Лавре, в Сергиевом Посаде, далеко от нас, внученька. Пока вот денег нет, а вот вырастешь, то съездишь.

Батюшка, по-видимому, провидел эти давние наши беседы о нём, вот и произнёс мне такие слова. Усадил меня на своё кресло и ушёл. Оставил меня в таком состоянии. Сижу я, расчувствовалась, рыдаю. Батюшка возвращается. Так произошла моя первая исповедь у отца Кирилла. Больше, правда, я ему вопросы задавала. Тогда я была всего только месяцев восемь в монастыре. Он сказал мне:

– И мама твоя должна быть тоже монахиней с тобой вместе. Забирай её туда в Ригу.

– Она, наверное, не поедет. Матушка тоже приглашает её: «Приезжай, в пустыньке будешь жить».

– Ну, молись, будет мама с тобой, будет. Ещё с тобой послужит.

На это предложение мама мне потом скажет:

– За границу не поеду. Вот если б ты в России была.

Немного растерялась я от этих слов её и когда приехала к отцу Кириллу, то сразу определённо спросила:

– Батюшка, где я буду-то?

Он помолчал, потом сказал:

– Побудь там, побудь пока. Потом ты нам в России нужна будешь.

Из Миасса я. Это город академический, недалеко от Челябинска. Город высоких умов. Там много академиков. Часть города, наверное, половина, новая. И там люди очень стремятся к знаниям, поэтому там столько различных сект, столько разных направлений, но все не христианские, какие-то колдовские, оккультные. В заповеднике собирались всякие сектанты и язычники. Кто только там ни собирался. Нам надо было перетянуть народ в Православие. В городе был всего один храм, который на кладбище. И вот мы приезжаем к отцу Кириллу из Миасса, учились на курсах катехизации сначала, потом в Тихоновском богословском институте зоачно, в Москве. Господь нас поставил противостоять этой силе зла, что-то создать своё христианское. Мы приезжаем, а отец Кирилл нам говорит:

– Урал не проснулся.

В следующий раз приезжаем, он опять говорит:

– Урал ещё не проснулся.

Так говорил до тех пор, пока нас всех не распределил и не благословил по монастырям. Потом говорит:

– Всё. Урал проснулся!

Плачу об уральцах, кто остался в тех краях, рыдаю навзрыд. Отец Кирилл утешает:

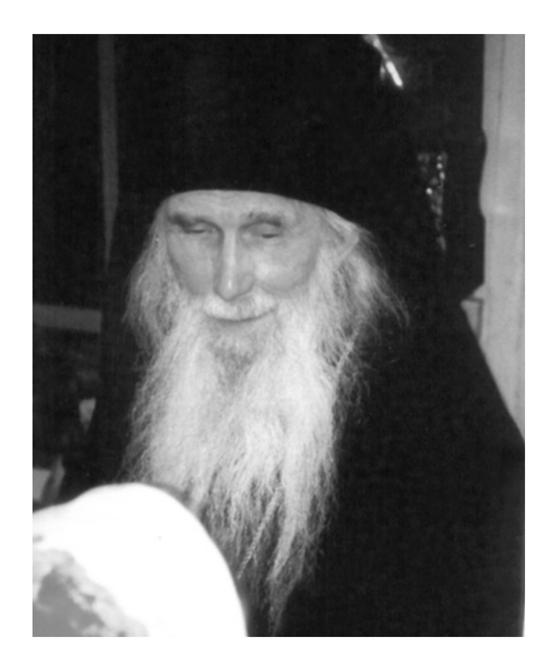
– Мать, не плачь, Урал выстоит.

– Батюшка, там ещё китайцы.

– И им Урал даст сапогом. До Урала не дошли немцы, и китайцы получат.

– Батюшка, ты молился. Вот мы и стронулись.

– Ты правильно сказала: проснулись. Только стронутых и двинувшихся ко Господу мало. Молись, молись, поднимутся ещё, пойдут.



Когда созрели, зашевелились, тогда-то отец Кирилл всех нас по монастырям и отправил. Но мы после себя в Миассе оставили сильную группу православных людей. Там сейчас много храмов восстановлено, и школа есть православная. Основательно работают, хорошую смену оставили. Спокойно за них и даже радостно. Урал проснулся! А сколько наших-то во всех монастырях, начиная от Верхотурья! Была вначале я одной из первых. Сначала в Риге была в монастыре. Отправляя меня, земляки мне говорили:

– Ты, матушка, учись там, а потом приедешь, и мы здесь общину хорошую создадим.

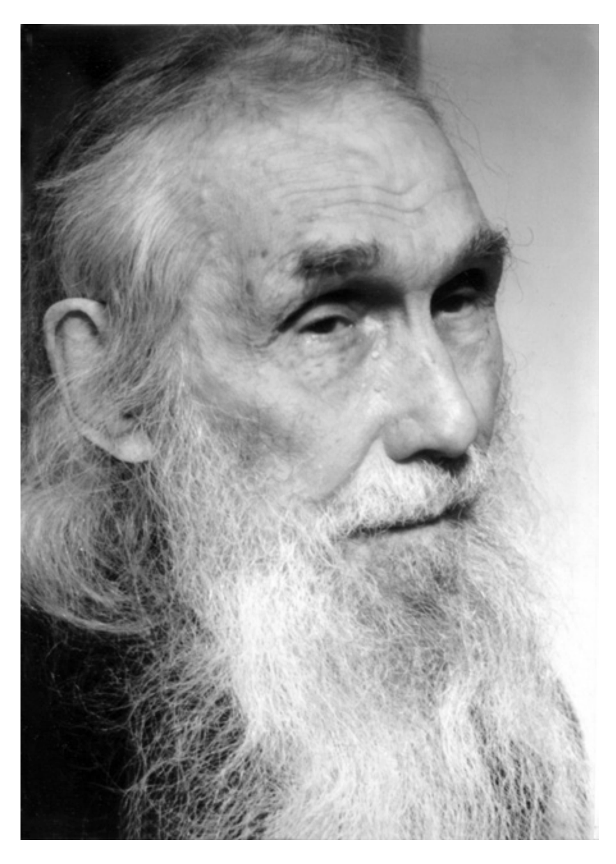
Время шло. Стала я чаще ездить в Сергиев Посад. Разлад во мне возрастал. Чувствовала я, что не на моё место направили меня. Частенько стала приезжать к отцу Кириллу и на коленях изливала ему свои смуты. Он меня охотно принимал. Утешал, как мог. Настал момент, и он отправляет меня к ярославскому архиерею, чтобы попросилась в монастырь здесь, в России. Так я попала на Толгу.

Мама приедет туда, немножко поживёт и уедет. Скажет: «Здесь очень тяжело. Нет, не смогу». Потом отец Ф. ее уговорил.

К Батюшке приеду, он меня спрашивает:

– Ты монахиня?

– Нет, Батюшка, нет, – удивилась я. – Не монахиня. Ещё грешная, недостойная послушница.



Тут он и благословил меня принять монашеский постриг.

В чём особенность старчества состоит? Это – особый дар. Не то, что у нас, что даёт нам Господь, по своей великой милости. Любовь не только к ближнему человеку, а и ко многим, ко всему человечеству должен нести, исполнять облечённый таким особым даром.

Отец Кирилл, в отличии от других, неторопливо, с бережной любовью подводит людей к монашеству. Сколько я от этого своего креста не убегала, Батюшка утешит, обласкает, потом аккуратненько обратно, на крест же и возвернёт. И при этом я выходила от него, как на крыльях!.. Он даёт новый импульс решимости, заряд бодрости. Снова хочется прямо взлететь и летать, и весь мир обнимать. Столько, что хватает на несколько дней, не только себе, но и другим дашь этой благодати, смелости. Всё, о чём он говорил, – всё происходит, всё сбывается. На какие кресты меня Батюшка направлял, он предвидел и не скрывал. Говорил, что там будет, сколько я там буду, и что мне там придётся претерпевать. Благословлял. И мне удавалось легко преодолевать большие труды, препятствия.

Переписки у нас с Батюшкой не было. Так как-то Господь устраивал, что на все праздники я к нему попадала. Один раз он написал мне поздравительную открытку.

Батюшка всегда передавал подарки для сестёр в монастырь, как благословение своё. И знал, что мы всегда делились его подарками.

Всех сестёр я приводила к отцу Кириллу, чтобы он благословил, чтобы они пообщались. Мы Батюшку все солнышком зовём, поскольку у него имя такое. Он слышит это внутренне и всегда к нам выходит такой светящийся, радостный. У него имя соответствующее. Кирилл – означает «солнце». Он для меня является образцом великого, глубочайшего смирения. При этом каждая твоя клетка чувствует его сопереживание и если что нехорошо было, так раскаиваешься!.. Никогда не видела его гневливым, в нём даже строгость проявляется через любовь всепрощающую, через сочувствие. Даже если какой-то грех, тяжкий даже был у кого-либо, то он не только сочувствие, а и сопереживание с тобой, до рыдания сотворит. Непередаваемо то, как отец Кирилл читает пятидесятый псалом: «Помилуй мя Боже, по велицей милости Твоей, и по множеству щедрот Твоих...», от слушания его голоса слёзы сами исторгаются.

«Область терпения должна простираться на всю жизнь человека и на все судьбы человечества в сем мире. С терпением человек приобретает блага и сохраняет их, безвредно выдерживает приражение зол; потеряв терпение, он тотчас в опасности утратить благо или, ещё хуже, сделать зло. Минута нетерпения может расстроить годы и веки».

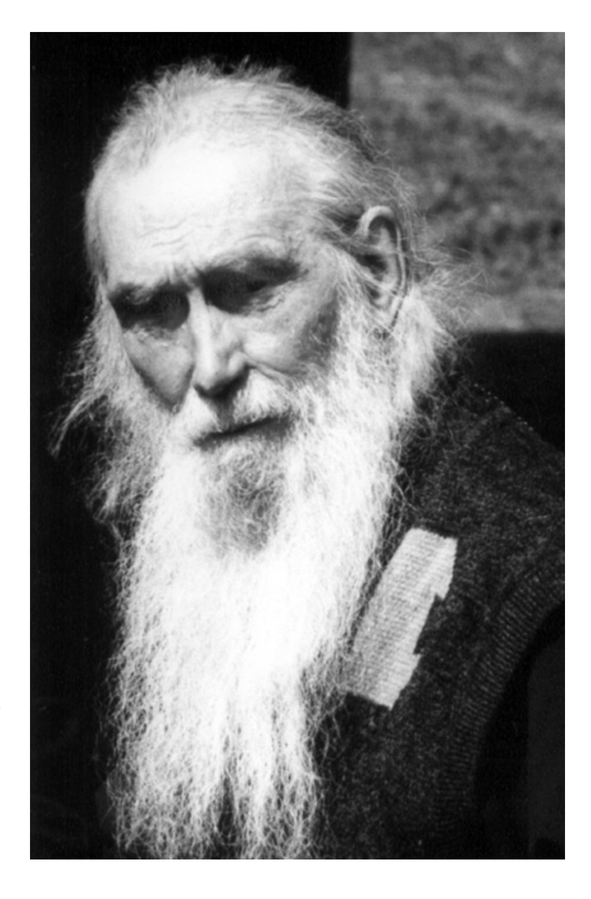
Архимандрит Кирилл (Павлов)

Всегда, когда приезжаем, Батюшка приветливо встаёт нам навстречу. Подойдёт к иконам в смиренном благоговении, кроткий. Наденет несуетно свою полумантию. Мгновенно соберётся у икон, в смиренном благоговении, какого бы чина ни

были приехавшие. Начнёт негромко читать молитвы, произнося за нас за всех окаянных, с неподдельным сочувствием молитвы перед исповедью. Мы все вместе с ним опустимся на колени перед иконами. Батюшка тихо, неспешно читает, и мы ясно ощущаем, что он ведает все грехи, нами совершённые. Скорбит за нас, зная основную причину нашего падения и помрачения. И тут же, читая молитвы, врачует наши души ещё перед исповедью. При этом делает такие акценты на словах, которые твою душу призовут к глубокому покаянию, и ты поймёшь, что это к тебе адресовано. Пронизывает словом, интонацией так, что до глубины сердечной проймет любого. У каждого, даже толстокожего, откроются шлюзы, и хлынет неудержимое покаяние. Он пронизывает словом до глубины сердечной. Оно проходит до самых основ твоего существа и вызывает у присутствующих такое очистительное покаяние, которое надолго запомнится и отложится. Так что услышишь, как гром, отзвук каждого своего греха и поймёшь, осознаешь всю бездонную меру твоего падения.

Прочитав молитвы, Батюшка произнесёт краткую проповедь. Он так перечислит наши все прегрешения, что каждый услышит свой грех. Даст понять, что это именно к тебе адресовано. Отец Кирилл скромно затихает, отходит к аналою. Все выходим. Входим обратно только по одному, исповедаться. Встанешь на частную исповедь, дрожишь, страшишься, а отец Кирилл покроет тебя такой любовью и сочувствием!.. Остаётся только тогда один страх – перед Богом. Стоишь перед ним доверчиво, как перед самым добрым и искусным врачом, которому всецело веришь: «Вот он – исцелит!». На удивление тогда легко исходят из глубины каждого такие, неведомые даже, сокрытые временем и невниманием грехи, что диву даёшься. У него даже коленки какие-то родные, отцовские. Я готова была эти коленки лобызать. Сколько раз я в них рыдала, это были самые дорогие для меня на свете коленки. Когда я ехала к Батюшке на исповедь, то всегда говорила: «Я поехала к своим коленям, дорогим и родным».

Только встаёшь перед ним, начнёшь произносить своё раскаяние, свою исповедь, особенно когда Батюшка покроет тебя епитрахилью, ты наполняешься внутри таким нетварным светом. Ты его прямо ощущаешь, ты воскресаешь, будто заново рождаешься. Эти встречи дарят заряд бодрости и силы на многие месяцы. Господь, конечно, через отца Кирилла вливает в нас чистоту свою и силу. Святая благодать через его молитвы покрывает нас всегда.



Порой и знаешь, что отец Кирилл болен, вряд ли попадёшь, а всё равно едешь к нему. Стоишь со всеми, такими же жаждущими. И он, если есть хоть сколько-то сил, чувствуя наши нужды, что мы собрались, выходит к нам. Преодолевая болезнь, недуги, внутренне соберётся, всех улыбкой одарит. У нас даже от этого всё тяжёлое сваливается с плеч. Мы рады, как дети, готовы прыгать от радости, видя его. Вот такое состояние у нас. И мы тут же забываем о том, что он болен, что он едва стоит. Наваливаемся на него со всеми своими проблемами, грехами. Да каждый подольше хочет, поподробней разъяснить своё. Не радости ему несём, а каждый – мешок скорбей. Всё это на него, бедного, перекладываем, а он принимает это безропотно

на себя и вымаливает нас. Вот какой у него крест старчества. Пророческий крест – такие массы людей вести к Богу.

Один раз я у Батюшки спросила, как надо себя вести и как надо спасаться. Он сказал: «Надо жить так, чтобы ты была ниже травы, тише воды и «всем моё почтение», – закончил он словами преподобного Амвросия.

Когда я была ещё на Толге, игуменья снова подняла вопрос о ските на Выксе.

Где-то ночью в 12 часов раздается от неё звонок :

– Владыка Никон вызывает. Вот давай, поезжай.

Зная наперёд суть вызова, прошу в ответ настоятельницу:

– Благословите мне съездить вначале к отцу Кириллу.

Игуменья благословила. Еду к Батюшке. Плачусь ему:

– Батюшка, не лежит у меня душа к настоятельству. Благословите. Не буду я никем, не хочу!

Отец Кирилл вздохнёт, погладит по голове, спросит:

– Не поедешь?

– Нет.

– Не поедешь?

– Не поеду, Батюшка! Зачем мне это, я ничего не знаю, ничего не умею.

– Не поедешь? – третий раз он меня вопрошает. – Там же строить ничего не надо.

– Не могу, не поеду!

Помолчал отец Кирилл, подумал. Подошёл к иконному углу, постоял там, помолился. Потом подходит ко мне, тихо, но строго говорит:

– Ну, раз так, теперь будешь три монастыря восстанавливать и строить будешь с нуля!

– Как Батюшка? Да вы что?!

– Будешь! Будешь теперь строить. Трижды отказалась, за это три монастыря поднимешь!

– Батюшка, Господи помилуй! Зачем мне это? Не по силам!

– Сможешь, так Богу угодно. Надо кому-то восстанавливать!

И начались мои мытарства...

Опять приеду к отцу Кириллу, в келейку его, он мне спросит:

– Ты не встретилась что ли с Валей Дорофеевой?

– Нет.

– Она только что у меня была. Игуменья Сергия назначает её туда. Она теперь мать Варвара!

– Слава тебе, Господи!

Отлегло. Через некоторое время приезжаю к отцу Кириллу на исповедь. Батюшка опять спрашивает:

– Ты не встретила Валю Дорофееву?

– Ой, это мать Варвара, что ли?

– Да, но она теперь опять Валя Дорофеева.

– Это же моя любимая сестра Рижская. А что случилось?

– Она отказалась. Владыка её разоблачил из монашеских одежд.

– Как?!

– Вот так. Она теперь просто Валя Дорофеева.

– И что теперь? Надо мной висит дамоклов меч? – со страхом спрашиваю я.

– Вот что я тебе скажу. Если бумаги подпишут, – и берёт меня за руку – прошу, ради святого послушания, иди!

– Батюшка, а что меня ждёт?

– Да ничего страшного, не волнуйся, всё хорошо будет, – целует меня в макушку.

Приезжаю, а мне говорят:

– Только одна игуменья уехала, вторая идёт.

Спрашиваю:

– Бумаги оформили?

– А ты что, не знаешь?

– Не знаю.

В слезах я к игуменье, а она говорит:

– Ты что, не хочешь ехать? А я думала, ты хочешь.

– Да, я от этого креста бегаю не знаю как.

– Ты же имеешь уже на это благословение отца Кирилла.

– А вы откуда знаете? Он же только вот меня благословил, – изумилась я.

Она помолчав, вздохнула и сказала:

– Ох, на какой крест отец Кирилл тебя поднимает!..

Тогда я говорю ей:

– Благословите, я и не поеду.

– Ну, как же ты не поедешь? Ты же хочешь?

– Хочу?

Она опять схватилась за голову и снова сказала:

– Ой, какой крест!

– Матушка, – говорю, – не поеду.

– Ну, если хочешь, – то поезжай. Отец Кирилл мне говорил, что ты сможешь и с мужчинами и с женщинами и с детьми. Давай.

Вот такой странный разговор произошёл у нас.

И всё же я настырная, еду опять к отцу Кириллу. Там никак меня Батюшка не принимает. Не принимает, и все! Наконец выжидаю, когда служба будет. После службы Батюшка выходит. Народ хлынул к нему, все его окружили, через толпу я кричу:

– Батюшка, меня на Выксу отправляют!

– Куда?

– На Выксу!

Он мне с архиерейским благословением:

– Бог благословит!

Я ему кричу:

– Батюшка?!!!

– Всё будет хорошо!

Приезжаю после этого к о. Феофилакту. Говорю, что отец Кирилл благословил меня на Выксу. Он мне предлагает:

– Мы едем в ту сторону, подбросим.

Едем, как ни открою Евангелие, всё читаю: «Симоне Ионин, любиши ли Мя?.. Паси овцы Моя».

На выходе из Трапезного храма. Отец Кирилл в центре.

Второй раз открыла, читаю то же самое. Отец Феофилакт как захохочет и говорит:

– Какая-то ты твердолобая! Это же всё про тебя! Бог тебе трижды уже сказал, а ты всё не слышишь!

– А вы откуда знаете?

– Да вот услышал маленько, Господь донёс!

Вот так пошла моя эпопея с Выксой. Всё это выдержать и поднять, можно было только Батюшкиными молитвами, потому что абсолютно разрушенная обитель. Кое-кто из окружающих жителей и в два часа ночи мог крикнуть: «Выходите, на кол вас посадим!». И насельниц не было, а которые приходили, такие!..

Приеду к отцу Кириллу, в ноги упаду:

– Батюшка, больше не могу!

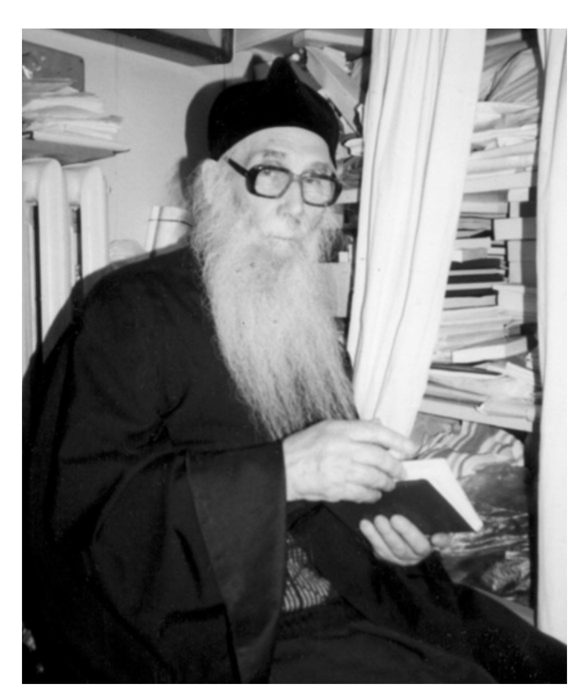
Он мне ласковенько так улыбнётся и просит:

– Ну, потерпи. А то вот эта в спекуляцию уйдет, другая ещё куда-нибудь. Уж потерпи! Ты их потерпи, ради Христа!

«Чтобы уметь жить, надо уметь терпеть. **Царствие Божие нудится, и употребляющие усилие восхищают его** *(Мф. 11, 12)****. Хотите ли, по заповеди Божией, стяжать совершенную любовь, которая бы любила и врагов, – размыслите, как можно это исполнить. В людях мы встречаем часто недостатки, нередко пороки, иногда и ненависть к себе; а это располагает к неуважению людей, к отвращению от них, ко взаимной ненависти, а не к любви. Как же можно стяжать любовь ко всем? Если решишься твёрдо и научишь себя с терпением взирать на недостатки и пороки людей и на самую ненависть к тебе, тогда возможешь возлюбить всех, не преставая ненавидеть пороки. А без терпения сего нельзя приобрести».***

Архимандирт Кирилл (Павлов)

Тот крест, на который меня отец Кирилл благословил, из-за моей строптивости, от моей гордыни, я несу и сейчас, очень тяжёлый. Слава Богу за всё! Батюшка предвидел и говорил мне, что я буду гонима. «Тебя будут везде гнать, но ты должна стоять до последнего. Ну, кто-то же должен нести такой крест. Ты можешь! Умеешь управлять. Вот давай!»



Господь вел меня, укреплял веру и пробуждал. Наше дело трудись, молись, а всё остальное у Господа. Отец Кирилл вон ка-

кой крест несёт, уж ему-то как хочется отдохнуть. Он хоть раз говорил об этом? Молча, а тянет и тянет свой воз.

Дело в том, что понесла я эти труды, отказавшись от своего креста. Вот пришлось нести такие испытания. Не раз плакала я у отца Кирилла. Всегда помню, как он мне сказал: «Трижды отказалась, теперь трижды будешь строить монастыри».

О Славике Чебаркульском. Привезла я на радостях к отцу Кириллу первые изданные книжечки об этом мальчике, несколько упаковок.

– Вот, книжечки вам привезла!

– Хорошие книжечки и мальчик хороший, но что я с этими книжечками буду делать?

– А что?

– Да вот, в книжечке недочёт есть. Мальчик-то хороший! А через него будут такое делать! Такое утверждать... Поднимется много смущения в людях. И всякие суеверия будут сеять...

Отец Кирилл всегда призывает к осторожности. Особенно того, что касается жизни духовной, души человеческой. Тут нужно быть очень бдительными, осторожными. Не допускать ничего в себя непроверенного, не очищенного даром рассуждения, не благословленного духовником.

Он часто повторял слова Амвросия Оптинского о том , что нужно никого не осуждать, быть ниже всех, всех любить, никого не обижать и всех почитать. Никого ничем не затрагивать, ни мыслью даже не допускать ни о ком ничего плохого. Беречь себя, не нагрешить против ближнего, т.е. не вызвать, не спровоцировать на грех никого, ни в коем случае. Ни словом, ни делом, ни своим поведением, ни даже мыслью:

— Так управь себя, – часто повторяет он. – Тот победитель, кто сам себя победил. Всякий христианин должен сам в себе победить ветхого человека. И облечься в новую тварь! Вы же помните 13 главу Апостола Павла, «Послание к коринфянам». Вот эту полноту, эту меру нужно соблюсти в себе. И войти в

меру возраста Христа, возраста духовного. Вот только тогда мы спасёмся, нет другого пути, — поучает Батюшка.

– Но я сейчас нахожусь в суете, пока мне никак не до этого.

– Победить саму себя, – ещё раз напомнил отец Кирилл.

Первые мои терзания в начале моего пути были о молитве Иисусовой, внутренней. Батюшка мне велел её нести в себе и дал мне такую распечаточку Лаврскую. Приехала я к нему, и он мне говорит:

– Добротолюбие читай! И возьми книгу Харитона, Валаамское издание. Две книги, прочитай и по ним занимайся и молись.

Нашла я эту книгу, прочла. Сердце так утешилось. Начала потихонечку молиться, как Батюшка благословил. Потом пошла у меня такая скорбь, тяжёлые, длительные послушания. И как бы на службе присутствуешь, а ничего не понимаешь. На это мне отец Кирилл сказал:

– Читаешь Молитву Иисусову? Вот и читай. Она все молитвы богослужебные и молитвы дня восполняет. Не заменяет только Литургию, но ты же на ней бываешь. Где бы ты ни была, навыкни каждую минуту ум свой держать в беседе с Богом. В скиту, на Выксе тоже сохраняй себя каждую минуту, держи ум свой в Боге. Не печалься, что на службах тебя порой нет, но ты умом будешь всегда в храме. Делаешь что-то, занята? Колокол услышала к вечернему богослужению, и начинай усиленно молиться. Девятый час читают, а потом вечерняя пошла, а ты Иисусову молитву творишь постоянно. Таким образом ты будешь как-бы всегда в храме.

Всё время была в кругу сестёр и когда я спрашивала за других, то отец Кирилл мне говорил:

– Всегда поддерживай сестёр, если там кто-то заунывал, старайся помочь, вывести её из этого состояния любой ценой. Хоть, говорит русскую плясовую им спой, но только сестру выведи из этого состояния. Приведи в ровное самочувствие.

Несмотря ни на что, ни на какие свои заботы и неприятности, покрывай всех сестёр любовью.

– Порой некогда, не до этого, Батюшка. К тому же и сама я далеко не совершенная. Бываю и нетерпеливая, грубая, вся в чувствах, страстная, – призналась я.

– И я страстный, – вдруг неожиданно сказал отец Кирилл.

– Да что вы, Батюшка, вы – сама кротость, – возразила я.

– Нет, я тоже возмущаюсь иногда и бываю недоволен.

– Никогда в это не поверю! – рассмеялась я в ответ.

Батюшка спорить не стал, серьёзно продолжил:

– Всё равно покрывай всех любовью.

И наказ мне такой Батюшка дал:

– Всех, кого к тебе приводит Матерь Божия, не брани, не гони, терпи.

– Батюшка, но ведь таких порой приводит!..

– Потерпи ради Бога! Ты её оттолкнёшь. Ну, куда ей идти? Сколько можешь, потерпи. Все – Божии. Все Божии!.. – умоляюще попросил Батюшка.

Мои послушницы съездили как-то в Тайнинское. Приехали все всклокоченные. Ой, всё! Конец света! Это надо выбросить, это сжечь... Говорю им: «Успокойтесь. «Сроков» и Господь не знает. Об этом в Евангелии говорится. Читайте больше святое Писание, а не сплетен слушайтесь. Там, где вы были, «знахарь» нашёлся, который знает?.. Чего вы трясётесь? С нами Бог! Радуйтесь, дурёшки. С нами Бог! Всегда и везде. Какой ещё страх? Радость должна быть, непроходимая, всегда!»

Кому-то нужно сеять страх. У них расчёт главным образом на приезжающих и на тех, кто не воцерковлен. Они теряются и вбирают в себя зомбируемые страхования. На то и щука, чтоб карась не дремал. Вами манипулировали. Все злые силы запугивают вначале, чтобы обезоружить человека. Это и по цыганкам уже давно видно и ясно. Те тоже — сразу стращают. Вы-то почему растерялись и поддались этому? Вы при монастыре. Вас окормляет такой старец! Сам отец Кирилл. Это

такая, незаслуженная нами, милость Божия к нам. У него всё спрашивайте, а не у кого попало».

По благословению же отца Кирилла я оказалась здесь, в Сергиевом Посаде. Поначалу приключилась у меня беда с обменом квартиры. Отец Кирилл много времени затратил, отыскал мне в администрации верующую женщину, которая сдвинула с мёртвой точки обмен. И всё благополучно и быстро закончилось. Недорого был приобретён домик. Батюшка посетовал, что землицы при нём маловато.

Понимала уже я, что время грядёт тяжёлое, старцы уходят, и спросила у отца Кирилла:

– Батюшка, благословите, если есть воля Божия, проехать мне к отцу Николаю на остров.

– Да, – говорит отец Кирилл. – Господь благословит, поезжай, поезжай!

И прямо просиял. На острове Залит я не была никогда. Едем по дороге, молимся. Едем на таком ненадёжном автобусе, с водителем тоже по имени Николай. Батюшка Николай послал его за мной. Перегрузили мы ему с низкой, загруженной предельно легковушки подарки, продукты для отца Николая. Едем через озеро, а уже проталины были. Все, кто нам по дороге попадался, нам у виска крутят. А водитель:

– Ничего, ничего, проедем!..

Всегда, куда бы ни занесло, чувствуешь, что Батюшка рядом, готов все твои вопросы разрешать. За тысячу километров его чувствуешь. Только умом и сердцем к нему настроилась, и всё, он – рядом. Всю дорогу тебя наш дорогой отец Кирилл сопровождает, будто наяву.

В страхе я молюсь: «Батюшка, отец Николай, святитель отче Николае, помогите нам проехать!».

Едем, впереди большая проталина. Водитель говорит:

– Ну и что делать?

Говорю ему:

– Не знаю, разгоняйся и прыгай на лёд!

– Сумасшедшая!

– Ничего не знаю, давай езжай!

В общем, он так ухищряется, каким-то чудом перелетаем мы через эту широкую проталину, на одной стороне колеса несёмся по льду. Водитель бедный трясётся весь. Люди идущие навстречу, в ужасе, как куры рассыпаются от нас в стороны!

Добираемся мы до острова. Приходим. Жду, отца Николая нет. Выходит келейница и говорит:

– Кто здесь игуменья? Батюшка говорит: «Игуменью жду».

Отвечаю:

– Монахиня я, не игуменья, но настоятельница.

– Ну, значит ты, пойдем!

Запускает меня. Отец Николай сидит на стульчике, говорит:

– Как ты, матушка, доехала?

– Батюшка, вашими молитвами. Это чудо просто!

Он заулыбался, пояснил:

– Это не мои молитвы. Это святитель Николушка, ты же ему молилась и он помогал.

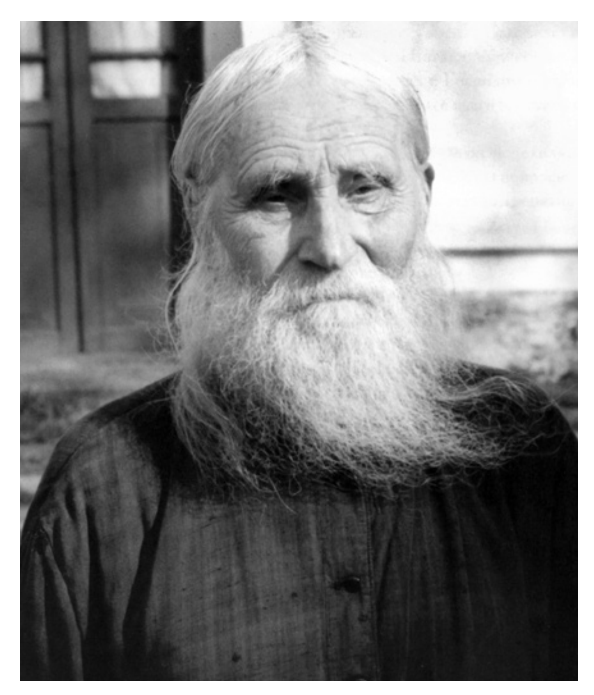
Расспросила я отца Николая по своим вопросам, он мне многое разобъяснил. Потом долго крестил меня. Всю меня крутил и крестил. Говорю ему:

– Батюшка, что вы меня крестите?

– Ты с такими силами воюешь. Ой, доченька, ты с такими силами воюешь. Ой, что они тебе готовят. Ну вот, на тебе книгу, на тебе акафист, будешь читать.

Батюшка помолчал немного, потом добавил:

– Тебя и в тюрьму захотят посадить. Ты если заходишь в кабинет, имей ввиду, там ещё одна дверь будет, туда не заходи. Стой около первой двери, разговаривай прямо там. Будут предлагать тебе выпить с ними чайку или ещё чего-нибудь. Не ходи, стой у двери. А лучше к ним не сама ходи, а отправляй сестру. Если тебя только одну приглашают, то одна не ходи никогда. В общем, они будут тебя компрометировать. Захотят над



Протоиерей Николай Гурьянов.

тобой насилие совершить. Они и бумаги на тебя в суд подадут. Молись, молись!

И долго меня благословлял. Потом говорит:

– Храни тебя Бог! С Богом! Только на Бога и надейся! Терпи всё, терпи! Наш такой крест!

Приехала я к отцу Кириллу. Докладываю ему, как съездила, а он останавливает меня и, засмеявшись, покачав головой говорит:

– Да знаю, как ты лихачила.

– Откуда, Батюшка? Я же ведь ещё ничего не рассказывала вам, – удивилась я.

– Оттуда. Я тебя благословлял, я же и должен знать, как у тебя-то проходит.

Потом резко посуровел и строго сказал мне:

– Только давай так договоримся с тобой. Сама рискуй, когда надобность будет, а людьми рисковать нельзя. Поняла?

– Поняла, – согласилась я.

В Выксе, Нижегородской области, монастырь поднимала. Потом в Бузулуке восстанавливала, а теперь подворье делаю. Благословение у меня от отца Кирилла есть на постройку ещё одного монастыря в Тверской области, но не знаю, как это поднять можно? В Тверской области ещё празднуют комсомольские и коммунистические праздники! Помогай нам, Господи!

Отец Кирилл всегда говорил, что я буду гонима. Куда бы меня ни назначили. Он говорил:

– Ну, строй, строй. Только знай – погонят тебя, погонят.

Батюшка говорил, улыбаясь, не для того, чтобы напугать, отбить охоту, чтобы я ничего не делала, а наоборот. Поощрял своим тоном. Предупреждая заранее, чтобы не было лишних иллюзий. Не было непонимания, надрыва, истерик, когда возникнут препятствия. И я всегда была готова к этому. Поэтому делала всё легко, с азартом и лёгкостью. Как бы для удовольствия. Всегда готовая к неприятностям, подвохам. А если что, у меня и рюкзачок всегда готов.

Ещё отец Кирилл советовал:

– Подальше от царей – голова будет целей. То есть от высоких чинов. Как от мирских, так и от церковных. Особенно переживал и просил, чтобы сестёр берегла.

Последнее время отец Кирилл мне только ручку пожимал, он уже не говорил. Тяжело было проходить к нему.

Батюшка нас и готовил к грядущим скорбям:

– Всё принимать, как от руки Божией. Со смирением, с кротостью. Не роптать никогда. Мужественно, даже тогда, когда не хватит крепости, не сможешь своей волей управлять. Когда насильно поставят тебе уже электронный чип. Тогда человек не сможет сам контролировать свою волю, пресекать слова и действия свои, грех. Даже тогда, «через не могу», молись! И тогда Господь сможет тебе помочь, как первым христианам, первым мученикам.

Отец Кирилл сказал, чтобы всегда был рюкзачок собран.

– **Стоять надо до конца за истину, не бояться.** Сестёр береги, которые за тобой пойдут. До конца надо стоять за Христа!

– Батюшка, а вот отец Николай сказал, что Россия ещё воскреснет и расцветёт, и что царь грядет?

– Не про тебя это.

– А мне что? Тюрьма будет?

– Тебе готовиться к другому кресту, тебя это не касается. Кто знает, может, Господь скоро заберёт кого, а вы не готовы, по главному-то. Ты ещё эту стезю возьми, крест неси испытаний, страданий. Что тебе Господь даст, если мученичество, то – мученичество! От сумы и от тюрьмы не зарекаемся, но на всё должны быть готовы. И никогда не унывать, нам радость какая дана! Мы со Христом идём и с Ним воскреснем!

Мне не понятны были поступки мучеников 30-х годов, как они шли добровольно, с радостью на мученическую смерть. Страх появлялся животный, шкурный при мысли такой. Батюшка эти помыслы мои прозревал, отвечал мне так:

– Господь разве не знал, что Чаша полна? Гефсимания (то есть выбор, страдания до кровавого пота) всегда настанет у каждого человека, это должен пережить каждый. Да будет воля Господня!

Потом, снимая моё напряжение, сказал:

— Ну, ты поймешь это, поймешь. Ты книжечку купишь и поймешь.

И действительно, когда я прочитала книжечку «Мученики нашего времени», а потом и сёстрам, то мне сразу стало понятно, что такое ЗА ХРИСТА ПОЛОЖИТЬ ДУШУ, сознательно за него идти до конца.

Отец Кирилл ум свой велел держать у Голгофы, у ног распинаемого Христа.

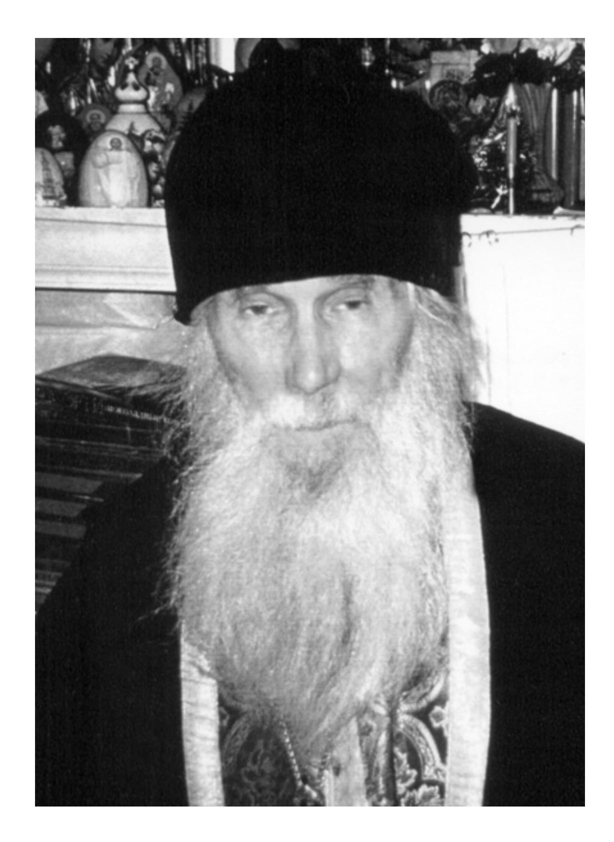
– Помни это. Помни Гефсиманию, не забывай о Голгофе. Вот держи там ум свой и никогда не расслабляйся. Не забывай и о том, что после Голгофы наступит воскресение!

Ещё добавил:

– Не позволяй себе, чтобы хоть какая-то страсть овладела тобой, или ты впала в дух уныния и отчаяния. Помни и от Христа не отступай! Сама с Креста не сходи. Ты же знаешь, с креста только снимать должны. Поэтому терпи до конца всё!

– А будет ли у нас Царь? – донимаю я Батюшку своими вопросами.

Он ответил, не сходу, с грустью:



– Сомневаюсь, что будет Царь. Столько поколений было без Бога.

Про нынешнее казачество, в конце девяностых годов, отец Кирилл сказал, на мой восторг:

– Батюшка, казачество возрождается!

Он неторопливо ответил:

– Раньше было казачество, а нынешнее и близко возле казаков не стояло. Хоть оденут они яркую форму. Ордена себе понавешивают, а дух у них совсем другой. Не то казачество теперь. То казачество, каким оно при Царе было, никогда таким уже не будет и не восстановится в полной мере. В той своей силе не дадут ему таким стать. И вожаков соответствующих приставили. Разложили его сполна: шум, гам, пляски, ряженые в основном. Мало кто настоящим делом занимается. Завели командиры их не туда. Трудно им будет возвращаться. Боюсь, не успеют к сроку-то. Мне рассказывали, что их не было, к примеру, в октябре 93-го года, когда надо было власть народную защитить. Единицы были. Трудно им, очень трудно к истине пробраться, как и многим, кто за Отечество-то болеет. Власти сделали всё, чтобы они были повязаны по рукам и ногам. Обложили их. Сильно обложили. И служат они пока не Царю, ни Небесному, ни земному, а тем, которые сильные мира сего.

Настырная я, спрашиваю:

– Батюшка, а вот отец Николай о рассвете для России говорил, что у народа будет ещё время для покаяния.

Отец Кирилл тоже не сразу ответил, помолчал, потом сказал:

– Не про тебя идёт речь. Ты готовь сестёр к мученичеству. Запасы не надо запасать. Запасы надо сделать божественные, духовные. Когда погонят – не бойтесь Сибири – там сады расцветут... Россия спасётся. Церковь до скончания века будет жива!

На будущее наставлял Батюшка так:

– Нужно главное, чтобы в сердце твоё вселился Дух Святой, чтобы ты пребывала с Ним. И Дух откроет тебе, где быть, какие люди вокруг тебя будут, и через кого можно будет получить Таинство причастия, исповедь. Очень редкой будет такая возможность. Тогда каждый человек будет бояться другого и спасаться будут тайно. Не все будут знать этих людей, т.е. возле таких редких старцев, у кого можно получить Причастие, не все будут знать их. Т.е. сердце своё нужно уготовить так, чтобы там пребывал Дух Святой, через Которого ты сможешь узнать, как молиться, так чтобы непрестанная молитва, несмотря на большие невзгоды, оставалась в сердце. Тогда только ты будешь иметь спасение.

Молимся, чтобы Господь продлил годы Батюшке. Плохо вот исполняем то, чему он нас учит. Падаем, да, падаем!.. И сейчас он лежит в тяжёлой болезни, а мы продолжаем взваливать на него свои смрадные мешки и кричим: «Батюшка, помоги!». И он, даже в этом, нынешнем состоянии, помогает. Всё устрояется, всё разрешается Божией Милостью, его молитвами за нас. Люди нужные находятся. Нежданно посылает помощь свою. В миру это даже больше замечаешь, чем в монастыре.

Накануне последней, сильной болезни Батюшки, инсульта, было у меня видение такое. Вижу: двое в каких-то черных

одеяниях, два амбала здоровых тащат отца Кирилла. Причем, это типа ОМОНа, такие вот люди, как звери. Они тащат отца Кирилла и швыряют его на кровать. На ней такая панцирная сетка солдатская. Они показывают на Батюшку, на то, что у него руки, ноги отсечены и говорят мне:

– Ну что, нужен он тебе такой?!

Я как закричу:

– Нужен! Нужен!!..

И они, те двое, разом пропали, исчезли. Подбежала я к Батюшке. Там какое-то одеяло невдалеке валялось. Накрыла я его им. Он дрожит и просит меня:

– Ещё побольше меня накрой, накрой...

Собственно говоря – это закон, закон Божий, закон Христов. Каким путём Он прошёл, таким же должны пройти Его ученики. Если кто не хочет, откажется, тот отпадает. Он уже становится не Его ученик. Не даром все апостолы были казнены. Вот и наш отец Кирилл – на Голгофе. Он наш учитель, и мы должны так же пройти, как он, даже, если Господь пошлёт, через мучения. Надо укрепляться, пока Бог даёт на это ещё время. Страшить должно одно – не выдержать испытаний. Самое страшное для православного христианина – отпасть от Христа. Всеми силами надо удержаться, – не отречься от всего того, чему учит нас Батюшка, а через это и от самого Спасителя. Вся задача нашей жизни – не отпасть от отца Кирилла, как самого большого примера служения Господу. Принять всё, ради спасения души. И чем хуже по мирским меркам, в этом падшем мире для нас происходит, тем успешнее дело нашего очищения. Мы должны сейчас, как никогда, возлюбить наши болезни, скорби и страдания. Это – верный знак правильности нашего пути, по которому ведёт наш Батюшка.

Старцам наша мирская слава – ничто. Сколько лишений, сколько гонений претерпели они. По большей части и от нас на них много ропота, недовольства, а то и насмешек. Господь

показал, что это путь скорби. Несмотря на то, что Он сиял на Фаворе. Гоним же был на земле и распят.

Вот и отец Кирилл за нас сейчас распинается. За грехи наши. Что только он не перенёс за свою жизнь!.. И клевету, и гонения, злословие...

Отец Кирилл всю жизнь тернистым путём идёт. Терпение такое только Господь даёт, по многим молитвам и духовным подвигам. А сейчас Батюшка так и вовсе на кресте страданий висит, как Господь висел. Из последних сил. В нём уже человеческих сил нет. Там уже только Божественные силы в нём. Больше ничего. По-человечески это невозможно нести никак.

Батюшкины слова перед больницей для нас были такие:

– Не бойтесь мучений и страданий ради Царствия Небесного. – и ещё он повторил своим чадам. – Настольные книги для вас пусть будут – Евангелие, Апостол и Псалтирь. Ходите узким путём, сохраните себя для Царствия Небесного!

Нельзя нам оставлять Батюшку. Сейчас, как никогда, надо покрывать его своей любовью, молитвами, верностью. Как он покрывал и покрывает нас ими от бед и скорбей. Где же тогда наша благодарность, отдача, если он заболел, а мы разбежались, перешли к другим наставникам. Отец родной лежит в немощи, тяжко болен, а мы носимся кто где. Рядом с отцом надо быть! Особенно в такой момент...

«Мы ропщем иногда на болезни, между тем как должны бы благодарить за них, потому что, не говоря о будущей награде за страдания, болезни благодетельны и тем, что укрощают наши страсти, которые бы могли в нас усилиться и Бог весть до чего довели бы нас. А потому, если посетят тебя болезни, старайся их переносить с терпением и не искушайся мыслью, что они мешают твоим подвигам духовным.

Надо не переставать повторять себе, что скорби чрезвычайно полезны душе нашей, что они ведут нас ко спасе-

нию, и не их должны мы бояться, а того, чтобы Господь не забыл о нас, – вот истинно была бы величайшая скорбь. А когда Он посылает нам кресты, это доказывает не только памятование Его о нас, но и любовь к нам, грешным. Святое Писание очень часто повторяет нам эту высокую истину, чтобы глубже запечатлеть ее в душе нашей:* Его же любит Господь, наказует; биет же всякаго сына, его же приемлет». *Если в скорбях мы будем видеть не просто несчастья, а истинный крест Христов, тогда поймём, почему души скорбящие – любимые дети Божии.

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Монахиня Елизавета:

– Один раз я наблюдала, при мне прилетела какая то какая-то большая, чёрная птица. Села и начала ворчать, каркать. Как будто ругается. Отец Кирилл, умиряя её, сказал:

– Сейчас, сейчас. Прости...

И быстро взял какой-то кулёк и насыпал в тарелку.

Та птица, всё ещё поругиваясь, начала клевать данную ей пищу.

В другой раз видела, как на голову о. Кирилла села такая же чёрная птица. То ли грач, то ли ворон. Посидела, потом перелетела на голову двоих стоящих рядом.

Что это такое? Что это за знак?.. Понять не могу.

А вскоре и произошла с Батюшкой беда в больнице, куда как раз и отвозили его те двое. Отца Кирилла поразил инсульт. Мы лишись его непосредственной помощи, но молитвой своей и заботой он и сейчас нас не оставляет.

Батюшка всегда – простой, радостный. Без позы и многозначительности. Как он любит трудящихся в Лавре и здесь, в Переделкино, простых людей. Всегда поддерживает, ободряет. Навещал, интересовался нуждами. Когда мог, помогал. И они, трудники и работницы в прачечной, пекарне и других служ-

бах Лавры, здесь все отвечаем ему тем же. Искренне любим, на его любовь к нам и сочувствие передаём ему свои добрые мысли и чувства.

В особенности отец Кирилл необыкновенен в Пасхальные дни. Это какой-то сгусток света, энергии, необыкновенной радости, которыми он щедро делился со всеми. Невзирая на положение, сан, должность. Даже более того, с более простыми, рабочими, служащими людьми, он ещё более открыт и доступен. Тут он не опасался обиды, задетой гордыни, неверного понимания его поступков, сарказма, насмешек.

Эти дни самые радостные в его жизни и он передавал радость и значимость главного Праздника для православных людей всем окружающим.

Переделкино. Мон. Елизавета у о. Кирилла. 1998 г.

Это поистине человек – не этого мира.

В разговор вступает другая труженица Переделкинского прихода Александра (Дольше всех удержавшаяся в Переделкино. Состоящая в штате Резиденции в качестве дворника):

– Поражаюсь терпению Батюшки. Вот сейчас, в болезни, его как положат, удобно ли, неудобно, он ни словом, ни жестом, ничем не выдаст своего состояния. Ничего никогда

не попросит. Терпеливо ждёт, когда кто-то заметит и поможет ему. Перевернёт или подаст ему необходимое.

Елизавета: – Да. Терпение его не поддаётся даже понятию нашему.

Александра: – Иногда ему так тяжко бывает. Но он никогда никому не пожалуется, как мы... Как такое возможно?..

Елизавета, подумав, даёт определение:

– Монах. В высшей степени – настоящий монах. Этим всё сказано.

Владимир из Печор:

– После просмотра фильма «Духовник всея Руси» об архимандрите Кирилле (Павлове) раб Божий Владимир, который окормляется у старца Адриана (Кирсанова) и никогда не встречался с отцом Кириллом, с удивлением уважительно произнёс про отца Кирилла:

— Генера-а-ал!.. Настоящий генерал! Властитель и управитель мысли и слова. Стратег! Ничего не скажешь – Ге-не-рал!

Л. А.:

– Познакомилась я с отцом Кириллом так. Меня привели к нему знакомые. Родом я из Вологды. Батюшка любит вологодских. То ли за то, что народ наш там простой, то ли за то, что там Кирилло-Белозерский монастырь основанный его святым, преподобным Кириллом Белоезерским, в честь которого он пострижен в монашество. Отец Кирилл всегда спрашивает об этом монастыре. Сёстры Шиловы рассказывали мне о нём и привезли меня в Лавру в 1984 году.

В 1987 году я преподавала в художественной школе. Ездить в Лавру на службы в то время было трудно, так как на все цер-

ковные праздники назначали профсоюзные собрания. Батюшка утешал, будто знал, что скоро всё изменится, говорил: «Ничего, подождём, подождём». И вот в 90–м году это случилось.

По Батюшкиному благословению в этот год в Лавре открылась иконописная школа. Закончила я её, осталась здесь работать. Хотя моя мама приняла с трудом мой отъезд и была недовольна резкими переменами моей жизни.

Стала я больше общаться с отцом Кириллом. Вспоминаю, как мы ходили на исповедь к Батюшке вечером или на соборование. Как у него на всё хватало сил?.. А мы? Какие строптотные, нетерпеливые и немощные!.. Батюшка и после Всенощной исповедовал до 12 часов ночи. И утром у него много народу на исповедь. Днём чуть перекусит – и опять к людям. Весь день в заботах. Такое выдержать никому невозможно, только ему.

Мне как-то раз назначил Батюшка прийти после вечерней службы. Устала я и пошла чайку попить. Потом пошла к нему. Отец Кирилл спрашивает меня:

– Где ты была?

Отвечаю:

– Чаю зашла попить.

Мне так неудобно стало. Батюшка ничего больше не сказал на это, пригласил:

– Заходи, я помолюсь за тебя.

Общая молитва перед исповедью уже прошла. Получается, я чайку попила, а молитву пропустила. Отец Кирилл в это время уже людей принимал. Он снова безропотно стал читать все молитвы перед исповедью. Сколько бы людей к нему ни обратилось, он для каждого прочитает заново. Всегда полный чин, как бы он ни устал, как бы ни чувствовал себя. Для одного тебя!

Заболела я и отец Кирилл меня с трудом, через знакомых ему людей, устроил в больницу, а вскоре и сам туда попал. По наблюдениям своим, могу сказать, что он и в больнице себя не жалел. Придёшь к нему в палату, а он и там тайком полную исповедь проведёт.

К постам отец Кирилл относится очень строго. Всегда отказывался от неположенного, говорил, что я не буду, – а ты поешь чего-нибудь. Батюшка такой терпеливый! У него было воспаление лёгких. Ему сделали 104 укола, да ещё инфекцию занесли. И он смиренно, безропотно всё перенёс. В Великий пост к отцу Кириллу в больницу приходил его замечательный келейник, который до сих пор несёт тот же дух, отец Мефодий, и они читали канон Андрея Критского. Как всегда не спеша, каждое слово прочувствовано вычитывали. Для меня образец служения и молитвы – это отец Кирилл.

Исповедь.

На исповеди у отца Кирилла все получали гостинчики, конфетки. А мне он как-то дал два куска обкусанного кем-то чёрного хлеба. У многих спрашивала – никто никогда такого не получал. Мне же Батюшка без объяснений сказал: «Это тебе». Человек я брезгливый, особенно раньше была, но всё съела, как он велел. Не поняла, для чего это. Потом у меня начались скорби, которые продолжаются до сих пор. Может, Батюшка упреждал меня о них? Может, дал для смирения гордыни?

Ещё на светлой седмице он давал нам по крышке, а не по кусочку артоса. Отец Кирилл никогда не выделяет свои – не свои. Никто среди новых людей не чувствует себя чужим, «второго сорта». Все мы ровно – чада. Просфоры Батюшка тоже всем подряд раздавал. Отец Кирилл – это сам мир. Проповедник

мира. Он за любой мир. Пусть даже неприятный, труднопереносимый. Пусть деньги, должность, положение, приобретения потеряем, но мир сохраним – так он нас учил.

Когда мы были молодыми, на день своего ангела отец Кирилл посылал нас молиться в Кирилло-Белозерский монастырь. Там была другая обстановка. Всё ещё было не устроено, не восстановлено. В монастыре собирался народ, и мы шли большим Крестным ходом вокруг монастыря, трапеза была скромная, но праздничная. После этого мы шли на почту звонить Батюшке с рассказами, как всё происходило. Спрашивали: «А как там у вас?». Настоятель монастыря всегда слал ему приглашения, но болезни и немощь уже не покидали Батюшку, и приехать он не мог. Вот и посылал отец Кирилл свой «десант» на престольный праздник в монастырь, посланников своих, вместо себя.

Накапливалось много проблем. Едешь с ними к отцу Кириллу в Переделкино. Думаешь со страхом, а вдруг не попадёшь к нему или что-то забудешь сказать? Приедешь к нему, и всё успокаивается. Поговоришь. Что-то ему расскажешь, что-то он тебе, и обратно, лёгкая как пух, почищенная возвращаешься снова в дела, в битвы. Всегда думаешь при этом, как бы поймать, где же он, тот чудесный, переломный момент в разговоре? После которого недоумеваешь: что такое произошло? Почему так легко и хорошо стало? Ведь я больше Батюшки говорила, а ему по существу и не дала выразиться...

Когда у меня начались проблемы, я тут же поехала к Батюшке в Переделкино. Без предупреждения, «на авось». У проходной мне дали метлу, чтобы подмести рядом. Начала я подметать, как выходит отец Кирилл. Он сразу понял, что я не для этого сюда приехала, а по важному для меня делу. Спокойно, чтобы не привлекать общего внимания, стал кормить птичек. Мне же говорит: «Рассказывай». Поделилась я с ним своей тревогой, опасениями. Он благословил меня, и я, докончив мести, уехала утешенная и укрепившаяся в благополучном исходе операции. Батюшка так же незаметно, будто для птичек только и выходил, ушёл обратно через проходную

к себе в келью. Вот так, казалось бы просто, как бы невзначай, само собой, без напряжений, а ведь он почувствовал, что мне необходима его помощь и вовремя вышел. Незаметно для всех оказал мне внимание.

Если отец Кирилл назначал встречу, он никогда и ни к кому не опаздывал. Сейчас этого правила почти ни у кого нет.

Батюшка всегда может мирно рассудить любой человеческий конфликт, сказать правильно про человека и не расстроить, не обидеть его. Мы ведь очень гордые, себялюбивые.

Очень долго я не могла купить квартиру. Тогда уже в Сергиевом Посаде всё было дорого. Одна квартира была очень старенькая, и её никто не брал. Сказала о ней отцу Кириллу. Он посоветовал: «Покупай». Приобрела. Сделала большой ремонт, было с ней много проблем, роптала я, грешная, с полгода: «Ну, зачем мне Батюшка сказал её покупать?». Потом вразумилась. Раз Батюшка сказал, значит всё правильно! Успокоилась я. Сейчас в ней живу и думаю, как отец Кирилл мне правильно тогда посоветовал. Всё устроилось, она находится рядышком с Лаврой, удобно.

В 1988 году была я в Ферапонтово, Вологодской области. Приехали туда священники, тогда ещё только началось что-то возрождаться. Мы ведь и батюшек толком никогда не видели. Потом выяснилось, что это поселились катакомбники и их церковь. Они из Москвы приехали. Они мне про отца Кирилла сказали плохо. Что, мол, красный, продажный. Эту историю я рассказала отцу Кириллу. Батюшка расстроился: «Что же я им сделал плохого?». Он меня благословил туда вернуться и разобраться, что же там за «линия» у них такая идёт? Ездила я к ним. Они опять ругали отца Кирилла, всю нашу Церковь и очень неприятно со мной разговаривали. Полдня я у них просидела, приехала, рассказала Батюшке, он опять расстроился, но не за себя, а за них.

Так по жизни иногда получалось, что я куда-нибудь влезала и ничего не понимала. Знаний не было. Батюшка, жалеючи, мне говорил:

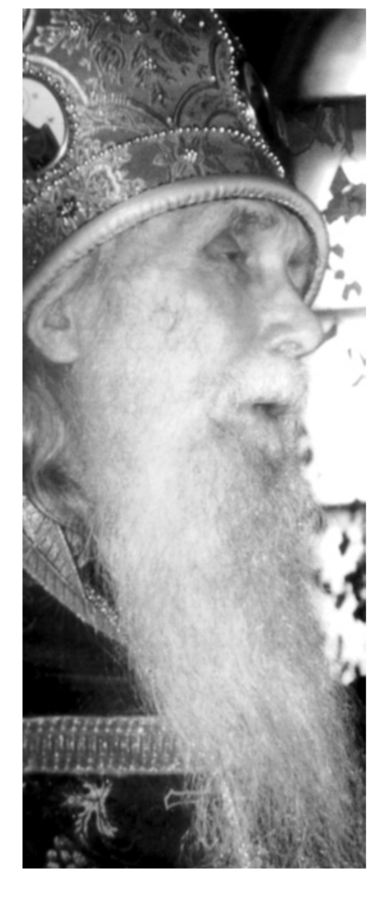
– Читай больше.

– Мне трудно даются богословские книги. Мне легче у вас спросить, и вы мне всё объясните.

– Учись. **Будут такие времена, когда не у кого будет спросить и не на кого будет положиться.** Самой надо будет думать.

До сих пор я помню, вспоминаю эти наставления.

Как-то ездила я и к отцу Зинону, иконописцу. Он тогда служил в Мирожском монастыре в Пскове. Задержался в пути поезд, и я опоздала на воскресную Литургию. Служил о. Зинон и какой-то католический монах с ним. Потом была общая исповедь и приглашают всех на причастие. Дара рассуждений у меня тогда ещё не было. Отец Зинон был известный авторитет, и я причастилась. Причём, отец Кирилл мне ничего плохого про



него не говорил. Только улыбнулся, когда я просила благословения туда ехать, и как напутствие сказал: «Они, художники, бывают немного странные. Ты съезди туда, посмотри, перенимай опыт иконописи. Слушай его как иконописца». А я про эти слова Батюшки забыла, растерялась. Не знала, как мне поступить. Если я откажусь? Нарушится какой-то общий дух. Потом, когда я рассказала про это отцу Кириллу, он меня отчитал: «Как же ты могла причаститься, опоздав к службе, да ещё без настоящей исповеди?!». И Батюшка наложил на меня епитимию.

В другой раз мне предложили поехать к старцу в Ивановскую область. В машине было свободное место, и поехали. А там опять оказалось что-то странное. Тогда я снова вспомнила слово «думай». Много

смущений я там имела и не стала там исповедоваться и причащаться. Вспомнила я отца Кирилла. Он всегда незримо помогает. «Сейчас, – говорил он, – ты у меня можешь спросить, а потом не сможешь. Учись думать сама». Тут я уже была спокойна, хотя многие на меня странно смотрели. Поняла, что мне надо воздержаться, и всё.

Что греха таить. Иногда я спорила с Батюшкой, не соглашалась, а потом, разбив нос, вспоминала им сказанное.

Сейчас я смотрю на студентов Семинарии и вижу, как им тяжело жить и притираться к разным, сложным сейчас обстоятельствам. Ведь они все не из монастырей, а из семей приезжают. Трудно им найти и держаться истинного, правильного направления, как в своё время трудно было и мне.

В то время, когда у меня не было жилья, и положение моё накануне зимы было почти критическое, мне предложили помочь по хозяйству и присмотреть за дачей в Семхозе. Там, на даче, и жить зиму. Вариант хороший, очень подходящий для меня, но одна знакомая мне плохое рассказала про хозяина этой дачи. Пошла я к отцу Кириллу, изложила ему ситуацию. Говорю, мол, если я там увижу плохое, что говорят, то я не смогу «дипломатически» это выдержать, и скажу об этом. Батюшка задумался. Отпустил меня, ничего не сказав, а на следующий же день позвал и сообщил: «Всё не надо тебе ехать. Есть лучший вариант». Там было нелегко, много работала, много было трудностей. Хозяин дома был непростой. Ужиться было нелегко. Вот тут отец Кирилл меня не отпускает, учит:

— Не надо каждую минуту всё в глаза говорить. Ты жалей его. Уважай его мужское достоинство. Надо помягче, поснисходительней быть.

Учит Батюшка и тому, как следить за собой, особенно в монастыре, чтобы руки были всегда закрыты. Надо бережно относиться к монахам, аккуратно. Отец Кирилл всегда, как родной отец. Придёшь к нему, к коленочкам его прижмёшься и говоришь с ним обо всём.

Когда я стала учиться, то у меня стало как-то сразу всё болеть. Бывало, пожалуешься Батюшке об этом, и как-то само собой проходило. Его доверие и любовь к нам были целебными. А его безмерная любовь к Богу – то, что каждый хочет достичь, чему желает научиться, вообще поражали своей безграничностью. На исповеди он всегда говорит: «Очищай сердце. Как же ты будешь работать над грехами без этого? Молись, и через это – очищай сердце».

Иногда вечером Батюшка любил поиграть с котом. Оденет перчатку на руку, чтобы руку не оцарапать, крови и царапин не было, ведь завтра служить, и даёт коту разрядиться, порезвиться, поиграть немного. Любит отец Кирилл всякую живность. Другой раз к нему котёнок откуда-то забрёл. Такой грязный! Увидела я его и спрашиваю Батюшку:

– Почему он такой грязный? Надо помыть его.

Батюшка с охотой подхватил моё замечание и говорит:

– Если умеешь, то помой, а потом обратно принеси.

Когда я вернула котёнка, то отец Кирилл, чтобы польстить мне за мою работу, шутливо удивился и подчёркнуто недоверчиво спросил:

– Не подменила ты его?..

– Нет, что вы, – поверила я его недоверию.

– Что-то больно пушистый. Прямо другой какой породы, – продолжал «не доверять» Батюшка.

– Да что вы! Тот же, тот, – искренне заверяла я его.

Тогда, перейдя со своей шутливой игры со мной, он впрямую похвалил меня:

– Надо же, какой чистый стал. Молодец! Усердно ты с ним справилась, – и тут же с опаской поинтересовался. – Не поцарапал он тебя?

– Немножко.

– Поаккуратней надо, – посочувствовал мне Батюшка.

Тут же полез за занавесочку. Подумала, что он мне сейчас гостинчик какой даст. А Батюшка отыскал консервную банку, протянул мне и говорит:

– На открой ему.

– Только что, перед тем, как отнести к вам, я накормила его да отвала, – завозражала я, но отец Кирилл был неумолим. Не успокоился до тех пор, пока объевшийся котёнок не отвернулся от банки с недоеденными шпротами.

Выжившие.

С мамой я общалась по телефону. Как-то раз она мне рассказала, что у них мальчика убило ледовой сосулькой. Рассказала я об этом Батюшке. Он при этом грустно уставился взором в окно и начал про Сталинград рассказывать. Как завалило там снегом солдат, и многие там погибли. Жалко, что мы, в своё время за Батюшкой ничего не записывали, не ценили его редких воспоминаний. Не понимали, с кем мы общаемся! Сейчас жалеем об этом.

«Смиренномудрие есть такое состояние души, в котором она, познав всю слабость и нечистоту свою, бывает далеко всякого высокого мнения о себе, постоянно старается раскрывать в себе доброе, искоренять все злое, но никогда не почитает себя достигшею совершенства и ожидает его от благодати Божией, а не от собственных усилий.

Не спасет нас подвижничество, ни бдение, ни другой какой труд, если не будет при сем истинного смирения».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Ценно в отце Кирилле то, что на все вопросы он всегда отвечает конкретно. Либо – да, либо – нет. Как и учил Господь: «Да, да. Ни, ни». Это очень важно. Он всегда прежде помолится, обдумает ответ, но после отвечает конкретно. Без рисовки, многозначительности, неясности. Сейчас, наблюдаю, многие стали говорить непросто, с важностью. Думаю, что это своего рода академическая хитрость. Чтобы при всех вариантах быть неуязвимыми, правыми. Одновременно и отвечать мудрёно на задаваемые вопросы, и в то же время не иметь ответственности за свои слова и советы. У отца Кирилла никогда такого не было. По каким бы проблемам, вопросам мы ни спрашивали его. По самым житейским, и даже общественным, государственным, мировым. Отец Кирилл всегда даёт чёткие, конкретные ответы. Причём всем, как бы на разных языках, в тех выражениях, какие наиболее понятны спрашивающему. Иногда даже и в резкой форме, типа «не лезь туда! Это не твоё дело»...

Хоть я уже имела здесь квартиру, но прописана была на родине. Пошла я к отцу Кириллу. Спросила его совета. Он ответил: «Пока ты тянешь, то не выписывайся из Вологды. Понятно, что с людей дерут сейчас, сколько нужно им. Но пока тянешь – не выписывайся». Ответ неудобный для меня, трудная ситуация сложилась. Проявила я волю, выполнив то, что Батюшка сказал. Время показало, что ответ его верный на тот момент был и очень понятный. Во всём я доверяю Батюшке.

Всегда отец Кирилл оказывает помощь всем, никого не выделяя. В те ещё времена гонений на верующих у меня, при отсутствии прописки, были большие трудности. А вскоре очень остро встал вопрос о прописке в Сергиевом Посаде. Батюшка решительно распорядился: « Иди, возьми у монахини Е. паспорт, и всё сделайте. Пусть она тебя к себе пропишет». И всё! Вот какие твёрдые и одновременно доверительные были между нами отношения. Где ещё может быть такое? Только рядом с отцом Кириллом было всё надёжно, была постоянная защита. Разрешались многие, казалось бы неразреши-

мые трудности и проблемы. В то же время это происходило по-доброму, мягко, так, что мы сохраняли мир со всеми.

В 1994 году в Череповце Вологодской области всё ещё только начиналось. Построили там храм, направили меня туда. Поручили восстановление двух иконостасов. Пришлось мне подписывать договора. У меня были начальники. Не могла я поначалу выстроить с ними отношения. Спросила об этом отца Кирилла. Он чётко мне сказал: «Ты этот заказ никому не отдавай, иначе вы без денег останетесь». Всё так объяснил мне Батюшка, Бог так плавно развёл нас начальниками. Деньги остались у нас. Мы смогли закупить дорогие материалы, краски... Всё управилось, и отношения сохранились.

В другой раз нам надо было срочно забрать иконы из монастыря. Мне дали «железных» парней. Тут они сильно подвели меня. Мало того, что они всё прокурили, где ночевали. Им ещё приспичило пойти ночью за бутылкой вина. Думала, что меня выгонят из монастыря из-за них. Отец Кирилл меня успокоил: «Не переживай, ничего не будет». Так всё его молитвами и обошлось. В тех работах мне только Батюшка помогал. Только его заботами я смогла всё перенести. Было очень хлопотно и даже страшно. Такая ответственность и опасность!..

Однажды подошёл ко мне прораб и говорит, мол, ты должна отдавать «наверх» деньги 10%, иначе у тебя ничего выйдет. Отвергла я такое предложение. А он мне: «Здесь все об этом знают. Это – неписанный закон». Что делать? Я – к отцу Кириллу. Он сказал: «Ни в коем случае! Ни с кем на такие отношения не переходить!» И точно, мне потом сказали. Если бы я строго не вела учёт, выдавала бы на сторону деньги, сидела бы сейчас точно в неволе. Никто из тех начальников за меня не вступился бы. Наоборот, они бы меня и посадили, чтобы на меня списать те недостачи, те взятки им.

Денег потом на иконостас стали очень мало давать. О каких там налогах можно было говорить? Посоветовалась я с отцом Кириллом. Раз на интервью для журнала меня благословил. Сказал, чтобы только без тщеславия было. Очень мудрые у

него советы. И всегда легко исполнимые, даже, казалось бы, при очень тяжёлых ситуациях. Сейчас бы я за такую работу не взялась, без Батюшкиных советов. Промашки у меня, конечно, тоже были. Порой и люди меня подводили. Отец Кирилл, уча самокритическому отношению в жизни, при моих жалобах, говорил, что это я виновата. Раз взялась за такую серьёзную работу – никому никаких поблажек! Ни друзей, никого! За деньги надо жёстко отвечать, тем более за чужие. Вот так отец Кирилл учил меня. Ругал нечасто, но бывало – мягко, жалеючи, поучая, но ругал. У Батюшки и свой большой опыт хозяйственника был. Он же много лет был казначеем Лавры.

Стоим как-то на клиросе. Одни женщины. Пока идёт причастие, мы что-то там болтали, разговаривали. И кто-то отцу Кириллу об этом сказал. Батюшка вышел из алтаря и сделал нам строгое замечание. Редко он кого ругал, без крика, негромко, но строго.

Служил здесь в Лавре о. Михаил. Он очень любил отца Кирилла. Иногда, чтобы попасть к отцу Кириллу, я проходила через помещение отца Михаила. Говорила:

– Простите, я иду к Батюшке.

Он всегда говорил в ответ:

– К Кириллушке? Иди, иди.

Тяжёл и опасен труд иконописцев. Леса под куполом.

Они были разными, но любовь объединяла их. Когда у меня был какой-либо конфликт, я могла рассказать им обоим. Отец Михаил иногда так рассудит, что у меня появлялось недоумение оттого, что я права и как бы возвыша-

юсь в этом. А отец Кирилл обо мне и о сопернице моей так тепло скажет, что все на равных, и у меня только горечь от моего несовершенства остаётся. Вот какая великая и необъяснимая тайна есть в отце Кирилле. Как он может так необыкновенно объяснять? Что мир в душе сразу наступает, и к тому человеку, которого ты совсем недавно видеть не могла, вся в возмущении, возникает внимание, понимание и даже уважение. Как это так возможно?!.. «Кириллушка-Солнышко». Так всегда отец Михаил говорил о Батюшке.

Про новую войну у отца Кирилла спрашивала. Он ответил: «Они войну могут сделать в любое время, когда захотят, у них всё в руках для этого. Голод будет. Нужно людям, особенно с детьми, иметь небольшой запас продуктов. Самое же главное, духовные закрома сейчас заготовить нужно».

И о предсказаниях старцев, отправке «эшелонов» спросила, что хоть в последний вагон надо вскочить. Отец Кирилл сказал, что надо и это иметь в виду. Не проморгать, не смалодушествовать, успеть там оказаться.

Отец Кирилл очень полюбил мою маму, старой крестьянской закваски. «Подвижница, аскет», – так он её называл. Они сразу привязались друг к другу. Один раз Батюшка маме шутливо говорит: «А ты, младенец седовласенький, подожди. Как повзрослеешь, так и поговорим». Внимательно с ней разговаривал. Столько полезных наставлений ей дал про монашеское делание. Книжку ей подарил. Расстроилась я, ворчала, негодовала, что он мне внимание не оказывает. Он тут же меня успокоил, говорит: «Ладно, ладно, сейчас что-нибудь и тебе подарю». Достаёт маленькую книжечку «Игуменья София». Двигает её по столу ко мне и говорит: «На, это всё твоё. Тебе от этого не уйти».

Мы с мамой как-то привезли в Переделкино отцу Кириллу в подарок связанные мамой шерстяные тапочки. Батюшка повертел их в руках, повосхищался, похвалил, поблагодарил нас, а потом вдруг наклонился к нам и тихо попросил маму: «А давайте мы их Наташе (помощнице его) подарим». Честно го-

воря, мама поначалу не была согласна с таким решением отца Кирилла, но, увидев его доброе лицо и просительную улыбку, охотно согласилась: «Давайте, Батюшка, подарим». Все мы стали ещё радостнее и довольные друг другом.

«Что значит брать крест свой? Это значит идти тесным и скорбным путем непрестанной борьбы со страстями и похотями, соблазнами мира, с искушениями диавола, терпеть случающиеся болезни, беды, напасти, гонения, изгнания и смерть, если угодно будет Господу послать это нам.

Не уклоняйся и ты христианин от Голгофы, от креста терпеливым перенесением до конца всех неприятностей, огорчений и скорбей житейских, посылаемых от Бога. Этим-то путем крестоношения шли вслед Господа Иисуса Христа все святые, социарствующие с Ним ныне в Его славе».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Монахиня Нина (Васильченко):

– Родом я из Сухуми. Из Абхазии. Родилась там, воспиталась, потом приехала в Москву поступать в Университет. Окончила, замуж вышла. Потом опять в Абхазию уехала перед войной с Грузией. Во время войны приняла монашество от Патриарха Грузии Илии. Отец Кирилл меня благословил на монашество, а Патриарх совершил это таинство.

Познакомились мы с отцом Кириллом в 80-х годах. Он приезжал часто в Сухуми и останавливался у матушки Ольги возле сухумского собора. Я к матушке Ольге часто ходила, спрашивала у неё разные советы по жизни и разным делам. И

вот однажды у неё мы встретились и познакомились с отцом Кириллом. В разговоре я сказала, что сейчас еду домой, живу на берегу моря за Сухуми. Пригласила Батюшку к нам, и он со мной поехал.

Приехали мы, и ему у нас очень понравилось. У нас был большой сад, уединение, тишина. Почти 10 лет каждый год Батюшка приезжал к нам отдыхать. Он стал духовником нашей семьи. Муж у меня был профессор, физик. Отец Кирилл его очень уважал. Часто они с ним беседовали. Муж из древней священнической семьи, и им было о чём поговорить. Меня Батюшка часто смирял. Я была человеком светским, хотя верующим, но не церковным. Отец Кирилл помогал духовно встать на ноги мне и всей нашей семье. Одному из внуков моих было 5 лет. Отец Кирилл, не считаясь со своим, безмерно занятым временем и здоровьем, много беседовал, строил крепости из песка с ним. Однажды, при мне, Батюшка задал ему вопрос: «Ванечка, кем ты хочешь быть?». Тот уже слышал, что, Батюшка монах, мы ему рассказывали. Он ответил:

– Монахом.

Отец Кирилл внимательно посмотрел на него и сказал:

– Ну, хорошо, старайся.

На следующий день опять отец Кирилл задал ему тот же вопрос:

– Ванечка, ты будешь монахом или будешь жениться?

– Буду монахом и буду жениться, – не раздумывая, ответил Ваня.

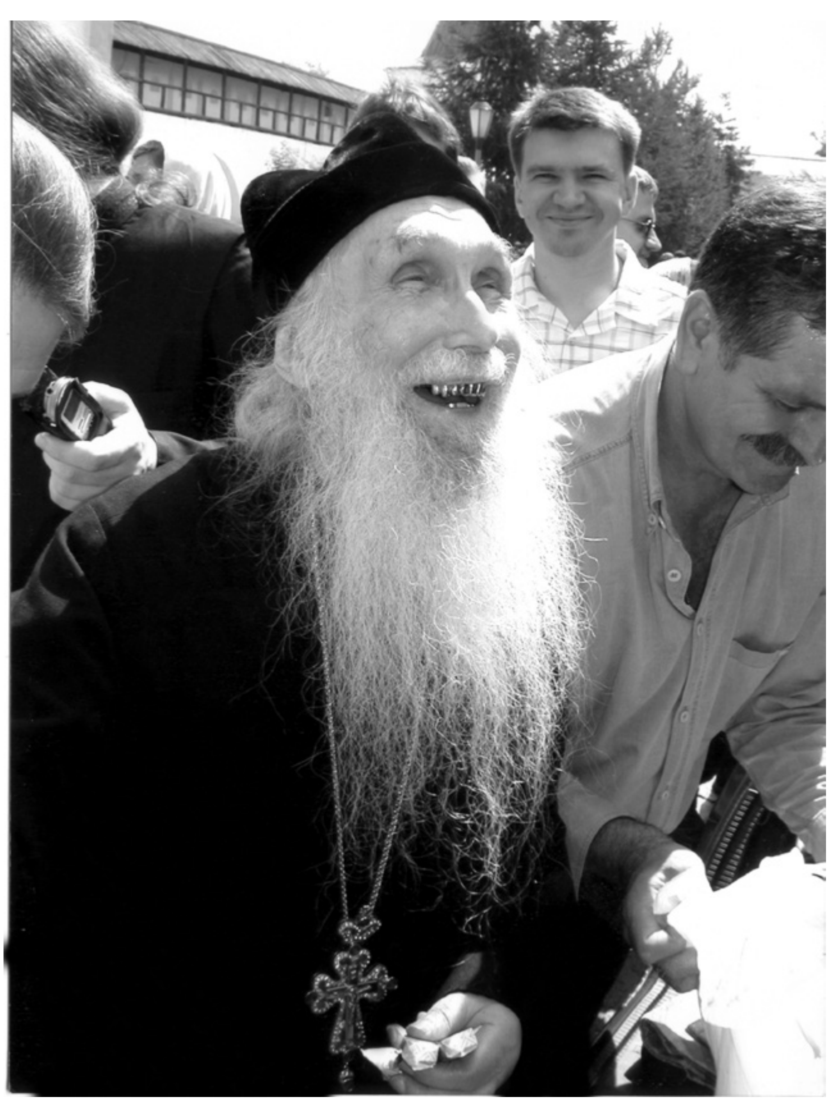
Батюшка рассмеялся и возразил ему:

– Так нельзя. Выбери что-нибудь одно, – потом тут же утешил внука моего, сказал. – Хотя ты прав. Бывает, происходит иногда, когда монахом становится прежде женатый человек. Пусть будет и то и другое, лишь бы ты был с Богом.

– Тогда буду монахом, – важно согласился Ваня. Отец Кирилл положил ему руку на голову и благословил.

Отец Кирилл очень почитает Владыку Илию (Сухумского и Абхазского), потом Патриарха Всея Грузии. Как-то мой млад-

ший брат и внук Ваня играли во дворе. Они играли в «батюшек». Завязали себе полотенца на головы и повесили сверху на рубашки, как епитрахили. Отец Кирилл, проходя мимо них, сказал им: «Батюшки, пошли купаться!». Они послушно за ним пошли. Тогда отец Кирилл снова подтвердил, что Ваня будет священником. Более того, уверенно добавил: «И будешь монахом».



Прошло 20 лет, и Ванечка стал иеромонахом Иосифом. Сейчас он настоятель храма Пресвятой Троицы в Иваново.

Было это давно, когда Хрущёв пришёл к власти. Он составил пасквильное письмо на Сталина и его правление. Это обращение читали по всей стране. Я работала тогда в школе педагогом. У нас на педсовете тоже читали это послание нового генсека и поставили вопрос на голосование: согласен – не согласен с этим письмом. Подняли руки, что все согласны. Я воздержалась. Директор собрался меня увольнять за то, что я политически неблагонадёжна и неграмотна. За меня заступились родители моих учеников, но многие мои друзья от меня отошли, так как боялись со мною дружить. Рассказала я о своём состоянии мужу, и он послал меня к отцу Кириллу. Батюшка меня выслушал и сказал:

— Да. Оставаться верным трудно... но благодатно.

При этом он ласково, укрепляюще положил свою руку мне на голову. Потом вынес книжечку, напечатанную на машинке. Тогда такие называли «самиздат». Из неё я много узнала о «протоколах», о войне против Православия, Церкви и нашей России. Батюшка мне доверил, подарил книжечку. Прочитав её, я многое поняла и успокоилась на свой лад. Это было ещё в конце 50-х годов.

Со старшим поколением, с моим сыном Михаилом и его женой Екатериной отец Кирилл тоже был дружен. Однажды Миша попал в страшные лапы «новых русских». Он писал иконы, и один делец за грошовые цены вывозил его иконы на продажу. Миша от этого огорчался и иногда выпивал. Отец Кирилл поставил ему условие, что если он выпьет, то чтобы к написанию икон и не прикасался! Михаил послушался и в такие моменты не работал. Был простой в работе. Дельцу это, конечно же, не понравилось. Как-то он приезжает и наедине говорит Мише: «На, возьми это, и не будет простоя, всегда будешь работать». Он предложил наркотики. Миша отказался. Сказал, что как-нибудь сам справится. Шло время, он

не справлялся, и тот деляга посадил его на наркотики. Миша опустился, перестал ходить в церковь, перестал ездить, исповедоваться у Батюшки. Вся семья его развалилась. Поехала я к отцу Кириллу и всё ему рассказала. Меня тогда звали Алла. Отец Кирилл мне сказал: «Алла, давай молиться. Ты как мать, а я как человек, который его сильно любит. У тебя, как у матери, сильная молитва».

После этой поездки в Лавру, к Батюшке, я с колен не поднималась, молилась. И вот приходит как-то ко мне Миша и говорит: «Мама, отвези меня к отцу Кириллу».

Поехали. Отстояли в очереди, подошли. Первой вошла я. Расплакалась, упала Батюшке в ноги и сказала только, что там стоит Михаил. Взяла благословение и вышла. Михаил был у отца Кирилла долго. Когда он вышел от Батюшки – я его не узнала. Это был опять жизнерадостный, родной мой мальчик. Он подошёл, обнял меня за плечи и говорит: «Мама, а меня Батюшка побил». Я то знала, что это означает. Кто знает – тот поймёт. После этой поездки к отцу Кириллу и беседы с ним сын мой как воскрес.

Потом у нас были близкие встречи с Батюшкой в Сухуми. Миша говорил о чудесах, которые совершал отец Кирилл. Но Батюшка никогда не любил, когда так говорили. «Все чудеса, – говорит он – совершает Господь». Так всегда он велел говорить и нам.

Находясь у нас, под Сухуми, по вечерам отец Кирилл совершал молитвенное правило. И нас допускал к себе. Мы рядом все молились. Потом, как утешение, он угощал нас виноградом, яблоками.

Накануне отъезда отца Кирилла в Москву. Это был сентябрь месяц – самый красивый у нас. Приготовила я обед праздничный. Сидели мы за столом и говорили мирно, тихо. Ворвался вдруг мой брат в разорванной рубашке. Раздражённо закричал, что у него украли колёса с машины. Все замолчали. Наступила напряжённая пауза. Глянула я на отца Кирилла. Он, будто ничего не случилось, улыбнулся и ложечкой стал есть суп. Кушает

и кушает. Происходит что-то невероятное. Мой взбешённый брат начинает говорить всё тише и тише. Успокоился, сел в уголочке. Я подала ему тарелку супа. Он стал есть. Батюшка про себя, в душе своей, очень ему бедному посочувствовал, что он трудился, а его обокрали, но чтобы страсти улеглись, не подал и виду, не поддержал брата в гневе. Отец Кирилл никогда не поддерживает, не переносит никаких отрицательных эмоций. Помолился сам и нас настроил на поиск Божьей помощи, а не человеческой, слепой и жестокой. Брат поначалу куда–то собирался идти, нанимать, догонять, наказывать, а потом поел супчика, успокоился. Вскоре нашлись и колёса. Их нашли в овраге завёрнутыми в целлофан. Кто-то приготовил их увести подальше, но с помощью Божией это сорвалось. Соседи нашли и вернули колёса брату, к большой его радости и укреплении в том, что всегда, по примеру Батюшки, при любых неприятностях, надо искать, прежде всего, помощь у Бога. Жизнь пошла по-прежнему, тихим своим, трудовым чередом.

Когда мы воцерковились и познакомились с отцом Кириллом, он подарил мне золотой крестик. Сказал: «Вот, дарю тебе крестик. Мне иногда дарят колечки, серьги. Знаю, что многие новообращенные не хотят носить церковные крестики простые. Поэтому мне золотые вещицы перелили и сделали золотые крестики и цепочки. Раздаю их своим чадам». Так и мне достался такой Батюшкин крестик, и детям, и внукам моим. Свой крестик я подарила нуждающимся, а вот Ванечка до сих пор хранит подарок Батюшки.

Когда отец Кирилл приезжал к нам на юг, он ходил в льняном, скромном, сером подрясничке. Мы так и на рынок с ним ходили. Он мне помогал. Главное то, что отец Кирилл сеет везде вокруг себя такой мир, такую ласку, такую любовь и заботу, что они притягивают всех. Он заботится о всех. Тревожился и о моей больной маме, муже, детях, внуках.

«Без терпения нет подвига, а без подвига нет добродетели, ни дарования духовного, ни спасения».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

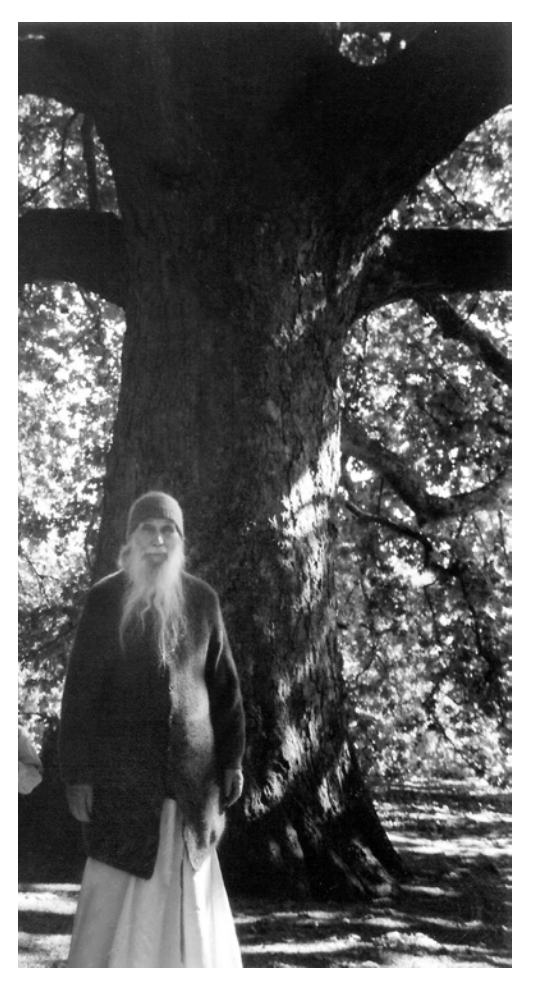
Было нелегко у меня с мужем. Он в Церковь не ходил. Написала я отцу Кириллу об этом письмо. К тому времени муж был очень болен, и я уже изнемогала. Дело было перед войной в Абхазии. Отец Кирилл строго меня отчитал за слабости и упадок воли, а по поводу болезни мужа написал: «Не надо лечить. Поздно. Но всё хорошо будет». И муж вскоре скончался такой смертью, что Батюшка сказал: «Честна пред Господом смерть преподобных Его». Он чуял, ценил душу человека, даже согрешающего, и никого не осуждал. Он и с такой душой вёл свой внутренний диалог, свою молитву и к этой душе он обращал. Считаю это самым главным в облике отца Кирилла.

Строили мы в Сухуми дом. Очень тяжело и трудно строили. Батюшка, жалея нас, зная многое, говорил: «Не надо, Алла, не напрягайтесь. Всё равно это всё ненадолго». Мы не понимали, про что он говорит. Не верили. Убивали зря свои силы и время. Так и получилось, как сказал отец Кирилл. Этот дом, полную чашу, нам пришлось бросить и бежать оттуда. Говорил же нам отец Кирилл, будто предвидел те беды, какие обрушатся на тот край, на нас. Предупреждал, что не надо надрываться, всё надо по силам делать.

Приходили к нам иногда соседи. Отец Кирилл всех принимал с любовью, благословлял. Приносили ему кто редиску, кто молочко – старались отблагодарить за его благодеяния. Он принимал, чтобы не обидеть людей, их нехитрые приношения.

Вставал он очень рано и уходил подальше от людей, для уединённой молитвы. Долго отсутствовал. Приходил. Завтракал. И снова за труды. Чтение, написание множества писем. Молитвы. Мы общались с ним только ближе к вечеру. Совершали совместно вечерние молитвы. Старались ему не досаждать. Жил он очень уединённо, поэтому он уезжал из людской толчеи курортного Сухуми к нам.

Когда отец Кирилл уже не смог к нам ездить, по предписанию врачей стал ездить в Крым, то присылал нам открыточки. Там было в них написано: «Смотрю на море в Вашу сторону. Вспоминаю Юрия Всеволодовича и Вас, досточтимая матушка, Алла Григорьевна. Не унывайте, Господь с вами».



Два исполина.

Из-за вспыхнувшей между Абхазией и Грузией войны мы были вынуждены уехать из Сухуми. У меня после гибели детей осталось четыре внука-сироты на руках. Когда муж скончался, я сразу приняла монашество. Сказала отцу Кириллу, что хочу уйти в монастырь. Он сказал, что даже думать не смей, пока не воспитаешь детей. Это Бог дал тебе крест такой. Монастырь – это твои дети.

Мы приехали в Москву к друзьям. Пожили у них, и потом нас приютил отец Фёдор Бородин, из церкви Космы и Дамиана на Маросейке. После того, как мой сын Михаил стал бывать у отца Кирилла, он сильно изменился, стал усердно ходить в церковь. Отец Федор взял его иконописцем в храм Космы и Дамиана, на клирос поставил. Вскоре он мирно, по-православному скончался. Его забрала к себе блаженная Матронушка, которой

Лишённый родного очага.

он усердно молился и к её могилке на Даниловском кладбище часто ездил.

Потом я стала работать в православной гимназии «Радонеж» в Ясеневе. Там стали учиться все мои мальчики. Они росли, я работала, и будучи без присмотра, они стали шалить, «отбиваться от рук». Поехала я к отцу Кириллу за советом. Сказала, что не управляюсь с детьми, и они попадают в разные неприятные истории. На это отец Кирилл, помолившись, ответил: «Забирай-ка ты детей и уезжай из Москвы, потому что одна ты их здесь не удержишь и потеряешь».

Мы уехали в Ивановскую область. Жили мы на приходе. Добрые люди помогли приобрести небольшой старенький домик с огородом. Инвентаря нужного нет. Дети ещё не в силе, а я уже немощная. Что делать? Поехала я за советом к отцу Кириллу. Спросила его, может детей куда-нибудь на учёбу отослать? На что он мне ответил: «Учиться ехать можете, но землю свою не бросайте. Она ваш корень, она вам скоро пригодится». Я это на всю жизнь запомнила. До сих пор эта земля стоит и домик тоже. Езжу туда и зимой и летом. Дети помогают, ведь мне уже 82 года.

Чудо то, что я осталась без дома, без денег, без пенсии с четырьмя мальчишками, а они всё-таки выросли, выучились. Меня спрашивают: «Как ты их вытянула?!». Отвечаю им, что никого я не тянула. Это всё Господь. Такое чудо произошло по молитвам Батюшки, отца Кирилла. Он их всех знал, за них молился, я их часто водила к нему.

Близкая подруга моя и родственница рассказала мне такой случай. Однажды ей привезли драгоценный мёд с гор. Она хранила его, чтобы повезти в Москву детям Мы тогда все бедно жили. Небольшая зарплата и всё. В это время приехал отец Кирилл. Вечером мы с ней встретились. Она мне говорит, что хочет отдать этот драгоценный мёд Батюшке. Долго решалась и отдала. Отец Кирилл, принимая от неё щедрый дар, сказал ей: «Да не оскудеет в доме твоём вино и елей». Перекрестил баночку и отдал обратно ей. Сколько лет прошло. Тридцать! А в её доме мёд не переводится.

Возле отца Кирилла всегда как-то тепло, надёжно и радостно. Как будто из одного мира попадаешь в другой, и выходить из него не хочется. Батюшка всегда раскрепощён и других освобождает от скованности. Другие там говорят, то нельзя, это нельзя. А отец Кирилл рассудительно разумное разрешал и говорил: «Всё могу в укрепляющем меня Господе!».

На мой взгляд, отец Кирилл отличается от других старцев широкой сферой влияния на умы людей своей добротой, непрестанной молитвой. Он везде сеет мир, добро, примирение. Примирение между собой у людей, в семьях, в коллективах и даже в собранных вместе людей разных национальностей.

«Дорогие, будем горняя мудрствовать, а не земная, Христос на земли – будем возноситься мыслями и сердцами на небеса, а не прилепляться к земному и не служить плотским похотям.

При постоянном общении со Спасителем нашим будет постоянно озаряться светом истины и добра и душа жестокая и ожесточенная. Господь Иисус Христос Своим божественным словом, Своей силой вызовет из нее добрые начала, кроющиеся в ней, возбудит в ней любовь к истине и святости и мало-помалу сделает человека сыном света.

Христиане уподобляются воинам, которые должны всегда быть на страже своего сердца и не допускать, чтобы сердцем владели греховные желания, мысли и всякого рода страсти, потому что это опаснее всякого внешнего врага».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Геннадий Павлович:

– С отцом Кириллом я познакомился после того, как прочитал статьи о нём, что это тот человек, который защищал в Сталинграде дом, который получил потом название «дом Павлова». Я был поражён и удивлён тем, как же так? Герой Советского Союза и так замолчен, или изолган прессой. Просто КГБ-эшники не разрешают опубликовать правду про него. Читал и про то, что отец Кирилл удивился тому, как люди повернулись к вере во время войны, и ужаснулись, что были неверующими. Он рассказал, что когда был на фронте, то тоже укрепился в вере. У него получился большой духовный и жизненный путь. Стал духовником братии Лавры. У отца Кирилла исповедовались даже Патриархи.

Мой сын пришёл к вере раньше меня и через отца Кирилла стал монахом. Мы жили далеко отсюда, и в одну из поездок сын взял меня с собой. Я смог побеседовать с отцом Кириллом.

Задал я Батюшке такие вопросы:

– Как мне быть? Мы с супругой живём на Урале, а сын в Троице-Сергиевой Лавре монах. Второй сын в Москве, женился. Есть ли воля Божия переезжать нам поближе к сыновьям в Сергиев Посад или ещё куда?

– Переезжайте, только купите домик с землёй, – посоветовал отец Кирилл.

Так оно и случилось. Мы переехали, и много лет я боролся с властями за то, чтобы прописаться в собственном доме. В конце концов, всё разрешилось.

Здесь появилось Вифанское подворье. Батюшка сказал, что со временем там будет монастырь. Стал я там послушником. Настоятель, архимандрит Дорофей, говорит мне: «Всё, мы даём тебе подрясник, ты у нас теперь послушник». А отец Кирилл благословлял меня на домик с землёй, а не на монашество. И отец Трифон дал мне благословение принимать гостей паломников с Урала, которые будут приезжать в Лавру. Думаю, как же я буду разрываться между подворьем и домом?..

Пошёл к Батюшке и говорю, что я уже одет в подрясник, и послушником меня хотят сделать. Отец Кирилл усмехнулся и спрашивает меня:

– Что, без меня меня женили?

– Да, думал, что они согласовали с вами, а они самовольно.

Отец Кирилл засмеялся и успокоил:

—Ничего. Помогайте на подворье по мере сил.

На что отец Кирилл нас благословлял, то оно всё и всегда легко выполнялось и выполняется.

Поделился я с отцом Кириллом и своей горечью:

– Меня смущает поведение сына, я часто срываюсь. Не знаю, как мне быть. Если сын мой учится на дьякона, то пусть монастырь его и воспитывает. Мне что ли монахов воспитывать?

Батюшка улыбнулся и на это мне ласково, вразумительно сделал поучения. Это во многом мне дало определиться и найти верный тон с сыном. Иной раз одной известной вроде бы фразой отец Кирилл верно настраивает человека, даёт ему нужное понятие о поведении своём в таких случаях.

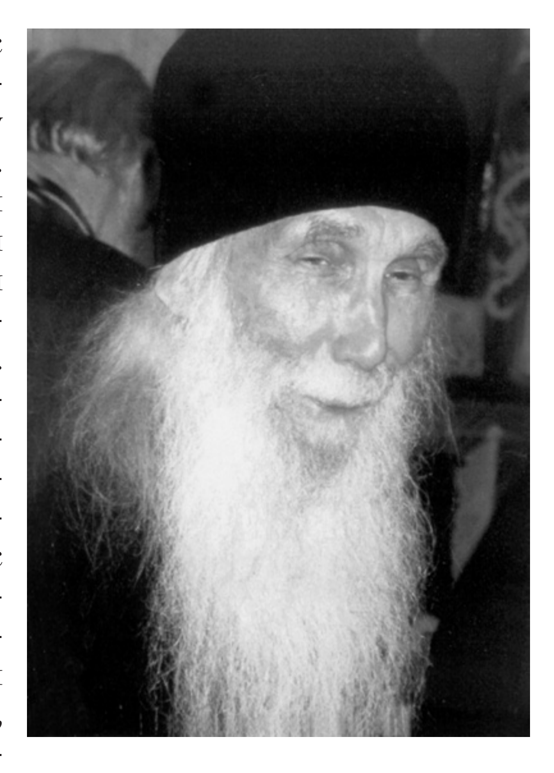
Про Батюшку, архимандрита Кирилла, я спрашивал. Тот ли он человек, который защищал дом в Сталинграде? Особенно чётко мне на это ответил отец Пётр Бахтин, тоже фронтовик, всего на 2 года моложе Батюшки. И он – духовное чадо Батюшки, Царствие ему небесное. Он чётко сказал, что отец Кирилл – именно тот Герой Советского Союза, но его заставили, и он согласился не разглашать эту тайну, чтобы не смущать

никого, почему у нас Герой пошёл в монахи. Власти сделали хитро, мол, да, он – Герой, но за другое, а не за героическую оборону дома в Сталинграде. И ещё мне рассказывали. Братья в Лавре просили отца Кирилла надеть все его фронтовые ордена. Иногда в день Победы он иногда соглашался на это, надевал и утешал братию своим фронтовым видом.

Были мы у отца Кирилла на 90-летии. Он уже мог только благословлять и пожимать руки. И поэтому теперь возможно только молитвенное обращение к нему. Просить же его надо, чтобы он о нас и нашей стране и далее заботился, молился. Ещё мы попросили Батюшку сделать в его келье фотографию. Он долго не соглашался. С этой фотографией связаны интересные события. На ней изображены отец Кирилл, о. Дорофей и я. В прошлом году я сломал правую руку и скорблю, как же копать землю и молиться? Но чудом Божьим, перелом рваный был, а нервы не повредились и пальцы работали. Креститься правда было невозможно. Возопил к Богу и к Батюшке. Слава Богу, рука шевелится, я успокоился. Значит, такова воля Божия.

Вскоре ко мне приезжает одна знакомая, которая тоже почитает отца Кирилла. Она говорит, что у неё на этой фотографии появились два красных пятнышка. Читал я, если у кого на фотографии появляется такое, то это к скорбям. А потом и подумал, что недаром я сломал руку. Не мне ли было предупреждение? Звоню той знакомой и говорю: «Слушай, у меня ведь такие вот помыслы пошли». Она мне в ответ: «Я ведь тоже руку сломала». Вот и разобрались с теми двумя пятнышками. Радость была у нас оттого, что нас Бог посетил! Совершил промысел Свой над нами и послал нам знак утешения от Батюшки. Удивительно и то, что выздоровление было на редкость скорым, несмотря на мой преклонный возраст.

На что отец Кирилл благословляет, так всё оно и идёт. После Вифанского подворья снова я вернулся домой и снова стал работать на земле.



Один священник с Урала просил меня помочь, чтобы попасть ему к отцу Кириллу на приём. В это время отец Кирилл был нездоров, но тем не менее он принимал в Переделкино и можно было к нему попасть. Люди приезжали из разных мест, исповедовались у Батюшки, задавали ему вопросы. Там побывал и тот священник с Урала. Потом рассказывал, что у него было много вопросов. Он говорил с полчаса или больше, разъяснял свои проблемы. Отец Кирилл ему всего два или три предложения сказал, и все его проблемы разом разрешились. Батюшка видит всё настолько глубоко и понимает суть самого главного, что и этот священник был утешен.

И в другой раз приезжал к Батюшке тот священник с новой проблемой. В самом начале нас предупредили, что отец Кирилл почти не говорит, только пожимает руки. Даёт этим понять – Да или Нет. Если согласен с твоим, то жмёт руку, таким образом, благословляет. Священник был в отчаянии, упорствовал: «Всё, ухожу! Благословите мне уйти с моего послушания. Там возле нас, недалеко восстанавливают, строят храм Архангела Михаила. И меня к этому обязали. А я не могу разорваться!».

Искушений, как у всех, и у священников хватает.

Настолько у этого священника накопилось трудностей, что он очень долго был у Батюшки, изливал ему свои печали.

Отец Кирилл практически почти не говорил, только внимательно слушал. Тот священник высказал отцу Кириллу свои скорби. И чудо! Не получив ничего обстоятельного в ответ, он успокоился. Благодарно приложился к руке старца и вышел. Уехал обратно к себе домой и ровно, твёрдо продолжил своё послушание, участие в строительстве и службу в храме. Вот как Батюшка даже в немощи своей помогает и укрепляет. Приводит нас к благоразумной рассудительности, к терпению трудов и скорбей.

«В разной степени мы, братия и сестры все испытываем бурю бед и напастей в жизни, как пловцы в море; и у нас, как у апостолов, под бременем грехов болезненно расстроено сердце, мысли и воля, так что мы иногда всего и всех боимся, даже собственной тени и шума древесных листьев. Но это потому, что у нас ещё слаба вера в Иисуса Христа, что мы ещё не соединились с Ним. Кто всем сердцем уверовал в Него и тесно соединился с Ним, тот никого не боится ни на небе, ни на земле*. Господь просвещение мое и Спаситель мой, кого убоюся? Господь защитель живота моего, от кого устрашуся? Аще ополчится на мя полк** (бесовский), **не убоится сердце мое; аще востанет на мя брань, на Него аз уповаю.** *(Пс. 26, 1, 3)*. ***Вот, сколь дерзновенен, и мужественен, и неустрашим верующий и любящий Господа».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

***Александр Жиров*:**

– Первый раз я попал к отцу Кириллу в 2000-м году. Чудом занесло меня на послушание в Переделкино.

Дома у меня, в Ульяновске, большая беда со мной случилась. Сильные скорби там были, когда я ещё неверующий был. Там и маме угрожали бандиты. Получилось вот что.

Скопил, напыжился я и купил себе машину. Новенькая «восьмерка» у меня была. Это в то время была – шикарная машина. Кто-то «глаз положил» на машину. День рождения был у моей знакомой девушки, я хотел жениться на ней. Поехал я в бар, купил там всё. Хотел радость сделать. Меня хотели там спровоцировать на драку, начали приставать к моей девушке. Раз я стерпел, два, к ней в третий раз стали приставать. Не выдержал я – ударил одного, и все, кто там сидели, набросились на нас. Побили нас, машину разбили и насчитали мне ущерб, как будто я всё спровоцировал, ровно 20 тысяч рублей – стоимость машины. Они сделали так, чтобы машину у меня отнять. Ко мне приезжали крутые бандиты. Зная, что за себя я не боюсь, сказали мне:

– Если не отдашь деньги, то мы знаем, где твоя мать живёт...

Мне казалось, что выхода никакого не осталось. У меня тогда только одна мысль была: чтобы с тем, кто меня подставил, заправилой, расчитаться, отомстить. Хотя и понимал, что нельзя так. Это не метод, нельзя так делать. Потом одумался и решил, что лучше как-то надо перетерпеть, и чтобы мама была не тронута. Хотел вопрос решить мирным путём, но деньги никак не находились. В итоге я залез ещё и в долги. Занял, квартиру продал, гараж. Дошёл до истерики. Плакал, пришёл в такое отчаяние, что взял бутылку водки и пошёл к другу. Думаю, что сейчас выпью, с собой что-нибудь сделаю или пойду и прикончу того, кто с меня деньги требует. Сижу в отчаянии, плачу, а друг меня успокаивает:

– Сань, да всё образуется.

– Да как? Деньги отдавать надо! Меня убьют, маме угрожают.

В душе мне кто-то говорит:

– Беги из этого города! Тебе всего три дня для этого. Беги пока живой!

Разволновался я. Стал дальше рассуждать с собой:

– Куда бежать то?

И мне, как ответ:

– В Москву.

– В какую Москву? Кто меня ждёт-то там?.. У нас никого там нет!..

Почему так? Почему в Москву, я так и не понял.

В то время я сварщиком работал. Прибегаю к маме, рассказываю о своих бедах. Мама мне и говорит:

– Это Господь тебе подсказал.

И собирает мне вещи сразу. В течение трёх дней я уезжаю в Москву.

Приехал. Москвы не знаю. Куда мне идти?

Ходил. Скитался. Попал к одной бабушке, она говорит:

– Езжай ты, сынок, в Переделкино. Там есть одна бабулька, она тебе подскажет. Она знает, в какой храм тебе сходить.

Приезжаю к той бабушке. Она мне говорит:

– Расскажи, как и что.

– Вот скитаюсь, не знаю, что делать. Совесть у меня свербит, долги гложут. Как мне быть? Куда на работу устроиться?

Она мне отвечает:

– Побудь здесь, помолись, Господь всё управит.

С неделю я у неё пожил. Она мне и говорит:

– Теперь вот что. Вон там, недалеко отсюда, храм есть. Сходи туда, помолись.

– Какой храм?

– Преображения Господня. Там великий старец есть, отец Кирилл. Сначала попроси, чтобы тебя взяли на послушание: хоть свечки ставить, хоть полы мыть. Раз у тебя тяжело на душе, значит, тебя Господь призывает, тебе к Богу надо. Никуда, на другую какую работу не устраивайся. Иди только в этот храм. Господь там тебя и управит.

Так я и сделал. Попросился туда на послушание. День не берут, второй не берут, третий день не берут... Молюсь. Помогаю всем. Через неделю всё-таки взяли меня работать при храме.

После этого, примерно в 2001-м году, был я уже год как на послушании, работал на приходе Преображенской церкви в Переделкино. Отец Кирилл почти всё время там находился. Служил. Принимал людей в крестильне.

Как-то идёт он с палочкой мимо меня. Шоколадку дал, спрашивает:

– Как чувствуешь себя, Александр?

– А вы меня знаете? – удивился я.

– Немножко знаю.

– Откуда? Мы с вами ни разу не разговаривали.

– Да мне синичка про тебя рассказала, – засмеялся отец Кирилл и я вместе с ним. – Как живёшь?

– Нормально, – отвечаю, а в душе на самом деле тяжёло почему-то было.

Он мне говорит:

– Ничего, ничего, терпи, причащайся.

Не знаю, как на самом деле было, но думаю, что он, наверное, за меня молился. Легко мне после этой встречи и короткой беседы стало. Охотно выполнял я свои послушания и даже в радость.

Там я ещё встречался с Батюшкой и рассказал ему про Ульяновск. Как я жил там, как оттуда бежал, оттого, что у

меня долги большие образовались там. Был я в панике. Что мне делать?!..

Отец Кирилл мне сказал, что не надо туда возвращаться, в Ульяновск.

Раньше я никогда не исповедовался. Первый раз страшно было.

«Через исповедь перед священником мы как бы извергаем из себя яд греховный, которым нас ужалил змей».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Грехи мне помогли составить, написать. Ребята меня там готовили к исповеди, целую кучу грехов описал я. Столько у меня там грехов! Душа трепещет, не исповедовался никогда. Когда сам перечитывал те листочки с перечислением грехов, сам в ужас пришёл. Пошёл к отцу Кириллу, а там очередь большая. Священники и те, в очереди все стоят, ждут. Наконец подошла и моя очередь. Вошёл я и начал зачитывать ворох бумаг с написанными там моими грехами. Волнуюсь я, нервничаю ещё и от того, что у всех, в очереди какие-то вопросы важные, а я кучу грехов своих разбираю, и Батюшка меня терпит... Все торопятся, а он слушает меня, не торопит. Потом накрыл меня епитрахилью, перекрестил, и я упал тут же, около него в обморок какой то... Меня оттуда вынесли, я весь мокрый был. Батюшка подошёл, с ободряющей, доброй улыбкой спросил:

– Что у тебя, сынок, спинка заболела?

У меня тогда сильно отказал позвоночник. Не могу встать и всё. Когда меня поднимали, я ещё ударился головой. Отвечаю невнятно отцу Кириллу:

– Да, Батюшка. Есть немножко такое...

Такой больной я был. Он опять успокоил, утешил меня:

– Ну, ничего. Кушать есть что? Тебя кормят?

– Есть.

– Ну, будь доволен, оставайся здесь. Одежда есть, пища есть, ну и слава Богу. Оставайся здесь пока, при храме.

Такой больной тогда был, столько нагрешил я в этой жизни. Всё рассказал отцу Кириллу. Потом, милостью Божией, ещё несколько раз попадал я к нему на исповедь, общался с ним. Он на руководство особое не брал. Хоть и работал, находился я рядом с ним. Тяжело было к нему попасть, даже необходимое порой спросить.

Год я там ещё побыл, а потом начал ездить по монастырям. Он же меня, Батюшка, благословил на это. Только сказал, чтобы я там не оставался, а возвращался и был пока в Переделкино.

Мне удалось побывать в Оптине, в Тихоно-Калужской пустыни год был на послушании. Потом, в 2004-м году, по благословению отца Кирилла, перешёл я служить при церкви, в Калужской области. Пел на клиросе, помогал священнику по хозяйству. Вскоре он умер, и у меня начались сильные скорби. Прямо плачу. Молюсь Господу: «Как мне быть? Куда мне податься? Без пастыря мне тяжело». Молился, слезы текли прямо градом. Состояние одиночества, мысли в голове моей завертелись: «Кому я нужен? Как мне найти волю Божью?». Было состояние отчаяния, безнадёжности.

Как утешение, вижу во сне, что ко мне пришёл отец Кирилл в схиме. Мы с ним ходим по саду, яблони распускаются... Жалуюсь ему: «Батюшка, мне тяжело. Душа болит, мне бы полечиться, к какому пастырю обратиться. Исповедоваться, причащаться почаще». Он молчит, руку только мне на голову положил.

Утром у меня все скорби проходят, и на душе легко сразу. Задумался я о том, что это со мной было. Чувствую, что не зря мне сон-то тот. Батюшка прямо со мной был. Два, три дня проходят, у меня опять скорби. И так было три раза. Стал я размышлять, к чему бы это? Решил, что надо ехать к отцу Кириллу, посоветоваться, но не за тем, чтобы этот сон рассказать, а чтобы мне узнать, куда мне ехать и как мне быть.

Но не сразу я к нему попал. Помыкался ещё. Был в монастырях, на приходах. Там денег не заработаешь. Просил я благо-

словения у разных священников. Не отпускают идти на мирскую работу, деньги зарабатывать.

– Нет, тебе нельзя в мир, ты там погибнешь, душу свою погубишь.

– А как же долги, Батюшка? Боюсь за маму, вдруг бандиты там что-нибудь сделают? Как мне быть? Что делать? Долги-то надо отдавать!

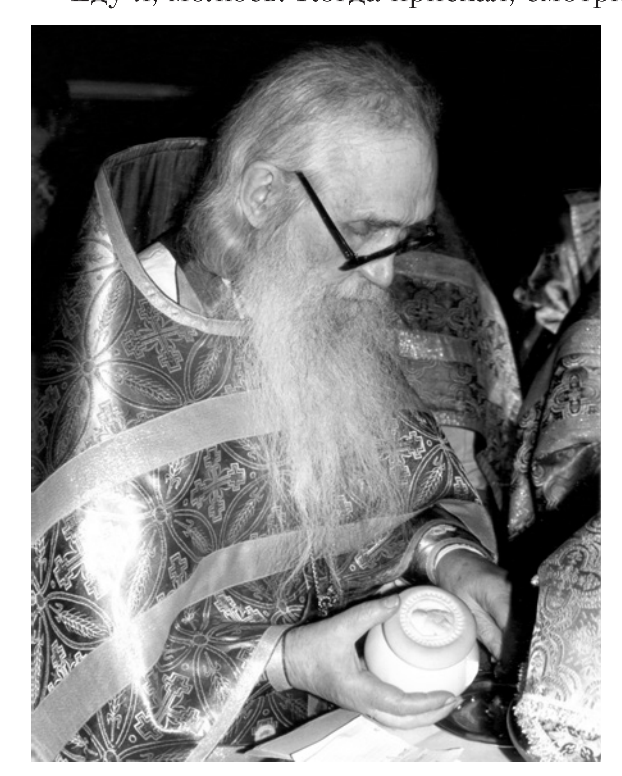
Тут я в отчаянии написал письмо отцу Кириллу. Спрашивал его, как мне быть? Где мне быть?

Не надеялся на ответ. Проходит время, приходит ответ от Батюшки.

Настоятель, у которого я тогда был, сначала не поверил, что отец Кирилл мне ответил. Посмотрел он на подпись архимандрита Кирилла в письме и сказал:

– Ну, тогда езжай. Раз тебе отец Кирилл так написал.

Еду я, молюсь. Когда приехал, смотрю, народу много там, где он принимает.



Проходит время, выходит Батюшка и спрашивает:

– Есть здесь Жиров Александр?

– Есть, – отвечаю. – Это я.

– Зайди ко мне, – сказал отец Кирилл и снова скрылся за дверью.

Мне неудобно. Очередь здесь. Говорю женщинам в конце:

– Я за вами.

Они мне:

– Ты что, дурак? Тебя сам Батюшка зовёт!

Меня, можно сказать, затолкали к нему.

Вошёл я и опять с теми же вопросами к нему. Прошу:

– Батюшка, благословите долги отдать. У всех священников просился, чтобы отпустили меня на работу. Не пускают. Переживаю за маму.

Отец Кирилл выслушал меня, потом, ничего не ответив, куда-то ушёл. Растерялся я, смотрю, где же Батюшка, нет в келье. Он возвращается, подходит ко мне, говорит:

– Вот тебе 1000 долларов. Отдай деньги всем, кому ты должен, и оставайся здесь. Забудь мир. Не являйся в Ульяновск, отдай долги через верного человека и оставайся здесь, в Переделкино. Скоро мама твоя приедет, и ей ещё 100 долларов дашь. Пусть что-то купит, отдохнёт.

Когда я брал деньги у Батюшки, у меня прямо слёзы на глазах навернулись. Отец Кирилл меня успокаивает:

– Ничего, всё хорошо. Отдай долги всем, рассчитайся и оставайся.

Деньги отдал, и у меня как бы сняло тяжёлый груз. Будто заново родился! Я просто поражался: «Как это? Никто мне не мог помочь, а монах отец Кирилл смог решить этот вопрос». Меня это так удивило!

Через неделю действительно мама приезжает, я ей рассказал всё.

«Кто всем сердцем уверовал в Иисуса Христа и тесно соединился с Ним, тот никого не боится ни на небе, ни на земле».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Вот так, слава Богу, через Батюшку мне Господь дал возможность с долгами рассчитаться.

Работаю при храме. Всё вроде бы хорошо. Да вот по поводу последних событий меня сильно сомнения и мысли одолели. Пошёл я к отцу Кириллу. Как всегда, у него было много лю-

дей, а я, по милости Божией, попал всё-таки к нему. Да прямо в Алтарь храма.

Поисповедовался. Задал мучивший меня вопрос о паспортах.

Отец Кирилл немного нахмурился, помолчал. Потом положил свою руку мне на голову. И дальше молчит, ничего не говорит.

Напоминаю ему про мой вопрос:

– Батюшка, как мне с паспортом поступать? Можно новый брать?

Отец Кирилл внимательно на меня посмотрел, а потом сказал:

– Ты сам как думаешь?

Думаю про себя, что он должен больше знать про это, чем я. Зачем он меня спрашивает? Потом я понял, что он меня испытывает.

Отвечаю:

– Батюшка, мне сердце подсказывает, что нельзя брать все эти электронные паспорта и карточки. В Апокалипсисе же всё сказано.

Он ещё раз посмотрел на меня испытующе. Положил руку мне на плечо и сказал:

– Если ты, Александр, сможешь со старым паспортом, то лучше оставайся.

То есть он строго не сказал: принимать – не принимать. На мою свободную волю и решение определил. И правильно. Так крепче! Не на кого будет сваливать при неполадках каких, огорчениях. Сам же решился.

Потом я его спросил:

– Куда мне дальше? По монастырям идти или ещё куда, на приход какой?

Он подумал, помолился про себя, потом сказал:

– Пока оставайся здесь. Потом опять немного поезди по монастырям, присмотрись. Возвращайся, а там, как тебе сердце подскажет.

Задал я ему ещё много вопросов. Решил рассказать ему и про свои сны, которые были во время скорбей. Стал на колени перед ним и как на исповеди сказал, что он мне являлся, клал так же руку мне на голову. Утешался я тогда, в душе радость происходила. Когда я ему эти слова сказал, то не ожидал, что что-то важное сообщил ему. Он вдруг взял меня за руку, сильно сжал её и, приподняв, развернул меня к иконостасу.

Потом подвёл к Алтарю и говорит с доброй улыбкой:

– Да, Александр, готовься к испытаниям.

– Батюшка, к каким?

Он долго молчал, склонив голову, а потом ответил:

– Мы доживём до антихриста.

Очень удивился я такому ответу, осторожно спросил его:

– Как мы? Кто мы? – грешным делом думаю, мол, ну ладно, я – молодой, а Батюшка-то старенький. Ему уже за восемьдесят. И он, что-ли доживёт? Так близко, значит, погубитель наш?!..

Отец Кирилл, будто читая мои мысли, подтвердил:

– Мы все доживём до антихриста. Время очень быстро идёт. А мы должны пройти испытания, если хотим достойно Господа встретить. Эти испытания будут попущены нам Богом.

Улыбнулся он после этих слов своих, перекрестил меня и снова напомнил мне, что руководствоваться надо во всём, как сердце будет подсказывать.

Однажды перед Великим постом попросил я отца Кирилла дать мне книги почитать, правило какое: душу хочу очистить. Он так улыбнулся, руку на меня положил и говорит:

– Никакие длинные, особые правила, никакие мудрёные книги ты не читай.

– А что читать?

– Псалтырь, Евангелие и жития Святых, – вот что для тебя будет руководством в жизни. И Духом Святым тебя Господь проведёт, куда нужно.

Настойчиво я спрашиваю:

– А может, ещё какие книги почитать?

Порекомендовал он мне только одну книгу святителя Игнатия Брянчанинова о мытарствах. Ко всем словам Батюшки я отнесся так, будто мне, грешному, Сам Господь через него сказал.

После был я на послушании в нескольких монастырях и снова вернулся в Переделкино, к Батюшке. Получил его благословение поехать в Тверскую область, работать и подвизаться.

Теперь я там, при храме, на клиросе пою. Ничего другого не желаю. Молюсь за больного нынче Батюшку. Чувствую его молитвы и за меня, грешного. Этим держусь и живу. Его молитвами, его поддержкой. Всем доволен. Боюсь возвращаться туда, откуда пришёл.

«Часто мы слишком преувеличиваем свои скорби, замечаем всякое огорчение и, напротив, милостей, которые мы получаем от Господа, не замечаем, считая, что это так и должно быть, а поэтому остаемся неблагодарными Господу. И лишь только тогда, когда посетят нас скорби, мы оцениваем в должной степени то счастливое время, когда их не было, и даём обет, что если скорби пройдут, будем благодарны Богу за мирное, спокойное существование и времяпрепровождение».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Ирина Синицына:

– Сначала я попала к другому священнику. Была я тогда в неприкаянном, неофитском состоянии. Говорю:

– У меня семейная проблема очень сложная. Меня насильно выдали замуж, повенчаться заставили. Что теперь с этим делать, я не знаю.

Священник мне ответил:

– Тебе надо к старцу.

– К какому мне старцу?

– К отцу Кириллу в Лавру надо ехать, к Павлову. Слышали вы что-нибудь про него?

– Нет.

– Вот я вас благословляю, поезжайте.

Это было воскресенье. На следующий день я помчалась в Сергиев Посад. Очень хотела взять из дома фиалку и подарить её старцу, которого никогда ещё не видела. Взяла и поехала. В понедельник в Лавре неприёмный день. Батюшка подчинялся общему распорядку и тоже в понедельник не принимал.

Все знают там знаменитую проходную. Я сказала, что хочу к отцу Кириллу попасть, и меня почему-то впустили в проходную. Там было три человека. Они говорят:

– День-то сегодня неприёмный. Но заходите. Может, Батюшка и примет.

Мы перезнакомились. Дедушка, раб Божий Георгий спрашивает меня:

– Вы когда-нибудь у старцев-то были?

– Нет, не была, – отвечаю.

– А когда-нибудь про них слышали?

– Нет.

И он мне много рассказал о старцах, что они люди необыкновенные, прозорливые.

Пока мы ждали отца Кирилла, они предложили мне почитать Псалтирь. Никогда раньше я не читала книг на старославянском, церковном языке. Мне предложили попробовать. Дали книгу, и с Божией помощью у меня пошло чтение. Потом, каким- то чудом я прошла к старцу.

Вошла и говорю:

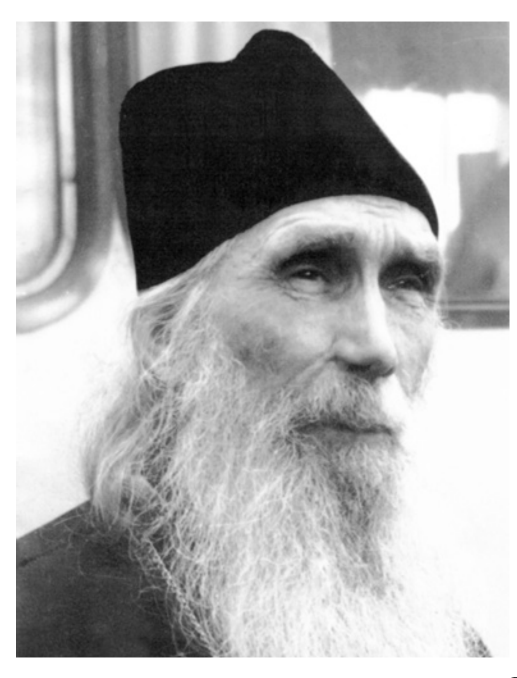
– Здравствуйте, Батюшка. Меня прислали к Вам.

– Ко мне? – растерянно спросил отец Кирилл.

– Да. Вот я Вам цветочек привезла.

Протягиваю старцу фиалки. Он ещё в недоумении, но, улыбаясь, спрашивает:

– Да? Это мне? – взял цветы, поблагодарил. – Спасибо.



Как-то он так скромно, смущённо повёл себя, но с этого началось наше знакомство.

Долго мы говорили, очень тепло. Он подарил мне иконочки из Иерусалима, утешил. Сказал, что надо нести свой крест. Он будет молиться за меня. Уехала я утешенной. Так произошла наша первая встреча.

Первый образ Батюшки, каковой запечатлелся, – родного человека, к которому всегда стремилась и попала, наконец. От него исходит настоящая благодать. Как говорится в Псалтири: «Дивен Бог во святых своих». Никогда, общаясь с разными священниками, я не ощущала такого сближения, приобщения к Церкви.

Ещё чудесное событие тогда со мной там произошло. Мы жили тогда очень трудно. У меня не было работы. Мужчина, что был со мной в приёмной, был известный врач. Он помогал верующим людям. И он предложил мне у них поработать. Так я устроилась и на хорошую должность.

Довольно часто я стала ездить к отцу Кириллу. Его духовные чада даже взревновали меня, что я часто у него бываю. Сказала я об этом Батюшке. Он меня утешил:

– Ты не обижайся на них. Это немощь у нас такая.

Хоть и была у меня уже работа, но иногда было тяжёлое материальное положение. Такое, что даже детей нечем было кормить. Батюшка очень сопереживал этому. Дал мне как-то конверт.

– Что это? – спросила я.

– Это тебе денежка. Забери, она тебе сейчас пригодится, – сказал отец Кирилл.

И на самом деле она меня очень выручила. Был очень острый момент тогда. Вот так, и словом, и делом Батюшка помогал выжить. По образованию я логопед. С детьми в основном работала. В то время решила я сменить специальность, и договорённость уже была. Тогда на высоте были бухгалтера. Посоветовалась с отцом Кириллом, но он отверг мои устремления, сказал:

– Нет, занимайся детьми.

Несколько раз я поднимала этот вопрос. Нужда заставляла, нужно было больше зарабатывать денег. Отец Кирилл был решителен и твёрд в этом вопросе. И что же? Пока я мыкалась и занималась с детьми, у меня сложилась своя система лечения детей с дефектом речи. Теперь я и востребованный, не нуждающийся, не бедствующий человек. То, чем я сейчас занимаюсь, – это только по Батюшкиным молитвам. И какая помощь людям! Очень много положительных отзывов о системе, которая с годами выработалась. Сейчас я выпускаю много дисков и везде пишу про отца Кирилла. По его благословению и по его молитвам совершаю свой проект оздоровления тела и души для людей.

Отец Кирилл всегда принимает исповедь и отпускает грехи как-то по доброму, по-домашнему, с участием. Как любящий отец, а не грозный судия. Поэтому ему люди открываются, каются в том, что порой и многие годы скрывали, в чём боялись признаться другим священникам. Он необъяснимым образом умеет расположить к себе любого человека. Уходить от него никому не хочется. Всегда остаётся желание вернуться к нему вновь и вновь, как можно скорей. Мало того, какой ты ни будь строптивой у других священников, ему сразу веришь, слушаешься его безпрекословно. Хотя в строгой форме отцу Кириллу приходилось редко общаться. Если он что-то говорит, то каким-то подсознанием сразу почему-то в тебе всё

становится понятным, что так и надо делать. Хотя говорит он просто, без заумствований, не напускает на себя вид мудреца. До этого тебе другой священник говорил то же самое, ты не верила, не слушалась. Слово же отца Кирилла действительно со властью, от Бога. Очень трудно иногда выполнять его наставления, но они понятны и ясны – это путь к твоему спасению.

Мне пришлось полгода жить в Ялте. Я вынашивала второго ребёнка. Он был нежеланным для мужа. Мне от этого было очень тяжело, переживала, была бледно-зелёного цвета. Когда отец Кирилл находился на лечении в Крыму, моя подруга подсказала мне: «Поезжай в Ялту, там, рядом лечится Батюшка. Попроси молитв, и он подскажет, как выносить ребёнка». Поехала я туда со старшим сыном. Остановились мы у чад отца Кирилла. Они нас разместили.

Пошла к Батюшке, жалуюсь ему:

– Дома невыносимо, муж агрессивен, мама тоже не хочет, чтобы я родила второго ребёнка. Как быть?

– А здесь тебе хорошо? – неожиданно спрашивает отец Кирилл.

– Да, хорошо, – отвечаю недоуменно.

– Так вот и оставайся, – весело подбодрил меня Батюшка.

Шесть месяцев я сказочно прожила в Ялте. Меняла места жительства, и от чужих людей получила столько добра, сколько от родных и близких не получала. Конечно, это не без ходатайств Батюшки за нас. Вот что значит – братья и сестры во Христе, и около единого отца духовного!

Ещё я поняла, что, когда Батюшка далеко, то он особенно всегда близок. Пойти к нему не можешь, а с помощью молитв существует особая связь с ним, и он помогает. Чувствует боль твою, как мать болящее дитя своё. Сугубо молится за тебя и даёт поддержку.

Ко мне там обратился мой знакомый. Все вокруг меня знали, что я окормляюсь у отца Кирилла. Часто я передавала письма, адресованные ему, и когда люди получали от него ответ, трогательно благодарили меня за помощь.

Виталий Николаевич Шевченко решил помочь храму Иоанна Златоустого. Имея должность государственного чиновника (в восьмидесятых, коммунистических годах!..), стал там старостой. Он смог преобразить церковь красивой резьбой по дереву и убранством. Началась перестройка, и модно стало быть депутатом. Его начали продвигать в этом направлении. Он подошёл к отцу Кириллу за благословением на это, а Батюшка не благословляет. Два раза тот подходил со словами:

– Благословите, я ведь хочу через это больше помогать церкви!

Отец Кирилл тихонько его спрашивает:

– А вы чем-то другим можете заниматься?

– Да, – растерянно ответил Виталий Николаевич.

– Так вот и занимайтесь.

Настолько просто, спокойно, без апломба было сказано, что Виталий Николаевич, подумав, всё же послушался и отказался от престижного положения. Хотя это далось ему, твёрдому, целеустремлённому, очень нелегко.

Прошло десять лет. Как-то на дороге он подсадил к себе в машину женщину, чтобы подвезти. Она ему и говорит: «Я вас знаю. Вы, Виталий Николаевич, хотели стать нашим депутатом. Как вас Бог отвёл от этого?.. Мой сын работает в милиции. Там было сказано, что если вы станете депутатом, то вас и всю вашу семью ликвидируют. Была такая установка от больших чинов». Он говорит, что после её рассказа еле довёл машину. Как отец Кирилл узнал всё наперёд? Одному Богу извест-

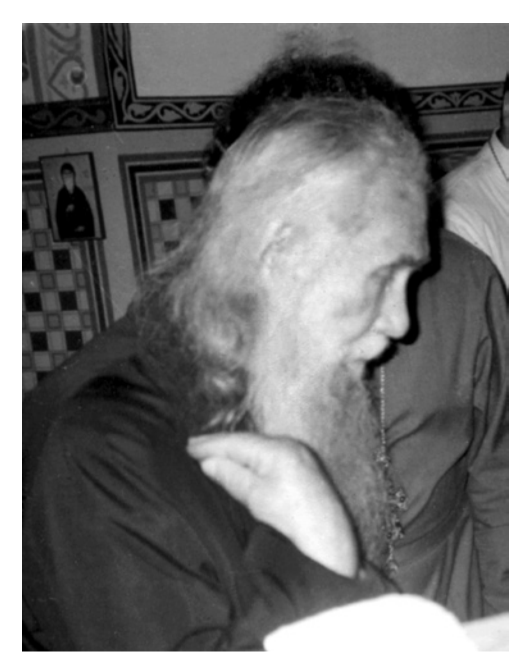
но... Как тонко, тактично, без сенсационности, не важничая, Батюшка, рискуя вызвать гнев и возмущение у незнакомого ему мужчины, посмел возразить и отвести его от твёрдого намерения лезть на рожон. Как тоже мягко и ненавязчиво сделал другое предложение?.. Это тончайшее искусство общения, какое даётся только большим стяжанием благодати Божией.

Удивительно, насколько тонко отец Кирилл научает, помогает разобраться в сложностях духовной жизни. Он не раз удивлял меня своим вопросом на мой вопрос. И становилось ясно и понятно, даже очень запутанное. Или прежде чем что-то подарить, Батюшка часто берёт газетку, завернув неё подарок, и загадочно спрашивает: «Газетку желаешь?». Ну, кто же из нас даже газетку от Батюшки, из его рук не желает? Желаю! А это что там?.. Вот это да! Ну, надо же!.. Сколько радости, чистой, детской, непосредственной в нас, даже от простенького подарка при этом выплёскивается!.. Как особо умеет, любит делать праздники людям, отец Кирилл. Казалось бы из ничего, ни на чём. Чем таким, казалось, может удивить скромный, не имеющий ничего материального монах? А вот может, удивляет и радует необыкновенно. Особенно тех, кто находится в трудном положении, в унынии, одиночестве, в болезни.

«Будем почаще смотреть на окружающий нас прекрасный мир и чрез него познавать Бога и всё доброе. Природа это есть книга Божия, не писаная, а созданная, которую может читать всякий человек – и грамотный, и неграмотный – и благоговеть всегда перед Творцом вселенной».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Ко мне как-то приехал хороший знакомый. Он недавно покрестился и с интересом наблюдал за тем, что и как происходило в Церкви. Но трудно было сказать, что человек он глубоко верующий. Однажды он приехал грустный. Рассказал, что при исключительных знаниях английского языка он не поступил в институт. Он был удивлён и расстроен. Говорю ему:



– Пойдём, помолимся, и с Божией помощью всё образуется.

Мы пошли в церковь. К моему удивлению и огорчению, на Всенощной было всего два-три человека. Отец Кирилл стоял слева. Там, где образ великомученика и целителя Пантелеймона и Казанская икона Божией Матери. Архимандрит Кирилл молился со всеми, как обычный человек перед иконами. Даже не вошёл в Алтарь.

Тихо говорю знакомому:

– Слушай, так ведь это старец, отец Кирилл. Подойди к нему под благословение. Попроси, чтобы он за тебя помолился.

Он пошёл к Батюшке. Сама я осталась в другом приделе. Долго знакомого не было. Не вытерпела я, заглянула в тот придел, куда послала его. Смотрю, он разговаривает с отцом Кириллом. По лицу знакомого поняла, что он в глубоком потрясении.

Когда мы возвращались со службы, я спросила знакомого:

– Что случилось? Ты какой-то замкнутый.

Он молчит. Потрясение в нём было глубокое. Прошли довольно далеко. После чего он растерянно сообщил:

– Меня отец Кирилл благословил поступать в Семинарию.

Тут пришла очередь моему крайнему удивлению:

– Тебя!?

Кивком головы он подтвердил, что я не ошиблась. Тогда я стала его приводить в нормальное состояние, спросила:

– Ты никогда не испытывал такого рвения? Это ломает все твои планы?

Он опять утвердительно кивнул.

– И что же ты собираешься теперь делать?

– Не знаю, – признался он. – Для начала, надо «переварить» всё услышанное.

– И долго ты будешь вываривать?

– Не знаю.

– Надо спешить. Во-первых, Батюшка ничего просто так не говорит. Во-вторых, время поджимает. Можешь не успеть подать документы и год проболтаешься впустую.

Он посмотрел на меня своими светло-голубыми глазами и по-детски доверчиво спросил:

– Значит, действительно мне надо поступать в Семинарию?

– Дурила! – закричала я на него. – Тебе же отец Кирилл прямым текстом об этом сказал! А ты ещё кочевряжишься?

Удивительно, но он в том же году и поступил в Семинарию Лавры.

Через некоторое время позвонил нам и пригласил на постриг. Мы поехали.

Постригал его тоже отец Кирилл. Потом он стал иподьяконом у Патриарха Алексия II. Мы часто, по большим праздникам видели службы по телевизору с его участием. Он был при Патриархе долгие годы.

Одна женщина рассказала отцу Кириллу, что видела его во сне: «Будто вы, Батюшка, с палкой ходите и вокруг вас большое стадо овец, около 1000 голов или больше. Несусветное количество. И вы с этой палочкой легко туда-сюда управляете». Отец Кирилл как шутку это воспринял. Но так, чтобы не обидеть собеседника. Так он ко всем относится с любовью.

Все люди, которые встречались с ним, говорят об отеческой заботе его. В то же время поражает, насколько он непосредственный человек, как ребёнок. Как он не чванлив, прост.

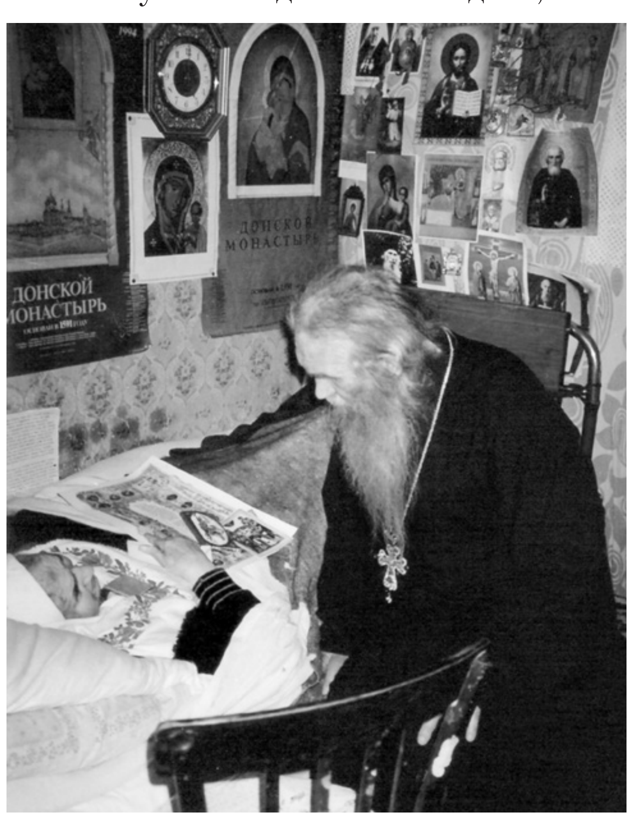
Иногда он любит попеть. Келейно собраться и спеть, «Слава в вышних Богу» или ещё что-то духовное. Иногда придёт после исповеди, и если его кто-то чем-то огорчит, или что-то нехорошее в людях откроется, то это его огорчало.

Отец Кирилл неформально подходит к тем, кто к нему приходит. Часть своей души вкладывает в каждого. Очень любит деток. Как только к нему подходит ребёнок, то он сам с ним становится радостным, открытым, как ребёнок. Тут же находится шоколадка или ещё что-то.

У нас рядом с церковью Преображения находятся дома кирпичные, многоэтажные. В них жила схимонахиня Мария. Она долгое время звонила на колокольне этого храма. У неё прямо на колокольне случился инсульт. Она долго лежала дома, мы за ней ухаживали. Она очень просила привести к ней отца Кирилла. Он к ней приходил, исповедовал её, причащал и они всегда долго разговаривали.

Матушка рассказала один очень трогательный случай. После исповеди и причастия, отец Кирилл спрашивает её:

– Скажи-ка, матушка, ты родителей своих в детстве почитала?



«Был больным и посетили Меня».

Она ему отвечает:

– Да... ещё как почитала.

– И я почитал.

– Как не почитать-то их? – удивилась даже матушка Мария.

Отец Кирилл подвёл итог разговору:

– Вот потому мы с тобой так долго и живём, что родителей почитали. Сказано же в заповедях Божиих: «Счастлив и долголетен будешь на земли», если заповедь эту соблюдёшь.

В один из дней мы уходим от матушки. Природа красивая, погода хорошая, и я предложила Батюшке сфотографироваться с келейницей Наташей, матушке на утешение. Отец Кирилл согласился, но неохотно. Был как-то весь не в себе. Потом, когда я сделала фотографии, то удивилась, что у Батюшки мрачный вид. Через небольшое время всё стало понятно – это была последняя встреча. Вскоре схимонахиня Мария преставилась ко Господу, и Батюшка тогда уже об этом знал.

Шли мы с отцом Кириллом мимо домов и увидели мужчину на огороде. Весь он от работы вспотел. Смотрит на нас неласково – ходят, мол, тут всякие... мешают. Батюшка вдруг достаёт шоколадку, подаёт ему и ласково говорит:

– Приветствую тебя, трудолюбец! Это тебе за труды твои награда.

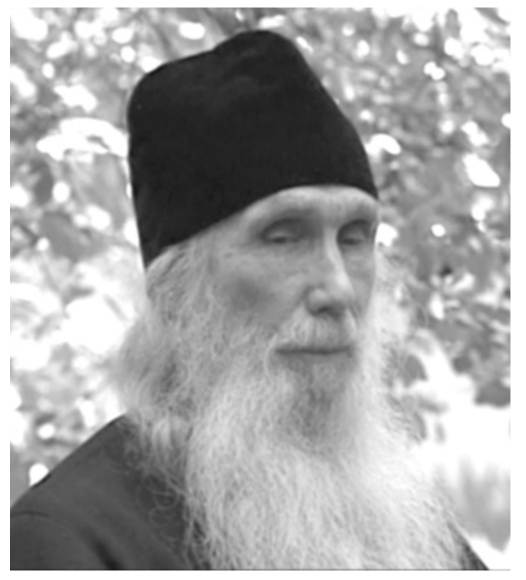
Надо было видеть лицо того мужчины. Ему, видимо, никто не дарил вот так, просто, шоколадки и так ласково не обращался к нему. Он чуть не расплакался.

«Как и мы сами созданы по образу и по подобию Божию, так точно и крест наш должен быть подобием креста Христова. А это возможно только тогда, когда мы понесём его с терпением и любовью, а не со злобой в сердце или с унынием, когда будем сознавать, что идём по следам Спасителя и что в кресте нам дано непобедимое оружие на врага, против которого этот вещественный крест – скорби наши – так же силен, как и крест с изображением распятого Господа. Но если на скорби, нам ниспосланные, мы

будем смотреть только как на несчастье или на повод к ропоту, то мы последуем уже не Спасителю, а нераскаянному разбойнику, и крест скорбей наших не только не отгонит от нас врага, но ещё привлечёт его к нам, как к его верной добыче. Неся же крест свой по следам Господа, мы вскоре убедимся, что это царственное оружие защищает нас от искушений диавола, помогает нам побеждать множество опасных врагов – наши страсти – и ограждает нас от многого дурного, что совершили бы мы, если бы не несли его. Скорби уничтожают нашу гордость, смиряют, рано или поздно, самые ожесточенные сердца и обращают их к Богу. **«Близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренных духом спасет»** *(Пс. 33, 19)***»**.

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Часто отец Кирилл спрашивает, чего кто желает и старается это исполнить. Пройдёт время, люди забудут об этом разговоре, а он неожиданно раз и предоставит желаемое. Причём в самый нужный и подходящий момент. По моим, к примеру, представлениям, человека, заторканного бытом, постоянной заботой о детях, каждый мог желать на этом свете немного: спать, есть и чего-то, что необходимо для естества. Всё остальное – это будничное послушание. Так я была тогда настроена. Зашёл у нас с Батюшкой разговор о моём трудном деле, которое всё не решалось. Отец Кирилл сказал почему-то на это: «Открывай перед Богом все свои желания». Я подумала: «Это даже нехорошо, наверное, всё время клянчить, выпрашивать у Бога. У него что, других забот нет, как только выслушивать наши попрошайства и выполнять их? Да к тому же, как можно что-то открывать перед Богом, когда ты сама часто не знаешь, чего тебе на самом деле надо? Мы ему уже надоели! Только этим и занимаемся. Тому дай здоровьица, чтобы он по грехам шустро бегал. Тому дай удовольствий всяких... Бог служил нам, когда здесь, на земле был. А теперь, когда Он восседает на Небе, мы Ему должны служить и угождать». Но потом поняла суть ска-



занного отцом Кириллом и корила себя. Конечно же, он имел в виду **духовные** желания! Желание укрепиться в вере, молитве, добре, отзывчивости на нужды людей, в благочестии. В этом надо открываться и просить, а то и кричать об этом к Богу, чтобы он преумножил благое и удержал от греховного. Как только я это осознала и стала к этому прибегать, то многое во мне и вокруг сразу всё сложилось и пришло в порядок.

Отец Кирилл поучает, что когда ты приходишь к старцу за советом, то нужно подготовиться и чётко определить, знать, чего ты желаешь, открыть своё сердце. Желаешь? Желаю. Даже прежде чем протянуть руку с конфеткой, Батюшка всегда спрашивает. «Желаешь – нет?». Если не отвечаешь, значит не надо. Ничего против воли приходящих к нему отец Кирилл не совершает.

В этом и есть та Божественная свобода воли, которую дал нам Господь. Недаром Евангелие повествует, перед тем как исцелить кого, Иисус Христос спрашивал: «Хочеши исцелеть?». И только при подтверждении в желании этого и вере в это Он исцелял. Без свободного желания и веры обращающихся к Нему ничего не совершал. Господу ничего не нужно от нас. Только вера и желание чистоты нашей ему нужны.

Был момент, когда я ослушалась отца Кирилла.

Его донимала одна тяжёлая во всех отношениях женщина. Она болела и не выходила из квартиры. Всё время она звонила и мучила его вопросом:

– Кому мне оставить квартиру?

Батюшка уклонялся, как мог. Предлагал ей нуждающихся в этом людей. Та всё не соглашалась на них. В конце концов она звонит и говорит:

– Я всё уже сделала. Вызвала нотариуса и отпишу квартиру на вас, Батюшка. Теперь я спокойно отойду.

Отец Кирилл так перепугался! Спрашивает:

– На это я вас благословлял?

Та ни в какую!.. Тогда Батюшка попросил меня:

– Ты ей скажи вот так. Пусть она эту квартиру перепишет... на тебя.

– Да что вы, Батюшка? – возроптала я и сказала. – Никогда не смогу я так сказать.

Батюшка опечалился на моё непослушание, а я ещё добавила:

– Она только успокоилась, что за много лет не могла решить, кому отписать свою квартиру. Наконец, утешилась, определилась, и вот...

– Нет, мне не надо! Мне нельзя! – категорически, испуганно даже подтвердил своё решение отец Кирилл. – Пусть на тебя. На кого угодно. Подумайте. Но не на меня.

Когда я позвонила той женщине, то не смогла сказать то, на что меня благословил Батюшка. Поняла, что эта женщина близка к смерти. Она очень слабо разговаривала. Моё сообщение пагубно бы сказалось на ней. В этом было моё непослушание. Господь так премудро всё устроил, что женщина та не всё правильно, по форме успела оформить. Не потревожила и я её покой. Она преставилась к Богу с радостью, через несколько недель.

Видела часто я лица людей, которые выходили от отца Кирилла. Как они умиротворены и просветлены! Такая радость охватывает всех, получивших от Батюшки подарочек. Это неземное счастье для многих. Мы в этот момент все оказываемся детьми. Через отца Кирилла, через его ласку и заботу. Через внимание и подарочки происходит проявление любви Божией и Его благодати, которая через Батюшку на нас изли-

вается, как солнечные лучи. Недаром и имя – Кирилл, данное ему при постриге, переводится как – солнечный. День Ангела отца Кирилла приходится на день солнцестояния. Первый святой, апостол Иоанн Богослов, в честь которого его назвали при крещении, и день рождения в день преподобного Сергия Радонежского – всё от этих святых воплотилось в этом человеке. Так он эту благодать преумножил, так щедро делился ею со всеми нами!

Нам иногда теперь говорят: «Ну, что же, Батюшка ваш лежит. К кому вы теперь пойдёте?». А к кому нам идти? Родной отец бывает только один. Надо благодарить Господа, что Батюшка есть и останется с нами всегда. Связь наша с ним – неразрывная.

Людмила:

– Отца Кирилла я обрела после того, как побывала у блаженной Ксении Петербургской. Читала я, что есть духовные отцы и старцы, но потребности в этом у меня тогда ещё не было.

Не справлялась я в тот момент со своими семейными проблемами. У меня были тяжёлые отношения со старшей дочерью. Поехала я к Ксении Петербургской. Попросила матушку Ксению, чтобы она мне послала духовного отца. После возвращения я пошла здесь, в Переделкино, в церковь. Мне там говорят: «Иди в «крестилку». Там старец принимает». Знала я, что в крестильной принимает желающих известный архимандрит Кирилл (Павлов), из Лавры. Но всегда проходила мимо. Потому что никогда не было такого, чтобы там не было множества людей. А тут – ни одного человека! Объяснить это не могу.

Вошла я в крестильную. На стульчике сидит отец Кирилл. Подошла я к нему, спрашиваю:

– Батюшка, можно, я у вас исповедаюсь?

Отец Кирилл задумался. В этот момент вошли ещё двое человек. Тогда он сказал:

– Ну, вот. Там, где трое во Имя Мое...

Стал читать молитву. Пока я стояла и слушала, как он молится, то у меня появилось чувство, что это очень давно знакомый, родной мне человек. На исповеди я опустилась на колени и обхватила руками его колени, прижалась, стала держать их. Не могу передать словами, объяснить тех своих чувств.

История, которую я расскажу, подтверждает то, что отец Кирилл – человек необыкновенный. Эту историю мне рассказали очевидцы и участники событий. Лет двадцать назад мы с моей духовной сестрой снимали домишко. Там был очень красивый собор, в котором мы познакомились с прихожанами. Одна из них рассказала такую историю.

Однажды вечером она вышла из храма и увидела молодого человека, который просил милостыню на храм. Она с ним разговорилась. У него было такое благословение – собирать милостыню на церковь.

Средняя Россия.

Ездил он из Петербурга в Москву к отцу Кириллу и проездом останавливался в Вышнем Волочке. Случилось, что ему негде было ночевать, и эта прихожанка пригласила его к себе. После этого он стал постоянно у неё останавливаться, когда ездил к отцу Кириллу в Лавру, в течение нескольких лет. Ездил он также к Любушке в Петербург.

Вот однажды он к ней приехал. Она собралась к своему сыну в монастырь. Разъехались. Она уехала по своим неотложным делам, а он к отцу Кириллу, в Лавру. Когда он приехал к Батюшке, тот ему сказал: «Зачем ты приехал? Ты вернись и посади картошку». Дело в том, что эта женщина поехала к сыну внезапно, что-то там случилось, и она бросила сажать картошку. Дело было весной. Мужчина поехал обратно, приехал – а хозяйки всё нет. Он поехал к Любушке в Петербург. Любушка ему тоже говорит: «Ну, зачем ты приехал? Тебе же сказали, вернись и посади картошку». Он развернулся и уехал снова в Вышний Волочек исполнять послушание. Хозяйка приехала расстроенная домой. Картошку не посадила. Упустила время. А её сюрприз ждёт. Сарай открыт. Вёдра с заготовленной для посадки картошкой пусты. Квартирант заканчивает сажать картошку в её огороде. Вот такое незримое единодушие, диалог как бы был между отцом Кириллом и Любушкой.

Однажды я стою у церкви и вижу духовную сестру свою Ирину. Мы обменялись с ней словами о своих проблемах. Говорю ей:

– Ирочка, тебе пора к Батюшке.

Она меня выслушала и тоже шутливо мне говорит:

– Людочка, тебе пора к Батюшке.

Посмеялись, потом я её спрашиваю:

– Вот скажи, бывает ли у тебя так, что тебе как-то плохо? Чего-то ты переживаешь и мысленно обращаешься к Батюшке за помощью?

– Бывает.

– И как будто он рядом, помогает.

– Да.

– Тогда ты ответы находишь, успокаиваешься.

Ирина признаётся:

– Когда я была в Ялте и была близко от Батюшки, то было чувство, что он слышит меня постоянно, на небольшом расстоянии.

Мы стоим, разговариваем, и я ей говорю:

– У меня такое впечатление, что он нас и сейчас слышит.

Батюшка приехал!

В это время выходит матушка Александра, которая убиралась в Резиденции, когда Батюшка лежал уже, болел. Подходит к нам и говорит:

– Вот вам, от Батюшки.

И даёт нам две конфетки. Мы так перепугались! Будто он всё время рядом с нами стоял и слышал все наши посторонние разговоры. Удивительно.

Знакомый предложил нам с детьми временно пожить тоже в Ялте.

Пошла я к отцу Кириллу спросить, можно ли нам ехать в Ялту? Думала, что он сразу меня благословит с радостью. Он подумал и говорит: «Ялта... Там очень шумно». Так я удивилась. Не поняла, о чём Батюшка говорит. Мы живём в Москве. Вот где шум-то! А в Ялте какой может быть шум? Мы поехали.

Приехали в такую квартиру, которая стоит на горе. С двух сторон гору окружает дорога. В час пик шёл плотный поток машин, каждая машина тормозила и сигналила на горке. Мы

все ночи не спали. Измучились, отдыха никакого там не получилось. Вот что значит не обращать внимания на то, что Батюшка говорит.

Первое впечатление от встречи с отцом Кириллом у моего старшего сына, было очень странное. Когда я повела его для благословения у старца, то он почему-то убежал от Батюшки. Прямо рванул с места. Догнала я его и говорю: «Куда ты бежишь? Зачем?». Он весь дрожа, сказал, что Батюшка – это спасательный круг. Около него страшно. Ты понимаешь, что находишься в бурном потоке и тонешь.

В жизни моего сына отец Кирилл сыграл особую роль. Сын выбрал монашеский путь. Помню, когда поступал в Семинарию и поступил, он об этом ещё не знал. Встретил тогда же отца Кирилла, и тот сказал ему: «Женя, надо заказывать благодарственный молебен». Батюшка первый ему сообщил об успешной сдаче экзаменов. До того, как вывесили результаты последних экзаменов и списки поступивших в Семинарию.

Одна китаянка приехала учиться в Московский университет на факультет по связям с общественностью. Но у неё ничего не получилось. Моя подруга, которая в то время преподавала в Китае, дала ей мой адрес и она пришла ко мне. Пришла и осталась. Жила у нас три года. Меня все спрашивали, как вы уживаетесь? Семья большая, пять детей и ещё она, такая шумливая. Оказалось, что у китайцев удивительная культура проживания в тесном пространстве. Веками выработана способность не нарушать границы проживания другого человека. Она посмотрела все иконы, которые были у нас в доме, и остановилась у Ксении Петербургской.

– Кто это? – спросила она.

– Есть у нас такая святая, – ответила я ей.

– Почему она так плохо одета?

После этого китаянка показала мне медальон, на котором была изображена красивая женщина.

– Вот, божество Гуань-нинь!

Потом опять небрежно указала на икону и пренебрежительно повторила:

– А это что-то не то.

В процессе дальнейшей жизни она стала строить отношения с мужчиной, который был женат. Ненормальные отношения. Она от меня слышала про отца Кирилла и как-то погрозилась:

– Вот я к нему пойду, и пусть он скажет ему, чтобы он на мне женился. Раз он у вас такой авторитет и всем помогает решать проблемы.

По её настоянию, повела я эту китаянку в нашу церковь, к отцу Кириллу. С ней был и тот мужчина, Владимир, с которым она встречалась. Они встретились у входа в крестильную.

Когда мы вошли, то Батюшка сразу сказал:

– Володя, иди сюда, – дальше откровенно стал его обличать. – Что это такое?..

Мужчина растерялся и не знал, как себя вести. Отец Кирилл продолжал наставления:

– Зачем ты так поступаешь? Здесь никакой любви нет.

Это то, что я слышала. Дальше они разговаривали наедине, втроём, долго. Замёрзла я, их дожидаясь. Уже хотела уходить, как дверь из крестильной открывается. Первой вышла китаянка и, ничего не говоря, легла на снег. Распласталась прямо на сугробе. Такое у неё было самочувствие. Она не могла идти. Говорила еле слышно одно: «Я горю. Горю. Мне жарко...». Потом отдышалась, и мы ушли. Владимира она ждать не стала.

Через некоторое время она окрестилась под именем Ксения.

После этого она часто приходила к отцу Кириллу, и он много времени проводил с ней. Говорил и о том, что нужна проповедь Православия в Китае. Не знаю, какова её судьба сейчас. Здесь она много занималась переводами и писала стихи. Одно из них было посвящено отцу Кириллу.

Все мы знаем, что несмотря на свою тяжёлую болезнь, Батюшка продолжает нас всех окормлять и о всех заботится. Мы даже наловчились возле окон келии его беседовать с ним и каяться о своих грехах. Около него побудешь, и душа очищается. Потому что его внимание к человеку настолько глубоко, что ощущать его можно только сердцем. Контакт с ним не словесный и поэтому он никуда не девается. Я вот всё думаю, что это за страшный подвиг у Батюшки, – что он лежит, болеет и за нас всех молится?

Мы много исповедовались у разных священников, но так, как отец Кирилл окормляет, ничего подобного не встречали. Почему? Чем оно отличается? Тем, что оно совершенно ненасильственное. То решение, которое созревало на исповеди, это решение Батюшка доставал из глубины сердца. Узнавал вначале наши склонности, а потом часто и говорил: «Вот так и сделай». Всегда с ним согласие полное. Ни малейшего противоречия. После этого практически легко выполнять его наставления, на которые у других уходили бы годы, Шло бы с большим трудом.

На моём опыте было так, что один раз я не сделала так, как он сказал. О чём сильно жалею. Вместо того, чтобы слушаться, я стала отца Кирилла упрашивать: «Батюшка, а можно всё-таки по-другому?». Он пошёл мне навстречу. Молился обо мне, и ситуация сложилась так, как мне хотелось. Прошла я по той дорожке, которую сама выбрала. Тяжело закончилась она, не очень благополучно. Не все беды, от которых оградил меня, в той истории я знаю. Уверена в одном. Если бы он не молился за меня тогда, скорей всего я сейчас с вами бы не разговаривала. Если бы отец Кирилл не поддерживал, не подстраховывал меня молитвенно, и вовсе трагично всё произошло бы.

В нём драгоценны его любовь и поддержка. Даже когда мы не слушаемся его, он не оставляет нас. Отец Кирилл – самый верный друг, который не оставит в беде, не отвернётся, разделит с тобой даже твой неверный, подчас вероломный поступок.

Василий:

– Отец Кирилл нас никогда не оставляет, заботится. Всегда говорит – читайте больше Евангелие. Доходит до смешного. Иногда я забываю об этом. Перестаю читать святое Писание. И Батюшка «кидает» на меня Евангелие. Или коробку конфет, на которой написаны его слова о том, что надо читать Евангелие. Оно падает прямо на меня с полки, хоть и стоит устойчиво. Напоминает, даёт по неразумной башке этими конфетами с напечатанным напоминанием на обложке. Делает он это потому, что любит.

Мне иногда в голову приходят плохие мысли, желания. Тогда я беру портрет отца Кирилла, прикладываю его к голове, прошу его помочь, и он отводит нежеланные помыслы от меня. Если Батюшку слушаться, то жизнь складывается по-другому, к лучшему.

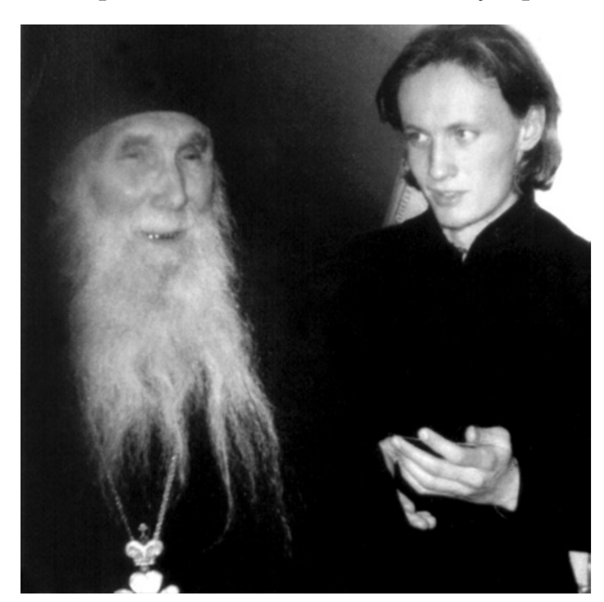
«Души скорбящие, терпеливо несущие свой крест, – любимые дети Божий, так что Господь всегда с ними:* «Близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренных духом спасет».** *(Пс. 33, 19)*. ***Они идут как бы предшествуемые Самим Спасителем, Который часто оборачивается к ним с любовью. По кресту они, так сказать, родственны Господу Иисусу – какое высокое родство! Мы забываем, что если скорби не подвигают нас к Богу, то единственно по нашей вине: вместо покорности и терпения у нас является ожесточение сердца. Удивительно ли после этого, что мы впадаем в гораздо большее зло?»

Архимандрит Кирилл (Павлов)

<u>Марина:</u>

– Зашёл к нам знакомый диакон. У нас тогда дети маленькие ещё были, и он всегда умилялся на детей. Было видно, что он человек несемейный.

Судьба расположилась у него следующим образом. Собирался он жениться. Был у архимандрита Кирилла по каким-то вопросам. Спросил заодно, как бы мимоходом, у отца Кирилла и по поводу женитьбы:



– Батюшка, у меня невеста есть, жениться собираюсь.

Отец Кирилл ответил ему вопросом:

– Смотри, не будет ли она тебе обузой?

Тот настолько был уверен, что не задумался о сказанном Батюшкой. Легкомысленно пробурчал:

– Всё хорошо будет. Нормально.

Отец Кирилл никогда над человеком насилие не совершает. И на этот раз не стал спорить с ним.

Дальше у него получилось так. Получил он дьяконское рукоположение, Семинарию закончил. Начал служить, а жена-то его и бросила. Он, не имея предрасположения к монашеству, оказался в очень трудном положении. Снова жениться не может и без церкви не может... Кое-как удалось ему целибатом в церкви остаться, а вот детей, каких он мечтал иметь и много, с этим у него промашка вышла. В мечтах только остались. Вот и тосковал, любил гладить чужих детей, а не своих.

Так-то, Батюшку не слушать...

Одна знакомая приехала однажды к отцу Кириллу в брюках. Поскольку понимала, что нужно переодеться, то взяла с собой юбку. Пошла в туалет, переоделась. Была она светским человеком. Юбка была короткая. Пришла в этом к о. Кириллу. Он ей и говорит:

– Может, тебе денег дать на юбку?

Она удивилась, спрашивает :

– Зачем?

– Ну как же! Вот у тебя материала на юбку не хватило...

Приехала одна девушка, в ярких лосинах, совершенно не в церковном виде. Увидев её, все у церкви закачали головами. По ней и не скажешь, что хотела бы она попасть к старцу. Помогли мы ей. Попала она к отцу Кириллу на беседу. Жаловалась на ребёнка, что он всё время писается. Она замучилась стирать. Что-то с ребёнком надо было делать, уже пора ему в школу идти. Не успела она подробно рассказать отцу Кириллу про ребёнка и свои беды, как Батюшка взял её ребёнка, потрогал там, где почки, и говорит:

– Причащать надо почаще мальчика.

Сейчас ребёнок здоров, а девушка эта резко изменилась. Вместо прежнего, светского, разгульного образа жизни она приобрела очень скромный, православный вид. Ходит в храм. Хочет теперь и второго ребёнка. Не занимается усиленно ни фигурой, ни косметикой. Муж уже не может заставить повернуть её обратно. У неё теперь стали другие, духовные интересы.

Одни знакомые вернулись из Голландии. Ездили туда поучить английский язык. Они вели совершенно разгульный образ жизни. Попав к отцу Кириллу, услышали от него предупреждение: одной, что она сойдет с ума, если не переменит такой образ жизни. Другой посоветовал идти в монастырь. Совершенно пораженные, они вышли от него, не за тем они приехали к нему. Так, из любопытства и обычных, приятных слуху слов, а тут... По пути они мне резко всё высказали, что их чему-то не тому учили...

Не знаю их дальнейшей судьбы, наверняка то, что сказал им Батюшка, оправдано было. Вряд ли им сейчас хорошо, если они не исполнили благословение отца Кирилла. Для многих светских людей мнение старцев, которое непривычно их слуху, их мнению, кажется им странным, иногда очень смущает. Конечно, человеку не церковному, который имеет в этой жизни вроде бы всё, странно слышать такое. Вдруг одна должна резко бросить свой привычный образ жизни. Её ждёт ужасная перспектива. Почему? С какой стати? Всё в порядке! Она

здорова. Дела у них в полном порядке! Другая должна уйти в монастырь. Что за нелепица, кажется им. Молодые, цветущие девушки, наслаждаются поклонниками и своим положением в обществе, обладают красотой, достатком и вдруг!.. Для них, как и для многих, это было поразительно и неприемлемо.

«Вера есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом, – говорит святой апостол Павел. – **Без веры угодить Богу невозможно.**

Вера воодушевляла мучеников идти неустрашимо на смерть ради Христа и увенчивала их победными венцами на небесах. Мы с вами, дорогие братия и сестры, плывём по житейскому морю, чтобы безбедно достигнуть тихого пристанища в вечности, а потому крайне необходимо всем и каждому из нас иметь веру в Господа нашего Иисуса Христа.

Благо человеку, если он найдет в себе духовные силы противостоять этому искушению и в напастях сохранит веру, иначе вместо желаемого избавления от временных бед он может погибнуть навеки.

Если в трудных случаях обратимся к Богу с молитвою веры, то по вере и будет нам, как сказал Сам Спаситель *(см. Мф. 9, 29)*, ***ибо*** **всё возможно верующему.** *(Мк. 9, 23)*.

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Лариса Приходько:

– Первую встречу помню очень хорошо. Мы встретили отца Кирилла, идущего по двору Троице-Сергиевой Лавры. Поначалу он оказался совершенно обычным человеком.

В это время зазвонил колокол, и он стал молиться. Развернулся к храмам и как будто засветился. От него исходила необыкновенная любовь. Такая, что сразу захотелось всю душу вывернуть перед ним. Вот это основное впечатление.

Через какое-то время мы пошли к нему на исповедь. Ощущение сразу, на первой исповеди было, что это родной человек. Ему можно сказать всё что угодно, и он поймёт, не осудит. Воспримет тебя всегда с любовью. Мы ходили очень часто к отцу Кириллу, будучи немощными. Все проблемы, которые мы обсуждали с ним, были житейскими, бытовыми. Какое правило читать? Как детей воспитывать? Как на работу устроиться? Как за квартиру бороться?..

С четвёртым ребёнком получилось так, что пока ждала ребёнка, почти два раза в неделю мы приезжали к отцу Кириллу. Батюшка назначал время для исповеди, когда в следующий раз приезжать. Мне казалось, что это очень рано, потому что с животом тяжело было ездить. За четыре дня до родов я была у отца Кирилла в последний раз, и он уже не назначил дня когда приезжать, а сказал: «Ну, всё» – и рукой махнул. Это было 15 числа, а ребёнок родился 19-го. Когда этот ребёнок достиг подросткового возраста, оказалось, что он внутриутробно перенёс инфекцию, которая поразила его нервную систему, но поразила его очень компенсированно. Так, что в подростковом возрасте только проявилась. И болел он всего два месяца. Сама врач невропатолог сказала, когда окончательный диагноз вынесли, что у него нервная система была поражена внутриутробно и, надо благодарить Бога, что обошлось так, всё с минимальными результатами.

Теперь-то мне понятно, почему отец Кирилл говорил, чтобы я чаще приезжала к нему. Хотя мне это было делать очень тяжело. И он видел это и сострадал мне. По существу, получается, он знал, что не родившийся ещё мой

ребёнок болен и лечил его внутриутробно. Благодаря Батюшке, вот этим его сеансам невидимой терапии ребёнок почти излечился и родился. Так отец Кирилл спас моего ребёнка, а я не понимала, грешная, и роптала, что он меня при большом сроке беременности вызывает к себе в Лавру. Всё благополучно, слава Богу, разрешилось. Отозвалось через много лет и только в мягкой форме.

Поучал нас отец Кирилл, и какое правило читать с детишками. Правило надо читать короткое, детей не утомлять. А мы усердствовать старались. Спрашивали Батюшку:

– Когда же нам с ними полное-то правило начать вычитывать?

Усмехнулся Батюшка и ответил:

– Вы хоть это, коротенькое, внимательно прочитывайте.

Евангелие разрешил для детей на русском языке читать, чтобы было всем понятно. Но твёрдо наставлял: «Евангелие обязательно читать».

Ещё у меня очень большое правило было, и когда я была в положении, на больших сроках, то тяжело было. Сказала и об этом, что тяжело и не успеваю читать. Отец Кирилл посоветовал: «Читай, сколько сможешь».

Когда у нас не было жилья и было четверо детей, а мы жили в однокомнатной квартире. Батюшка настаивал, чтобы мы добивались жилплощади. Получить каким-то образом: писать письма, куда- то ходить и прочее, тогда, в начале девяностых годов, – было совершенно бесполезно. Благодаря настойчивости отца Кирилла, мы начали активизироваться. Он нас заставил действовать. Произошло не сразу, трудно. Сначала с нашими знакомыми мы надумали собрать несколько таких же многодетных и неустроенных семей. Пойти всем в Исполком и попросить, чтобы в нашем присутствии решили наш жилищный вопрос. Батюшка энергично благословил нас на это.

Началась упорная борьба.

Мы написали общее письмо к властям. Отец Кирилл благословил нам текст этого письма. Сказал, когда и как начинать нам. Когда мы ещё обсуждали с Батюшкой это мероприятие, как его организовать, он говорил, что это будет что-то типа манифестации. Немного посмеялся и сказал: «Ну, давайте!» – и махнул рукой. Он же и дату назвал, когда начинать. Если бы не его благословение, мы не понесли бы тех мытарств. Нас бы затоптали, но по его молитвам в результате мы выдержали, победили.

Когда по принятой схеме мы не добились успеха, нас проигнорировали, то опять же по благословению отца Кирилла мы, несколько семей, собрались, буквально ввалились в Исполком и два месяца там жили. Нас показывали по телевидению, писали про нас газеты. Тут мы и поняли смысл пророческих Батюшкиных слов о «манифестации».

Результат был и для нас самих ошеломительный. Получилось так, что в результате мы, 33 многодетные семьи, получили прекрасные квартиры в доме, предназначенном для работников свергнутого незадолго перед этим ЦК КПСС, в центре Москвы.

Бывало, от многих забот, становилась я раздражительной и вспыльчивой. Приходилось в этом исповедоваться. И вот однажды отец Кирилл с непередаваемой любовью и глубиной сказал мне такие простые слова: «Сдерживай себя, Лариса». И всё. Это осталось на всю жизнь. Появилось желание исправиться. Теперь я более бдительно слежу не столько за другими, сколько за собой.

Те поучения, которые Батюшка давал, они были как бы обыкновенные, но глубоко в душе отпечатывались.

Однажды муж тяжело заболел. Всё, славу Богу, обошлось. На самом деле ничего опасного не оказалось. После я этот страх исповедовала у Батюшки, на что он мне ответил.

– Это у тебя малодушие.

Проанализировал мне всю происшедшую ситуации, как будто был постоянно при этом и обладает большими медицинскими познаниями. После этого сказал:

– Тебе нужно много мужества, разума, терпения.

Эти слова тоже на всю жизнь запомнились. С особой любовью, с особой глубиной и смыслом всегда произносит свои слова Батюшка.

Когда создавалось училище сестёр милосердия, то меня назначили помогать по составлению расписания. Потом я стала выполнять всю работу заместителя директора по учебной работе. Мне предложили перейти на эту должность. Когда мы стали спрашивать у отца Кирилла, благословит ли он меня на эту должность, Батюшка сказал: «Нет, не надо лучше. Тяжело будет». Мы ничего не сказали, но подумали, что он что-то не понял. Потому что фактически я с этой работой справлялась, и мне было нетяжело. Семья большая и денег нам очень сильно не хватало. Если бы я перешла на эту должность,то была бы официально оформлена. Была бы у меня нормальная зарплата. Решили поехать ещё раз. Поехал к отцу Кириллу муж, я была очень занята. Объяснил и получил Батюшкино согласие: «Ну, ладно».

Подмечено не раз, когда кто-то очень сильно настаивает, то отец Кирилл иногда уступает такому натиску, но это, как пра-

вило, оказывается во вред такому просителю. Многим нашим знакомым он что-то разрешал, но потом усиленно молился, чтобы вся ситуация по крайней мере благополучно для этого человека разрешилась. Хотя порой человек тот находился на грани каких-то очень сложных обстоятельств.

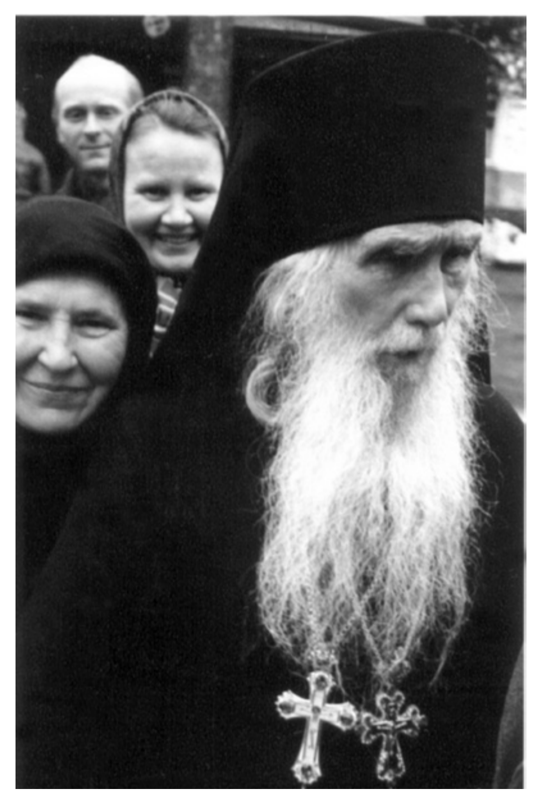
Так у нас и получилось, несмотря на то, что работа нетрудная и после оформления первоначально как бы ничего не изменилось, но затем я столкнулась с очень большими проблемами. На этой должности у меня появилась материальная ответственность, представительские функции перед городом. А если работаешь в структуре православной, где всё построено по системе послушания, то это подчас трудно сочетать. Короче говоря, мне вскоре пришлось отказаться от той должности и едва выйти из опасно сложившейся ситуации.

«Кто из нас не желает, чтобы к нам относились дружелюбно и сами враги наши, чтобы и они не только не вредили нам, но и делали нам добро? Так же точно и мы должны поступать по отношению к врагам, зная, что и они от нас желают и требуют только добра; и наше мирное доброжелательное поведение по отношению к ним послужит первым, вернейшим шагом к примирению с ними».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Со старшим ребёнком было трудно. Он стал плохо себя вести. Батюшка говорил о том, что (мы сами жаловались ему на это) школа стала теперь очень опасным местом. Мы решились и попросили отца Кирилла благословения забрать его из школы. Хотя у нас не было никаких оснований, возможностей, чтобы ребёнок наш учился на дому. Это было ещё время коммунизма, конец 80-х годов. Тогда такое не приветствовалось, не практиковалось, но нам удалось устроить его на домашнее обучение, по благословению Батюшки.

Два года он проучился у нас дома, пока не удалось устроить его в школу, где было намного благополучней.



Никаких авторитетов он не признавал, считал, что мы совсем его придавили. Но отца Кирилла очень, очень уважал. Каждое слово его слушал. Часто к нему ездил и до сих пор любит и уважает.

Как хозяйство организовать, этому тоже учил нас отец Кирилл. Он говорил, чтобы все помогали, все участвовали в делах и заботах.

У старшего же сына два раза был ячмень на глазу. Выходило в такую стадию, что поросло всё соединительной тканью, и он уже никак не мог рассосаться. Требовалась только операция. Первый раз это было в семь лет. Он тогда воспитывался строго около церкви. Псалтирь читал. В то время, когда возник ячмень, он Псалтирь перестал читать. Когда возобновил чтение, то у него достаточно быстро всё прошло. Второй раз у него такая же ситуация оказалась в шестнадцать лет. Врачи в очередной раз сказали, что без операции не обойтись. Мы, естественно, пошли брать благословение у отца Кирилла. Батюшка сказал:

– Операция безсмысленна, опять появится.

Почему он так уверен был в таком развитии болезни, мы не поняли. Но Батюшкино слово для нас свято. Поэтому, не сомневаясь в сказанном отцом Кириллом, мы от операции отказались. Как и прежний раз, возобновили духовное делание.

В течение года, как только он внутренне изменился, этот ячмень окончательно рассосался и больше никогда не появлялся.

Мы убеждены, нам ясно было показано истинно: «Кому много дано, с того много и спросят». Абсолютно чётко эти две истории болезни сына показали то, что всё взаимосвязано. Это были как бы два явных сигнала, что произошла духовная остановка. Нужен толчок, надо было на этих двух этапах преодолеть инерцию охлаждения и лени, усилить своё движение, возрастать.

Если ездить к старцу и не видеть духовную суть того, о чём он говорит, то человек тогда удаляется, от чего-то важного отказывается. Часто недуги, болезни наши или наших близких являются сигналами, напоминанием, подсказкой нам. Вернись на духовную дорожку! Прибегни к помощи духовного врача твоего. Исполни то, что он тебе «пропишет». Через исправление, излечение от духовной хвори и телесное приходит в норму.

«В этом мире мы должны жить для вечности. Здесь мы сеем, чтобы там пожать; здесь мы трудимся, чтобы там получить за труд воздаяние».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Через несколько лет интересная ситуация произошла с другим сыном. Это было в 2000 году. Когда ему было около 12 лет, настоятель храма, в который мы ходили, предложил ему обучение в Греции. Ребёнок к этому времени стал вести себя нехорошо. Пытался курить, пить пиво, носить неподобающую одежду. И тут ему предложили обучение в Греции. Мы про Грецию в то время совсем ничего не знали. Заграница. Он там будет один. Предоставлен сам себе. Может и далее распустить себя в своих приобретённых уже плохих наклонностях. Исходя из этого, к предполагаемой поездке мы были настроены негативно.

Отец Кирилл был тогда в Переделкино. Звоним туда. Подошла келейница Наталья. Объяснила я причину, какое положение сложилось. Она записала нас в список.

Поехали. Пришли, когда народ уже прошёл внутрь Резиденции Патриарха. Нас всё равно неожиданно пропустили.

Когда мы встретились с Батюшкой, то естественно, эти два вопроса и хотели изложить. Первый вопрос о предложении сыну по поводу нового места обучения. Мы были настроены против этого и не скрывали своего настроения. Чужая страна, заграница. Ребёнка никогда не отправляли так далеко. Было предубеждение: зачем нам это?

Отец Кирилл благословил нас, и улыбаясь, ласково сказал нам:

– Ну что вы, Греция страна православная и можно туда его отправить.

Забегая вперёд, можно сказать о том, что эта поездка окончилась тем, что сын наш значительно улучшил своё поведение и вернулся по-настоящему православным человеком. Сказал, что там он увидел настоящее Православие. Поступил после этого в духовную Семинарию Троице-Сергиевой Лавры и сейчас учится в Духовной Академии.

1996 год. Выборы. Муж мой очень активизировался в этом направлении. Поехали мы в Переделкино. Вошли. В беседе спросили и по этому поводу:

– Батюшка, за кого можно голосовать?

Отец Кирилл поднял глаза вверх и так задумчиво сказал:

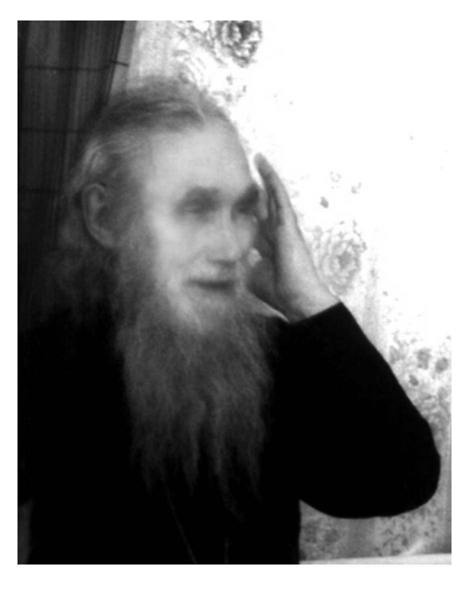
– Ну, пока говорить определённо ничего нельзя. Как дальше будет, сказать трудно. Ясно одно, что за Веру никто из них не стоит.

– Батюшка, как всё-таки правильно поступить в этой ситуации?

Отец Кирилл, немного подумав, усмехнулся, махнул рукой и сказал:

– А пойти и всех вычеркнуть! И всё.

Одна женщина приходит к отцу Кириллу и спрашивает:



– Батюшка, могу я Вас считать своим духовным отцом?

Отец Кирилл осторожно, чтобы человек не возомнил о себе, не кричал об этом везде и всем – и такое имеется, а с другой стороны, чтобы не обидеть её, осторожно говорит ей:

– Ну, раз Вы сюда ходите ко мне...

Она опять:

– Нет, Батюшка, вы скажите! Могу или не могу?

Батюшка опять теми же словами пытается уйти от трудного вопроса и положения:

– Раз Вы ко мне приходите...

Вот был весь его ответ.

Хорошо, что кто-то неожиданно вошёл и срочно позвал отца Кирилла. Иначе она бы его замучила. Вырвала бы из него что-то близкое для своего самолюбия.

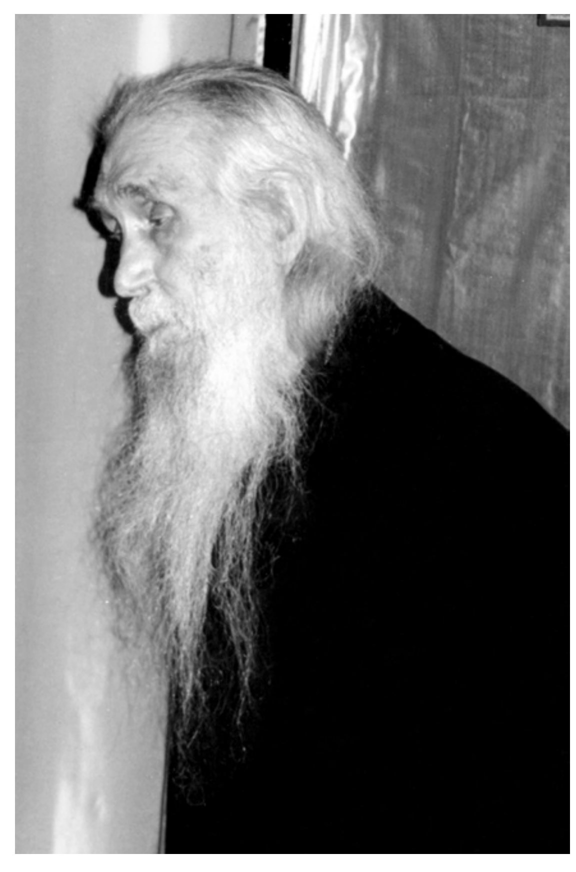
Это и нам урок. Как нам важно побыстрей получить регалии, погончики и прочее. Будто это что-то решает в нашей духовной жизни, от этого зависит уровень нашего благочестия, это что-то прибавляет к нашему спасению. Можно называть себя повсюду, как и делают некоторые, «первым чадом» старца, но это не приблизит нас к Богу, а наоборот отдалит. Скорее, тот, кто считает себя недостойным, ближе всех, дорог отцу Кириллу. Сказал же Господь: «Первые будут последними, а последние первыми».

«Святые отцы говорят: когда видите ближнего, который в чем-либо превосходит вас, не давайте места зависти, а вознесите теплую молитву ко Господу, чтобы Он

укрепил и умножил добродетель ближнего, тогда и вас Господь не оставит Своею милостью и любовью».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

У моей знакомой дочка окончила среднюю православную школу с музыкальным уклоном. Дальше встал вопрос, куда пойти учиться. Либо в Свято-Тихоновский институт на регентское отделение. Либо на регентское отделение в Троице-Сергиеву Лавру. Она написала письмо отцу Кириллу, потому что он труднодоступен уже был, но на письма отвечал. Батюшка ей ответил, что Свято-Тихоновский институт он не знает, а Троице-Сергиева Лавра – с большими традициями, и было дано ей благословение. Девочка приехала, поступила, хотя ей не было 18 лет и никто не обратил внимания. А когда обратили, то мама показала это письмо, и сомнений ни у кого не было.



С одной монахиней случилось что-то очень нехорошее. Прошло то плохое мимо, и она пришла к отцу Кириллу спросить. Была очень удивлена, как это плохое её не коснулось. Её убить вроде должны были, и она случайно жива осталась. Бог миловал почему-то.

Батюшка долго молчал, молился, потом ей отвечает:

– Там, на небесах кто-то о тебе молится из твоих родственников.

Она уверенно говорит :

– Я знаю, бабушка обо мне молится.

Отец Кирилл не сразу, но возражает ей:

– Нет, ещё кто-то. Более сильный молитвенник.

– Никого я не знаю. У нас больше не было молитвенников. Многие и вовсе безбожники, коммунисты всякие. Нет, кроме бабушки, никого нет. Никто не молился. Не может и теперь молиться за меня.

– Нет, нет... У тебя все-таки есть кто-то, кто за тебя молится, и он тебя вымолил, – сказал отец Кирилл, уставившись куда-то за стенку, будто напряжённо рассматривая кого-то там. – Очень сильный в вашем роду есть молитвенник!

Монахиня стала перечислять по именам всех родственников своих. Бабушек, дедов и прадедов. Упомянула одного из них:

– Сергий, ещё был такой у нас родственник...

Отец Кирилл прямо просиял. Будто тяжеленный груз сбросил с себя. Радостно произнёс:

– Вот! Он! Сергий тебя и вымолил! Он как раз за тебя и молится.

Потом она всех родственников своих стала расспрашивать. Никто ничего не знает, не помнит. Поломали у нас коммунисты-безбожники все роды и память о них. Все вековые церковные книги, где всё было прописано, сожгли негодяи. Одна только, далеко живущая ещё бабуля вспомнила и сообщила ей. Оказывается, был в их роду Сергий. При храме жил. Был то ли псаломщик, то ли дьячок.

Как вот это Батюшка прозрел, увидел это сквозь века и общее забвение?.. Загадка.

У нас в доме находится иконочка Царственных мучеников, и на наших глазах происходило много чудес с ней. Это было как раз накануне канонизации Царственных мучеников. Мы

подумали, может быть, это к тому, что Россия возродится? Мы спросили Батюшку об этом:

– Батюшка, может, всё-таки Россия воспрянет?

Отец Кирилл был тогда очень озабочен, огорчён надвигающимися процессами глобализации. Он грустно ответил:

– Дай-то Бог! Хотя на возрождение сейчас надежды мало...

В молитвах, когда отец Кирилл говорит слова: «Приидите поклонитесь...», всегда упор делает на слове «приидите». Действительно, к Богу надо прийти, прежде чем поклониться. Мы ещё, как должно не пришли...

«Когда терпим гонения за правду, за исполнение заповедей Христовых, тогда – что бы мы не терпели, какие бы ни испытывали лишения – мы не должны скорбеть, наоборот, должны радоваться, помня, что этим путем, путем скорбей и болезней, мы приближаемся к Царствию Божию, приобретаем право на вожделенное наследие в обителях Отца Небесного».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Елена Верещагина:

– Об отце Кирилле я услышала от своей свекрови. Она глубоко верующая женщина и по возрасту является ровестницей ему.

Ездила она в Лавру ещё с маленьким младенцем, моим мужем. Знала Батюшку с тех пор, когда он был иеромонахом. Тогда у него было не так много людей.

Когда мы повенчались с мужем, она мне рассказала про отца Кирилла. Говорила о том, что он очень хороший Батюшка. На тот момент она практически уже никуда не ездила, плохо себя чувствовала.

После этого я сама попала в Лавру. В 1981 году впервые увидела архимандрита Кирилла. Так получилось, что возникли некоторые неразрешимые вопросы. Удачно тогда, так совпало, что отец Кирилл принимал в этот день и мы попали к нему. Когда мы приехали, к нему стояло много людей. Но по очереди это было вполне доступно, реально. К этому моменту у меня уже было двое детей, две маленьких девочки. Поездки были хлопотными, потому что приходилось на целый день оставлять их одних, со свекровью.

Батюшка мне очень понравился, и особенно тем, что от него исходила необыкновенная любовь. После него наступали мир и ясность. Появлялось желание жить, любить людей, Бога, становиться лучше. И всегда он давал нужные и дельные советы, которые были необходимы лично мне на тот момент.

Ездить мы стали к нему регулярно. Приезжали рано, прямо к братскому молебну. Обычно Батюшка непременно был там же. У него можно было благословиться, потом они шли с братией в свой корпус. После чего он выходил на приём.

Также, будто предчувствуя, что будет подолгу находиться здесь, Батюшка, ещё тогда, благословил нас переехать сюда, в Переделкино. В то время это был отдалённый от Москвы район, и на тот момент у нас уже было трое детей. Получилось очень удачно. Мы оказались около отца Кирилла. И муж мой работает в МГУ, отсюда удобно добираться до работы. Батюшка же благославлял его работать и заниматься математикой. Произошло это так.

Коля, муж, будучи профессором, приехал к отцу Кириллу и пожаловался на меня. Сказал, что я говорила ему: «Иди в монахи». Он известный ученый, математик, а ему такое вот предлагают...

Отец Кирилл улыбнулся и утешил его:

– Ну, у нас по-другому всё это происходит. Не бойся. Насильно мы никого не берём. Ты у нас в математике очень пригодишься. Там хорош. Ты уж будь учёным.

Вот так отец Кирилл его благословил, и муж очень возрадовался.

Батюшку можно понять так. Любое достижение в миру без гордыни не происходит. Будь то ученый, или писатель, или математик и т.д. И в науке амбиции очень сильно влияют на движение человека в карьере. Как-то я на фотографии смотрю, там священники рядом с Батюшкой и мы рядом. Посмотришь на них, на монахов. Это совсем другие люди! А мы – земные. Не те. И правильно отец Кирилл рассудил. Зачем человека ломать? Каждый должен быть на своём месте.

Когда родилась первая дочка, мы её покрестили и стали водить в храм причащать. Перед каждым причастием невероятным образом она кричала. Просто извивалась в руках. Её нужно было крепко держать. Её водила причащать и благочестивая свекровь. И то же самое... Бабушки, которые её знают, говорили ей:

– Ну, как же ты такая верующая, из храма не выходишь, а у тебя такая внучка бесноватая. Что же она у тебя так кричит?

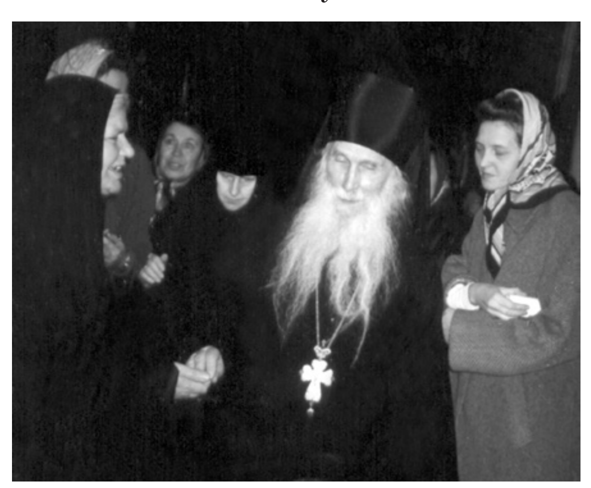
Поехала я в Сергиев Посад, к отцу Кириллу по поводу этого вопроса. Почему ребёнок так кричит перед Чашей. Батюшка какое то время молчал, потом сказал:

– Видимо, когда её крестили, какие-то молитвы не прочитали. Надо поехать к отцу Андриану в Псково-Печерский монастырь. Он всё прочитает, что нужно, и всё будет хорошо.

Мы поехали в Псково-Печерский монастырь и встретились с архимандритом Адрианом (Кирсановым). Приехав, сказали, что мы от отца Кирилла. Он приветливо нам ответил: «Передавайте ему привет». Не удивился и не стал возмущаться: «Почему не прочитали молитвы в нужное время?». Более того, с таким расположением встретил, что он нас, видимо, ждал. Духом прозревал наш приезд. Как «посылочку» от отца Кирилла.

Отец Адриан прочитал молитвы над нашей дочкой. И самое удивительное, что действительно, после этого момента дочь разительно изменилась. С большой охотой стала ходить в храм и причащаться. Подарил дочке рубашечку, в которой она спала очень долго.

Это был 1987 год. Третий ребёнок у нас Костя. Когда я его рожала, не было ещё ультразвука, и я не знала, кто родится. Мы с мужем, накануне, как ему родиться, поехали благословиться. Поскольку мы живём в Москве, в Печоры к отцу Адриану ехать далеко, в Лавру же – вполне приемлемо. Решили ехать к отцу Кириллу.



Мы приехали и увидели Батюшку. Он почему-то сказал нам:

– Приезжайте на следующий день.

Я ему сказала, что не дотерплю, наверное. Он остался при своём:

– Ничего страшного не произойдёт. Не волнуйся. Завтра, завтра.

На следующий день опять поехали к отцу Кириллу. И тут он нас принял. Что самое удивительное, когда я у него спросила, что если будет сын, назвать его Константином? Батюшка, ничуть не сомневаясь, благословил и будто об этом точно знает, сказал: «Да, конечно. Константин». Хотя неизвестно было, кто родится. Он абсолютно не сомневался, сказал и когда крестить, на седьмой день. И самое удивительное, когда мы вернулись поздно вечером, у меня начались схватки. Муж меня отвёз, и я родила легко и действительно мальчика. Нас очень быстро выписали, и мы его крестили на седьмой день, и назвали Константином. Всё мы сделали, как сказал Батюшка. Теперь он поёт в церковном хоре.

Отец Кирилл благословил моего мужа работать в МГУ. Когда он закончил университет, ему предложили там остаться. Он испугался, потому что по тем временам это была очень ответственная должность. Думал, что он не справится. Мы поехали к Батюшке, спросили у него и он сказал:

– Не бойся ничего, я тебя благословляю. Занимайся математикой.

Вот с его благословения он так и работает в МГУ, профессор, доктор математических наук. Страх у него прошёл, его легко приняли в коллективе. Более того, он результаты потом получил соответствующие, т.е. всё было не напрасно. Батюшка действительно, что в нём увидел, то и оказалось.

«Если по немощи нашей и придется впасть в те же грехи, в которых милосердие Божие простило нас, то мы не должны отчаиваться. Если и тысячу раз согрешим, но потом опять прибегнем к покаянию, то снова очистимся от скверн и от соделанных нами беззаконий».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Потом нас отец Кирилл совсем передал отцу Адриану, совершенно сознательно. Мы раньше архимандрита Адриана (Кирсанова) не знали, знали только архимандрита Кирилла, к нему ездили. Получилось это так.

Одна знакомая мне сказала:

– Ты вот ездишь к отцу Кириллу, а ты спроси у него, возьмет он тебя в духовные чада?

Отвечаю ей:

– Раз я езжу к нему постоянно, то и считаю его своим духовным отцом.

– Так нельзя, надо спросить у него самого: «Батюшка, вы берёте меня в свои духовные чада?». Если он скажет тебе, что берёт, тогда ты можешь считать его своим духовным отцом. Молиться за него как за духовного отца.

Не сразу я решилась на такое. Однажды всё же дала себе такую задачу. Думаю, надо бы наконец выяснить этот вопрос. Попроситься в духовные чада. Собралась уже ехать, муж мой был очень недоволен частыми поездками, потому что детей с собой брала. Мы рано выезжали, в три часа ночи, такси заказывали. Обратно уже ночью приезжали уставшие, я потом в лёжку день лежала, сил не хватало, очень слабая была. Муж и говорит:

– Вот, опять устанешь. Будешь целый день валяться. Нет, не езжай.

Попросила я его, говорю:

– Ну, как мне не ехать? Очень хочу я, чтобы о. Кирилл был моим духовным отцом.

– Нельзя, чтобы ты так надрывалась и ездила.

Тогда мне в голову пришёл другой выход из создавшегося положения. Предлагаю мужу:

– Если ты не хочешь, чтобы я ездила в Сергиев Посад, сам тогда напиши об этом письмо отцу Кириллу.

Он и написал: «Уважаемый отец Кирилл! Я не хочу, чтобы моя жена ездила к вам по ночам, изматывала себя. Не хочу,

чтобы она так далеко возила с собой детей». И подписался «Николай».

Взяла я это письмо, а в душе думаю: «Покажу я Батюшке это письмо, и он, увидев, как, через какие препоны я стремлюсь к нему, скажет мне, что берёт меня в духовные чада. Помолится за нас. Молитва у него уже будет другая. Как за духовных чад! Муж смягчится, и всё будет замечательно».

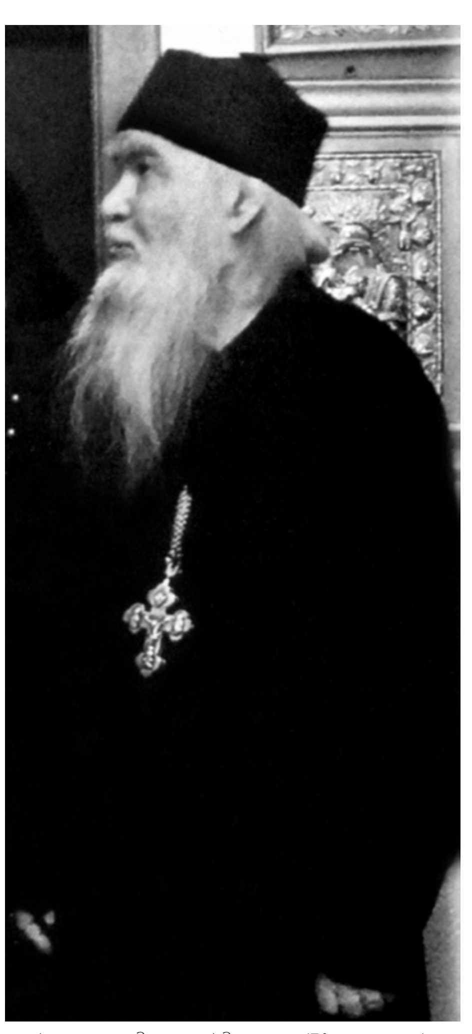
Еду с этим письмом.

Отец Кирилл принял нас с детьми. Письмо взял, прочитал и говорит:

– Ну, нет! Муж – против. Не могу я взять тебя в духовные чада.

На этом всё и закончилось. Посоветовал Батюшка съездить в Печоры. Поговорить там с архимандритом Адрианом, который раньше был насельником Троице-Сергиевой Лавры.

Как-то летом, после этого случая, поехала я в Печоры. Попросилась там у отца Адриана в духовные чада. И он мне не отказал, сказал: «Конечно, Леночка. Ты моё духовное чадушко будешь. Возьму вас к себе, запишу и молиться за вас буду». После этого вся наша духовная жизнь связана с отцом Адрианом. Благодаря молитвам этих старцев, их урокам, наставлениям, для



Архимандрит Адриан (Кирсанов).

нашей семьи, для моих детей. Они с отцом Кириллом практически помогли нам детей вырастить и воспитать.

Совсем от отца Кирилла мы не отрывались. Тем более, по его же благословению, мудрым образом, мы поселились в Переделкино. И туда же перевели отца Кирилла с середины девяностых годов. В Печоры часто не наездишься, а тут рядом. Мы часто посещали Батюшку, исповедовались у него, получали благие советы. Он никогда никому и нам не отказывал.

Можно было попросить отца Кирилла помолиться, чтобы от тебя отошла какая-то страсть. У меня было пристрастие к красивым вещам. Очень нравились красивые платья, красивая одежда. Для меня это очень важно было в молодости. Я чувствовала, что это какой-то плен. На самом деле это не должно быть так. Но тем не менее это настолько сильно, что невозможно было от этого оторваться. Ты ходишь, исповедуешься, а всё равно пройдёт месяц и опять побежишь, что-нибудь купишь. Поняла я, что не смогу сама с этим справиться. Пошла к Батюшке, и он сказал:

– Ты знаешь, что это страсть. Это всё от тщеславия.

Даже причину страсти указал. Вроде бы ничего мудреного не сказал, простые, понятные слова, а действуют. В конце он также просто подсказал:

– Ну, клин клином вышибают.

Как я поняла из этого, что надо делать всё наоборот. Купила – отдай.

Стала я так делать. Куплю или сошью что-нибудь – подарю или отдам кому-нибудь. В итоге вещей стало у меня всё меньше и меньше... Батюшкиными молитвами и молитвами отца Андриана, победила я эту навязчивую страсть. Можно с грехами бороться, было бы желание.

Запомнился мне ещё один момент. Начался Петров пост, а у нас мороженое оставалось в холодильнике. Так жалко было его выбрасывать, и мы его доели. В июне у отца Кирилла день Ангела и мы к нему пошли с детьми повидаться и поисповедоваться. На исповеди я призналась:

– Так и так Батюшка, а мороженое мы доели.

На что он мне спокойно сказал:

– Если бы ты была христианка, то ты такого не сделала бы.

Вот так он сказал, а детям шоколадки дал.

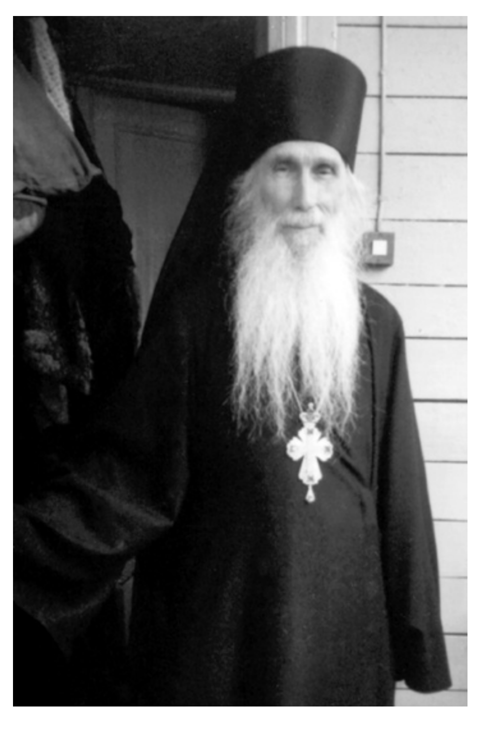
Вроде бы простой, незначительный случай, а эти слова, с его интонацией, меня до сих пор жгут. Всё время думаю, что, наверное, я не христианка, но очень хочу ею стать.

«Для христианина истинными благами должны быть блага небесные, а все остальное: здоровье, богатство, почести, слава – это временное, тленное и не должно рождать зависти».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Была у нас одна, тяжёлая ситуация, и с нами произошло такое чудо...

Мои две девочки-погодки сосали пальцы. Причём с самого младенчества, вместо пустышки. Они пустышки выплёвывали, а вместо них совали пальцы в рот, и это превратилось в навязчивую привычку. Постоянно указательные пальцы были во рту и на вид они были красные, истончённые, даже по размеру меньше, чем другие пальцы. Мы их пытались отучить с мужем. Время шло, каких только методов мы не предпринимали. Перебинтовывали им пальцы, мазали перцем на ночь, пугали, пластырь прилепляли. Но всё было безполезно. Мы иссякли и уже с этим смирились, но окружающие люди всегда возмущались, когда они видели наших девочек, которые пальцы изо рта не вынимали. Постоянно были нарекания нам от всех. Нужно было уже идти им в школу, в первый класс, а привычку эту они не оставляли. И более того, меня стали сильно пугать замечания окружающих. Они говорили всякие ужасные вещи, что у них какие-то отклонения, это всё не нормально... И я тогда только я додумалась, что надо идти к отцу Кириллу и что-то решать. Больше так оставлять нельзя! А мы уже вы-



бились из сил и не знали, что можно ещё предпринять в этом направлении.

Взяла с собой девочек, и мы приехали с ними к отцу Кириллу. Говорю ему:

– Батюшка, ну что же это такое?! Сосут пальцы, и никак не можем их отучить.

Отец Кирилл спокойно посмотрел на нас внимательно. Глаза опустил, помолился и вдруг неожиданно предложил:

– Отведи их к хирургу.

Остолбенела я : «Как, к хирургу?! Зачем?!..».

В таком полном недоумении от его слов была, что даже сказать на это ничего не могла. Буквально от него отшатнулась, это было в крестильне, где он принимал людей. Там обычно чуть-чуть отойдёшь, и сразу другой человек подходит и нас тоже тут же вытеснили.

В совершенной растерянности выхожу и думаю : странный совет дал Батюшка. На шутку непохоже, но и на правду вроде бы тоже... Может, не понял вопроса? Что-нибудь я не так спросила?.. Как, зачем к хирургу их вести?! Что он с ними делать будет? Пальцы отрежет, что ли?..

Было совершенно непонятно его предложение. Но тем не менее в глубине души, я верила Батюшке, что он просто так не скажет. Если он сказал, то нужно так и сделать. Правда, долго я решалась на это. Дети уже в школу пошли. Их дразнят, над ними насмехаются, все нас поучают... Что делать?

Взяла талончик в детскую поликлинику. Пошли утром к хирургу, заняли очередь. Там и другие детки сидели на приёме,

но у них-то настоящие травмы были, кто и перебинтованный сидел. Мы сели на стулья и стали ждать. Очередь потихоньку шла, и чем ближе она приближалась, тем больше я волновалась, входила в тревогу, в панику. «Ну, вот я войду и что я скажу хирургу? Скажу, у меня дети сосут пальцы, а он что скажет мне в ответ? Что я ненормальная какая-то мать, напрасно отнимаю у него время. Спросит: «Что я могу сделать? Отрежу им пальцы, что ли? Зачем вы ко мне пришли?..». Сильно я нервничала, но тем не менее, ради того только, чтобы выполнить данный старцем совет, продолжала сидеть с дочерьми.

Дети один за другим потихоньку заходили и выходили из кабинета. Мы совсем уже приблизились. Перед нами сидел мальчик. Вот и он зашёл в кабинет... И вдруг из того кабинета хирурга раздаётся совершенно душераздирающий крик, такой пронизывающий, леденящий душу... Все сидящие в коридорчике замерли, оцепенели. И мои дочери, я вижу, остолбенели, совершенно изменились в лице. Начали трястись, слёзы у них полились ручьём. Они стали меня просить, умолять, чтобы я их немедленно, во что бы то ни стало, отсюда увела. Пылко, всей душою уверяли, что они больше никогда в жизни не будут сосать пальцы. Едва разборчиво они лепетали: «Мама, миленькая, пожалуйста, не веди нас к хирургу!!.. Мы никогда больше не будем так делать. Мы тебе обещаем! Мы никогда больше не будем сосать пальцы!»

Конечно, я обрадовалась такой перемене в них. Для верности и твёрдости их решимости, сказала им: «Хорошо, мы сейчас отсюда уйдём, но если вы хоть раз ещё возьмёте палец в рот, то всё. Сразу же приходим сюда, и пусть хирург делает с вами, что хочет». Они чуть не бросились передо мной на колени. Быстро, согласно закивали головками, соглашаясь на всё. Тогда мы быстренько вышли из поликлиники и пошли домой.

И всё. После этого момента они никогда в жизни не сосали пальцы, даже не пытались.

Считаю, что это какое-то несомненное чудо произошло. Это было связано с трудным процессом, таким, что нужно было

сделать что-то резкое, неожиданное, такое, что и предложил отец Кирилл.

Само по себе это такое счастье для нас, родителей, было. Мы удивились и тому, как дети разом изменились. Стали менее инфантильные, более собранные, послушные.

Пальцы у них в конце концов из деформированных превратились в нормальные. Кожа, которую они постоянно ссасывали – восстановилась. Всё стало так, как будто никогда ничего, в течение долгих лет не было. Вот такое чудо. А сколько здесь в нём составляющих? Мы могли бы и не послушаться Батюшки, сочтя его предложение за шутку. Пошли бы не в тот день и не в то время, в другую поликлинику... Мальчик тот, что был перед нами, пришёл бы задолго до нас или позже. Вместо него сидел бы другой, у которого была бы не такая болезненная рана, и не произошло бы с ним чего-то такого, что он так дико закричал. И много, много всяких «если бы» составляющих в этом чудесном исцелении моих дочерей было. Сдвинься в сторону хотя бы одна из них, и ничего бы благого с нами не произошло. Не случилось бы того исцеляющего потрясения у наших девочек, какое они получили. Вот какова польза послушания даже в непонятных, «странных» порой советах истинного старца. Вот какова творческая сила, порядок совершений Божиих замыслов, то, что мы и определяем словом чудо, по молитвам великого нашего старца отца Кирилла. Вот какова молитва, духовное видение, точное предложение и ответственность за всех нас у Батюшки. Как хрупко и тонко порой выстроена его логика, часто нам непонятная и, что греха таить, иногда и не воспринимаемая нами и неисполняемая. Но стоит только довериться ему и пойти тем путём, что он предлагает, и дивишься, каким чудным образом, легко и просто всё происходит с нами благое.

«Всего лучше и надежнее в своих грехопадениях, во всем осуждать только самих себя, укорять за все себя одних.

Самоосуждение предотвратит от нас строгость суда Божия, приклонит милость на нас и исходатайствует нам прощение во грехах наших».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Георгий:

– Осенью в 1986 году, около 7 утра, я прошёл через проходную и оказался в подклетье Трапезного храма. Направо, во дворике, дверь, вхожу. Несколько ступенек вниз. Длинный коридор. Вдоль стен в ожидании стоят люди. Занимаю очередь. Священник стоит в центре коридора. Сам подходит к нуждающимся, кого-то спрашивает и говорит, что делать.

В эти годы у многих новообращённых, стоящих на распутье, нуждающихся в покаянии, надежды связывались с духовностью и прозорливостью старцев. И мне, жаждущему жить по воле Божией, наслышанному о монахах Лавры, хотелось найти с помощью духовника своё место в православной жизни.

Прошло несколько часов, того священника, я не интересую. Ну и мне он стал не интересен. Выхожу во дворик. Разговорился со стоящим рядом о жизни. Вдруг он показывает на противоположную от проходной комнатку, тоже в подклетье храма, под сводами. Иду туда.

Игрушечный с виду домик, спрятанный в основании, под алтарём махины Трапезного храма. Просто стандартно обитый вагонкой в ёлочку, крашенный зелёной краской. Маленькое оконце с белой занавеской. Сбоку дверь. Крыша – нависающие столпы храма. Там маленькая, 10-15 метровая комнатка.

Мужчина сказал, что в этом домике принимает всех отец Кирилл, духовник Лавры. Сейчас он болен, часто болеет.

Что-то было от нереальности этого зелёного островка в огромной Лавре, к которому почему-то тихо и спокойно повернулось моё сердце, это чётко отпечаталось и не стирается до сих пор.

Уходя, я взглянул на маленькую сторожку, которая многие десятилетия являлась духовным центром России, приютом простых людей и молитвы о России.

В восьмидесятые годы я работал в Богоявленском Патриаршем соборе. Литературы никакой тогда в продаже не было. Вся духовная литература распространялась подпольно. Мой духовник архимандрит Пётр попросил меня поехать в Троице-Сергиеву Лавру к отцу Кириллу (Павлову), попросить у него карманные, зарубежные Евангелия: «У него есть, он раздаёт». Написал мне сопроводительную записку-просьбу.

В Москве в Патриаршем соборе часто бывал отец Агафадор. По занятости и духовному неразумию я не стал утруждать себя поездкой в Лавру. Подошёл к нему и передал порученное мне прошение отца Петра. Вскоре отец Агафадор дал ответ, что у отца Кирилла ничего подобного нет. Я поверил и сообщил об этом отцу Петру. Согрешил этим перед ним. Позже, когда мне посчастливилось помогать отцу Кириллу, для монастырской больницы, я увидел в изобилии эти зелёные, зарубежные Евангелия, за которыми посылал меня отец Пётр. Ими так дорожили в те времена верующие, тем более получая их от рук отца Кирилла.

Вскоре отец Пётр опять неожиданно попросил меня передать отцу Кириллу запакованную посылочку, с запиской. Тут уж деваться некуда, надо везти самому. Тем более, что печальный урок от первого поручения мне я уже получил.

С 84-го года я работал с Романом, сторожем в Богоявленском соборе, и от него узнал, когда принимает отец Кирилл. Надо же выполнить поручение отца Петра.

В нужное время я с женой и детьми приехал в Троице-Сергиеву Лавру. Мы подошли и стали со всеми ждать Батюшку у братской проходной. Народа было много. Обьявили: «Отец Кирилл задерживается на службе». Ждём ещё два часа. Незаметно почему-то и ждать легко, даже детям нашим. Вот и отец

Кирилл – чёрная одежда, светлое лицо и приветливое благословение всем.

Помню, как мы в первый раз вошли в ту маленькую, крашенную зелёным цветом «посылочную», похожую на военно-полевой штаб в Филях, в подклеть Трапезного храма. Народ плотно занял там, в 15-метровой избушке с двумя окошками и белыми занавесками, всё пространство. Всем было тесно, но не обидно, безропотно. По стенам иконы, низкий потолок. Впереди – святой угол. Справа дверь, за ней Батюшка исповедует наедине, в трёхметровом отгороженном, маленьком закутке, где происходит само таинство.

Через какое-то время отец Кирилл вышел к нам. Подождав общего успокоения, тихо, кротко призвал всех помолиться. Молитва у него отрешённая, размеренная, вдумчивая. У каждого присутствующего ум сразу очистился, сосредоточился. Молитва Батюшки перед исповедью до сих пор в памяти и служит уроком, как надо молиться.

В конце молитв отец Кирилл помянул, призвал на помощь святых, имена которых носят кающиеся. После этого только исповедь и беседы. Так мне запомнилась первая встреча, исповедь и собеседование с Батюшкой.

На этой первой исповеди у отца Кирилла, несмотря на тесноту, мы были потрясены силою духовною, произведённую в нас отцом Кириллом. Внешне же он не выделялся ничем. Являл

наглядно простоту и доступность, о которой мы все забываем в житейской суете, в лукавом мирском окружении. Забываем, что потеря простоты – это грех.

Мой напарник Роман хотел спасаться в семье. Вначале попал к отцу Науму, который больше часа беседовал с ним (решали математические задачи по программе ВТУ им. Баумана). В заключении беседы он получил «благословение»: ехать в колхоз работать по специальности. К счастью, Роман неожиданно повстречал отца Кирилла и договорился с ним о встрече. В первый же приход свой он получил от отца Кирилла нужное наставление. Только вошёл он на порог, как Батюшка ему сразу сказал:

– О, Роман, тебе надо в монастырь.

Тот увидел отца Кирилла впервые, ничего ещё не сказав, получил неожиданный ответ на все его многие заготовленные им вопросы. Он не растерялся, а с готовностью ответил:

– Хорошо, Батюшка. А когда?

– Я тебе скажу.

Ровно семь лет Роман раз в неделю приезжал к отцу Кириллу, ждал, когда все пройдут, подходил последним. Зачитывал выписанные им на листочке грехи. Отец Кирилл, дослушав, произносил над ним разрешительную молитву. Ничего не говорил. Через семь лет неожиданно сказал: «Ну, всё. Тебе пора в монастырь. Собирайся». Роман спросил: «В какой?». После небольшого раздумья отец Кирилл благословил в Оптину Пустынь. Поработать там хотя бы месяц. Подойти к наместнику, архимандриту Евлогию, благословиться и попроситься. Там в 1990 году начинали восстанавливать монастырь. Роман взял отпуск и поехал. Сказал наместнику:

– Отец Кирилл благословил меня к вам.

Сначала поработал месяц. После чего наместник сказал ему, что его возьмут послушником. Он вернулся к отцу Кириллу. Передал ему сказанное наместником монастыря. Отец Кирилл возрадовался и говорит ему:

Восстановление разорённой Оптиной пустыни.

– Всё оставляй, и туда поезжай.

Он быстро выписался из квартиры и уже с 1990 года там, в Оптиной.

Больше двадцати лет Роман трудится в этом монастыре. Выходил за стены только один раз. Хоронить мать. Ни на постриг, ни на рукоположение он не рвётся. До сих пор он послушник. Несмотря на тяжёлые испытания, считает монастырь «домом родным». Видно – благословение и молитвенная поддержка отца Кирилла никогда его не оставляют.

«Вера есть основание, на котором строится вся духовно-нравственная жизнь христианина.

Мы должны так мыслить, чувствовать, и говорить, и поступать, как поступал Сам Господь и как Он заповедал нам в Евангелии, чтобы неверующие не укоряли нас, что мы живем не по вере».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Тот же Роман мне рассказывал, как он однажды стоял и ждал, когда отец Кирилл придёт. Обычно все его ждали возле проходной, чтобы вместе с ним войти. Люди с двух сторон стояли, посередине был проход. И вот идёт отец Кирилл по проходу. Роман стоит, как все, и думает про себя: «Какой же Батюшка бледный, худенький. Лицо у него худое.

Немощный, ветер дунет и унесёт его». Отец Кирилл, прозрев его размышления, проходя мимо него, нарочно так двинул его, что тот в сторону отлетел.

Был я свидетелем, как люди невольно опускались на колени при встрече с Батюшкой, как перед Богом, который изливал нам Свою любовь через этого старца. Любовь, которая согревает, успокаивает и от которой не хочется уходить.

Даже мой маленький пятилетний сын настойчиво просил у отца Кирилла:

– Хочу тоже исповедоваться.

Батюшка заулыбался:

– Ну, что ж, давай.

Миша подошёл к аналою и начал тихо признаваться:

– Я Ваню (брата) не обижал, – но тут же перешёл на неположенное, на громкие жалобы. – А Володя (другой брат) меня бил.

Отец Кирилл и все мы умиленно засмеялись. Такой радостный был первый опыт исповеди нашего ребёнка у отца Кирилла.

В Богоявленском соборе мы, работники, часто присутствуя на службах владык, имели о себе высокое мнение, грешили, осуждая начальство, особенно старосту. Разносили сплетни и необоснованные подозрения, и я, грешный, слушал, участвовал в них, пока не стал свидетелем благодарственного Молебна у иконы Казанской Божией Матери.

Собрались паломники в Иерусалим, редкое в начале восьмидесятых годов явление. Среди них и староста нашего собора. И вдруг через боковые двери входит отец Кирилл. Первым делом, улыбаясь, радостно подходит к старосте собора. С неподдельной любовью, целуя, обнимает его. В этот миг мы воочию увидели, что и этот, казавшийся нам неприятным человек, был для Батюшки самым дорогим человеком на земле. Трудно описать тот пример, урок явленной пред нами высокой Божественной любви. Эта сцена тронула наши сердца. Стыд за осуждения и сокрушение сердечное охватили нас. В свете этой любви стало больно за подозрения, недобрые слова, произнесённые нами в адрес нашего старосты. Отчётливо стала видна своя собственная нечистота. Так непреднамеренно, не словами, не укорами, а только явленной пред нами неожиданно любовью, обличил нас отец Кирилл.

Отец Кирилл относится ко всем одинаково, явно особо не выделяя никого. Помнит тысячи людей, всех сразу узнаёт и называет по именам. Всем неподдельно рад. Принимает всех без исключения. Не изображает никогда из себя значительную персону. Наоборот, чаще всего старается быть последним

среди всех. Всегда напоминает нам: «Основное – исповедь, покаяние».

«Неся крест свой, чаще всего имей в сердце твоем перед глазами распятого Господа. Неужели, воспоминая о том, чть претерпел Он для нашего спасения, не стерпишь и ты из любви и благодарности к твоему Благодетелю того малого креста, который приблизит тебя к Нему?»

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Встречи со старцем касаются и личных вопросов. Все мы, тоже просто, порой при посторонних спрашиваем Батюшку о своих нуждах. Так при мне пожилая женщина, не стесняясь, жаловалась на свои недуги, рассказывала подробно о своих немощах. Отец Кирилл, тоже не рисуясь, не говоря многозначительных, заумных, мистических фраз, указал той женщине простой способ – ехать лечиться в Трускавец, в санаторий.

Из рассказа знакомых, которые хотели поменять дом за городом на квартиру в Москве и не получили разрешения, знаю предпочтение отца Кирилла к тому, чтобы люди имели дом за городом, трудились на земле. Это полезно и духовно – возделывать пищу себе самим, трудиться, и на случай трудных времён иметь свой хлеб. Это спасительно для тела и души.

Моей жене отец Кирилл помог с больницей, при родах, и нарёк имя сыну. Причём сделал это интересным способом – положил письмо, где написано было имя нашему сыну, мне в карман.

Нашему небольшому православному коллективу необходимо было выйти из сложного конфликта с начальством, и мы обратились к отцу Кириллу. После нашего обращения к нему и молитв его о нас, у четырёх человек, ради общего блага, сохранения мира, появились силы одновременно уволиться по собственному желанию. Добровольно понести такое тяжёлое положение для себя очень трудно, для кого-то из них это было

и катастрофично, но после беседы с Батюшкой они смогли это сделать.

Отец Кирилл помог моей многодетной семье своими советами и молитвами получить квартиру, даже в центре города.

Когда отец Кирилл выходил, среди других священников и их было очень много, он внешне как бы терялся, самый невзрачный с виду был. Но самое интересное, что взоры всех были повёрнуты именно на него. Мне фотографию кто-то давал, там и в епископском облачении идут, ещё кто-то из важных архиереев. Батюшка сзади, никогда не лез вперёд. Даже на фотографии видно, что внимание у многих на него. По началу я его даже не узнал. Но всё равно моё внимание только на эту фигуру. Другие мне не интересны даже. Чувствуется духовное, дух чувствуется даже на фотографии. Причём, я даже тогда не знал, что это отец Кирилл. В этом что-то притягательное, необычное. Почему этот человек не лезет вперёд, не выставляется? Он же известен всем! А, да это отец Кирилл. Ну, поня-ятно...

Мне запомнилось произошедшее со мной на Пасху 1999-го года. Каюсь, я очень бурно отмечал праздник. Звонит наша знакомая и говорит, что отец Кирилл принимает в Переделкинском храме, во время Всенощной. Стало ясно, что отец Кирилл требует к себе. С покаянием и мыслью, что я обидел Бога и Батюшку, вошёл я в алтарь Спасо-Преображенского храма. Батюшка сидел справа от престола. Он с улыбкой, весёлой, но таящей в себе грозу, при виде меня даже привстал и обличительно произнёс:

– Ну, Георгий, ты даёшь!

Я упал на колени, пытался что-нибудь вымолвить. Отец Кирилл покачал головой, выдал мне и приговор:

– Вот тебе епитимья – не пить год.

Ещё отец Кирилл с горечью сказал:

– Смотри, держись. Водка всю Россию погубила.

С тех пор как отрезало, ни мыслей, ни желания даже у меня выпить не было.

Обычно отец Кирилл скрывает свои дары, не может он скрыть только любовь к людям, простоту и смиренномудрие своё. Всякий же ажиотаж вокруг себя он решительно разрушает. Разными способами: юмором над собой, самоуничижением или строгим выговором за это. Но его духовные дары обнаруживаются сами собой.

Однажды моя знакомая, прихожанка Богоявленского собора, полковник милиции, Раиса, попросила отвезти к отцу Кириллу свою дочь Людмилу. Её очень мучи-

ла грубость дочери, её уныние. Она перестала ходить в храм. Пребывала в злобном настроении.

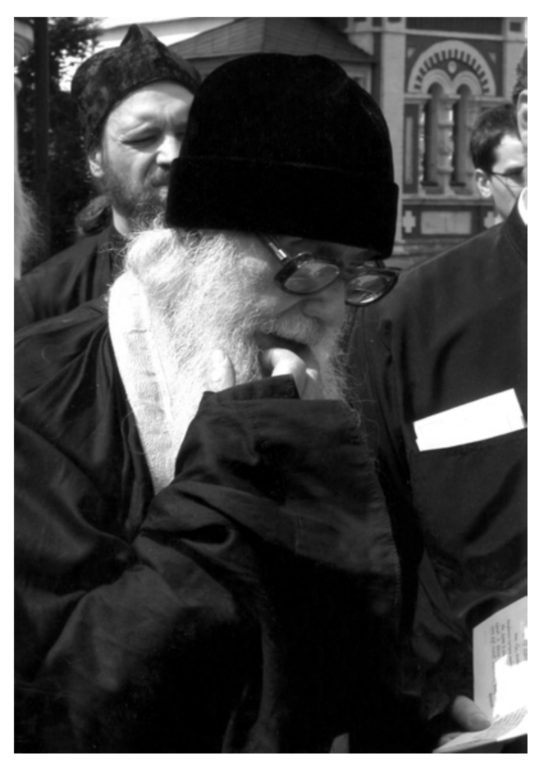
В ту нашу поездку в Троице-Сергиеву Лавру всё складывалось непросто. Как никогда долго, отца Кирилла задерживали дела. Он появился только к обеду. Люди истомились, а Людмила порывалась всё время уехать. После молитв к исповеди меня с маленькими детьми пропустили одними из первых. После исповеди я сказал отцу Кириллу, что раба Божия Раиса с дочерью просят принять. Мать просит побыстрей, из-за страха, что дочь не выдержит ожидания. Батюшка переменился в лице. Резко повернулся, спросил: «Где они? Зови скорее». Как будто давно их ждал. Приоткрыл я дверь в общую комнатку, где все ожидали, и крикнул: «Раиса и Людмила! Батюшка просит». Сам же с детьми вышел через другой выход.

Уже то, что Людмила в своём тяжёлом духовном состоянии дождалась этого момента, было чудом. Когда возникала духовная необходимость, Батюшка сам, вне очереди, вызывал по необходимости на исповедь и разговор.

Каково же было моё удивление, когда после их беседы с отцом Кириллом они вышли. Долго, потрясённые, они не могли ничего говорить. На следующий же день, при встрече, неожиданно Раиса осуждающе начала выговаривать мне, зачем я всё рассказал отцу Кириллу о них? Я был очень удивлён, так как никому о них не рассказывал и Батюшке ничего не говорил.

Оказывается, после того, как отец Кирилл позвал их к себе и никого не принимал, пока тем удалось пробиться к нему. Он усадил их около себя и сказал приветливо: «Вот! И юристы ко мне пожаловали. Ну, рассказывайте, какие у вас чины...». Несмотря на то, что они приехали в гражданской, обычной одежде, сам назвал их звания: «Полковник и капитан».

По рассказу Раисы, Батюшка с любовью, проникновенно отнёсся к ней, её дочери, и очень ободрил Людмилу. В конце разговора он спросил: «Ну, вы приедете ещё? Приезжайте». Большее действие, чем прозорливость отца Кирилла, произвела на них сама любовь Батюшки.



Тяжёлое состояние Людмилы после этой поездки исчезло на долгое время. Она смогла вскоре причаститься. В дальнейшем, как я знаю, они ещё два раза ездили к отцу Кириллу. Он долго и ободряюще беседовал с ними, с полным и сердечным вниманием к Людмиле. Мать с дочерью укрепились, стали постоянными прихожанами храма. Видно, такое внимание крайне было необходимо им. В таком вот чувствовании отцом Кириллом остроты, нужности помощи тому или другому человеку и состоит высшая прозорливость его.

Знакомые хотели продать дом в Семхозе и купить трёхкомнатную квартиру в Москве. У них было трое детей. Они пришли к о. Кириллу, а он им говорит: «А как же, когда трудности начнутся? С продуктами трудности настанут. Электричество, газ, отопление начнёт работать с перебоями... Где вы будете? Как сможете жить? У вас очень маленькие дети. Не надо продавать. Дом с земелькой обязательно нужно иметь». Они послушались. Через некоторое время тёща оставила им трёхкомнатную квартиру.

В назидание им Батюшка сказал, что настанет такое трудное время, которое надо будет переждать. Для этого желательно иметь всем дом за городом. Немногословно сказал. Другой бы философствовал, а Батюшка немного слов говорит, и всё. Они

простые, понятные. Эта простота от Бога, в которой заключена мудрость. Такое далеко не каждому даётся.

«Сейчас надо, чтобы верующие настраивали и готовили себя ко всевозможным испытаниям и скорбям. К этому идёт. Надо, чтобы не паниковали, не унывали и не отчаивались. И если Господь попустит какие-то испытания, нужно безропотно, с радостью и надеждой, со спокойствием в душе сподобиться Царства Небесного».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Оборачиваюсь на вторую половину 20 века, и среди всех великих невольно для меня выделяются две особые личности, которых искренне интересовал человек, ближний. Два одноименника: физиолог Иван Павлов и всероссийский духовник Иван Павлов (архимандрит Кирилл).

Его фотографии иногда уважительно появлялись даже в советских, богоборческих газетах. Для меня это было первой возможностью иметь дома фото дорогого духовника, но был и фальшивый, документальный фильм по НТВ про Батюшку.

Все исследования великого физиолога Ивана Павлова (сам он был подпольно верующим человеком) закончились попыткой его учеников скрестить в сухумском питомнике обезьяну и человека – **оправдать животную бездуховность человека, утвердить богоборчество**. Принизить человека до животного – опыт провалился. В газете «Советская Абхазия» за 30 г. очевидцы рассказывали о монстре, поросшем шерстью, обитавшем в далёких уголках Абхазии – результаты «удачного скрещивания», опыта по превращению человека в обезьяну.

Опыт же, вся деятельность духовника Троице-Сергиевой Лавры Ивана Павлова (архимандрита Кирилла) заставляет идти людей в обратную сторону – из животного, греховного состояния, через покаяние, возвращать в свой родной Божий образ. «Основное – исповедь, – не устаёт повторять отец Кирилл. – Через покаяние ближе продвигаться, идти к Богу».

Невозможно представить себе масштаба охвата и влияния на людей духовного руководства архимандрита Кирилла.

Отец Кирилл не только призывает, но и настраивает нас на покаянный лад, помогает каяться, исправляться, очищаться. Он сам являет нам такую простоту, за которой глубина мудрости – всё это перед тобой открыто, доступно, поучительно, понятно. От этого в людях раскрывается необыкновенная доверительность к нему.

Меня ещё поражало, когда отец Кирилл выходил, то первым делом со всеми начинал петь «Символ веры». Независимо от времени суток, и это очень удивительно было. «Символ веры» – это на самом деле паспорт для христианина. При этом он ещё просил: «Не кричите, давайте споём тихонько. Кричать не надо». И действительно, часто мы во внешнее уходим. Да ещё когда народу много. Каждому хочется участвовать голосом, а Батюшке важно, чтобы не голосом, а духом люди прочувствовали «Символ веры». Ему удавалось всех собрать и направить в нужное направление. Даже самые крикливые сдерживали себя. После этого ненадолго, но такая глубокая тишина наступала! Чувствовалось биение сердца каждого, по-

,настоящему возникало молитвенное состояние у людей. Такие чудные мгновения, редкие в нашей суетной, повседневной жизни. Мне всегда хотелось, чтобы такое состояние вечно длилось. Не хотелось уходить оттуда, и было как-то горько к житейской суете возвращаться. К обыденной жизни, к земным проблемам. Они утрачивали свой смысл, свою значимость. В

эти мгновения отец Кирилл, будто людей к самому Небу возводил. Не хватает теперь таких людей.

Он не нуждается в удивлённых похвальных рассказах о себе. Хотелось бы и нам быть такими, иметь в себе такую же простоту и чтобы как и в нём, при всех обстоятельствах не оставляли нас, покрывали добро и любовь.

Батюшка часто за наши грехи страдает, болеет, а мы каждый раз как-то забываем, что можно обойтись и самим, не накладывая на него свои тяжести и болезни. Правда, необходимость была иногда и острая. Иной раз и решишься сам превозмочь недуг или беду, а тут от лукавого как бы подавался сигнал. Звонит кто-нибудь из знакомых и рассказывает, где и когда можно попасть на встречу к отцу Кириллу. Соблазн срабатывает, и мчишься к Батюшке, взваливая на него не только свои, но и ворохи проблем от знакомых. Он же терпеливо выслушивает всех и обо всех. И всё пропускает через своё сердце.

Любое, самое простое слово отца Кирилла проникает в сердце, потом долгие годы лежит там и оживляет, а то и жалит душу в нужный момент, в момент совершения греха. Разные события происходят, и мы многое забываем. Когда в тебя стреляют сегодня, ты забываешь, что в тебя стреляли вчера.

Был я не раз свидетелем, как несмотря на большую усталость и занятость, Батюшка самоотверженно принимал нуждающихся людей. В конце 90-х и начале 2000-х годов в Переделкино отец Кирилл, не давая себе отдыха, приходил после службы в крестильню, небольшое помещение во дворе, и буквально

истязуя себя, исповедовал людей до отхода последней электрички. Он находился в центре крестильни, а народ плотным кольцом окружал его. Все терпеливо ждали. Никто не хотел уходить, потерять хотя бы слово, произносимое отцом Кириллом. В этой плотной толчее приходилось проводить по 2-3 и больше часов, но никого это не смущало. Радостно находиться в лучах Батюшкиной любви, и долго потом, после встреч, остаётся его любовь в сердцах наших.

Благодаря отцу Кириллу, стала мне понятна и вся история России. Прояснялось многое. Отец Кирилл не забывает в конце каждой почти проповеди напомнить: «**Времена сейчас последние**. **Трезвитесь, блюдите себя... Яко опасно ходите»...**

«В многосложной земной человеческой жизни встречаются разные обстоятельства, которые требуют, не считаясь со своим личным спокойствием, всей душой встать на защиту правду и закона; и вот высокое достоинство кроткого человека в том и открывается, что он умеет превосходно защищать святую правду и честь без всякого раздражения и страстного волнения».

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Священник Николай (Кравченко):

– Это был март 1994 года. В Сергиев Посад попал я довольно нечаянно, так как был активный военный тогда.

Получилось так. Уезжал я из Анадыря, оставляя опять маму одну. Она была старостой церковной общины. Попросила меня отвезти передачку в Сергиев Посад. Спросил я её тогда:

– Скажи, где это находится? Я не знаю.

– Это с Ярославского вокзала. Легко ехать, – ответила она, и я поехал.

Уже будучи по своим делам в Москве, нашёл я человека, который знал, где Сергиев Посад, и мы поехали с ним вдвоём.

Приехали. Стоим на Блинной горе. Для меня это было необыкновенное открытие. Сама Троицкая Лавра – это какой-то город в городе. Сказочный город!

У нас на Чукотке бывал отец Серапион из Лавры. Он с миссией туда ездил. Письмо и деньги за утварь были к нему. Нашёл я его. Он определил меня на временное жительство и спросил, сколько дней мне нужно. Ответил ему, дня два-три. Он назначил мне священника, о. Варлаама. Тот первый раз в жизни меня поисповедовал, была первая моя исповедь. Готовился я к причастию. Провёл ночь в храме, а утром вышел и стал искать, где умыться. Куда же пойти? Спросил. Мне сказали, что до туалета дойду и там есть вода.

До этого я от многих слышал: «Отец Кирилл, отец Кирилл...» Думаю, кто это такой? Отец Кирилл? Вот иду я утром, часов пять ещё было, или начало шестого. Ветер, холодно было. Смотрю идёт монах. Он закрывается от ветра мантией. В военной форме я был. Сказал ему:

– Здравствуйте, батюшка.

Он видно не слышал. Подошёл я к нему вплотную, прошу:

– Благословите.

Для меня ещё всё ново было, я только познавал тогда всё. Лавра для меня была незнакомой. Да и крестили меня в Анадыре за три года до этого, в 1991 году. Спросил я того монаха, что встретил:

– Батюшка, не подскажите, как найти старца Кирилла?

– Какого старца Кирилла?

Растерялся я, сказал:

– Все говорят есть здесь такой старец.

– Ой, да брось ты, — говорит. — Какой он старец, старик обыкновенный.

Вот тебе и раз, что такое? Все говорят старец, а тут его ругают. Говорю ему:

– Вы что, батюшка, все говорят – старец.

– Да какой он старец? Все они ошибаются, я же тебе говорю – обыкновенный старик.

Совсем не знаю, что и делать после этого, говорю:

– Ну, ладно, делать нечего. Не подскажете. Тогда извините.

Вдруг он спрашивает меня:

– Ты военный? Оружие есть?

– Нет.

– Ну, слава Богу, пойдём.

Пошёл я за ним.

Пришли мы в Троицкий храм.

– Было бы оружие сейчас, благословил бы, молитву прочитал на оружие. А если нет, то давай руки.

Подаю ему руки. Помазал мне руки и говорит:

– Благословляются руки, держащие оружие на защиту других людей. Смотри, как в Евангелии сказано: «Никого не обижай, довольствуйся своим жалованием».

– Слава Богу, – отвечаю.

Сам думаю: «Что он меня таскает?.. Обидел сначала, теперь водит меня за собой. Ну, ладно».

Уходя, говорю:

– Зовут-то вас как?

– Да, так, монах грешный Кирилл, – ответил он небрежно.

Тут только до меня дошло, что это сам отец Кирилл. Но я не знаю, о чём ещё говорить с ним, кланяюсь ему:

– Ладно, батюшка. До свидания.

Вдруг он меня спрашивает:

– Ты куда собрался-то?

– В Югославию.

Мне подписали уже всё, и отпуск уже заканчивался. Это был 1994-й год. Отец Кирилл говорит:

– Да нет. В Югославии без тебя разберутся.

Архимандрит Кирилл среди духовного воинства Валаамского монастыря.

Грешный, я усмехнулся, мол, у меня предписание. Куда я денусь. Всё уже. Сегодня же приезжаю и у меня скоро вылет.

Отец Кирилл говорит:

– Дома пригодишься.

И благословил. Потом сказал:

– Только имей в виду, дома тяжело будет. Ну, ты всё помни и приезжай в Лавру. Ладно?

– Хорошо говорю, Батюшка, как скажите.

Выхожу и думаю, чего он понимает? Есть приказ, по приказу вылет. Приказ подписан. Хоть ты так, хоть эдак... Всё равно поедешь в том направлении, куда тебе предписали.

Прибываю я в своё расположение. На Кавказ прибываю. И тут приходит человек и начинает вести отбор. Отбирает 11 человек, нас было около 44. В эту группу попал и я. Тот, что

отбирал, сказал, что остальные все едут в Югославию, а мы остаёмся.

Дальше мы непосредственно поступили в распоряжение команды. Наша задача была обеспечить работу групп, находящихся в Чечне. Тех групп, которые находились там задолго до начала войны. Когда там ещё сектора были и воевали они между собой. Там уже война шла в полный рост.

При постоянном общении со Спасителем нашим, будет постоянно озаряться светом истины, добра и душа жесткая, ожесточенная. Господь Иисус Христос Своим божественным словом, Своей силой вызовет из неё добрые начала, кроющиеся в ней, возбудит в ней любовь к истине и святости и мало-помалу сделает человека сыном света.

Так всякий из нас может и обязан в своей жизни и деятельности уподобляться Богу Свету, каким бы ни представлялось нам трудным и невозможным это уподобление.

Архимандрит Кирилл (Павлов)

Один острый момент был в Грозном, когда наша пехота попала в окружение.

Так это описано в публиковавшейся статье «Чукча-снайпер».

«...Бэтээры медленно продвигались по улицам Грозного – сизым от гари и словно вымершим. После адского грохота первых часов боя наступившая тишина казалась неестественной. Было слышно даже потрескивание горящих деревянных перекрытий. Разбомбленные здания напоминали скелеты гигантских доисторических животных. Бойцы застыли на броне, сжимая в руках автоматы и гранатомёты, тревожно всматриваясь в город.

На броне первого бэтээра сидел лейтенант Николай Кравченко и просматривал дорогу. До Чечни за его плечами был солидный багаж: Афганистан, Сумгаит, Абхазия. К моменту взятия Грозного он, известный в войсках под прозвищем

чукча-снайпер, командовал разведвзводом спецназа ВДВ.

В окуляр прицела он увидел, как вдалеке, из подвалов и подъездов, на улицу выбегают женщины и, образуя тут же толпу, несутся навстречу колонне.

– Что там, командир? – в люк протиснулось туловище прапорщика Гаврилова.

– Похоже, бабы...

А они мчались вперёд и в исступленной радости кричали:

– Наши! Наши-и!

– Похоже, русские... – сообщил бойцам Кравченко.

Русский солдат в Чечне. 1998 г.

Были тут и девчонки, и молодые, и средних лет, и пожилые женщины. Бежала юная голубоглазая красавица, чьи длинные русые волосы развевались на ветру. Бежала полная женщина в наспех застёгнутом пальто, с округлым крестьянским лицом в обрамлении чёрной траурной косынки. А позади всех, с трудом передвигая ноги, обутые в валенки и калоши, поспешала совсем древняя старушка с клюкой.

– Наши! Наши-и!

Спрыгнувший с брони Николай стоял и смотрел только на эту старушку, ковылявшую позади всех. Женщины пронеслись мимо него, словно он был невидимый, и повисли на шеях, руках, плечах растерявшихся бойцов, плача от радости.

– Наши! Наши! Родненькие вы наши!

А старушка наконец доковыляла до него, уткнулась сморщенным, умытым слезами лицом в живот. Стояла и плакала. Потом подняла глаза и сказала:

– Милые, что же вы так долго ехали? Мы вас три года ждали. А вы нас бросили.

– Нет, бабуля, мы вас не бросили... Мы тут, как видите... – ответил Николай и, стараясь пересилить застрявший комок в горле, чтобы не расплакаться, ласково погладил бабушку по согбенной спине, прикрытой стареньким пуховым платком.

– Слава Богу, – глубоко вздохнула она. – Слава Богу! А то наших мужиков-то поубивали...

– Столько лет прошло, а эта старушка до сих пор у меня перед глазами как живая, аж сердце от боли сжимает, – рассказывает отец Николай. – В то время в средства массовой информации была брошена утка: дескать, эту ненужную войну развязали олигархи из-за нефтяной скважины. Так вот, ради этого момента я готов был асфальт зубами грызть, и если бы мне руки-ноги оторвало, я бы всё равно полз, языком нажимал бы на курок и стрелял – ради этой бабушки!.. Мама у меня тоже с палочкой ходит...

Перед тем как распрощаться с женщинами, бойцы отдали им весь свой запас провианта. А через несколько часов после этого, им пришлось ввязаться в тяжёлый бой...

Разведгруппа укрылась от преследовавших её «ичкерийцев» в полуразрушенном здании университета, что недалеко от площади «Минутка».

Здание содрогалось, словно огромный улей, от свиста пуль и взрывов. На одном из этажей спецназовцы наткнулись на пехотинцев-срочников, мальчишек-новобранцев, также нашедших здесь пристанище. Какие они бойцы? Никакие практически. Командир пехоты едва не прослезился: «Вы как раз вовремя! У нас только что кончились патроны!»

В этом кипящем котле оборону держали целые сутки. Лейтенант Кравченко, за меткий глаз и твёрдую руку прозванный чукчей-снайпером, отстреливался из своей винтовки от чеченских «коллег». А в коротких передышках, в столь непривычной для уха тишине, вспоминал свой родной, такой далёкий посёлок Ламутское на берегу Охотского моря, да в глубине души жалел этих сопливых пацанов, ждавших от спецназовцев, словно от старших братьев, защиты. Свои звёздочки на погоны Николай получил в тридцать лет, после того, как окончил ускоренные офицерские курсы. И сразу написал рапорт – в Чечню. Под стать ему были и его товарищи из десантной группы.

– Через сутки стало ясно, что подмоги не будет, а патроны на исходе, у многих появилось чувство обречённости, – вспоминает отец Николай. – Смотрю на площадь, прорваться через которую было невозможно. Вся она находилась под обстрелом. И тогда я взмолился, верно, первый раз в жизни, как мог, от себя. Говорю: «Господи, сделай так, чтобы мы вырвались живыми из этого ада! Если эти бойцы живы останутся. Если останусь жив, я либо построю храм, либо буду участвовать в постройке храма».

Настоятель Грозненского храма священник Анатолий Чистоусов, замученный бандитами в Чечне.

Оказавшись в безвыходном положении, спецназовцы и офицер-пехотинец посовещались и решили пойти на прорыв чеченского окружения, хотя уверенности, что кто-нибудь останется живым после такого безумного прыжка, не было. Тем более – с этими молодыми срочниками, от которых, по словам Николая, за версту мамкиными пирожками пахло. И они рванули – со штык-ножами и арматуринами – навстречу превосходящему их по численности противнику, вооружённому автоматическим, оружием.

– Когда мы прорывались вместе с ними, вокруг творилось что-то несусветное. Сплошной огонь и разрывы.

– Христос Воскресе! – неожиданно для самого себя крикнул Николай, выпрыгивая из оконного проёма.

– Ур-ра! Христос Воскресе! – подхватили его товарищи и посыпались следом как горох...

– Ур-ра! Христос Воскресе! – бежали они плотной толпой, плечом к плечу со своим командиром, настигая и круша спины и головы моджахедов.

– Ур-ра! Христос Воскресе! – заскочили в остатки полуразрушенного здания.

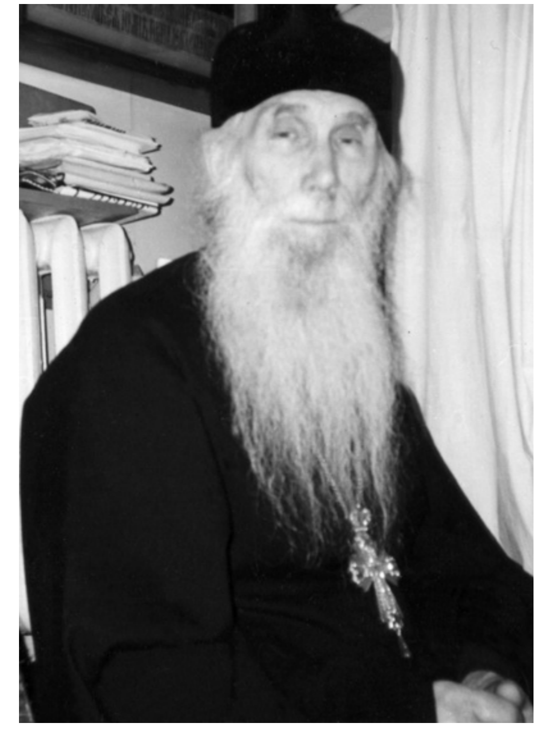
Сырой полумрак помещения вдруг заполнился заунывным воем – «Аллах акбар», от которого стыла кровь в жилах. Чечены повалили, казалось, отовсюду – сверху, спереди, сзади. Белозубо щерились искажёнными от ненависти тёмными бородатыми лицами. Схлестнулись с русскими в карусели ярости, боли и смерти.

– Христос Воскресе! Аллах акбар! – смешалось в едином хоре...

Выстрелов уже не было, слышались лишь боевые выкрики, удары прикладов и металла о человеческую плоть, предсмертные хрипы заколотых и задушенных, хруст костей и проломленных черепов... '

И они прорвались. Все до единого. Прорвались без потерь. А потом бежали в свете луны – плотным строем, как на очередном марш-броске – по пустынным улицам Грозного. И вскоре уже «зализывали» раны в расположении российских войск...

Через несколько месяцев, во время краткосрочного отпуска, Николай оказался в Москве и решил съездить в Сергиев Посад, снова повидаться с прозорливым старцем Троице-Сергиевой Лавры отцом Кириллом (Павловым), Героем Советского Союза, который во время Великой Отечественной был участником обороны Сталинграда». *(Андрей Полынский, «Чукча-снайпер»)*.

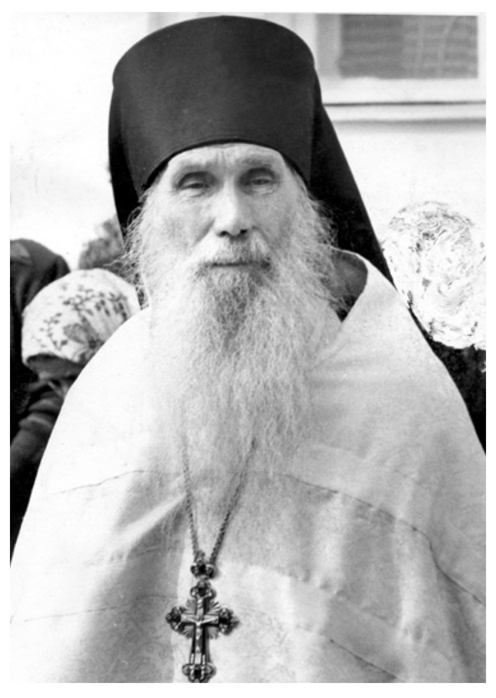


Отец Николай продолжает свои воспоминания:

– При разговоре с отцом Кириллом, я тогда находился под его отеческой опекой, он сидел и внимательно меня выслушивал, рассказал я ему и об этом моменте, а он вдруг спрашивает меня:

– Слушай, Николай, а ты ничего Богу не обещал?

– Нет вроде бы, – отвечаю.



– А ты подумай, вспомни, может, что обещал Богу? В Грозном может быть что пообещал?

И, наконец, я вспомнил и признался ему:

– Да, был такой случай. Пообещал я участвовать в постройке храма или построить самому.

– Надо исполнять, – строго указал мне Батюшка.

– Сейчас поеду домой, найму кого-нибудь. Успею с мужиками какую-нибудь часовенку построить.

– Это не совсем то, – возразил отец Кирилл. – Построите даже церковь, а кто в ней будет служить?

– Священника пришлют.

– Там не будет священника.

Потом, чуть приблизившись ко мне, отец Кирилл тихо, но очень отчётливо сказал мне:

– Ты вначале построй храм в душе своей.

Ещё немного помолчав, он определённо задал мне неожиданно труднейшую задачу:

– Священником надо становиться, священником и больше никак.

Что делать? Я же обещал. И вот с этого момента во мне что-то повернулось. Это направление пошло, пошло... Как бы само собой. До сих пор я это помню и тружусь над этим.

Когда я через какое-то время снова в отпуск поехал домой, то заехал в Сергиев Посад. Думаю надо зайти к отцу Кириллу, доложить, что такой-то прибыл, как обещал.

Приехал, а Батюшки не было, и я собрался уезжать. Тут вечером прошла информация, что отец Кирилл приехал, и будет принимать всех в домике. Пришёл я туда, а там уже целая толпа людей стояла. Думаю, ну что я буду рваться? Человек сто, наверное, было. Думаю, что никого я тревожить не буду. Поеду себе обратно в Москву, а там – в аэропорт и домой на Чукотку. Да и что я скажу? Так у меня всё нормально. Передам ему записочку на проходной, что приезжал. Но получилось по-другому.

Стоял я в конце. Вышел келейник Батюшки. Тут началось такое волнение: все начали крутиться, порываться вперёд. И так оказалось, что у дверей первым оказался я. Меня затолкали вперёд. Как я первым оказался? Тут дверь открывается. Захожу. Был я в форме. Увидев меня, отец Кирилл радостно встретил:

– А! Николай, заходи.

Удивился я, почему он меня помнит?

– Ну, что, как? Ты подумай, может быть, твоя война закончилась?

– Да нет, – говорю я. – У нас в бригаде я один профессионал.

– Это всё правильно, всё хорошо, – не отступает отец Кирилл. – Но тебе надо становиться священником.

Честно говоря, я засмеялся:

– Батюшка, какой из меня священник? Вот кому ещё в морду дать, так это могу, а по-другому у меня не получится.

Отец Кирилл засмеялся, но не отступает:

– У тебя другого выбора нет.

– Это почему? – взъерепенился я.

«Поклонюся ко храму святому Твоему в страхе Твоем».

– Нет, — уверенно повторил Батюшка. Памятуя, как он меня поставил в своё время на место, соглашаюсь:

– Ладно, я спорить не буду.

Он мне неожиданно предлагает:

– Ты поживи в Лавре немножко.

У меня был длительный отпуск по ранению.

– Поживи, – опять ласково предложил Батюшка. – Ты к такому заключению сам придёшь.

Прожил я, наверное, месяц где-то. Мне уже уезжать пора. И буквально, как говорят, «проснулся священником». Утром встал и сам с собою начал разговаривать. «Кто, если не я, будет молиться за наших ребят? Точно, поимённо их всех помню. И живых и мёртвых». Ходил, ходил я по коридору и думаю, что надо идти к отцу Кириллу.

Прихожу, братия стоят возле его кельи, ждут. Постоял, дождался своей очереди, захожу. Рот ещё не раскрыл, как Батюшка меня спрашивает:

– Ну, что? Ты пришёл к решению?

Пока, ничего не понимая, машинально отвечаю:

– Да.

– Говорю тебе, что другого пути у тебя нет.

«Вот и попал... – думаю. – Что делать?..».

А Батюшка продолжает:

– Давай читай, побольше ходи на службы. Сейчас я попрошу, чтобы тебя пономарём взяли. Монахом пойдёшь?

– Нет, не пойду! Чего мне монахом делать-то? – со страхом возразил я.

– Тогда, ищи невесту себе.

Вот так и получилось.

Пономарил я два с половиной года. На тот момент это был меньший срок.

Задал я как-то вопрос отцу Кириллу:

– Как мне быть с моими внутренними неустройствами?

Батюшка ответил так:

– Читай Евангелие. В Евангелии всё есть.

«Ну, ладно, – думаю. – Евангелие хорошо».

И все-таки надумал я убежать из монастыря месяца так через четыре, как я приехал в Лавру. Хотел уехать совсем. Устал, тяжело перестраиваться было. Отца Кирилла не было. Взял благословение у священника. Он спрашивает:

– Отец Кирилл благословил уезжать? Благословляю тебя только туда и обратно.

– Хоть так, – возблагодарил я.

Отец Кирилл с братией монастыря.

Архимандрит Кирилл служит в Троицком храме Лавры.

Туда ехал хорошо. А вот там, на месте не получилось надолго остаться, как я хотел. В первый же день, по прибытии в Чечню, меня ранило. Из госпиталя сбежал. Думаю – нехорошо. Надо, всё-таки, съездить в Лавру, взять, как положено, благословение у отца Кирилла. Иначе ничего хорошего не будет.

Когда я обратно ехал, еду в поезде, открыл Евангелие. Помолился, как Батюшка сказал: «Ты молись, читай Евангелие, и всё будет устаиваться по-хорошему». Перед чтением попросил: «Господи ответь мне на мои метания. Укажи, что мне делать?». Открыл я Евангелие и читаю вот на каком месте: «Пребывайте в Святом граде, доколе не облеку вас свыше». Обомлел я. Сижу и думаю: «Понятно же! В Святом граде – это и есть в Сергиевом Посаде. Надо быть там до тех пор, пока Господь не покажет Сам, куда мне дальше идти». Вот и всё, вопрос решился.

Потом опять замутило меня. Снова захотел уехать, вернуться обратно в часть. К прежнему вернуться. Прихожу к отцу Кириллу, говорю:

– Всё, Батюшка, бросаю. Благословите, я уеду.

– Подожди ещё два дня. Завтра сочельник. Приходи ко мне девятого.

Согласился я, но про себя решил до Рождества уходить. Пришёл к отцу Кириллу на следующий день в сочельник и говорю:

– Батюшка, я ухожу.

Он коротко, хмуро взглянул на меня, попросил:

– Подожди. Завтра у нас Рождество! Вот после этого. Приходи 9-го.

– Батюшка, – взмолился я. – Да какая разница? Что два дня дадут?

– Дадут, дадут, – ответил отец Кирилл и выпроводил меня. Напоследок напомнил:

– Девятого приходи.

Ушёл я недовольный. Всё уже собрал. И вот, на тебе!..

На следующий же день, 8 января я познакомился с девушкой – студенткой регентского отделения Семинарии. Встретился со своей невестой. Девятого числа, как и договаривались, я прихожу к Батюшке, а он меня сразу с порога спрашивает:

– Ну, как – нашёл?

– Нашёл, – отвечаю я.

– Ну, вот видишь? – улыбаясь, легонько укорил меня отец Кирилл в моей настырности.

Троице-Сергиева Лавра. Служба на Рождество. 1998 г.

А я всё в себя прийти не могу: откуда думаю, он опять знает, что нашёл я девушку? Я ведь ему ещё ничего не сказал.

Так дальше пошло.

Пономарил я может ещё полгода, наверное. Пока окончательно не пришёл к заключению, что надо становиться священником. Невесту мне благословил отец Кирилл. Она не из Сергиева Посада. Полгода я уже был с ней знаком.

Главное что? К вере я пришёл. Вот моя дверь, в которую я вошёл. Почему другую дверь искать? Господь указал же: «Вот, Я пришёл этой дверью». Он привёл меня. Чего же я должен бегать, искать? Здесь душа покойна. Что еще надо?.. Отец Кирилл поучает, как искать духовного отца: «Подойди к одному, к другому, к третьему, пятому, десятому священнику. Посмотри, кто больше всего отвечает твоему духовному росту? И всё. Полностью отдавай ему себя. Выбрал – значит, не бегай. Если надо, Господь Сам тебя переведёт к другому руководству». К тому же, Батюшка дал мне ставленническую на дьякона и на священника. До сих пор многие не верят, спрашивают:

– Кто?! Отец Кирилл подписывал?

– Да, отец Кирилл.

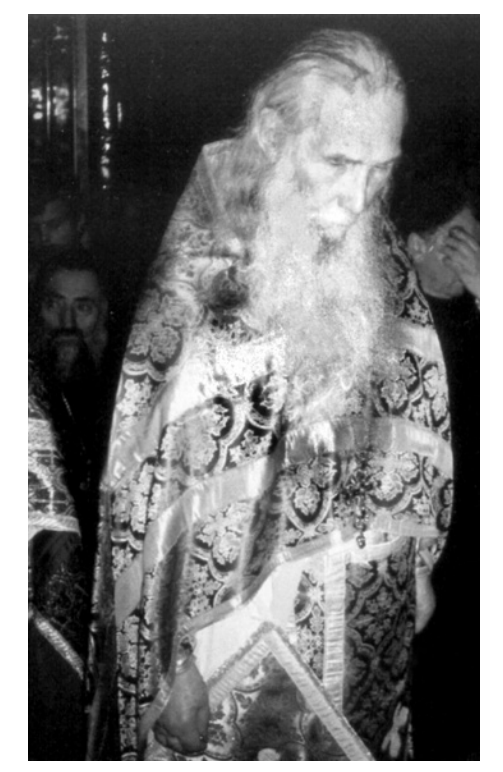
Это и ответственно!

Произошёл один запомнившийся случай. На праздник Троицы. Был я тогда звонарём в Лавре. Мы отзвонили и спустились вниз. Людей было очень много, и мы попытались зайти в Троицкий собор через Никольский придел. Тут подбегает к нам человек. Запальчиво говорит:

– Здравствуйте! Мне нужен... Иван Павлов. Павлов мне нужен!

– Павлов?

Мы не сразу сообразили, кого он имеет в виду. Потом, уразумев, подумали, что он из числа поклонников Батюшки. Один из тех, которые хотят что-то выяснить у отца Кирилла. Или что-то решить с ним. Не во время, вроде бы. Большой праздник, народу столько! По виду проситель был явно не из духов-



ной категории людей. Да, к тому-же, такой напористый.

– Батюшка там, наверху. Мы сами хотим туда пробраться. Да вот не знаем как, – ответил я ему.

– Я видел, что он туда зашёл с другими священниками.

– Если пройдём, что передать-то отцу Кириллу? – спрашиваем.

– Скажите, что татарин ищет его.

– Какой татарин?

Он достаёт старую военных лет фотографию, показывает и говорит:

– Вот я, вот Павлов, вот это наш друг и я его ищу. Может он, что знает о нём?

Дальше показывает и объясняет:

– Вот Рокоссовский. Это нас награждали.

Я просто был в шоке. Стою онемевший.

Пробрались мы наверх через густую плотную массу людей. Заходим в Алтарь. Отец Кирилл уже разоблачается, уставший. Сообщаю ему об ожидающем его:

– Батюшка, вас там внизу ждёт человек. Хочет судьбу одного из ваших друзей узнать.

Отец Кирилл, продолжая разоблачаться, не разобрал, спросил:

– Каких ещё друзей?

– Не знаю. Он на старой фотографии его показывал.

– А как он себя назвал?

– «Татарином» назвался.

Надо было видеть его преображение!

– Татарин?! Где? Ведите меня к нему! Где?!..

Мы быстро спустились вниз. Я указал на обратившегося к нам.

– Вот он.

Они крепко обнялись. Точнее сказать, сцепились в крепком взаимном объятии. Потом молча разглядывали друг друга. Постояли, похлопали ещё друг друга и стали живо разговаривать.

После этой истории, я уже не сомневался. Были разные публикации, что он де «не тот Павлов». Этот «татарин» был в доме Павлова. Один из тех, кто там был. Про него писали. Для меня эта встреча у меня на глазах , – самое главное доказательство! Этот человек, с которым отец Кирилл встретился. Эта вот встреча. И военные доказательства – фотографии. Мне сразу стало наглядно и ясно – вот кто он такой, отец Кирилл в прошлом. Просто смеюсь над глупостью, когда пытаются кого-то обмануть. Когда, к примеру, тот лживый заказной фильм на НТВ состряпали. Показали участникам тех боёв фотографии восьмидесятилетнего отца Кирилла и спросили их:

– Кто это?

Те ответили:

– Мы не знаем.

Дешёвая комедия! Вы какую фотографию показали? Где старый человек с бородой. Почему вы не показываете фотографии тех лет 1943-46 годов? Почему не показали ту, каким он в памяти у них остался? Покажите мне лет через пятьдесят фотографию моего одноклассника, и я его не узнаю. Тоже скажу: «Я не знаю этого дедушку».

По сей день пребываю здесь, служу, очень трудно мне и сейчас. Особенно с подчинёнными. Большую часть жизни я прожил военным. Потом стал священником. В армии намного проще и доходчивей всё происходит. Иногда легче накричать, силой, приказом заставить. Порой кому-нибудь легче дать по

шее, чем трое суток ему объяснять, и он всё равно ничего не поймёт, или притворится, что не понимает. Надо иногда просто резко одёрнуть и всё. А через беседы, убеждения... Всё долго. Результата никакого. Приходишь в отчаяние. Бывают моменты, когда начинаешь понимать, что маловато и во мне ещё настоящей духовности. Больше во мне военного человека, мирского, советского.

Часто бывает, что приходят на исповедь и говорят тебе:

– У меня духовник есть.

– Хорошо, очень хорошо.

– Да я у него спросила: мне нужно сделать то-то. Он сказал, что это неправильно. Я пошла у других спрашивать.

Отвечаю ей с горечью:

– Знаешь что, миленькая? Сколько спросишь, столько у тебя и будет ответов. Попробуй разберись тогда в них.

– Я пойму, соображу уж.

– Давай делать то, что тебе сказали.

– Но мне это не подходит!

– А зачем тебе тогда духовник? Духовник – это духовный наставник. Сказал тебе иди налево – иди. Скажет направо – иди направо. Скажет, иди вверх – иди. Скажет, иди по воде – иди по воде.

Ушла недовольная и мной. Вот и весь разговор. Капризные мы стали, нахрапистые. Поэтому у нас всё и наперекосяк. Кто в лес, кто по дрова. От того и немощные. Ничего хорошего у нас не происходит. Всё и все в разлад. Ни терпения никакого, ни воли, ни послушания... Все себе генералы. Без генералов воевать можно, а без солдат не получится.

Потом всё меньше и меньше стал я видеть отца Кирилла. Сейчас никакой связи визуальной с ним нет. Его перевезли отсюда из Сергиева Посада в Переделкино, и это очень большой урон для братии Лавры, для всех нас, духовных чад его. Сложно и мне найти такого духовника, которому я мог бы доверять, чтобы я мог воспринять даже в приказном тоне, как с

отцом Кириллом. Недаром, он – Герой Отечественной войны! Я жил военным и привык ориентироваться на мнение компетентных людей. Есть у меня хороший священник, которому я доверяю, исповедаюсь у него, но это не то. Он моложе меня на год. Начинает он говорить, а во мне сразу помысел, что я то же священник, и я заранее знаю, что он скажет. И он понимает, что я его старше. От этого он стесняется мне сказать: «Делай вот так! И всё». Если и скажет, то воспринимать это тяжело. Такого духовника, как отец Кирилл, мне особенно, очень не хватает.

Мне бы с ним встретиться, поговорить, накопилось много вопросов личного характера. Тяжело мне на данном этапе без советов, без руководства Батюшкиного. Хотелось бы с отцом Кириллом поговорить и что-то решить для себя, как раньше. Есть желание попасть к нему, а не получается. Всё время препятствия какие-то. В то же время, есть ещё тот запас, который он вложил в меня, пока есть, пока не на исходе. Естественно, я молюсь за него и сразу чувствую связь с отцом Кириллом.

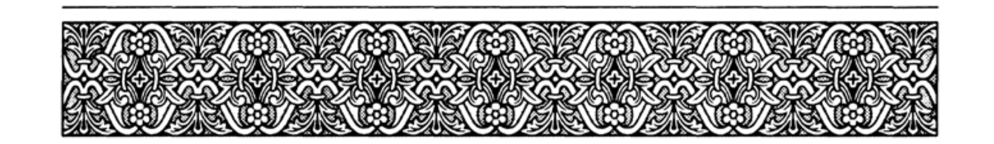
Воскресение Христово есть верное свидетельство о воскресении с телом духовным, нетленным. Воскрес Христос из мертвых – и наше воскресение становится несомненным, наша надежда становится несокрушимою. Воскресение Христово находится в неразрывной, органической связи с нашим воскресением. **Христос воскрес из мертвых, первенец из умерших. Ибо, как смерть через человека, так через человека и воскресение мертвых. Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут, каждый в своем порядке.** *(1 Кор. 15, 20—23).* ***Итак, Воскресение Христово есть утверждение нашей надежды, величайшее торжество её.***

Будем всегда помнить Воскресение Христово – торжество из торжеств, и этой истиною будем окрылять себя в вере, надежде и любви. С несомненною верою в наше будущее воскресение за всё всегда будем благодарить благодетеля Бога, с несомненною верою во всё возвещённое нам

Благословение Батюшки.

***в святом Евангелии, и в последний раз от всего верующего сердца скажем:* «Христос воскресе!»** Аминь.

Архимандрит Кирилл (Павлов)



СОДЕРЖАНИЕ

<u>СТАРЕЦ</u>

АРХИМАНДРИТ КИРИЛЛ (ПАВЛОВ)

Автор и составитель **— священник Виктор Кузнецов.**

Компьютерный набор: Андрей Васильев, Лариса Жеребцова, Ольга Копонова, Татьяна Панкратова.

Корректура: Зоя Симонова.

Организационная поддержка — монахиня Сергия (Макарова), Александр Сельянов.

*Благодарных читателей
просим помолиться о рабах Божиих:*

Т. бол. архим. Кирилле, иерее Викторе, Павле, Владимире, Наталии, Александре, Михаиле, монахине Сергии, монахине Таисии, матушке Лидии, Ларисе, Андрее, Ольге, Татьяне, Зое, Петре.

Свои отзывы и предложения о книге можно передать по тел.: 8 (495) 670-99-92.

Подписано в печать 19.05.2012. Гарнитура «Петербург», «Академия».
Формат 60х90/16. Объем 27 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 7 000 экз. Заказ № 1206931.

«Заботы века сего затмевают самую существенную заботу и цель нашей жизни — озарение души светом Христовым, её спасение и уготование к Вечному Царству. Будем трезвиться, чтобы войти в Небесный чертог и сподобиться от Господа вечных благ.

Сейчас надо, чтобы верующие настраивали и готовили себя ко всевозможным испытаниям и скорбям. К этому идёт. Надо, чтобы не паниковали, не унывали и не отчаивались. И если Господь попустит какие-то испытания, нужно безропотно, с радостью и надеждой, со спокойствием в душе сподобиться Царства Небесного».

Архимандрит Кирилл (Павлов)